

Иван Ильич

**МИР ПЕРЕД
ПРОПАСТЬЮ**

Политика, хозяйство
и культура
в коммунистическом
государстве

Часть I и II

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
2001

И.А.ИЛЫИН

Собрание сочинений

**МИР ПЕРЕД
ПРОПАСТЬЮ**

**Политика, хозяйство и культура
в коммунистическом государстве**

Часть I и II

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
2001

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Художник
Л. Ф. Шканов

Ильин И. А.

И 46 **Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Часть I и II/ Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 2001. — 528 с., 1 л. ил.**

В данный том вошли две части из трех капитального труда «Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве», где дается всесторонний анализ итогов большевистского правления в России в 1917—1930 гг. Вдохновитель, редактор и основной автор книги — И. А. Ильин.

На русском языке публикуется впервые.

ISBN 5 — 268 — 00418 — 2
ISBN 5 — 268 — 00486 — 0

УДК 1/14
ББК 87.3

© Лисица Ю. Т., 2001 г., составление и комментарии.
© Шканов Л. Ф., 2001 г., оформление.
© Издательство «Русская книга», 2001 г.

Welt vor dem Abgrund

Politik, Wirtschaft und Kultur
im kommunistischen Staate

Nach authentischen Quellen.

Ein Sammelwerk bearbeitet und herausgegeben von
Univ.-Prof. Dr. Iwan Iljin, früher Moskau.

Eckart-Verlag, Berlin-Siegilitz / 1931

НАПУТСТВИЕ

Автор этой книги и его сотрудники — русские, коим присуща любовь к народу и Родине. Питательной средой для книги послужил круг людей, приверженных вере в великое будущее русского народа.

События последних десяти лет в России создали ряд проблем для всемирной истории. Пусть сами эти события и обстоятельства их возникновения еще долго будут ждать своего достойного исследователя, однако при этом ни одному народу не уйти от ответа на вопрос о том, какие последствия имели произошедшие на русской земле события, не укладывающиеся в рамки общемировых, для его собственной государственной жизни, его культуры и экономики. Потому что последствия коммунистической диктатуры в России и полученный там опыт серьезно затрагивают и другие народы.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо было выверить результаты, достигнутые коммунистической диктатурой за 13 лет ее правления в СССР, и показать, каково же в действительности положение дел сегодня в главных областях русской жизни. Такая задача поставлена в книге профессора Ивана Ильина и его сотрудников.

Читатель сам вынесет свое суждение и определит свое отношение к поставленному вопросу.

А господина автора и его сотрудников надо поблагодарить за эту работу, которой они сослужили добрую службу всему миру. Чувство ответственности, с которым они обращаются со страниц этой книги к читателю, говорит о том, что это путь к истине.

*Барон В. фон Врангель¹
Берлин, декабрь 1930 г.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Цель этой книги состоит в том, чтобы открыть читателю область нового вещественного опыта и побудить его к самостоятельным наблюдениям или исследованиям в этой области. Нынешняя Россия в том виде, как она на самом деле выглядит и живет, — воистину подходящая почва для того, чтобы пересмотреть кое-какие прежние понятия и сделать достоянием человеческой культуры новые. Путь тут только один: отмечать и описывать факты такими, как они есть; ибо сами факты говорят присущим им мощным языком, который уже сам по себе способен высветить всю серьезность и смысл происходящего.

Этот сборник построен целиком на описании событий. Сведения в нем почерпнуты из двух источников: из подлинных высказываний основателей нынешней России и из непосредственного опыта авторов.

Справедливость принципиально требует, чтобы людям, творящим историю, была дана возможность самим высказаться о своих целях и стремлениях, своих желаниях и методах работы, а также о результатах своих трудов. Разумеется, не всякое человеческое намерение становится делом; но у людей воли, каковыми, без сомнения, являются коммунисты, смысл достигнутого можно установить, лишь доподлинно узнав их намерения. Что же касается объективного заключения при оценке успехов и неудач, конечно же, вряд ли следует ожидать, чтобы страстные борцы, каковыми, несомненно, являются коммунисты, были способны на объективное описание и объективную оценку исторических результатов своей деятельности. Однако неизбежный субъективизм их описаний и сведений вовсе не является непреодолимым препятствием для установления объективной истины; напротив, существуют методологические правила и способы, применение которых здесь, так же как и в других случаях, помогает устранить невольную субъективность сведений и их намеренное затушевывание.

В нашем случае особенно приходится учитывать следующие условия и требования:

Во-первых, исследователь должен основательно владеть русским языком. Вся советская литература (газеты, журналы, стенографические протоколы, книги) должна читаться и быть верно понята в подлиннике и в первоначальной редакции, предназначенной для использования внутри страны. В соответствии с этим принципом в предлагаемом сборнике взяты и цитируются исключительно подлинные русские источники; а цитаты с величайшей добросовестностью переведены на немецкий язык¹.

Во-вторых, исследователь должен обладать возможностью объективно и верно оценивать довоенное и до-революционное положение в России. Всякое более позднее историческое явление вообще нельзя постичь, истолковать и оценить вне связи с предыдущей ситуацией. В истории человечества господствует закон относительности. Наивное наблюдение с оценками на основе чистого разума — отношение к данности абстрактно «как таковой», подрывает суждение человека и рождает лишь недоразумения.

В-третьих, исследователь должен учитывать, что волевой и со всею страстью борющийся человек в описании своих успехов вряд ли будет склонен к пессимизму; он недооценит имеющиеся трудности, отсутствие возможностей и неудачи и переоценит свои «завоевания». То же происходит и с коммунистами.

В-четвертых, исследователю не следует упускать из виду, что эта оптимистическая манера наблюдения всегда в большей мере относится к настоящему и будущему, чем к недавно пережитому прошлому, которое при революционном темпе жизни очень скоро отстывает в

¹ Мы сочли неверным изменять стиль подлинных высказываний и манеру выражаться: так же непривычно и нелепо они звучат и на русском языке.

своеобразную даль и затем легко и охотно подвергается критике. Действительность же остается жесткой и беспощадной: переоцененное «завтра» становится неудавшимся «сегодня», а затем неудавшимся «вчера», и шлет людям реальную нужду как суровую предпосылку их новых планов и расчетов. Так что исследователю не стоит заблуждаться насчет фантастического «завтра» и опьяняющего «сегодня»; ему надо с полным спокойствием созерцать и исследовать трезвое «сегодня» и неумолимое «позавчера».

В-пятых, исследователь должен учитывать, что сами коммунисты не доверяют статистическим данным собственных ведомств^I, хотя бы уже потому, что знают: они разрушили дореволюционный статистический аппарат и не смогли создать ему полноценную замену^{II}. Однако долгое время (до 1929 г.) они удовлетворялись подсчетами этого эрзац-аппарата. Когда же (осенью 1929 г.) началось новое обобществление и подсчеты центрального статистического ведомства оказались неблагоприятными для великого плана обобществления, это ведомство лишили последней толики видимости научной само-

^I Еще Ленин жаловался на «слащавую коммунистическую лживость в быту». См.: Сочинения, т. XVIII, часть 2, стр. 38; Томский характеризует подсчеты Ларина как «статистику, взятую с потолка». См.: Стенографический отчет XI съезда Коммунистической партии, стр. 50; Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 118; Стенографический отчет XIV съезда, стр. 44; Каменев также подчеркивает, что числовые данные в политической борьбе у коммунистов «притянуты». См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 265; на противоречивость и ненадежность подсчетов жалуется и Рыков. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 762; Дзержинский пишет о коммунистической отчетности как о «фантастике» и «квалифицированной лжи». См.: Три последние речи, 1926 г., стр. 40 и др.

^{II} Ср. у Сталина высокую оценку профессиональной чести научно образованных статистиков в буржуазном государстве: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 130—131.

стоятельности, уволили работников, склонных к независимому мышлению и подсчетам, и создали новое статистическое ведомство (декрет от 23 января 1930 г.), подчиненное Госплану (центральному ведомству планового хозяйства). Этот факт психологически легко объясним: страстный волевой человек особенно не заинтересован в информированности о трудностях; он ищет не только послушных людей, но и «послушные факты»... И тут исследователю ввиду этого необходима особая осторожность; ему нельзя дать себя ослепить; он должен уметь хитроумно отделять *послушные числа* от *непослушных фактов*; он должен уметь извлекать действительное из невероятного, что, однако, предполагает серьезную научную школу. Коммунисты некоторым образом идут ему навстречу, ибо из-за отсутствия свободы печати и легальной оппозиции в стране вынуждены заниматься «самокритикой» и взаимно оспаривать почти все свои сведения и подсчеты. Исследователь будет также прав, используя в своих интересах уже отмеченную поправку на *время*; «только что» выданные расчеты и цифры — почти все без исключения пристрастные расчеты и пропагандистские цифры; зачастую уже ближайшие месяцы приносят более трезвые данные и новые расчеты; отрезвление обычно наступает по истечении года; но и то не каждый раз. И если человек должен закончить свое исследование 1930-м годом, то у него есть все основания больше доверять цифрам 1928—1929 гг. (*ceteris paribus*²), чем беглым обзорам последних месяцев.

Второй источник — непосредственный опыт, вынесенный из революционной России — дал сотрудникам этого сборника возможность представить не поверхностное и нефантастическое описание событий. Многие из них провели под гнетом коммунистов от пяти до десяти лет; они наверняка и точно знают, как соотносятся с жизнью выданные цифры и описанные факты. Сознывая свою серьезную историческую ответственность, они старались раскрыть и высветить *подлинную сущность* событий. Детали

исчерпать невозможно. Самое последнее не ухватишь и не установишь. Книга-исследование и не ставит себе такой задачи. Но распознавшему *суть* дела легко и верно открываются и детали, и самое последнее.

Мы стараемся высветить сущность исторических фактов.

Профессор, доктор Иван Ильин

Ноябрь 1930 г.

Часть I

ОСНОВЫ

Проф. д-р И. Ильин

ЦЕЛИ И НАДЕЖДЫ

Всем практическим в человеческой жизни правит цель. Эта цель может оставаться неосознанной и как желанное, но смутное содержание души трудиться во мраке; но она способна и проникнуть в сознание, стать продуманной и обоснованной и развиться в разработанную программу. Было бы несправедливо подходить к программе и работе политической партии и пытаться их оценить, не вытащив на свет Божий цели и чаяния этой партии.

Коммунизм целеустремлен

Надо отличать «большевизм» от «коммунизма». *Большевизм* есть смутное и примитивное настроение, разнузданная жажда, «желание иметь для себя всё и сразу»; он может стать некоммунистическим и даже антикоммунистическим, примерно таким, как его многократно высказывали русские крестьяне в Сибири и на Украине: «Мы большевики, но не коммунисты»¹. Напротив, *коммунизм* есть целеустремленное учение, практическая система и продуманная программа. Однако по своему душевному происхождению эта программа в любом случае большевистская: радикальная, беспощадная и рассчитана на максимальные требования (максималистская). Но по своему содержанию она ясно продумана и дерзко сформулирована. Коммунизм, возможно, *самое продуманное социальное движение в человеческой истории*: притязания и мрачные мечты определенного социального класса сделались здесь *доктриной*, пожалуй даже,

¹ Сочинения Ленина, т. XVIII, часть 1, стр. 327. Это особенно характерно для грабительского движения Махно (1918—1920 гг.).

мировоззрением, чтобы тем самым облегчить себе победу на практике.

Марксизм как замена религии

За этой доктриной и этим мировоззрением стоит материалистическое понимание истории, когда-то обоснованное и изложенное Карлом Марксом^I: «Без марксизма у коммуниста нет мировоззрения»^{II}. Такое понимание истории, в известном смысле модифицированное и препарированное, сделалось для коммунистов своего рода *безбожной «религией»* — практически-политической «религией» борьбы за земные цели. Эта «религия» не умеет ничего сказать о потустороннем — о милости, искуплении, блаженстве, добродетели, ни о какой объективной ценности вообще. Она ставит цели и беспощадна в постановке своих целей и уже потому преисполнена фанатичной одержимости. Предназначенная для этого мира, она, однако, старается воспринимать этот мир, и разрушать, и переделывать его страшно радикальным образом. Она хочет осуществить новое социальное бытие, добиться нового, хозяйственно-материального счастья и к тому же по новому сформировать исторически данного «человека». Ей нечего поведать о «новых небесах», но «новую землю»^{III} здесь целеустремленно хотят и планомерно создают. Как же понимать эту желанную «новую землю»?

Всемирное движение, завоевание мира

Всегда и всюду действует основная, главная мысль коммунистов *мира*. Речь идет вовсе не о национальном движении, не о локально-политической партии; это *всемирная организация*, борющаяся за *всемирную цель*. «Коммунистическая революция может победить только как

^I Здесь было бы неуместным описывать и анализировать марксистскую теорию как таковую. Коммунизм XX века есть сам по себе идеологическое и политическое явление и его как таковой надо характеризовать по оригинальным источникам.

^{II} Эта основополагающая формула исходит от образованнейшего коммуниста Рязанова, который тут старается подкрепить собственное мнение Сталина. См.: Стенографический отчет XIII съезда Коммунистической партии в СССР, стр. 564—565, на русском языке.

^{III} См.: Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 52, на русском.

мировая революция»^I; если она удастся лишь в одной стране, «то эту страну в конце концов задушили бы крупные грабительские страны»^{II}. «Революция в СССР есть часть мировой революции, ее начало и основа для ее развития»^{III}. «Вопрос об окончательной победе социализма есть вопрос о ниспровержении всемирной буржуазии»^{IV}. Победа в отдельной стране означает лишь «помощь и средство для ускорения» победы «в других странах»^V.

Эта всемирная цель твердо стояла с самого начала. «Когда мы в свое время начинали интернациональную революцию, — говорил Ленин в 1921 году, — для нас было ясно, что победа пролетарской революции невозможна без поддержки интернациональной всемирной революции»^{VI}. И еще раньше, в 1915 году, он писал: «Победивший пролетариат одной страны встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов и в случае необходимости выступая даже военной силой против эксплуататорских классов и их государств»^{VII}.

^I Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 100.

^{II} Там же.

^{III} Сталин. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии, 1927, стр. 35, на русском. Ср. речь Сталина на заседаниях XVI съезда партии: «Правда», 29.06.1930 г. Ср. Призыв XIV съезда Коммунистической партии к гоминьдановской партии в Китае: Стенографический отчет съезда, стр. 579, на русском; там же, стр. 125, речь Угланова. Также у Куреллы: Всесоюзная Коммунистическая партия, 1927 г., стр. 3 и 4, на русском; или, как выражается Ларин, СССР есть «очаг для дальнейшего распространения мировой революции». См.: Стенографический отчет XV съезда компартии, стр. 312, на русском.

^{IV} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 30.

^V Зиновьев. Стенографический отчет XIV съезда компартии в СССР, стр. 429, на русском.

^{VI} Ленин. Доклад о тактике РКП. См.: Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 312, 320, 321, на русском. Ср. у Бухарина: Азбука коммунизма, стр. 117, на русском.

^{VII} Ленин. См.: Сочинения, т. XIII, стр. 133, на русском. С одобрением процитировано Сталиным. См.: Еще раз..., 1927 г., стр. 36, на русском.

Соответственно Ленина продолжают характеризовать и прославлять как «вождя мировой революции»^I; он опытный «всемирный рулевой»^{II}, он стоит «у руля мировой революции»^{III} и т. д. Совершенно последовательно Советский Союз называют «авангардом мировой революции»^{IV}, а Центральный Комитет Коммунистической партии в СССР приветствуют как «институт мировой истории»^V.

Оставим в стороне то обстоятельство, как будет организована эта мировая республика, — возникнет ли она как «Европейская Советская республика»^{VI}, как «Соединенные Штаты Европы»^{VII} и только тогда завоюет остальные части мира, или весь процесс будет протекать иначе, — одно безусловно ясно: речь здесь идет о *всемирном движении* и о *завоевании мира*^{VIII}. Создающий и ведущий орган этого движения — *Третий, Коммунистический, Интернационал* (Коминтерн): «он ведет весь рабочий класс к мировой революции»^{IX}, «он организует революцию во всем мире»^X. Этот труд он также доведет до конца; он должен следовать ходу мыслей Ленина.

^I Каменев, еще при жизни. См.: Стенографический отчет XII съезда партии в СССР, стр. 2, на русском. Ср. стр. 481, 489, 503.

^{II} Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 490, на русском.

^{III} Там же, стр. 510, на русском.

^{IV} Сталин. Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 440, на русском.

^V Стенографический отчет XIV съезда, стр. 231, на русском.

^{VI} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 117, на русском.

^{VII} Троцкий. Пять лет в Коминтерне, стр. 569, на русском.

^{VIII} См. типичные лозунги, резолюции и призывы у коммунистов, например: «Да здравствует мировая революция рабочих» (VI съезд большевиков, август 1917 г.), «Да здравствует будущий мировой Октябрь» (Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 12) и т. д.

^{IX} Бухарин. Капиталистическая стабилизация и пролетарская революция, 1927 г., стр. 297, на русском.

^X Стенографический отчет XV съезда партии, 1927, стр. 29, на русском.

«Под знаменем Ленина, — так заканчивает Сталин свою основополагающую речь вождя на открытии XVI съезда Коммунистической партии, — мы одержим победу в пролетарской революции во всем мире. Да здравствует ленинизм!»^I

Все это обставляется таким образом, что «Октябрьская революция» 1917 года в России «открыла новую эпоху в мировой истории»^{II}. «Перелом во всемирной истории произошел. Эпоха буржуазно-демократического парламентаризма закончилась. Наступила новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры»^{III}. «Началась эра пролетарской, коммунистической мировой революции»^{IV}.

Не реформа — революция

Уже отсюда видно, что речь идет не о реформе, а о *перевороте*; о перевороте во всем мире; не об эволюции, а о революции.

«Революция — это такие преобразования, которые сами *уничтожат* старое в его главной и основной сути, а не осторожно, медленно и постепенно *преобразуют*, стремясь как можно меньше устранить»^V. Старый строй жизни раз и навсегда радикально приговорен; там *ничего шадить, не о чем заботиться и нечему развиваться*. Новое означает гибель старого и «прыжок через несколько ступеней»^{VI}; пожалуй, даже более того — начало *бытия нового рода и вида жизни*.

Исторически возникнув из войны^{VII}, революция сама есть не что иное, как именно *война*. «На войну между рабовладельцами рабы ответили лозунгом: «Превратим

^I «Правда», 29 июня 1930 г.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 367, на русском.

^{III} Там же, стр. 411.

^{IV} Программа Российской коммунистической партии, март 1919 г. См.: Коммунистическая партия России в резолюциях, стр. 170, на русском.

^V Ленин. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 410, на русском.

^{VI} Троцкий. Терроризм и коммунизм, стр. 43, на русском.

^{VII} См.: Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 130, на русском.

каждую войну рабовладельцев, которая ведется из-за раздела добычи, в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций!...»^I Вот так началась эта «отчаянная, бурная борьба не на жизнь, а на смерть между капитализмом и коммунизмом»^{II}. Буржуазный мир похож в этой борьбе на «пороховой ящик», а Коммунистическая партия на «высеченную искру»^{III}: взрыв не может не последовать. «Мы объявили *войну* всему капиталистическому миру»^{IV}; «мы воткнем наше кайло в сердце мирового капитала и буржуазии»^V; и, смотри — «вся буржуазия и весь капитал мира уже содрогаются»^{VI} от страха перед нашим наступлением.

С давних пор, еще задолго до мировой войны, революция как переворот и война была намечена и готовилась. Правда, обстоятельства еще не благоприятствовали; но борьба между эволюционно настроенными социалистами и революционно настроенными большевиками^{VII} была уже в разгаре. Поклоняясь своеобразному бланкизму, Ленин уже тогда придерживался принципа *агрессивного меньшинства заговорщиков* и лозунга *немедленного социалистического эксперимента*. В зрелом возрасте, непосредственно перед Октябрьской революцией, он пишет книгу^{VIII}, в которой борется против всякого эволюционистского толкования марксизма как глупости и обмана: *наступление и свержение* всегда были его лозунгом; а теперь так гласит лозунг коммунистической партии. Весь вопрос заключается в том, *кто* — мы или реформисты — сумеет встать во главе вновь пробу-

^I Ленин. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 367, на русском.

^{II} Там же, стр. 39.

^{III} См. речь Скряпкина: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 64, на русском.

^{IV} Ленин. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 92, на русском.

^V Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 86, на русском; Сталин. Еще раз..., стр. 133, на русском.

^{VI} Там же, стр. 83.

^{VII} Тогда они еще не называли себя «коммунистами».

^{VIII} См.: Государство и революция.

дившегося международного рабочего движения»^I. Европейская социал-демократия «не имеет ни малейшего представления о том, как делаются революции»^{II}; их реформизм не что иное, как предательство великого дела, а их взгляды — «похабщина»^{III}: то, что она проповедует, есть «революционный пацифизм», «питающий пассивность рабочего класса»^{IV}; и этим можно объяснить, почему коммунисты порою называют европейскую социал-демократию своим «главным врагом» и «заклятым врагом»^V.

Не оборона, только наступление^{VI}. Совсем не надо раздумывать и рассчитывать: ввязаться, и тогда посмотреть, что нужно сделать^{VII}. Может, действительно удастся организовать коммунистический строй; а если не удастся, тогда по крайней мере будет проведена экспроприация «помещиков и капиталистов» и тем самым будут созданы «предпосылки» новой культуры^{VIII}; и вот тут, возможно, «буржуазно-демократическую революцию» саму по себе удастся превратить в «пролетарско-социалистическую»^{IX}. Однако неудавшаяся революция тоже хороша, ибо она накапливает поучительный опыт^X.

Классовая борьба, власть партии

Но революция есть дело отдельного и *одногоединственного класса — пролетариата*. Над различными

^I Зиновьев. Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 668, на русском.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 27, на русском.

^{III} Сталин. Еще раз..., стр. 101, на русском.

^{IV} Мануильский. Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 680, на русском.

^V Бухарин и Угланов. Там же, стр. 721.

^{VI} «Истинные революционеры погибают только вследствие преувеличения того значения, которое имеют революционные методы борьбы» — Ломинадзе. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 700, на русском.

^{VII} Ленин цитирует слова Наполеона: «On s'engage et puis on voit». См.: Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 111, на русском.

^{VIII} Ленин, там же, стр. 111.

^{IX} Там же, стр. 364.

^X Там же, стр. 321, 436.

враждебными классами нет вообще никакой «третьей власти»; и государство всегда и везде, сверху донизу, *организация классовая*^I. Надо лишь выбрать, за кого и за что бороться. Пролетариат есть «тот класс, который воспитан только капитализмом для крупного производства», который единственный из всех оторван от интересов мелких собственников»^{II}; и, создавая «на крупном производстве материальные ценности»^{III}, образует «рабочий класс как рабочую силу, как самую ценную производительную силу общества»^{IV}; «ей нечего терять, кроме своих цепей»^V. Это *класс будущего*. Хотя социализм означает «уничтожение классов»^{VI}; в счастливом обществе будущего не будет ни классов, ни классовых противоречий, ни наемного труда^{VII}; исчезнут и классовая борьба, и государство; ибо никого более не нужно будет держать «в узде». «Закон, тюрьма, полиция» — всё это станет ненужным; «будут только простые люди, товарищи, никакого принуждения, никакой бюрократии, лишь «расчеты» и «указания», и все будет идти гладко, как «по маслу»^{VIII}.

Разумеется необходимым предварительным условием этого нового строя будет то, что *все граждане* станут пролетариями или *их сделают таковыми*. И тогда останется один-единственный класс — пролетариат, ибо исчезнут все остальные классы, до сих пор привязанные к частной собственности. А пока этого еще нет^{IX}, — надо признавать

^I Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 84, на русском.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 9, на русском.

^{III} Там же, стр. 375.

^{IV} Рязанов. Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 238, на русском.

^V Намек Бухарина на Маркса. Азбука коммунизма, стр. 63.

^{VI} Ленин. Сочинения, т. XVII, ч. 1, стр. 257, 262 и др., на русском.

^{VII} Там же, стр. 156, 173, 262, 270. Ср. Томский: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 278; Зиновьев, там же, стр. 442.

^{VIII} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 51, 52.

^{IX} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 156, 173; также Сокольников: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 274, на русском и др.

лишь интересы пролетариата, заботиться о них и ставить их превыше всего: все остальные классы с их «буржуазными интересами» станут *его жертвами*. Они смертельные враги рабочего класса; мы же «руководствуемся исключительно классовыми интересами» пролетариата^I. А пролетарские классовые интересы требуют создания пролетарской *классовой партии и гражданской войны* с врагами.

Партия коммунистов есть классовая партия пролетариата, его «непосредственно руководящий авангард»^{II}, сознательная и организованная воля рабочего класса. *Эта партия составляет сущность государства*: «государство — это мы»^{III}; «широко организованный рабочий класс»^{IV} и Коммунистическая партия. Бывает, как, например, в СССР, «что пролетаризированный рабочий класс» составляет «небольшое меньшинство» населения в стране; тем не менее все формы жизни должны быть построены по классовому принципу; исключительно «классовая армия», принципиально «классовый суд» и т. д.^V Всё настроено на продолжительную, непрерывную *гражданскую войну*: ибо гражданская война есть не что иное, как «самая острая форма классовой борьбы»^{VI}. И все ссылки в этой борьбе на «справедливость», «чело-

^I Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 271, на русском. Как долго еще будут существовать эти классовые противоречия? В любом случае они будут продолжаться еще «несколько десятилетий» (Резолюция XI съезда партии). См.: Стенографический отчет, стр. 493. У Ленина находишь определение продолжительности в 10—20 лет: Ленинский сборник, IV, стр. 374; или также «длинная, длинная цепь лет»: Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 177. Сталин определяет продолжительность в 15—50 лет: Еще раз..., стр. 52. Зиновьев — по меньшей мере 10 лет: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 208, XIV съезда партии, стр. 100, на русском.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 64.

^{III} Там же, стр. 55.

^{IV} Бухарин и Крупская (вдова Ленина). См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 163, на русском.

^V Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 222; Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 164, на русском.

^{VI} Там же, стр. 314; Каменев. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 260, на русском.

вечность» и «любовь» есть лишь «слащавое сентиментальное фразерство», «идеология для старого бабья»^I. Эта пустая болтовня ничего не дает: пролетариат хочет реальностей. «Рабочие — материалисты»; и мы тоже «материалисты»: «бумажки, мечты и пелена» для нас не годятся — «здесь нужны хлеб, и одежда, и мясо», «товар и продукт»^{II} и тому подобное. Пролетариат и его партия хотят *обладать земными благами*, обладать *неограниченно и сразу*, и это входит в сущность большевистской революции.

Суровая всемирная организация

Чтобы всё это осуществить, всему движению нужна чрезвычайно *строгая и централизованная форма организации*. «Еще никогда в истории не было такой войны»^{III}; и для этой войны «мы должны создать единую всемирную коммунистическую партию»^{IV}, «железную когорту»^V и всемирную армию. Такая армия уже существует во всем мире, она лишь недостаточно обучена и организована^{VI}. Ее надо «снизу доверху централизовать»^{VII}; ее нужно подчинить неумолимой и нерушимой дисциплине^{VIII}, необходимость и целесообразность которой уже доказана, ибо «Советская власть — самая крепкая власть среди всех существующих в мире»^{IX}. «Мы должны сурово, жестоко и беспощадно наказывать за малейшее на-

^I Ср. публичное осмеяние Бухариным и XV съездом партии письма голландской коммунистки Генриетты Роланд-Хольст: Стенографический отчет, стр. 621, на русском.

^{II} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 15, 140, на русском.

^{III} Там же, стр. 377.

^{IV} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 679, на русском.

^V Клара Цеткин, там же, стр. 760, на русском.

^{VI} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 349.

^{VII} Угланов, Лашевич. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 184, на русском.

^{VIII} См. программу коммунистов от марта 1919 г.: Российская компартия в резолюциях, стр. 192. А также решения коммунистической конференции от августа 1922 г.: там же, стр. 322, на русском.

^{IX} Сталин. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 66, на русском.

рушение дисциплины», особенно, если кто-то вызывает панику или побуждает к дезертирству: тогда его следует расстрелять^I. Мы будем беспощадно бороться и с «политическими шатаниями»; и так постепенно мы будем «все тщательней и все основательней готовить новые отступления и наступления, битвы», которые, соответственно, также будут «становиться всё решительней»^{II}. «Друг с другом мы связаны непосредственно и «опосредствованно» — с пролетариями всех стран; мы знаем, чего хотим; и поэтому в мировом масштабе мы неодолимы»^{III}.

Отчуждение, обнищание

Только так можно будет произвести во всех странах политический и социальный переворот. Сущность этого переворота состоит, во-первых, в том, что верхние социальные слои будут вытолкнуты вниз, а нижние перемещены наверх; и во-вторых, что будет построена диктатура пролетариата, т. е. коммунистической партии.

«Десятилетиями мы трудились над решением огромной задачи: мы проповедовали свержение буржуазии, мы учили недоверию к буржуазным специалистам, мы разоблачили их, мы взяли у них власть и подавили их сопротивление. Великолепный, всемирно-исторический труд...»^{IV} Переворот завершает этот труд: он принесет *полное отчуждение и лишение прав буржуазии*, т. е. безвозмездную экспроприацию всего «капитала» — пахотной земли, заводов и фабрик, денег, домов, товарных запасов, библиотек, «лишней» мебели, платья и т. д. Богатые и зажиточные будут превращены в нищих. Экономически это отчуждение может иметь и тяжкие последствия: коммунисты открыто признают, что в России фактически так и произошло^V. И все же отчуждение

^I Ср. Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 34, 35, на русском.

^{II} Ленин о задачах Коминтерна: там же, стр. 351; ср. высказывания Сталина на заседаниях XVI партсъезда о правой оппозиции и борьбе против нее: «Правда», 29 июня 1930 г.

^{III} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 231; ср. у Сталина. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 19, 21, на русском.

^{IV} Там же, стр. 88, на русском.

^V См. у Косиора: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 115, на русском.

проведут повсюду и сделают это по двум причинам: во-первых, как *необходимую «меру классово́й борьбы»*^I и борьбы за *социальную революцию*. «Без экспроприации помещичьего землевладения, без изгнания помещиков, без распределения земли возможна лишь буржуазная, а не социальная революция», — пишет Ленин^{II}. Требуется *парализовать* капиталистический элемент общества, чтобы раз навсегда «обеспечить победу» рабочему классу^{III}. «Если останутся в живых капиталисты, собаки и свиньи умирающей буржуазии, то погибнет республика»^{IV}. «Массы должны быть освобождены от влияния попов и помещиков»^V. Всё это, конечно, означает *огромные разрушения* для данной страны; частью они возникают сами по себе, частью их производят преднамеренно^{VI}. Отчужденные социальные слои испытывают через это неопишемую нужду и муки; они просто выданы на откуп обнищанию, и слишком хорошо понятно, что страдать от этого придется и победившему классу пролетариата. «Диктатура пролетариата в России, — пишет Ленин, — потребовала от господствующего класса, пролетариата, таких жертв и таких лишений, каких не знала история; и весьма вероятно, что то же произойдет и в любой другой стране»^{VII}. Но это мало что значит: «Меч будет вложен в ножны не раньше, чем на земле не останется ни одного капиталиста»^{VIII}.

Пролетаризация и обобществление

Вторая причина, которая делает необходимым всеобщее отчуждение слоев собственников (как и мелких

^I Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 115.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 330, на русском.

^{III} Косиор, преданный приверженец Сталина. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 115, на русском.

^{IV} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 366, 379.

^V Там же, стр. 339.

^{VI} См., например, интересные признания некоего Сокольникова: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 264, на русском.

^{VII} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 329, на русском.

^{VIII} Программные речи к 10-летию юбилею ЧК. См.: «Известия», 20 декабря 1927 г., на русском.

собственников), относится к внутренней сущности коммунизма: как уже говорилось, коммунистический строй признает лишь один-единственный класс — пролетариат, принятый на государственные предприятия. Тем самым прогресс, с точки зрения коммунистов, означает то же, что и *систематически проводимая и успешная пролетаризация населения*. «Собственник», будь то богатый банкир, домовладелец или малоземельный крестьянин, остается настроен на частную собственность, на личное хозяйство и на свободное, «буржуазное» общение; он чувствует не «социалистически», он думает не «социалистически», он привязан к своему состоянию и ничего не хочет знать о коммунизме. Чем больше таких людей в стране, тем хуже обстоят дела с коммунизмом, и наоборот. Отчужденный же просто *пролетаризируется*. Хотя он и тогда еще остается погрязшим в своих «буржуазных предрассудках»; но из этого для коммуниста возникают лишь дальнейшие задачи: во-первых, обезвредить отчужденного как классового врага (ссылка, концентрационный лагерь, принудительные работы, казнь), и во-вторых, через пропаганду и нужду привести массу разочарованных новых пролетариев на коммунистические государственные предприятия. *Отчуждение — пролетаризация — обобществление* есть великие этапы коммунистической революции. Это основополагающе. И тому, кто захочет понять великое отчуждение крестьян последних лет (1928—1930) в Советской России, надо лишь придерживаться этой формулы.

Это великое отчуждение крестьян задолго готовилось коммунистами; сначала оно проводилось как «холодная» экспроприация (1926—1927—1928 годы), а затем — в темпе стремительного наступления¹. Еще в 1924 году Сталин посетил завод «Динамо» и записался как почетный гость в «Красную книгу» завода; он написал: «Желаю рабочим завода «Динамо», как и рабочим всей России, чтобы промышленность пошла на подъем,

¹ См. статьи: «Судьба русских крестьян», «Дифференциация крестьян» и «Немецкие колонисты в России».

чтобы в ближайший период число пролетариев в России увеличилось до 20—30 миллионов, чтобы в деревне расцвело коллективное хозяйство и подчинило своему влиянию частное хозяйство, чтобы высокая индустрия и коллективное хозяйство на селе окончательно спаяли заводских пролетариев и сельскохозяйственных рабочих в единую социалистическую армию...» Это хорошо продуманная программа пролетаризации и обобществления населения говорит сама за себя и недавно также передана ведущей советской газетой в факсимильном варианте^I. Теперь запланированное осуществляется. Хозяйственное обнищание созданного революцией мелкого и мельчайшего крестьянства становится подготовительной школой коммунизма. Через бедность и нужду, в отчаянии от состояния хозяйства, человек созревает для обобществления... После этого легко понять, почему коммунистическая революция с самого начала и принципиально сделала ставку на всеобщую бедность индивидуума и будет придерживаться этого и впредь.

Новая элита

И вот на место отчужденной и вымирающей в нужде буржуазии заступает рабочий класс. «Прежний раб, рабочий и крестьянин, на чью работу опиралось старое государство, становится теперь господином и хозяином, а прежний господин становится его подчиненным»^{II}. Теперь считается «главным предоставить права и свободы» — прежде всего и более всего «предоставить тем классам, которые сильнее всего угнетались капиталистами»^{III}, — и «вовлечь эти классы в политику»^{IV}; но особенно «задавленных и оступевших от работы на кухне женщин»^V: «каждая кухарка должна научиться управлять

^I «Правда», 04.06.1930 г.

^{II} Лацис. Два года борьбы на внутреннем фронте, стр. 14, на русском.

^{III} Коммунистическая партия в резолюциях, стр. 173, на русском.

^{IV} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 88.

^V Там же.

государством»^I; «тысячи и сотни тысяч простых рабочих должны выдвигаться и сотнями ставиться на самые высокие посты»^{II}: они становятся директорами заводов и фабрик, адвокатами, народными комиссарами, начальниками политической полиции и т. д. Это то «чудо-средство», на которое намекал Ленин, чтобы «одним махом удешевить государственный аппарат»^{III}.

Порабощение интеллигенции

Однако это «чудо-средство» не может уберечь новое государство рабочих от главных трудностей, неизбежно проистекающих из недостатка квалифицированной, духовно образованной интеллигенции. Но этому можно помочь: остатки буржуазного, образованного сословия могут быть временно привлечены на работу, разумеется, под строгим революционным контролем. «Победить или покончить с буржуазией — только половина дела; ее надо еще заставить работать на нас»^{IV}. Ибо «правлящему коммунистическому слою не хватает культуры»^V. «Хотя буржуазная культура жалка и ничтожна, ее все же больше, чем у нас, ... чем у наших работающих коммунистов, занимающих ответственные посты»^{VI}. «Лишь тогда мы будем в состоянии вести хозяйство, когда коммуни-

^I Слова Ленина, цитируемые часто и совершенно серьезно. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 410; XII партсъезда, стр. 465. С пафосом повторены также Кларой Цеткин: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 33. См. также, например, ведущую московскую коммунистическую газету «Правда» от 12.05.1929 г.: «Да, верно, у нас еще мало людей, которые могут водить машину, однако каждая кухарка за это время научилась управлять государством. А оно, по-видимому, не менее сложная и быстрая машина» и т. д. И у Бухарина слово «кухарка» выделено курсивом: Алфавит коммунизма, стр. 132. Возникающие из этих опытов ситуации описываются в статье «Карусель. Кухарки берут на себя управление» («Правда», май 1930 г.).

^{II} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 233, на русском.

^{III} См. «Известия» от 12.05.1929 г., статья Л. К.

^{IV} См. Тодорского и Ленина: т. XVIII, ч. 2, стр. 40, 41, на русском.

^V Там же, стр. 39.

^{VI} Там же, стр. 40.

ты сумеют построить это хозяйство чужими руками»^I. «Детская, совершенно детская идея — стремиться построить коммунистический общественный строй руками коммунистов»^{II}, — утверждает Ленин. Коммунистам надо учиться у буржуазии, указывать ей и увлекать ее на путь, по которому они сами хотят идти^{III}: и вот прежние офицеры и инженеры, бывшие фабриканты, торговцы, учителя, профессора, кооператоры и т. д.^{IV} — закабалены и используются. Конечно, этому «сброду»^V доверять нельзя, но уж с этой угрозой с помощью террора и тайной полиции коммунисты как-нибудь справятся.

Диктатура пролетариата

Диктатура пролетариата будет выглядеть примерно так. «Она означает не окончание классовой борьбы, а ее продолжение в новой форме и новыми средствами»^{VI}. Это легко объяснить. Коммунисты «по отношению к народным массам — что капля в море»^{VII}. Ведь после отчуждения капитала пока еще остается «последний капиталистический класс, глубочайшая основа капитализма — мелкий собственник и мелкий производитель»^{VIII}, т. е. то же крестьянское сословие, которое «не верит ни в социализм, ни в коммунизм и всеми силами отгораживается от пролетарского наступления»^{IX}. Во всех капиталистических странах (за исключением, пожалуй, лишь Англии) этот опасный социальный слой, вместе «с мелкобуржуазными элементами рабочего класса», составляет более 50% всего населения; и «в борьбе с

^I Ленин. Т. XVIII, ч. 2, стр. 41.

^{II} Ленин, там же, стр. 41.

^{III} В оригинале еще подробнее. См.: Ленин. Т. XVIII, ч. 2, стр. 41, 42. Ср. публичное признание Осинского: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 444, на русском. См. также у Ларина: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 99.

^{IV} Перечисление можно найти у Ленина, т. XVIII, ч. 1, стр. 233, на русском.

^V Ленин, там же, стр. 226.

^{VI} Там же, стр. 317.

^{VII} Там же, стр. 41, 51.

^{VIII} Там же, стр. 205.

^{IX} Там же.

этим слоем и заключается главная задача»^I социалистической революции. Для этого совершенно необходима диктатура; она есть не что иное, как «ожесточенная, бурная» война^{II}, «намного более жестокая, длительная и упорная война, чем любая из прошедших войн»^{III}.

До тех пор, пока длится эта диктатура, в стране будет лишь одна, Коммунистическая, партия; она сохранит партийную монополию^{IV}. Не допускается ни одна иная партия. Война есть война: властвуют и действуют «по-военному»^V. «Абсолютная ценность буржуазных прав и свобод» есть не что иное, как просто «предрассудок»^{VI}, то же самое — демократические формы жизни. Не разрешены ни свобода печати, ни свободное слово^{VII}: не борются *лишь со «снами и умалчиваемыми убеждениями»*^{VIII}. Надо «переломить хребет врагу»^{IX} и подавить всякое сопротивление^X, пока коммунизм не победит в международном масштабе^{XI}.

Коммунизм

Смысл этой диктатуры состоит в том, что Коммунистической партии обеспечена *безусловная политическая монополия*. В соответствии с этим дальнейшее развитие революции будет состоять в том, чтобы дополнить политическую монополию такой же безусловной *экономи-*

^I Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 325, 374.

^{II} Там же, стр. 336, 376, 377.

^{III} Там же, стр. 401. Ср. речь Зиновьева и резолюцию XI партсъезда: Стенографический отчет, стр. 351, 492, на русском.

^{IV} Сталин. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 53. См. также: Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 295.

^V Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 336, на русском.

^{VI} Российская коммунистическая партия в резолюциях: Резолюция VIII партсъезда, стр. 161.

^{VII} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 336, 79.

^{VIII} Томский. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 301—302, на русском.

^{IX} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 351.

^X Ср.: Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 171.

^{XI} Каменев. См.: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 7.

ческой монополией. Хозяйство станет такой же исключительной привилегией коммунистического государства. Тем самым социальная революция станет революцией социалистической; так будет достигнута главная цель коммунизма. Существенной чертой коммунистического строя является монополия на предоставление работы: здесь есть лишь всем управляющая государственная власть и масса беспомощных рабочих и служащих, выданных монополистическому партийному государству на жизнь и на смерть.

«В сравнении с социализмом капитализм — зло»^I; «а самое лучшее, с точки зрения социализма, — государственная монополия»^{II}. «Частная собственность и капитал разделяют людей»; «коллективная же собственность и работа», напротив, «приводят людей к большему сближению»^{III}. «Необходимо ликвидировать буржуазный строй: вместе с его личной инициативой, его экономической конкуренцией и анархией, его кризисами, безработицей, его вечными империалистическими войнами и всем, что к нему относится»^{IV}. Только тогда придет новый мир, мир новых производственных отношений и экономической свободы, где больше не будут действовать законы национальной экономики^V, и где золото будет годиться только для того, чтобы «делать» из него «в крупнейших городах мира общественные уборные»^{VI} (Sic!).

В этом мире не будет ни частной собственности на орудия производства, ни классовой дифференциации. Все хозяйство будет монопольно организовано^{VII} и

^I Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 222.

^{II} Там же, стр. 146.

^{III} Ср.: Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 252, на русском.

^{IV} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 48, на русском.

^V Ср. Ларин: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 227, на русском.

^{VI} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 413. Это было бы «справедливым, полезным и человечным» применением золота.

^{VII} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 48.

централизованно^I управляться, не частными предпринимателями^{II}, а государственными органами. Государство станет *монополистом*^{III} и как *работодатель*. Всё будет точно рассчитываться и предписываться по единому, общему плану^{IV}. Бесклассовые товарищи по работе будут принуждаться к работе и исполнению предписанного. «*Плановое хозяйство немыслимо без обязанности трудиться*». «Фикция свободы от работы будет ликвидирована» и обязанность трудиться — «поддержана реальностью принуждения»^V. «Основным законом» остается правило: «кто не работает — тот не ест»; а «бездельники будут воспитываться для выполнения своего долга тюрьмой»^{VI}. Короче: «Работа будет военизирована»^{VII}. Принуждать будут не только к послушанию и усердной работе, но и к «активному участию»^{VIII} в коммунистических работах и учреждениях. Лишь тогда можно будет обеспечить избыток продуктов: тогда «каждый сможет брать себе столько, сколько ему потребуется»; и только если продуктов будет не хватать, распределение будет происходить в соответствии с выполненной работой^{IX} или использоваться в качестве поощрения для еще большей производительности^X.

Новый человек

Во всех описаниях и при всякой возможности коммунисты выражают убеждение, что отсюда и через это

^I Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 273, на русском. Ср., например, идею Ленина организовать новую электрификацию всей страны так, чтобы все губернии во всей стране включались и выключались из центра. Об этом в Стенографическом отчете XV партсъезда, стр. 935.

^{II} По-русски — «хозяевами». Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 280, на русском.

^{III} См. здесь мое сочинение «Система террора».

^{IV} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 49, на русском.

^V Троцкий. Терроризм и коммунизм, стр. 133, на русском. Ср. с этим сентиментальные мечты Бухарина о ликвидации принуждения в будущем государстве.

^{VI} Ленин. Т. XVIII, т. 1, стр. 249, 253.

^{VII} Там же, стр. 30. Троцкий, в названном выше труде.

^{VIII} Ленин, там же, стр. 131.

^{IX} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 51.

^X Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 293.

возникнут действительно новая «земля», *новые люди и новые обычаи*^I. «Главное теперь — воспитание молодого поколения»; но не «на старом буржуазном хламе»^{II}: *новый человек* должен создаваться новыми методами.

Материалистически и марксистски настроенный человек *не должен иметь предрассудков*. Итак, прежде всего, — «не иметь религии»^{III}: ибо «религия и коммунизм ни теоретически, ни практически несовместимы»^{IV}; религиозные заповеди и «предписания», «директивы» коммунистической партии «непримиримы», так что верующий коммунист перестает быть коммунистом^V. Так же обстоит дело и с *буржуазной моралью и нравственностью*, так же и с *любовью к Родине*. «Ведь у пролетариев нет родины»^{VI}; и национальная принадлежность людей также ничего не значит^{VII}. И вообще пролетариат призван «не защищать или расширять буржуазное Отечество, а взорвать его»^{VIII}.

Новый человек не должен *воспитываться в семье*. Смешно притязание родителей на «чеканку» в детях «собственной тупости»^{IX}; особенно вследствие того, что «способность воспитывать детей встречается реже, чем способность их воспроизводить»^X. «Будущее принадле-

^I Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 52; см. также: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 543, на русском.

^{II} Ленин. Т. XVIII, ч. 2, стр. 55.

^{III} Ср.: Мысли Ленина о религии, стр. 25, 23, 112, 132, 137, на русском. Помимо этого см. мою речь от 23 февраля 1930 г., напечатанную в журнале «Лютерринг» («Lutherring»), выходящем 2 раза в месяц. Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 184, 185, 186—188, 189, 190, на русском. Ярославский. На антирелигиозном фронте, стр. 47, 54, 56, 59, 66, 71, 93, 105, советское издание и др.

^{IV} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 184.

^V Там же, стр. 185.

^{VI} Марксистский тезис Бухарина. См.: Азбука коммунизма, стр. 105.

^{VII} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 105.

^{VIII} Резолюции XI партсъезда, Стенографический отчет, стр. 485.

^{IX} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 173.

^X Там же, стр. 173.

жит *общественному воспитанию*», и детей надо — «на- всегда или на долгое время»^I — отрывать от их семей. Воспитанием займутся коммунистические «детские сады», «детские колонии» и т. д. Школы надо сделать чисто коммунистическими и обучение чисто «марксистским»^{II}; учителям же надо развернуть^{III} систематическую «анти- религиозную пропаганду» и стать послушным «орудием» коммунизма; неподходящие и неспособные будут «бес- пощадно изгоняться»^{IV}. Это относится и к профессорам буржуазных университетов, ибо они — не что иное, «как возвращенные капиталистическим государством специали- сты по озадачиванию, ослеплению и укрощению проле- тариата»^V. Короче, коммунистическая школа должна стать вообще, сверху донизу, орудием пролетарских инте- ресов и коммунистического хозяйственного производства.

Новый человек не должен также быть специалистом, он должен получить «всестороннее, неспециальное, ин- тегральное воспитание»^{VI}. Он должен всё мочь и всё понимать и всегда быть готовым «намотаться на любую другую катушку»^{VII}; лишь тогда он будет на самом деле, непременно и всесторонне в распоряжении коммуни- стического центра. Еще вчера сапожник, сегодня он работает булочником, чтобы завтра сделаться директо- ром мыльной фабрики, а послезавтра известным ученым или работником физического труда^{VIII}. Надо думать,

^I Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 173—174.

^{II} Крупская (вдова Ленина). См.: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 480.

^{III} Там же.

^{IV} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 172.

^V Там же, стр. 28.

^{VI} Ср. Бухарин: Азбука коммунизма, стр. 50—52, 176; ср. у вдовы Ленина Крупской: «Правда», 10.05.1930 г.; также в речи Луначарского в июне 1928 г.

^{VII} Высказывание Бухарина. См. «Известия» от 20.12.1927 г.

^{VIII} См. у Бухарина подробную разработку этой теории: Азбука коммунизма, стр. 50, 176. Точно соответствует этой позиции и административная практика Коммунистической партии в России (так называемое «перебрасывание», беспощадное перемещение туда-сюда рабочей силы).

вовсе не легко этого всего добиться, выкорчевать «сто-летние привычки»^I и сотворить новые...

Однако остается под вопросом, как это *положительно* направить и как всё это будет выглядеть. Коммунистическая революция стремится утвердить во всем противоположность «буржуазному» и застревает в отрицательном. Положительный ответ вместо этого дается реальной жизнью, как это теперь и происходит в России.

Надежды

Как бы то ни было, нового мира не избежать: по закону «диалектики» он зарождается уже в лоне старого мира. «Буржуазный строй жизни окончательно исчерпал себя. Производительные силы не могут дальше развиваться в рамках буржуазного общества»; «уже начался их развал, их разложение»^{II}. «Капиталистический режим клонится к гибели»^{III}. «Звезда международной буржуазии закатывается»^{IV}. Есть только две возможности: всеобщее разложение, полный хаос, кровавая каша, прогрессирующее одичание, беспорядок и настоящая анархия — или *коммунизм*^V. Европейский капитализм похож на заношенную и заштопанную старую рубаху; достаточно кому-нибудь — Чемберлену, Пуанкаре, Муссолини или Пилсудскому — потянуть за нитку, и всё рассыплется^{VI}.

Мир капитализма полон трагических и неразрешимых противоречий: 1. пролетариат против буржуазии; 2. колониальное движение против империализма великих держав; 3. победоносные государства против побежден-

^I Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 56.

^{II} Троцкий. Пять лет Коминтерна, стр. 269, 270, на русском.

^{III} Бухарин. Капиталистическая стабилизация и пролетарская революция, 1927 г., стр. 161.

^{IV} Каменев. См.: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 16, на русском. Ср. грубую формулировку Ленина: «зловонный гнойник». См.: Т. XVIII, ч. 2, стр. 68.

^V Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 99.

^{VI} Сталинское сравнение. Цит. по: Угланов. Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 123, на русском. По этому поводу можно сколько угодно высмеивать коммунистов: теперь они уже хорошо знают, что «хорошо смеется тот, кто смеется последним». Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 334—335, на русском.

ных; 4. государства-победители между собой; 5. коммунистическое Советское государство против всех капиталистических государств, вместе взятых^I.

Надо лишь умело разжечь и использовать эти противоречия^{II}; остальное придет само собой. «Расхождение интересов различных капиталистических стран растет день ото дня»^{III} и «катастрофа неизбежна: ее название — война по второму кругу»^{IV}. «Во всех концах мира» назревают «реакционные империалистические войны», и каждая из них должна быть превращена в новую революцию^V. Напрасны усилия Лиги наций^{VI}; а Локарнский мир³ несет в себе также лишь новую войну^{VII}. Мировая война 1914 года «была первой попыткой перекроить уже разделенный мир по-новому»; эта попытка дорого стоила капитализму: ценой были революция в России и «пробуждение колониальных и зависимых стран». Теперь наступает вторая попытка; она уже готовится; к ней уже вооружаются; и цена второй попытки будет значительно больше^{VIII}; буржуазный строй будет бесконечно больше потрясаться и подрываться^{IX}.

^I Сталин. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 9, на русском; позднее многократно цитируется другими. См. особо также вступительную речь Сталина к заседаниям XVI партсъезда (июнь-июль 1930 г.), где он говорит о Германии: «Правда», 29.06.1930 г.

^{II} Рязанов. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 71, на русском.

^{III} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 311—312, на русском.

^{IV} Бухарин. Слова Ленина о «войне по второму кругу» (VIII съезд Советов) часто цитируются. Например, Каменев: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 570—571; ср. речь Троцкого: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 242.

^V Ленин. Т. XVIII, ч. 2, стр. 48, на русском.

^{VI} Бухарин. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 570, на русском.

^{VII} Сталин. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 16, на русском.

^{VIII} Сталин. Еще раз..., стр. 131, на русском.

^{IX} Бухарин. Капиталистическая стабилизация..., стр. 85, на русском; ср. его речь на XV партсъезде: Стенографический отчет, стр. 567, 626, на русском.

«Советскому же государству», напротив, «вовсе не нужна война», ему нужна «мирная, хозяйственная работа»^I. Желанный плод зреет для него без оружия войны. Рабочее движение во всем мире находится на подъеме; рабочие массы все больше влевеют^{II}; а их вождь, социал-демократия, «все больше правееет»^{III}. Безработица в Европе растёт^{IV}; и положение рабочих масс неизбежно будет ухудшаться^V. Тогда придет момент, *когда под бременем оружия пушки заговорят сами по себе*^{VI}; рабочие массы повернут свои ружья против капитализма^{VII}, *и вот уже — революция*. И тогда «мы, русские коммунисты, рука об руку с иностранными рабочими дадим бой на улицах европейских столиц»^{VIII}.

Этим на основе подлинного материала недвусмысленно устанавливаются цели и надежды коммунистов. Но *революция в России* не что иное, как единая, продолжающаяся попытка осуществления этих целей и этих задач непосредственно в гуще конкретной жизни. В какой мере это удастся и удастся ли это вообще, какие применяются методы работы, что из этого получается и какие плоды зреют на древе этой политики — всё это видно из содержания нашего сборника.

^I Ворошилов. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 174; ср. формулировку Каменева: «Наша стратегия будет простой: если надо будет принять участие (в войне), то — чем позже, тем лучше». См.: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 13; почти то же и у Сталина. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 47, на русском; ср. его речь на заседаниях XVI партсъезда: «Правда», 29.06.1930 г.

^{II} Сталин и Клара Цеткин. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 45, 10.

^{III} Сталин, там же; также Лозовский. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 630—631.

^{IV} Бухарин. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 566.

^V Сталин. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, с. 11.

^{VI} Сталин. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, с. 18.

^{VII} Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 645 и др.

^{VIII} На самом деле «биться». См.: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 24.

Проф. И. Ильин

МЕТОДЫ РАБОТЫ

Проблема как

Поколениям XX столетия довелось наблюдать новое, в мировом масштабе совершенно уникальное явление, т. е. мировой заговор, новый антирелигиозный орден, чрезвычайно разветвленную организацию, сумевшую построить себя на новой основе и придумать для своих великолепно задуманных и разработанных целей новые методы работы, новые пути и новые средства. Уже теперь можно предсказать, что историки будущего унаследуют от всемирной коммунистической партии для изучения и описания чрезвычайно поучительный материал и что потомки будут с удивлением следить за деятельностью этой партии.

Менталитет

Цели этой партии — *завоевание мира, низвержение мира, обновление мира*. У нее нет предшественников такого масштаба, у которых ей надо было бы чему-то учиться. «Нам ни у кого не надо учиться» — восклицает один из ведущих коммунистов Микоян^I. Путь к всемирной власти коммунистам как-никак надо искать самим; целесообразные методы они должны еще создать и придумать^{II}. Это и происходит в действительности. Из завершенной и сформировавшейся ментальности, из косного и окаменевшего (марксистско-материалистского) мышления, из своего рода ожесточенности в преследовании цели^{III} — возникает путь к цели. Создаваемый и обдумываемый изо дня в день, годами. В сущности, эти люди настроены *дедуктивно* и воспринимают в

^I Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 985. Предоставляю исторически образованному читателю самому отыскать в истекших столетиях и определить истинных подготовителей и предшественников нынешнего коммунизма.

^{II} «Партия будет неустанно продолжать изобретать и испытывать новые методы» — решение X партсъезда, март 1921 г. См.: Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 235, на русском.

^{III} Троцкий. О Ленине, стр. 19 и др., на русском.

объективной реальности лишь то, что подходит для их предписаний; а сущность завистливого, мстительного, волевого и беспощадно стремящегося вверх всемирного пролетария для их предписаний очень даже подходит. Полуобразованные и обуреваемые страстями, что как раз и являют собою коммунисты, мало обремененные моралью и нравственностью, они по большей части поклоняются *моноидеизму*^А (ведь их сознание исчерпывается *одной-единственной идеей* осады) и одному *аутизму*^Б (ибо всё их мышление и их стремления скроены по образцу их *собственных страстей*). Это самые «нетерпеливые утилитаристы» всемирной истории; смысл их жизни состоит в растаптывании ногами катастрофических проблем сегодняшнего дня с тем, чтобы *беспощадно* столкнуться с не менее катастрофическими проблемами дня грядущего¹. Как признает сам Ленин, это «твердокаменные люди», «крепкие» парни, представители «зубодробительной политики»^{II}, вынужденные, однако, овладевать исключительной «гибкостью»^{III}. Они вложили в эту «гибкость» всю свою изначальную силу воли, добились тем самым невероятной выносливости и создали свои методы работы.

Эти методы покоятся на двух предпосылках: на предпосылке *вседозволенности* и на предпосылке *внутренней противоречивости* мира.

Всё дозволено

С чрезвычайно последовательно продуманной, эволюционистско-марксистской точки зрения, коммунисты исповедуют своего рода *нигилистское мировоззрение*, в котором более нет места объективному «добру» и «злу» (в религиозном, моральном и политическом смысле). Соответственно для них не существует ни запретов, ни сдерживающих начал: всё целесообразное не только разрешено, но и просто *предлагается*; цель не «оправдывает» средств, но лишь потому, что *на свете вообще больше нечего «оправдывать»*; цель предписывает средства, и предписывает их *все*. «Благо революции — выс-

^I Троцкий. О Ленине, стр. 20.

^{II} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 369.

^{III} Там же.

ший закон»^I; и в борьбе за это благо «нам нельзя оставаться ни перед какими средствами»^{II}, здесь можно и должно платить любую цену жертвами и страданием»^{III}. Так революционная целесообразность становится последним, да и единственным критерием «добра» и «зла»^{IV}. «Добро» есть то, что считает целесообразным Коммунистическая партия; «зло» есть то, что работает против коммунистического завоевания мира; остальное же безнравственное, бесчеловечное, уродливое, а также незаконное — не более чем «буржуазные предрассудки», а то и буржуазная ложь. Обесценен и ликвидирован тысячелетний плод человеческой культуры — вера в то, что «зло» гнусно и вредно, и что запретное «невозможно». Существует лишь одна ценность — революция: «все через революцию, все, до последнего вздоха, для революции»^V.

Раскол мира

Вторая предпосылка — *противоречивость мира*. Мир расколот на два лагеря: «мы» и «они»; и этот раскол Ленин лелеял десятилетиями, с самого начала^{VI}. Нынешнее капиталистическое общество состоит из двух частей: богатых и бедных^{VII}, последние ведомы и представлены коммунистами. Дозволяется и предлагается, поощряется всё то, что идет «нам» на пользу против

^I Слова русского социал-демократа Георгия Плеханова, сказанные более 25 лет назад, цитируемые Орджоникидзе, одним из коммунистических руководителей. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 227, на русском.

^{II} Ярославский. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 359, на русском.

^{III} Это мнение Ленина и Троцкого. См.: Троцкий. О Ленине, стр. 80.

^{IV} Ср., например: Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 41, 53; Каменев. См.: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 477, на русском.

^V Клара Цеткин. См.: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 34, на русском.

^{VI} Троцкий. О Ленине, стр. 11, на русском.

^{VII} Бухарин: «С одной стороны капиталисты, с другой бедняки и рабочие». См.: Азбука коммунизма, стр. 29, на русском.

«них», против врагов. А все то, что предпринимают против «нас» «они», — постыдно и страшно, преступление и варварство^I. «Самое разлюбозное дело», когда «мы» перехитряем, «обманываем» и «одурачиваем их»^{II}; если же что-то подобное начинают проделывать с «нами» *враги* (пусть даже оппозиция в собственной Коммунистической партии) — то это «лицемерие», «просто озорство», «клевета» и т. д.^{III} «Гражданская война хороша, если мы ведем ее против буржуазии, но гражданская война плоха, если буржуазия ведет ее против пролетариата»^{IV}. Когда группа наивных коммунистов спросила Ленина, «что такое коммунистическая мораль», он ответил: «Убивать, разрушать, разбивать вдребезги, если это пойдет на пользу революции»; в ином случае: «Гладить человека по головке, говорить ему, что он Александр Македонский, если это послужит революции»^V. Соответственно ведется и полемика, например, «делается вид, что они единственные защитники всем известных вещей и что будто бы другие думают вовсе не то, что они думают на самом деле»^{VI} и т. д. Короче, это «мораль готтентотов»⁶, как ее называют сами коммунисты^{VII}; и как признается сам Сталин, эта публично высказываемая и применяемая мораль уже принесла им соответственную всемирную славу^{VIII}.

^I Томский: «не уместно», «недопустимо», «никуда не годно». См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 933, на русском.

^{II} Троцкий. О Ленине, стр. 55, на русском.

^{III} Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 293, на русском. Ср. Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 237 и далее.

^{IV} Каменев. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 261, на русском. Ср. высказывания Зиновьева: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 262, на русском.

^V Рассказано публично коммунистом Стуруа. См.: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 463.

^{VI} Высказывание Бухарина о полемике Зиновьева. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 139.

^{VII} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 460.

^{VIII} Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 42, на русском.

Борьба

Сказанное можно обобщить так: всё, что за свою долгую мировую историю человек придумал *против* своего врага и *для* своего врага, становится здесь беспощадным и разнузданным, но мастерски исполненным *методом борьбы*. Весь настрой коммунистов по отношению к остальному, некоммунистическому, миру есть настрой на вражду, на распри и на ненависть. Часто возникает впечатление, что без ненависти и вражды жизнь для них не имеет смысла: пока они живут, они будут ненавидеть и разрушать и подстрекать других людей, особенно рабочие массы, к ненависти и разрушению. Коммунисты начали борьбу, в которой им надо выиграть *всё* и в которой они постоянно рискуют *всё* *потерять*. Потому также кажется, что их предназначение — победа: ибо из двух борющихся друг с другом всегда ближе к победе тот (разумеется, *ceteris paribus*), кто беспощадно, безудержно и безоговорочно борется не на жизнь, а на смерть; ведь он ставит на борьбу всё, в то время как другой всегда опасается рискнуть слишком многим и всегда готов подумать о возможности отступления.

Коммунисты не признают в этой борьбе никаких «индифферентных организаций» или «нейтральных» властей: привлекается и используется всё; и если что-то остается в стороне, то оно *еще* не вовлечено в игру. Коммунисты признают лишь, во-первых, самих себя, со своими приспешниками и послушными им силами; и во-вторых, непослушную, некоммунистическую, буржуазную и еще не завоеванную стихию, которую предстоит завоевать. С этой точки зрения оцениваются, просчитываются и разлагаются по косточкам все политические власти, все социальные группы, течения, трудности и конфликты — всё, что живет, работает и борется. Главная проблема состоит в том, чтобы прицельно пустить всю воду жизни на коммунистическую мельницу, будь то восстание в Марокко⁷ или казнь Сакко и Ванцетти⁸; будь то нефтяная конкуренция между Америкой и Англией или отсутствие согласия между восточным православием и другими религиями или конфессиями в России; будь

то проблема безработицы в Западной Европе, фашистское движение или экономическая напряженность между домовладельцами и съемщиками жилья в Германии. Здесь существует очень умелое «лабиринтование»^I, «маневрирование, наступление и отступление»^{II}, соби- рание сил, короче — богатая стратегия и тактика, не- прерывная война.

Комплекс власти

Ясно, что мы имеем здесь дело с *невероятным ком- плексом власти*. Организация коммунистов есть волевой центр, не признающий ни соглашений, ни согласова- ний: только *враги и порабощенные*. Все не порабощенные есть враги; все враги те, кого еще надо поработить, и все порабощенные непрерывно находятся под подозре- нием в скрытой вражде. Всемирная коммунистическая власть всегда видит *во враге будущего раба и в рабе врага бывшего*: эта партия «не привыкла становиться на коле- ни, но уже многих и многих поставила на колени и по- ставит еще не раз»^{III}.

Она умеет скрывать свою вражду, особенно по от- ношению к наивным людям, и заключать «союзы, дого- вора» и т. д.: но их союзник будет прав, ища яд у себя на губах и ожидая удара кинжалом в спину; и наивный человек всегда будет превращен в инструмент собствен- ного и чужого порабощения, особенно тогда и там, *где он этого меньше всего ожидает*. Но там, где явно нет ни врага, ни раба, коммунистам удалось *ослепить своего врага и запрячь его в повозку собственного порабощения*. Там, где коммунист соглашается на присоединение, он подразумевает поглощение присоединившегося; там, где он делает уступку, он думает о введении в заблуждение и заглывании. *Договор — для него, а контрагент рас- сматривается как добыча*^{IV}. И коммунист слегка успо-

^I Зиновьев, прежний председатель Коммунистического Интернационала. См.: Стенографический отчет XIII партсъез- да, стр. 113, на русском.

^{II} Троцкий. Пять лет в Коминтерне, стр. 273, на русском.

^{III} Высказывание Орджоникидзе, одного из друзей Сталина. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 395, на русском.

^{IV} Например, торговый договор с Латвией, осень 1927 г.

каивается лишь тогда, когда подчинено, монополизировано и централизовано все, что существует.

Гарнизон обеспечен

Но предварительная задача состоит в том, чтобы укрепить и использовать уже завоеванный собственный гарнизон. С 1917 года для этого незаконно насилуется Россия как территория, как страна и народ, причем собственное имя «Россия» принципиально зачеркнуто и господствующее государство называется «Союз Советских Социалистических Республик»; таким образом, это название можно просто распространить на всякое соседнее государство, завоеванное путем переворота (будь то Китай, Польша или Финляндия).

Итак, принципиальным предварительным условием для всего остального является сохранение и укрепление коммунистического гарнизона в России. «Историческая роль первого пролетарского государства тем полнее будет выполнена, чем скорее оно сбросит с плеч ослабляющую бедность, голод и разруху»^I. Прежде всего Советское государство должно «воскреснуть» в финансовом отношении, с тем «чтобы оно в любом случае могло создать хозяйственную основу для дальнейшего развития революции в Европе. *Теперь вся европейская революция задержана по причине нашей слабости.* Ни в одной стране Европы сейчас не может выступить ни одна группа пролетариата, потому что мы парализованы, потому что мы слабы»^{II}. «Быстрый рост социализма в СССР станет уже сам по себе огромным рычагом международной пролетарской революции и таким образом самым крупным фактором разложения для сил международного капитала»^{III}. Эта мысль как руководящий лозунг (напечатанный во всех газетах жирным шриф-

^I Резолюция XI партсъезда. См.: Стенографический отчет, стр. 500, на русском.

^{II} Речь комиссара финансов Сокольников, 1921 г. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 281.

^{III} Бухарин. Капиталистическая стабилизация..., стр. 39—40, на русском. Ср. речь Сталина на заседаниях XVI партсъезда: «Правда», 29.06.1930 г.

том) формулируется следующим образом: «Каждый успех СССР — удар по международной буржуазии»^I.

В этом есть принципиальная жизненная антиномия: *чем лучше жизнь у коммунистов в Советском государстве, тем хуже — у остального, некоммунистического мира, и наоборот*. Всякий, кто помогает коммунистам, *наносит вред самому себе* и подвергает опасности свое собственное существование. Бухарин открыто объявляет, что «*торговые отношения между капиталистическими странами и Россией, превратившейся в СССР*», *сильно помогают Советскому государству, но «означают» постоянную угрозу для «буржуазного мира» и «всего его дальнейшего развития»*, ибо эти торговые отношения «способствуют силам революции гораздо больше, чем силам капиталистического мира»^{II}. «Капиталистические страны объявляют нас преступниками и тем не менее помогают нам»^{III}. Так же надо делать и дальше: «Мы должны вынуждать наших врагов определенным образом нам помогать, в то время как мы используем в своих интересах внутренние противоречия капиталистического мира»^{IV}. Врагов вынуждают помогать нам «всеобщие экономические отношения в мире»; и «тот, кто стоит на пороге гибели, не может делать правильные расчеты»^V.

Однако коммунистический гарнизон в России используется и по-иному. Во-первых, он остается постоянным и главным источником финансирования мировой революции^{VI}, из чего коммунисты не делают секрета. С 1917 года Россия непрестанно используется как своеобразный бумажный факел или бочка смолы, или копна сена для разжигания мирового пожара.

^I Смотри, например, «Известия», 12.05.1929 г.

^{II} Бухарин. Капиталистическая стабилизация..., стр. 30—31.

^{III} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 431.

^{IV} Красин, известный советский дипломат. См.: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 117; см. схожее высказывание у другого советского дипломата Антонова-Овсеенко: там же, стр. 67.

^V Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 431, 432.

^{VI} Открыто признается в только что процитированной речи Сокольников.

Образцовая школа

Во-вторых, Россия стала образцовой школой или подготовительным заведением для всемирной революции^I: здесь систематически обучаются методам перевода и передают их другим; здесь находят надежный «почетный приют» коммунистические беженцы всех стран; здесь находится постоянная резиденция Третьего Интернационала (Коминтерна). И наконец, сюда приглашают из всех стран рабочие делегации, чтобы приободрить, увлечь и обучить.

Делегации

Частью это делается так, что «коммунистические партии других стран присылают к нам своих товарищей для работы на несколько месяцев»^{II}, т. е. для *доучивания в лаборатории революционной методологии*. Частью же приглашают и обхаживают некоммунистические профсоюзные делегации. Для этого, говорит Сталин, «нам нельзя жалеть ни жертв, ни средств»^{III}; и многочисленные делегации из интеллектуальных и рабочих кругов уже нанесли визит коммунистическому правительству^{IV}. Эти визиты — «самая лучшая и самая действенная пропаганда за советский строй и *против* капиталистического строя»^V. Поездка в СССР уже сама по себе такая попытка, «которая свидетельствует о переломе в мыслях и даже о политическом переломе в рабочем движении»^{VI}. Впечатления и опыт, полученные в СССР, завершают этот перелом. Конечно же, гости не могут свободно ездить по стране и (если они вообще владеют русским языком) свободно обращаться к гражданам Со-

^I Об этом см. ниже.

^{II} Зиновьев. Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 679, на русском.

^{III} Там же, стр. 21.

^{IV} Там же.

^V Сталин, там же, стр. 24; ср. у Зиновьева: «Пусть только колеблющиеся и неверчивые на 5 дней приедут в Москву и 2—3 дня соприкоснутся с революционерами в Кремле...» См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 198, на русском.

^{VI} Лозовский. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 774, на русском.

ветского государства. Их строго охраняют и водят повсюду, прикрываясь правилами гостеприимства и любезностью.

Что показывают

Еще в 1920 году было принято решение «создать в основных отраслях промышленности образцовые предприятия»^I, позднее это предприняли и в области здравоохранения, школьного образования, жилищного строительства для рабочих, в среде научных институтов и т. д. Эти острова культуры, частью и на самом деле выдержанные на западноевропейском уровне, и показывают делегациям, к их наивному удивлению. Один коммунист-оппозиционер открыто разоблачил эти методы, к большому огорчению ведущей партийной верхушки: «Вам, иностранцам, показывают парады и театр»^{II}. И Ларин⁹ неосторожно, но ясно высказывался о значении «в коммунистической политике потемкинских деревень»^{III}. Особое впечатление производили на рабочие делегации из-за границы военные парады красного вермахта: восхищенные и потрясенные старые социалисты со слезами счастья на глазах смотрели на марширующих мимо «вооруженных рабочих»^{IV}. Под впечатлением этого члены рабочих делегаций теряли веру в западноевропейскую социал-демократию^V; так, например, норвежская социал-демократическая делегация в своей «Декларации» высказалась за продолжающийся массовый террор в России и обязалась защищать этот террор в Европе^{VI}.

^I На заседаниях IX партсъезда. См.: Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 209—210, на русском.

^{II} Шляпников на заседании Коммунистического Интернационала. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 184, на русском.

^{III} Там же, стр. 228.

^{IV} См. излияния Ларина на заседании XV партсъезда: Стенографический отчет, стр. 707, на русском.

^V Там же, стр. 681.

^{VI} «Расстреляйте (не 20, а) 20 000, и у нас хватит мужества защитить вашу политику перед европейским рабочим классом». Рассказано Мануильским. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 681, на русском.

В этом направлении ориентированы все коммунистические методы работы, которые можно разделить на две основные группы, в зависимости от того, для кого они предназначены — для врага или для уже поработанных. Чтобы сокрушить враждебные государства, проделана хорошо продуманная и плодотворная подготовка: везде, где работают коммунисты, различаются три главных направления: *пропаганда, организация и наступление.*

Пропаганда

Коммунистическую пропаганду можно сравнить с преднамеренным заражением или прививкой; а также с систематическим подкожным вливанием. Суть революционного духа состоит в *недовольстве*, поднимающемся до *протеста*; недовольство рождает всеобщую взаимную *подозрительность* и взаимное *презрение*; в игру вступают *зависть* и *мстительность* и создается полноценная *непримиримость*.

Всё это разжигается и организуется политически; и *классовая борьба* постепенно становится *гражданской войной*. Коммунистическая пропаганда заключается в том, чтобы повсюду разыскивать, разжигать и использовать в своих интересах эти настроения и склонности души.

Подстрекательство

Повсюду в данной стране, но особенно среди рабочих масс, считается необходимым обострять *недовольство* и *монополизировать протест*; в конце концов не имеет значения, кто, как и против чего протестует, только бы в нем участвовал коммунист и мог стать выразителем протеста¹. Ему нужно социальное брожение, будь то в области борьбы за увеличение заработной платы, аграрных отношений, национальных меньшинств, негритянской проблемы, студенческих волнений или разложения армии. Хозяйственные кризисы для него особенно желанны. Всюду, где только возможно, коммунист старается вогнать клин взаимного недоверия: *он натравливает*. Он натравливает один класс на другой, нечиновников на чиновников, чиновников на правительство, граждан на полицию, полицию на начальство,

¹ Как применяют этот метод протеста, видно из содержания пресловутого фильма о броненосце «Потемкин».

штатских на военных, солдат на офицеров, слуг на господ, служащих против шефа, доцентов против профессоров и колонии против метрополии^I. Его принцип гласит: «divide et impera»¹⁰. Ведь несравненно легче «поставить на колени» разделенных. Для этого повсюду выискивается и вынюхивается «locus minoris resistentiae»¹¹: где есть неразрешенные проблемы, где пересекаются социальные и политические нити, где скапливаются противоречия интересов и бушуют страсти. На самом социально нездоровом месте сразу же создают очаг и вызывают воспалительный процесс. Особенно желанны и плодотворны для коммунистического подстрекателя антисоциальные страсти: зависть, ненависть, мстительность, алчность, тщеславие и трусость. Эти страсти служат как бы первой предпосылкой; к ней с невероятным темпераментом добавляют вторую предпосылку — необходимость классовой борьбы; и под конец устраивается спровоцированная гражданская война. Итак, пропаганда коммунистов становится предварительным обучением гражданской войне.

Ослабление моральных устоев

Вторая задача коммунистической пропаганды заключается в том, чтобы ослабить и парализовать в человеческой душе сдерживающие духовные устои и моральные удерживающие. С этим связаны: борьба с религией в России — в основном с православием^{II}; высмеивание «буржуазной» нравственности, честности и любви к Родине; вызывающее поправление буржуазного правосознания; проповедь материалистского эволюционизма и тому подобное. Всё это означает «*борьбу с буржуазными предрассудками*». Легко понять, что коммунистический «отбор» приобретает и совершенно новые формы: это почти без исключения люди с поломанной совестью и

^I См. схему и организацию этой пропаганды в разделе г-на С. фон Ольденбурга.

^{II} Ср. высказывание Рыкова: «Надо всесторонне и полностью использовать те течения сектантства, которые под покровом духовности и религии исповедуют революционные тенденции и которые нередко приближаются к отрицанию частной собственности». См.: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 504, на русском.

окаменевшей злостью; очень часто — властолюбивые и отважные люди, с особым удовольствием очерняющие небо, клеветующие на него и прославляющие и идеализирующие земную грязь.

Обещание

Третья задача коммунистической пропаганды состоит в том, чтобы перенести все надежды недовольных людей в революционное будущее и давать невероятные обещания^I.

Обещают земное и материальное счастье: *мало работы, много свободного времени и развлечений, свободное обеспечение и полное удовлетворение зависти и мести*. Всё это разрисовывается как счастье, а необразованные и легковерные люди воспринимают эти обещания с идеалистским пафосом и принимают их на веру. Не принимается во внимание или оставляется без внимания отсутствие социальных и хозяйственных возможностей, и распространяется чрезвычайно умелое внушение, схожее с рекламой^{II}.

Принцип наслаждения

Этой пропаганде с самого начала обеспечен *значительный успех*, и успех потому, что она движется в направлении *наименьшего сопротивления и наименьшего приложения сил*. Духовная культура вообще требует усилий, труда и аскезы; она невозможна без страданий и стремлений. Коммунистическая же пропаганда, напротив, движется по *принципу наслаждения* и относится к людям как к *«сладострастным» существам, которых надо раскрепостить*^{III}. Это сладострастное существо восхваляют и как бы высказывают за него его сокровенные

^I Ср. у Ленина: «До сих пор мы писали программы и давали обещания. В свое время это было совершенно необходимо. Нельзя было выступать с мировой революцией без программы и обещаний». См.: Т. XVIII, ч. 2, стр. 27. Написано в марте 1922 г., на *пятом* году революции.

^{II} Сами коммунисты характеризуют свое красноречие как «хватающую за сердце барабанную дробь» (Бухарин. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 818) или как «политическую газетную трескотню» (Ленин. Т. XVIII, ч. 2, стр. 17, на русском).

^{III} Этим объясняется пристрастие безудержных, неуравновешенных и преступных натур к коммунизму.

мысли; проповедуется «Евангелие» беспощадности и безудержности; и ни один из новообращенных не подозревает о будущем бремени коммунистического порабощения в том обществе, которое предстоит построить. Так «коммунизм становится модой», *массовой модой*, психозом; он распространяется как «эпидемия гриппа»^I. Но будущее покрыто мрачным молчанием.

Массы

Разумеется, объектом этой пропаганды являются сами массы, и особенно рабочие массы. Постоянный коммунистический лозунг гласит: «завоевание масс»^{II}, «работа с массами и *посредством* масс». «Мы должны спускаться глубже в рабочие кварталы, энергично мобилизовать массы, возглавлять массовую борьбу, оказывать влияние даже на самую малую забастовку; мы должны обучиться искусству увязывать жгучие злободневные вопросы и отдельные требования с конечной целью революционного пролетарского движения»^{III}. Массы надо завоевывать в их «ядре», в их «гуще» и «не один раз»^{IV}; надо неустанно обрабатывать их вновь и вновь^V и довести до постоянного кипения; их нужно завалить реальными преимуществами и благами, и — самое главное — *надо непосредственно участвовать в борьбе* для укрепления и воспитания в массах воли к этой борьбе.

Тактика единого фронта

Всё это предназначено не для одних лишь пролетариев, а *и для других классов*, и конкретно — для крестьянства и «мелкобуржуазной интеллигенции»^{VI}. Рево-

^I Описание Пауля Фаурта (Paul Faut), с восторгом процитированное Зиновьевым. См.: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 52, на русском.

^{II} Например, Бухарин. См.: Капиталистическая стабилизация, стр. 179, на русском.

^{III} Там же, стр. 179, 181, 217 и др. Ср. Зиновьев: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 669, на русском.

^{IV} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 199, на русском.

^V Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 141, на русском.

^{VI} Ср., например, Бухарина: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 332, на русском.

люционный пролетариат должен вербовать себе попутчиков, он должен уметь завоевывать и подчинять «социальные прослойки»^I. Более того: «Пролетариат должен выступить с самой радикальной программой аграрной революции»^{II} с тем, чтобы подкупить крестьянство и приобрести в нем союзника^{III}. Таким же образом надо завоевать и другие слои: ремесленников, квартиросъемщиков, деклассированную интеллигенцию и т. д. Здесь надо умело и хитро применять *«тактику единого фронта»*. Но, разумеется, лучше всего *тактически всегда присоединяться к левым, а по возможности и к левым экстремистам*, и оказывать им поддержку с тем, чтобы таким образом приобрести влияние и *радикализировать всё движение*; так, например, поддерживать республиканцев против монархистов, национальное меньшинство против национального большинства, социалистов против буржуа и т. д. Целесообразным может оказаться также привлечение националистическим лозунгом врагов на свою сторону и оказание помощи правоэкстремистской партии. Конечно же, из этого не может развиться никакой «дружбы» и никакого сотрудничества: это лишь прием, очень полезный «для подстрекательства и мобилизации масс»^{IV}. То же и по отношению к социал-демократам: надо поддерживать их для их гибели: «мы поможем им» так, «как веревка помогает повешенному»^V, по известным стихам Расина: «Обнимаю тебя, чтобы тебя задушить»^{VI}.

^I Радек. См.: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 364, на русском.

^{II} Мифф. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 729, на русском.

^{III} Радек. См.: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 350, на русском.

^{IV} Ср. у Бухарина: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 337, 343, на русском. Зиновьев. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 196, 197, на русском. Ср. решение XI партконференции: Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 271.

^V Высказывание Ленина из книжечки «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», цитируется Зиновьевым. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 201, на русском.

^{VI} Высказывание Зиновьева, там же, стр. 199.

Метод пронизывания

Эта хитрая «тактика единого фронта» находится в тесной связи с *методом пронизывания вражеских организаций*. Он заключается в том, что во всех организациях некоммунистических государств, которые необходимо побороть, — их *армиях, социал-демократических партиях, и даже националистических союзах, христианских церквах и политической полиции* — сразу же как бы проделываются лазы или в них пробирается собственная, зачастую тайная организация. Если мы предположим, что эти существующие организации отделены друг от друга вертикальным делением (государство против государства, партия против партии и т. д.), — то коммунисты проводят непосредственно *горизонтальное деление*: они прямо проникают в тело, в гущу организации, которую хотят побороть, и как бы устраивают в ее сердцевине тайное бюро (систему коммунистических ячеек) — бюро для пропаганды, вербовки и организации. Это не одно лишь прокрадывание во вражеский штаб, не одно лишь выслеживание, но организационный подрыв, разложение и вытеснение изнутри. Старое не просто подрывается или распускается, — да это было бы и невозможно; *по внешнему виду оно продолжает существовать, как и прежде; но оно постепенно и незаметно подтачивается и ослабляется изнутри*, примерно так, как это проделывают жуки-древоточцы или термиты с деревянным зданием. *Катастрофа готовится тайно. Всё может еще долгое время выглядеть совершенно безобидно, чтобы затем в решительный момент внезапно отказать.*

Так, например, как и прежде, существует социал-демократический Интернационал; но коммунисты насчитывают в его рядах «более двух миллионов рабочих, следующих лозунгам Коминтерна»^I. То же проделывается и с профсоюзами^{II}.

Такому же подтачиванию подвергается и гражданство. В жизнь активно проталкивается новая государственно-политическая дифференциация (горизонтальная),

^I Лозовский. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 770, на русском.

^{II} Зиновьев, там же, стр. 683.

и делается это так, что старая (настоящая, вертикальная) гражданская принадлежность рассматривается как более не действенная, как *более не связующая*, в души же вместо нее вталкивают новую опору как единственно существующую, как дающую права и накладывающую обязанности. После этого, пожалуй, понятно, почему иностранный пролетарий и коммунист, откуда бы он ни прибежал в Россию, пользуется в Советском государстве гражданским избирательным правом, в то время как русский гражданин остается принципиально бесправным; или же как, например, французские коммунисты и изменники родины могут быть избраны членами Моссовета и т. д. Но самой поучительной все же остается организация интернациональной Красной Армии.

Интернациональная Красная Армия

Коммунисты издеваются над *буржуазным пацифизмом*, но соглашаются с *пацифизмом коммунистическим*. Когда буржуа требуют вечного мира и разоружения, то их истинное намерение состоит в том, чтобы «вооружить буржуазию и разоружить пролетариат»^I; это «реакционная утопия и обман трудящихся масс»^{II}. А коммунистический пацифизм состоит в том, чтобы *поддерживать мир до той поры, пока буржуазные армии, «пронизанные» и ослабленные изнутри, не созреют для революции*. Тогда можно начинать войну, ибо она делается всеобщей гражданской войной и тем самым мировой революцией. До этих пор можно демонстративно^{III} проводить политику мира^{IV}. Но буржуазные армии необходимо

^I Мануильский. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 680, на русском.

^{II} Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 172, на русском.

^{III} Ведь это — провоцировать и разоблачать буржуазные государства, идти навстречу пацифизму масс и затушевывать подлинные планы коммунистов — было заданием Литвинова в его «пацифистской» политике в Лиге Наций. Сталин называет декларацию Литвинова «прямой и честной». См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 45, на русском.

^{IV} См. решение XIV съезда партии: Стенографический отчет, стр. 958; также у Сталина: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 49 и др.

«энергично подтачивать»^I. «Прежде всего необходимо разложить и разрушить буржуазную армию»; и «германские большевики» абсолютно правы, усиленно трудясь над этим в своей стране^{II}. «Не удастся это — погибнет революция»^{III}. «Мы» также «хорошо сумели рассказать разлагаемой нами армии о демократизме. Но когда нам понадобилась собственная армия, мы построили ее на основе дисциплины, остающейся обязательной для всех армий»^{IV}, т. е. и для интернациональной Красной Армии, которая теперь по принципу «проникновения» создается во всех странах. В соответствии с этим германский член «Рот-Фронта», французский коммунистический «combatant¹²», польский красногвардеец и русско-советский красноармеец должны рассматриваться как члены великой всемирной организации, которой надо привить дисциплину. Они — солдаты единого, всё пронизывающего войска, они получают награды интернациональной Красной Армии и т. д. И истинным отличием русско-советской армии от прочих подразделений Красного войска в других странах, вероятно, будет лишь то, что однажды, в нужный час, Советская Армия даст прочим Красным Армиям повод изменить своей стране и стать на сторону воюющего коммунистического войска. На основании этого III Интернационалом разработаны для коммунистических партий других стран «точнейшие инструкции»; и он уверен «в успехе»^V.

Клевета

Полезно и выгодно также «разрушить вражескую организацию, вызывая в массах ненависть, отвращение и презрение по отношению к ней»^{VI}. Для этого рекомендуется применять всяческую клевету, всяческое обещещающее очернение, которые внутри социал-

^I Тезисы V конгресса Коминтерна. См. книжечку Куреллы, стр. 4—6.

^{II} Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 58, 59, на русском.

^{III} Там же, стр. 59, на русском.

^{IV} Один из коммунистических вождей Солыц. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 151, на русском.

^V Бухарин. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 589, на русском.

^{VI} Ленин. Т. XVIII, ч. 2, стр. 144.

демократической партии еще до революции многократно использовал сам Ленин; он называл это «борьбой на уничтожение» и утверждал перед судом партии, что применял этот метод «намеренно и расчетливо» и при любом расколе партии будет применять его и впредь^I.

Не удивительно, что этот метод — особенно после 1917 года — применяется во *всемирном масштабе*.

Командные высоты

Особенно полезна клевета в борьбе за занятие социальных и политических командных высот. Она компрометирует существующих вождей — королей, президентов, министров, руководителей партий, ученых и т. д. До тех пор, пока не наступит время, когда сможет быть установлена объективная истина, клевета точит души легковверных людских масс и лишает имеющих вождей авторитета. Истина, проясняющая заблуждение, приходит слишком поздно; и командная высота захвачена еще до ее прихода.

Легальные возможности

Этот метод овладения командными высотами, разумеется, не единственный. Сначала надо использовать все законные пути: возможности издательств, газет, организаций «свободных» объединений, изготовление пропагандистских фильмов, дипломатические представительства и торговые представительства, политические выборы. «Наши парламентские фракции» специально предназначены для того, чтобы «организационно связываться с рабочими и крестьянскими массами», «завоевывать»^{II} «крупнейшие предприятия» в стране и превращать их в очаги коммунизма. Они должны также

^I Ленин. Т. XVIII, ч. 2, стр. 144; высказывание Мануильского теперь гласит так: «Мы должны постараться отсечь верхушку социал-демократии». См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 693, на русском.

^{II} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 681, на русском.

обращаться к массам «через головы» их вождей и правительств, чтобы перетянуть их на свою сторону и оставить вождям их «пустые полномочия»^I. Было бы глупостью по каким-то причинам не захотеть использовать великолепные агитационные возможности парламентов.

Тайная работа

Такой же глупостью было бы превращение «легальных возможностей в самоцель»^{II}. Ибо воистину то, чего нельзя достичь законным путем, *непрерывно должно быть достигнуто путем незаконным*. Законы «буржуазного» государства не могут ни связать, ни обязать коммунистов. По этим причинам еще в ходе так называемой «первой» русской революции (1905—1907 гг.) создался своеобразный сплав революционной и преступной практики, а также методов^{III}. Так, было время, когда различные революционные партии в России добывали для себя деньги так называемыми «экспроприациями» (нечто вроде разбойничьих нападений, проводимых организованными бандами, вооруженными бомбами и револьверами). Годами практиковались «конспиративные методы» — укрывательство, переодевание, введение в заблуждение преследователей из политической полиции, изготовление фальшивых паспортов и т. д. Постепенно выработалась беспримерная техника заговора. Эта техника стала самостоятельным и сформулированным методом, возвращается теперь у коммунистов в других странах и применяется во всемирном масштабе^{IV}. А ее главное правило гласит: «Необходимо соединять нелегальную деятельность с легальной и

^I Ларин. См.: Стенографический отчет XIV партсъезда, стр. 356, на русском.

^{II} Скрыпник, там же, стр. 686, на русском.

^{III} Это братание и сплав еще в 1870-х годах рекомендовалось проповедовалось Бакуниным и Нечаевым.

^{IV} С коммунистами в этом отношении могут состязаться разве что знаменитые македонские заговорщики.

уметь овладевать возможностями открытого существования»^I.

Ячейки

Главная цель всей этой деятельности есть образование коммунистических ячеек, этих первичных образований^{II}, чья организованная совместная работа составляет и поддерживает всю совокупность коммунистического движения. На каждом заводе и каждой фабрике, в каждом ведомстве, каждом профсоюзе, каждом объединении и каждом полку должна быть коммунистическая ячейка. Все эти ячейки работают повсюду по продуманным и подтвержденным опытом инструкциям; их деятельность представляет собой «важнейшую область партийной работы», и все они образуют «главные органы» коммунистической борьбы^{III} — вначале в политической, а позднее в экономической области народной жизни. Мир завоевывается и управляется коммунистическими ячейками: повсюду — по примеру муравьев,

^I На этот счет есть как бы катехизис разработанных правил, как коммунисту одеваться за границей, как ходить по улице, как скрывать свое имя и всегда быть готовым к обыску и допросу; как завязывать знакомства, как создавать коммунистическую ячейку и т. д. О том, как этим руководствуются, рассказывает, например, на заседаниях XV партсъезда некий коммунист Радченко. Речь идет об известном советском дипломате Раковском, который тогда (1927—1928 гг.) уже перешел в так называемую «коммунистическую оппозицию»: «В Лондоне Раковский появлялся как джентльмен», «будучи вождем оппозиции, он приехал (к рабочим) в Харьков в поношенном плаще и мятой шапчонке, чтобы походить не на дипломата, а на рабочего»; «а сюда (на заседания XV партсъезда) он пришел как атлет, он разделся, снял сюртук и почти что в одной рубашке ринулся в бой на XV партсъезд». См.: Стенографический отчет, стр. 285, на русском.

^{II} «Первичная ячейка партийной организации» «призвана» «непосредственно и ежедневно связывать партию с массами». См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 526; решения партсъезда, на русском.

^{III} Российская компартия в резолюциях, стр. 231.

«камушек за камушком, кирпичик за кирпичиком»^I и по главному правилу: «организационно проникать везде и всюду» — создаются коммунистические партии»^{II}.

Непрерывное наступление

Только тогда, когда эта главная цель достигнута и гуща народной жизни в достаточной степени пронизана коммунистическими ячейками, переворот может удался. Но это вовсе не значит, что до этой поры всё движение имеет пассивный характер^{III}; напротив — коммунист *всегда агрессивен и наступателен*, ибо он хорошо знает, что *революционные силы созревают лишь в наступлении и что победит в гражданской войне лишь тот, кто ведет наступление*. Потому тактика коммунистов (всегда и везде) состоит в обострении существующего положения: *конфликты надо или создавать, или разжигать*. Коммунист должен вести себя провокационно по отношению ко всем вышестоящим; он должен всегда запугивать, провоцировать, разоблачать и компрометировать; он должен всегда действовать по принципу *наступательной инициативы и агрессивного меньшинства*. Хотя слова и полезны, но решают и побеждают лишь поступки. *Проигранная битва значит более, чем пассивное выжидание*. Лучшая пропаганда — наступление и подлинное завоевание. «Когда несколько тысяч беспартийных рабочих начинают революционные действия, — это уже *масса*»^{IV}. Целых три дня 300 человек с пулеметами вели в Гамбурге успешный бой против 5000 правительственных

^I Зиновьев. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 674, на русском.

^{II} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 114, на русском.

^{III} У Ленина: «Ожидать, пока трудящиеся массы произведут революцию во всемирном масштабе, значило бы навеки остаться в ожидании. Это бессмысленно». Сочинения, т. XV, стр. 287, на русском.

^{IV} Ленин. Т. XVIII, ч. I, стр. 309, на русском.

войск^I. *Простой факт существования советской власти в России* значит «для рабочих всего мира» более, чем все описания всей буржуазной печати, враждебные Советам^{II}. Лишь *атака и завоевание* — благо. И если в этой борьбе падут и погибнут «товарищи», то это пойдет лишь на пользу делу: ибо партии нужны «герои и мученики», чтобы агитационно чтить их память^{III}. *Кровь обладает большой властью для того, чтобы радикальнейшим образом разъединять людей и самым основательным образом спаивать их воедино.* И об этой тайной власти крови коммунисты не забывают никогда.

Последнее наступление

Так в общем готовится или уже ведется всемирная гражданская война. Хотя сами коммунисты знают лучше, чем весь остальной мир, что они приобретут или потеряют в этой окончательной борьбе. Поэтому можно быть уверенным, что подготовка ведется систематически и всесторонне. На самом деле во всем мире с огромной настойчивостью проводится *негативная работа*. С одной стороны, «обостряют противоречия», разжигают алчность, стравливают друг с другом врагов — «как в международном масштабе, так и в отдельно взятых странах и даже внутри промышленного класса, для того, чтобы использовать их всех в своих интересах»^{IV}. С другой — «втягивают в борьбу сотни миллионов колониальных и полуколониальных рабов»^V; во всем мире подтачивают буржуазный класс, как врага, изнутри; с каждым годом повсюду растет число

^I Мануильский. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 370, на русском.

^{II} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 49, на русском.

^{III} Решение XI коммунистической партконференции, 1921 г.; Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 512, на русском.

^{IV} Красин. См.: Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 117—118, на русском.

^V Стенографический отчет XII партсъезда, стр. 228, на русском.

действующих ячеек; и зреет, сообразно своему лозунгу, главная задача: *будущая «империалистическая война» должна быть и будет превращена «в гражданскую войну», в «единственную справедливую войну угнетенных против угнетателей»* (Карл Маркс)^I; и таким образом буржуазия будет «свергнута»^{II}.

Нет ни малейшего сомнения, что социология будущего не только проследит, опишет и объяснит кратко очерченный здесь образ действий коммунистов, но и соотнесет его с их духовными и хозяйственными основами. А нам здесь придется удовольствоваться данным, предварительным, аналитическим описанием.

А. фон Бунге¹³

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Ее значение

Коммунистическая партия Советской России — большевики — господствующая политическая власть в стране. Она господствует и управляет, как персонифицированный коллектив. Она могла бы с полным правом сказать: «Государство — это я»¹⁴. Или также по Ленину: «Государство — это мы»^{III}. Вся государственная власть, на всех ступенях, находится в ее руках. В каждом советском ведомстве, в каждой профсоюзной организации, на каждой фабрике, в каждой школе, в каждом военном подразделении есть *первичная ячейка*, состоящая из имеющихся коммунистов и всегда выступающая как подлинная носительница власти. «Мы должны знать и всегда помнить, что вся правовая основа действующей

^I Бухарин. Азбука коммунизма, стр. 91, на русском; см. также решения коммунистов во время мировой войны — Манифест от сентября 1914 г. и конференция в марте 1915 года: Российская коммунистическая партия в резолюциях, стр. 123, 126, на русском.

^{II} Угланов. См.: Стенографический отчет XV партсъезда, стр. 124, на русском.

^{III} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 2, стр. 55.

конституции Советской республики основана на том, что всё по единому принципу исправляет, назначает и строит Коммунистическая партия»^I. «Коммунистическая партия есть орган управления Советской республики»^{II}, — однажды сформулировал Каменев¹⁵. «Куда бы ни пошел коммунист, он везде призван всем управлять, а не выполнять подчиненную работу»^{III}. Чем последовательней, чем радикальней в стране проводится обобществление, тем больше значение Коммунистической партии. Ее Центральный Комитет все более становится единственным законодателем Советского Союза. Целый ряд важнейших мероприятий, как, например, коллективизация крестьян, привязывание рабочих к их заводам и фабрикам, меры по повышению производительности труда и т. д., непосредственно и окончательно решаются и предписываются Центральным Комитетом партии. Коллективизация сельского хозяйства, бросившая в этом году тень на всю жизнь в Советском Союзе, была специально проведена почти исключительно Коммунистической партией. Советский аппарат не играл в этом почти никакой роли. Таким образом, Коммунистическая партия образует новый правящий класс, который решает судьбу государства и народа.

Число членов

Что представляет собою этот новый правящий класс, этот носитель суверенитета? 1 апреля 1930 года партия насчитывала 1 852 090 членов и кандидатов в члены партии^{IV}.

Все население Советского государства насчитывает теперь около 156 миллионов человек. Так что на каждую 1000 человек приходится 12 коммунистов, а это значит, что Коммунистическая партия составляет 1,2 процента всего населения страны, или 2,1 процента населения в возрасте старше 18 лет. Но в зависимости от того, рассматриваем мы город или деревню, это соотношение не-

^I Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 2, стр. 181, 182.

^{II} Стенографический отчет IX партсъезда, стр. 284. В научно-правовом отношении совершенно неверная формулировка.

^{III} Там же, стр. 297.

^{IV} См. подборки Никитина, опубликованные к XVI партсъезду: «Правда», 26 июня 1930 г.

постоянно. В 1928 году число коммунистов составило 3,18 процента городского населения; однако среди сельского населения они были представлены всего 0,26 процента^I. В то же время в одной внутренней России (РСФСР) число коммунистических ячеек на селе достигало 15 500; а сельских общин насчитывалось 310 000, т. е. на каждую коммунистическую ячейку приходилось более 20 таких сельских единиц. Средняя численность одной коммунистической ячейки составляла 13 человек^{II}. Поэтому безо всякого преувеличения можно сказать, что *коммунистические ячейки — лишь маленькие островки в безбрежном крестьянском море.*

Число членов Коммунистической партии очень изменчиво. Оно колебалось между 446 000 на 1 января 1924 г. и 1 852 090 на 1 апреля 1930 г. Это самое большое число до сей поры. Этому приросту предшествовала усиленная вербовка членов, из-за чего в первом квартале 1930 года ряды партии пополнились на более чем 200 000 новых членов. По сравнению с тем же периодом предыдущего года прирост — более чем вдвое.

Классовый состав партии

На 1 апреля 1930 г. классовый состав партии выглядел так: 68,9% составляли рабочие, 18,7% — крестьяне, 12,4% — служащие и прочие^{III}. Большое количественное превосходство рабочих кажется совершенно соответствующим характеру Коммунистической партии, ведь она выступает как носитель и хребет «диктатуры пролетариата»: «Наша партия — пролетарская партия». «Наша партия, со всех сторон окруженная буржуазными элементами, должна принимать все меры для укрепления своего пролетарского ядра», — постоянно повторяют в своих речах коммунистические вожди. «Не каждому выпадает честь быть членом партии, основателем и руководителем которой был Ленин. Сыновья рабочего класса, сыновья нужды и борьбы, сыновья огромных лишений и героических усилий, они предназначены

^I Коммунистический календарь, 1928 г., стр. 43.

^{II} Там же.

^{III} «Правда», 26 июня 1930 г.

быть членами этой партии»^I. Резолюции всех конференций всякий раз вновь отмечают, что необходимо *при любой возможности увеличивать число рабочих* и сделать процент рабочих как можно более высоким.

Но понятие «рабочий» в классовой статистике не классовое понятие, а *чисто сословный термин*. Рабочими называют как настоящих рабочих (так называемых «рабочих у станка»), так и *бывших* рабочих, позднее сделавшихся *служащими* или *чиновниками*. Так как очень большое число коммунистов находится на государственной службе (по данным партийной переписи 1929 года, 439 000 из общего количества в 1 145 000 коммунистов причисляются к служащим государственного аппарата, причем сюда не относят множество служащих партийного аппарата управления и профсоюзных организаций), то *главные фигуры* Коммунистической партии — *государственный служащий* и *чиновник*. Они образуют самую большую по количеству, а также самую влиятельную группу в партии. За последнее время удалось увеличить число «рабочих у станка» в партии, однако партийная пресса сетует, что большое число коммунистов-рабочих постоянно переходит на службу в государственный аппарат или отсылается для выполнения партийных заданий в деревню^{II}. Партийная фразеология, непрестанно утверждающая, что только рабочий есть настоящий хребет Коммунистической партии, а деклассированный чиновник, напротив, лишь нежеланный довесок партии, не может отрицать того факта, что «рабочий у станка» остается в партии редким гостем. По всем этим причинам Коммунистическую партию вряд ли можно назвать рабочей партией и партией диктатуры рабочих.

Если рабочий в партии без ограничения рассматривается как элемент желанный, то тем более неясно и неопределенно отношение к крестьянину. *С одной стороны*, часто звучат жалобы на то, с каким трудом развивается коммунизм в деревне. «Значение нашей партии в деревне совсем ничтожно. Крестьянское население в возрасте от 18 до 60 лет насчитывает в государстве

^I Сталин.: «Правда», 26 июня 1930 г.

^{II} См. там же.

53 миллиона. Коммунистов же в деревенских ячейках всего 136 000 человек, т. е. 0,26%. Чрезвычайно медленно идет рост нашей партии в деревне»^I. С другой стороны, для крестьян при вступлении в партию создаются любые мыслимые трудности. Крестьяне у коммунистов, собственно, — незванные гости. В каждом крестьянине они чувствуют кулака, идеологического, богатого крестьянина; а настроения в кулачестве составляют постоянную заботу коммунистов. Крестьяне — плохие члены партии. Они не хотят добровольно вступать в коммуны и коллективные хозяйства («колхозы»). «У меня большое хозяйство, — говорит крестьянин, — зачем же мне идти в коммуну? Там собрались лентяи; работать они не хотят. Там я лишь порушу мое собственное хозяйство и сделаюсь нищим»^{II}. Чем меньше таких членов партии, тем лучше, — утверждают некоторые теоретики партии. Так, крестьянам не только чинятся трудности при вступлении в партию, но порою ворота в партию для них просто закрыты. Например, в 1923 году вступление в партию крестьянам было начисто заказано.

Трудности при вступлении в партию

Кажется странным сравнительно малое количество коммунистов-партийцев. Коммунистическая партия обладает монополией на власть; она является раздатчиком всех благ. Соответственно чрезвычайно велико и число стремящихся в нее вступить; но попасть в партию нелегко. Каждая политическая партия обычно стремится к увеличению числа своих членов; у коммунистов же все происходит иначе. «Мы опасаемся чересчур большого увеличения партии, — сказал Ленин, — для нас важнее иметь не слишком большое число хорошо дисциплинированных членов партии с ярко выраженным классовым инстинктом, чем безбрежное количество мелких буржуа»^{III}. Сообразно с этими словами ворота партии открыты лишь для «настоящих» представителей коммунизма; все же прочие смертные, не обладающие подобными привилегиями, прежде, чем они будут допущены в

^I Сталин. См.: Стенографический отчет XIII партсъезда, стр. 522.

^{II} «Комсомольская правда», № 33, 1929 г.

^{III} Ленин. Сочинения, т. XVII, стр. 137.

партию, вынуждены подвергаться предварительному и порою продолжительному испытанию. Разумеется, можно легко обойти или взломать все те запоры и замки, которые должны охранять «чистоту» партии. Ленин говорил со всей присущей ему решимостью: «К нам, в правящую партию, постоянно стремятся проникнуть всякие проходимцы и карьеристы, не заслуживающие ничего иного, кроме как быть расстрелянными». «Они называются коммунистами и обманывают нас; они пришли к нам, потому что мы теперь у власти и *потому что честные элементы боятся к нам идти вследствие своих отсталых идей и убеждений*. У карьеристов же, в отличие от них, нет ни убеждений, ни какой-либо честности»^I. Чтобы удалить подобные элементы, «которые придают партии такой вид, будто бы две партии соединились в одну»^{II}, надо непременно тщательно проверять и постоянно «чистить» партийные кадры.

Чистка партии

«Время от времени надо проходиться метлой по рядам партии», — заявил Сталин на XII партийном съезде. «Партия, несомненно, развалилась бы, если бы не удалась посредством «чистки» те ее члены, которые придерживаются антипартийных взглядов»^{III}. Уже в 1920 году была проведена всеобщая чистка, во время которой из общего числа в 750 000 членов было исключено 174 000, т. е. примерно 23%. Помимо этой всеобщей чистки, в ходе уездных и губернских чисток в последующие годы было исключено еще 265 000 членов партии. Подобная чистка говорит сама за себя. Она лучше всего показывает, как Коммунистическая партия решает судьбу своих членов и как она вмешивается в самые интимные области их повседневной жизни. В период чистки проверяют не только классовую принадлежность каждого, не только его партийную деятельность и его поведение в партии, но и докапываются до мельчайших подробностей его личной жизни. Так, например, во время недавней чистки в Нижнем Новгороде у членов

^I Ленин. Сочинения, т. XVII, стр. 38.

^{II} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 352.

^{III} Ленин. Сочинения, т. VII, стр. 122.

партии спрашивали, почему у них дома есть трюмо, ковер и т. д. и почему у них дома не висят портреты коммунистических вождей^I. В Бугульме одного партийца спросили, правда ли, что он нередко есть печенье «Красный Октябрь» и не слишком ли это отягощает его личный бюджет; далее, почему он ходит в кино один и оставляет свою жену дома, почему он не «раскрепощает» ее и т. д.^{II} В Москве опрашивали студенток, откуда они берут средства для покупки пудры и почему они ходят на прогулки с *беспартийными* студентами.

Причины для исключения различны. Чаще всего они обосновываются *пьянством, хулиганством, растратами* и т. д. Двух партийцев исключили даже по причине «попытки самоубийства». Очень тяжким проступком считается брак с представителем классового врага. Для него даже придумали специальное название — «несоответствующий брак», за которым часто следует исключение из партии. Один из теоретиков коммунизма д-р А. Залкинд¹⁶ обосновывает эти строгости тем, что сексуальное влечение к представителю классового врага так же противоестественно и извращенно, как сексуальное влечение к крокодилу или орангутану. При этом он явно забывает, что сам так сильно обожествляемый коммунистами Карл Маркс состоял в браке с «аристократкой» и оставался верным ей всю жизнь.

Коммунистическая мораль

При строжайшем преследовании за определенные упущения и проступки у коммунистов наблюдается большая терпимость по отношению к другим действиям, чрезвычайно презренным в глазах других классов. Как и во всех других вопросах, глашатаем коммунистической морали был сам *Ленин*. Он непрестанно подчеркивал: *«Морально всё то, что идет на пользу и выгодно Коммунистической партии»*. Со свойственным ему цинизмом и привычкой называть вещи своими именами он говорил: «Партия не пансион для благородных девиц; не стоит мерить партийных работников по мерке мелочной буржуазной морали. *Может случиться, что негодяй окажется*

^I «Известия» от 11 апреля 1929 г.

^{II} «Правда» от 10 мая 1929 г.

ся нам полезным именно потому, что он негодяй»^I. В соответствии с подобными взглядами в партии остаются, пользуются большим уважением и делают блестящую карьеру такие люди, как известный большевик Виктор Таратута¹⁷. Ленин говорил социал-демократическому историку Рожкову об этом Таратуте: «Он хорош именно тем, что не останавливается ни перед чем; могли бы Вы, например, для осуществления целей партии быть на содержании купеческой жены? Нет, и я бы этого не сделал. А Таратута смог. Этот человек незаменим». Писатель Ярославский рассказывает о другом известном большевике Лежава-Мурате¹⁸, что он в эпоху царского режима был агентом политической тайной полиции (охранное отделение). Хотя это всем было известно, Лежава¹⁸ сделал блестящую карьеру, причем его прошлое было поставлено ему в вину, лишь когда он перешел в оппозицию¹⁹.

Поведение коммунистов

Вопреки всем чисткам и исключениям, вопреки контролю за членами партии и всем трудностям при вступлении в партию — Коммунистическая партия, которая должна была бы быть образцом для пролетариата всего мира, оказывается далеко не на высоте своего предназначения. Советская печать изобилует упреками членам партии, которых она обвиняет в различных нарушениях и заблуждениях во всевозможных областях. «Члены партии пьют больше, чем беспартийные»^{IV}. «Коммунисты, число которых на Сиасской фабрике составляет 35 процентов от общего числа рабочих, ведут себя хуже, чем прочие. Они засыпают пьяными у станка, курят в рабочее время, калечат себе пальцы и ноги»^V. Например, на фабрике «Лента» полностью разложилась коммунистическая ячейка. Люди пьянствовали, принимали в партию лишь начальников и вообще только «нужных» элемен-

^I См. у социал-демократа В. Войтинского: Годы побед и поражений, т. 2.

^{II} Журнал «Большевик», 1928 г., № 23—24.

^{III} Ст. Иванович, ВКП, стр. 189, на русском.

^{IV} «Комсомольская правда», № 53, 1929 г.

^V «Прожектор», 14 апреля 1929 г.

тов. Коммунист-директор фабрики принуждал миловидных работниц к сожительству, преследовал рабочих за так называемую «самокритику» и т. д.^I На текстильной фабрике имени Ленина несколько членов коммунистической ячейки были приговорены к тюремному заключению за систематическое организованное воровство шерсти^{II}. В Астрахани, в мае этого года, были отданы под суд^{III} за пьянство, оргии, разврат, подкуп, растраты, изнасилование и т. д. 45 членов партии, подавляющая часть которых состояла в Коммунистической партии с 1917 года. Подобные примеры можно приводить бесконечно. Советская печать просто отмечает, что члены партии деморализуют остальных, вызывая у них убеждение, что коммунистам все дозволено, что им все сходит с рук и т. д.

Коммунисты как правящая партия

Коммунисты также не слишком оправдали себя как новая правящая партия. Ленина, первоначально придерживавшегося мнения, что каждая кухарка может управлять социалистическим государством, опыт в короткое время научил иному. Уже на пятом году существования большевистского правительства, на XI партсъезде, он заявил: «Коммунисты прекрасно умеют говорить о революционной борьбе; но чтобы найти выход из нашего положения, нашей бедности и нашего нищенства, нам нужны осмотрительные, культурные и надежные люди; однако такими мы не располагаем. Никто в этом не виноват; всюду царят суматоха, сумбур и бессмыслица. Хозяйствовать мы не умеем. Мы совершенно ясно доказали, что не умеем хозяйствовать, как капиталисты. Это надо понять и не бояться признать, что в 99 случаях из 100 ответственные коммунисты занимают не те посты, к которым они пригодны»^{IV}.

Покойный Красин¹⁹, один из ближайших сотрудников Ленина, еще более резко отозвался о своих товарищах по партии. В недавно опубликованных в Лондоне пись-

^I «Комсомольская правда», № 33, 1929 г.

^{II} «Труд», № 220, 1928 г.

^{III} «Комсомольская правда», № 120, 1929 г.

^{IV} Стенографический отчет XI съезда, стр. 37—38.

мах к жене он пишет: «Трудно составить себе представление о беспорядке, царящем в Москве. Невежество в высоких инстанциях Москвы так велико, дела ведутся так плохо, что лично я теряю всякую надежду. Мои партийные товарищи были болтунами и болтунами остались. Вся моя работа и все усилия снова потеряны. Группа идиотов уничтожила всю мою работу примерно так, как мальчишка разрывает паутину»^I. В другом месте Красин так описывает своих товарищей по партии: «Среди нас находятся 10% идеалистов, которые готовы умереть за свои убеждения, но не способны их осуществить; и 90% мошенников и карьеристов (честолюбцев), которые присоединились к нам для собственной пользы и выгоды».

Кажется невозможным еще что-либо добавить к суждениям таких знатоков своего окружения, как Ленин и Красин. Особенно часто сетует Ленин на недостаток культуры и образования среди коммунистов. Он дошел даже до следующих сравнений и предпосылок: «Если победивший народ стоит на более высокой ступени культуры, чем побежденный, то он навязывает последнему свою культуру. Но бывают и противоположные случаи. Разве не случилось подобное в столице СССР и разве коммунисты не порабожены чужой культурой?»^{II}

Образовательный ценз коммунистов

Подтверждением сетований Ленина на необразованность коммунистов служат данные о степени их образованности. Согласно партийной переписи 1927 года среди членов партии имели^{III}:

высшее образование	9 614, т. е. 0,8%
среднее образование	104 707, т. е. 9,1%
народная школа	720 203, т. е. 63,0%
домашнее образование	283 512, т. е. 21,8%
неграмотных было	26 100, т. е. 5,3%

^I Красин. Письма жене. Письма от 25 сентября и 8 октября 1922 г.

^{II} Ленин имеет здесь в виду «буржуазную» культуру дореволюционной России. См.: Стенографический отчет XI партсъезда, стр. 37—38.

^{III} Коммунистический календарь, 1928 г., на русском.

Таким образом, из общего числа коммунистов, составляющего в 1927 году 1 143 150, лишь 114 231, т. е. 9,9 процента, имели высшее и среднее образование. В то же время число тех коммунистов, которые находятся на государственной службе, занимают различные посты и управляют страной — 438 832 человека. Даже если предположить, что в это число входит 114 231 коммунист с высшим и средним образованием, тем не менее все же остаются еще 324 501 служащий с домашним образованием и образованием, полученным в народной школе, которые представляют правительство. Наверное, поэтому, например, коммунист Бумажный жаловался на XII съезде партии на часто встречающуюся неграмотность в аппарате партии и государства. В последнее время процент неграмотных сократился, и 1 апреля 1930 года он достигал всего 1,6% всей Коммунистической партии и 3,5% неграмотных коммунистов в крестьянских ячейках^I. Насколько низок уровень грамотности членов партии, можно увидеть из того, что из 1184 руководящих служащих одного района 1 апреля 1930 года лишь 34, т. е. 3,5% имели высшее образование, 16,2 процента среднее и 80,3 процента образование народной школы^{II}.

Внутренняя жизнь партии

Кажется ясным, что внутренняя жизнь партии, состоящей из описанных элементов, не может проходить на высоком духовном уровне. Таким образом, прежняя маленькая Коммунистическая партия, насчитывавшая примерно от 40 000 до 50 000 членов и рекрутировавшаяся преимущественно из интеллигентов и рабочих с «высоким классовым сознанием», проникнутая революционным пафосом, спаянная многолетней совместной «подпольной» (тайной) работой и 12 лет назад захватившая власть, за это время совершенно изменилась. Она превратилась в тяжеловесную, переполненную чужеродными элементами правительственную партию, обладающую монополией на власть и легальность. Почти невозможно участвовать в политической или в хозяйственной жизни, находясь вне партии. У партии нет соперников, ей не

^I «Правда», 20 мая 1930 г.

^{II} Там же.

нужно ни с кем бороться. Ее теории и ее убеждения закоснели. В трудах Ленина «всё» выяснено и решено раз навсегда. Здесь есть ответы на все вопросы теории и практики. В настоящее время партия не обладает даже вождем, который мог бы персонифицировать ее идеологию и вместе с ней ее волю. Сталин представляет собою волю, но не мышление партии. Партийная жизнь как таковая находится в застое. Для рядового члена партии она состоит лишь в посещении обязательных собраний и демонстраций, которые посещаются только из страха перед партийным контролем. «Собрания бесконечно скучны. Приходится выслушивать доклады, решения по которым подготовлены уже задолго до того. Рядовой член партии предпочитает отмалчиваться по всем вопросам, лишь бы не попасть в какие-либо «отклонения». Путеводная нить для поведения заключается в том, чтобы не впасть ни в какие заблуждения. И так как не заблуждается лишь тот, кто ничего не делает, то член партии предпочитает, насколько возможно, ничего не делать, дабы не совершить ошибок. Заинтересованность только одна: как-то узнать, за кого или за что будет голосовать большинство, чтобы голосовать вместе с ним»^I. «Партия живет на двух этажах. На верхнем этаже всё решают, а на нижнем лишь узнают содержание решений»^{II}. «Верхний слой решает всё, не спрашивая партии; партия здесь только присутствует, она «прорабатывает» принятые решения и соглашается с ними»^{III}. Члены партии освобождаются от продумывания вопросов. Становится привычкой «не думать, а только излагать и комментировать»^{IV}.

Члены партии «нижнего этажа» выслушивают партийные доклады, которые делаются по одной и той же схеме. Пропадает интерес к собраниям. Точно так же катастрофически сокращается посещение этих собраний. Коммунистическая печать оповещает о различных мерах, которые должны служить увеличению числа при-

^I «Комсомольская правда», № 137, 1929 г.

^{II} Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 264.

^{III} «Правда», 24 июня 1930 г.

^{IV} Там же.

сутствующих. Так, в некоторых городах после собраний предлагается бесплатное кино, причем на демонстрации фильма могут присутствовать лишь те, кто действительно прослушал доклад. В других местах кино заменяют духовым оркестром или танцами. Но все эти меры на деле мало помогают, ибо печать постоянно и рьяно обсуждает вопрос, каким образом вызвать больший интерес к собраниям...

Внутрипартийные раздоры

В то время, как «на нижнем этаже» партии жизнь засыпает, на «верхнем этаже» происходит сильная внутренняя борьба. Эта борьба началась еще при жизни Ленина. После его смерти и с ростом трудностей в жизни государства она принимала всё более острый характер. Это не была просто борьба за власть, это была острая коллизия различных убеждений, различных течений в коммунизме, а также борьба различных элементов внутри самой партии. Коммунистические теоретики рассматривали эти раздоры как результат постоянного притока в партию *мелкобуржуазных элементов* и их желания самим захватить власть. Рассмотрение всех этих тактических и принципиальных вопросов, возникновение которых раскололо некогда единую партию на несколько частей, завело бы нас слишком далеко, тем более что многие из этих раздоров сегодня имеют только исторический интерес. Необходимо, однако, указать на одно из последствий этих раздоров, ибо оно имеет чрезвычайно большое значение.

Старая гвардия Ленина

Вожди Коммунистической партии, ее «элита» — старые большевики, так называемые «подпольщики», еще в довоенное время нелегально («подпольно») участвовавшие в борьбе за революционный переворот и входившие в партию еще тогда, когда членство в ней не приносило привилегий и выгод, а было связано с опасностью и лишениями. Ленин, на которого, собственно, приходится ссылаться при любой постановке вопроса, сказал: «Характер нашей партии определяется не ее сегодняшним составом, а колоссальным и безграничным

авторитетом того чрезвычайно тонкого слоя, который можно считать старой гвардией партии»^I.

И вот ныне ряды этой старой гвардии сильно поредели. После партийной переписи 1927 года таких товарищей осталось лишь 10 728, т. е. менее одного процента всех членов партии. «Половина из них инвалиды, которые раз навсегда ушли с фронта»^{II}.

Коммунистическая партия приняла ряд мер для ухода за этим вымирающим остатком, за этими «людьми слова и дела». Были выработаны бесчисленные предписания, по которым эти старые члены партии должны организовывать свою жизнь до минуты, чтобы как можно дольше служить партии и Коммунистическому Интернационалу. Но эти меры остаются бесполезными, и группа старой гвардии вымирает. На XIV съезде партии было заявлено: «Мы ежедневно хороним наших лучших товарищей»^{III}. Именно внутренние раздоры в партии раскалывают и раздробляют этот тонкий слой старой гвардии. Один за другим уходят эти ближайшие соратники Ленина.

Внутренняя борьба

Происходит свойственный всем революциям процесс вымирания «ортодоксальных» вождей революции. По неясным причинам этот процесс еще не принял формы обоюдной казни, как это было во времена Французской революции. «Французские революционеры утопили друг друга в крови, — пишет один немецкий журналист, — русские революционеры топят друг друга в болоте. Но результат тот же самый: уход активных революционеров и их вынужденное безделье». И мы на самом деле видим в Советской России подлинное отлучение этих активных революционеров старой гвардии. Беспреданно старых активных членов партии лишают их руководящих постов, а возможно, и исключают из рядов партии и приговаривают, таким образом, к политической смерти.

^I См. цитату в Стенографическом отчете XIV съезда партии, стр. 285.

^{II} Партия в цифрах. Москва, 1928 г., стр. 93, на русском.

^{III} Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 825.

Психическая смерть и наступление инвалидности поддерживаются в своем уничтожающем воздействии еще и этим «увольнением» и ссылкой. «Политика «увольнений» полна риска для партии. Этот метод опасен и заразителен. Сегодня один, завтра другой, послезавтра очередь третьего. Кто же останется в партии и что будет с партией?» Так высказывался Сталин в декабре 1925 года. А сегодня — тот же Сталин рьяный предводитель и исполнитель однажды осужденной им политики. Известнейших вождей он ссылает в небольшие города, выбрасывает их из партии и лишает постов. После удаления Томского²⁰, Бухарина и Луначарского вокруг Сталина не осталось ни одного соратника Ленина, кроме Рыкова¹. Все они заменены новыми лицами, игравшими при Ленине лишь подчиненную роль. В своей борьбе со старой гвардией Сталин стремится опереться на более молодые, послереволюционные элементы. На первый взгляд, он остается победителем; но вот вопрос, как долго и как далеко эти элементы будут следовать за ним.

Так в общем выглядит Коммунистическая партия в конце 13-го года своего господства. На опыте этих лет мы видим, что Коммунистическая партия создала огромную партийную бюрократию, но которая скверно справляется с порученной ей работой, потому что она плохо обучена и мало образованна, которая, однако, *прочно засела на теплых местах в руководстве* и видит свой интерес преимущественно в том, как сохранить это состояние. *Коммунистическая партия утратила свой революционный пафос.* Она пронизана новыми, часто чужестранными элементами, присоединившимися к ней не из идейных соображений, а лишь из соображений личной выгоды, которая всегда связана с принадлежностью к правящей партии. Эти элементы всё больше задают тон в партии. Старое поколение коммунистов ослабело и устало; оно жаждет своей замены, а от характера этой замены зависит многое и в дальнейшей судьбе революции.

¹ Недавно «обезврежен» и Рыков (ноябрь 1930 г.).

Проф. Н. Тимашев²¹

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИКТАТУРЫ

Изучение организации диктатуры относится к труднейшим задачам. Диктатура слишком редко набирается мужества выступить открыто, так, как это делает диктатура Муссолини. На устройство своей власти диктаторы обычно накидывают покровы, и это происходит не без причины: эти покровы, с одной стороны, затрудняют борьбу с подлинной организацией, с другой — создают наивных людей, судящих о ядре по внешней оболочке и довольствующихся данным положением вещей.

Конституция

Диктатура, существующая в России, особенно сильно завуалирована. Хотя открыто и признается, что диктатура существует. Советское государство возвеличивается своими друзьями как диктатура трудящихся, рабочих и крестьян. Было бы Советское государство таким, каким оно предстает в конституциях, то едва ли стоило бы даже упоминать о диктатуре. Потому что «нетрудовые элементы», пребывающие вне политической жизни, составляют после всех грабежей лишь малую толику всего населения, а изложенная в Конституции организация хотя и весьма своеобразна, но тем не менее наверняка может называться демократической. Известно, что рабочие, объединенные по единицам производства, и крестьяне сельских общин избирают своих «доверенных лиц», которые вкуче образуют местный Совет. Этот Совет, с одной стороны, избирает свой исполнительный орган, а с другой — делегацию в Совет высшей ступени, который технически называют «съездом Советов». То же происходит на всякой другой ступени, так что Всесоюзный съезд Советов, которому по Конституции принадлежит высшая власть в стране, выступает как хотя и опосредствованное, но все же представительство трудящихся масс, и избранные им высшие исполнительные органы Совет народных комиссаров и Всесоюзный исполнительный комитет — только как исполнители народной воли, представляемой названным съездом. Решения, таким образом, осуществляет масса активных

граждан, что особенно ясно из того, что все представительные и исполнительные органы избираются на довольно короткий срок.

Но конституционное Советское государство *не существовало ни единого мгновения*. Переворот 7 ноября 1917 года, официально вызвавший его к жизни, был осуществлен верхушкой Коммунистической партии, которая взяла действительную власть в государстве в свои руки. Однако эта верхушка понимала, что провозглашение ею своей диктатуры натолкнется на сильное сопротивление народных масс. И она с самого начала уступила номинальную государственную власть системе Советов, возникшей еще при Временном правительстве и существенно способствовавшей его падению. Партийная верхушка смогла осуществить это с тем большей легкостью, что добрая часть системы Советов уже тогда находилась в ее руках. Т. е. Ленин и его ближайшие сподвижники начинали свое правление не как Центральный Комитет победоносной Коммунистической партии, а как Совет народных комиссаров. Власть в провинции номинально передана исполкомам Советов и съездам Советов; но одновременно была проявлена забота о том, чтобы все эти исполкомы находились в руках местных партийных организаций.

Так с самого начала возникла двойная государственная власть. За каждым из органов, относящихся к системе Советов, был поставлен соответствующий партийный орган, и руководство первого было гарантировано последними. Это обстоятельство в первые годы замалчивалось. Но обстоятельства постепенно изменялись. Позднее важнейшие решения принимались от имени «партии и Советской власти»; в последнее время Центральный Комитет неоднократно издавал по важным случаям самостоятельные предписания. В нужное время появилась теория, объясняющая и оправдывающая действительное положение. В ней говорится: трудящимся, столетиями находившимся в угнетении, грозит опасность из-за коварства капиталистов утратить однажды завоеванную государственную власть. Чтобы предотвратить эту опасность, управление должно принадлежать лучшей части класса трудящихся с наиболее высоким классовым сознанием. В качестве этой лучшей

части, в качестве передового отряда пролетариата восхваляется пролетарская партия, Коммунистическая партия. Она должна от имени трудящихся масс и в их интересах осуществлять государственную власть. Эта теория не содержит, собственно, ничего нового. Это вариант обычного оправдания руководства организованного меньшинства.

Устав партии

Уже говорилось, что внешне организация Советов есть демократическая организация. Эта *видимость демократии* осеняет и другую часть советской системы и партийной системы. При чтении уставов партии непременно приходишь к выводу, что внешне диктаторски правящая организация внутренне «демократически» организована. Устройство партии, согласно уставу, можно передать следующим образом.

В каждом советском ведомстве, в каждой профсоюзной организации, на каждой фабрике, в каждой школе, в каждой военной части и т. д. образуется первичная ячейка из имеющихся коммунистов. В каждой ячейке есть общее собрание, которое принимает решения по принципиальным вопросам, и бюро, которое выполняет решения общего собрания и разрешают текущие вопросы. Кроме того, общее собрание избирает делегатов на партийные конференции следующей ступени, которые за одним-единственным исключением, касающимся военных ячеек, всегда территориально организованы, т. е. объединяют коммунистов одной части территории (обычно волости, примерно одного округа в Пруссии или части города). На этой ступени существуют два органа: конференция, состоящая из всех делегатов нижней ступени и как бы выполняющая функции общего собрания на нижней ступени, и комитет, соответствующий бюро. Таково же устройство и вышестоящих организаций, соответствующее районам и областям. Но тут надо отметить две вещи. *Во-первых*, исполнительный орган распадается на этих ступенях на представительную, но и здесь именуемую *комитетом*, коллегия и на более узкую, которая называется *бюро*. И *во-вторых*, областные организации соответствуют не одним лишь областям, а и более крупным образованиям — автоном-

ным и союзным республикам. Только соответствующие организации называются несколько более торжественно; их комитеты названы Центральными Комитетами. В уставах, однако, недвусмысленно выражено то, что речь идет только об областных комитетах *одной-единственной* Коммунистической партии СССР, а никак не о *союзных партиях* (как это обстоит у коммунистических партий Германии, Франции и т. д.).

Схоже и построение центральной ступени. И здесь есть съезд партии и Центральный Комитет. Но единственному бюро областной ступени соответствуют три органа: Политбюро, Организационное бюро и Секретариат. *Политбюро* — самый важный из этих органов.

Так, строение партии совершенно *параллельно* строению Советов. Если бы система функционировала на самом деле, то важнейшие решения принимались бы партийными массами в своих ячейках. Вышестоящие и высшие организации должны были бы лишь устанавливать волю партийных масс, организовывать и осуществлять ее.

Однако изучение партийных уставов дает такую же малую возможность разгадать подлинную организацию нынешней русской диктатуры, как и изучение советских конституций. Была бы это действительно диктатура партии, государственная власть принадлежала бы Всесоюзному съезду партии, а не Всесоюзному съезду Советов. В действительности же государственная воля образуется не съездом партии, не Центральным Комитетом и не Политбюро, а органом, партийным уставам неизвестным.

Первая диктатура

В действительности во главе государства стоит *диктатор*, чей пост какое-то время занимал союз из трех человек. Политбюро лишь следующий важный орган, однако зависящий в любом отношении от диктатора (а не от Центрального Комитета и не съезда партии).

Эти факты можно объяснить только исторически.

Положение Ленина в партии уже во время борьбы за государственную власть было совершенно выдающимся.

Переворот возвысил это положение до положения *самодержца*, и это по той причине, что он провел решение о перевороте вопреки мнению всех вождей, за исключением Троцкого²² и Сталина, и затем выиграл

большую игру с Брестским миром, которому он с самого начала отводил лишь короткий срок. Его положение в партии охарактеризовано после его смерти одним из его учеников следующими словами: «При возникновении сомнений был такой человек, который мог истолковать решения съезда от имени партии, и все знали, что это истолкование принадлежит всей партии». На самом деле он излагал иногда решения съездов вопреки их ясному смыслу, т. е. принимал решения как абсолютный монарх. Ему были послушны, как послушны пророку. Никто в России не обладал такой личной властью, как Ленин. Его переизбрание в Центральный Комитет и Политбюро партии, а также избрание предложенных им лиц и неизбрание неудобных ему кандидатов было всегда полностью обеспечено.

При жизни Ленина, или, вернее говоря, до его болезни, Политбюро состояло из малого числа (обычно 5) лиц из ближайшего окружения вождя. Сначала там, кроме Ленина, сидели Троцкий, Каменев, Сталин и Крестинский²³. После того, как Крестинский впал в немилость, его заменили Зиновьевым²⁴. Политбюро было в эту пору узким советом вокруг правителя государства. Больше всего диктатора интересовала внутренняя политика, и он фактически председательствовал в Совете народных комиссаров. Коллеги помогали ему в управлении остальными ветвями в высшей степени сложной государственной машины. Но они сидели вокруг Ленина не как руководители отдельных ведомств, а как *его доверенные лица*. Заседания в это время были не более чем формальностью; стенограмм не записывали, и формальные заседания нередко заменялись телефонными переговорами.

Замена правителя довольно трудное дело для единовластия. Слишком часто при этом власть попадает в руки личности незначительной, которая вскоре утрачивает ее (укажем, например, на преемников Оливера Кромвеля или в XVII веке в России — Бориса Годунова). Плавание корабля советской диктатуры облегчила чистейшая случайность.

Ленин не исчез внезапно; вначале он серьезно заболел. Но затем поправился настолько, что снова смог заняться высшими государственными делами, хотя и не

так непосредственно, как прежде. С его последней болезни до его смерти прошли десять с половиной месяцев, в течение которых можно было управлять от имени Ленина и без спешки решать вопрос о его преемнике.

Политбюро

Особенность его кончины определила и особенность его замены. Вначале возросло значение Политбюро. Из узкого совета вокруг правителя оно сделалось своего рода советом регентства. Число членов с 5 увеличилось до 7. На место действительно ушедшего Ленина кооптировали Рыкова²⁵, Калинина²⁶ и Молотова²⁷.

Еще при жизни Ленина внутри своеобразного регентского совета разгорелась борьба между обоими его значительнейшими членами — Троцким и Сталиным. Троцкий был гораздо способнее и энергичнее. Сталин же занимал чрезвычайно важный пост Генерального секретаря партии. Борьба разрешилась тем, что на сторону Сталина встали Зиновьев и Каменев, возглавлявшие петербургскую и московскую партийные организации, и им, как ближайшим ученикам Ленина, пришлось в голову *сделать из Ленина своего рода икону и продолжать управлять от его имени.*

Но следовало преодолеть одну трудность — известное завещание Ленина от 4 января 1923 года, в котором он дает своим коллегам совет удалить Сталина с поста Генерального секретаря²⁸. Завещание было зачитано в Центральном Комитете в мае 1924 года, четыре месяца спустя после смерти Ленина. Имеется следующий отзыв свидетеля об этом заседании.

После того, как завещание было прочитано, возникло продолжительное молчание. Затем слово взял Зиновьев: «Товарищи, — сказал он. — Воля Ленина для нас закон. Мы пунктуально выполним все, что он нам завещал. Но мы можем с радостью отметить, что в одном пункте опасения Ленина не оправдались. Вы уже много месяцев могли наблюдать нашу совместную работу с Генеральным секретарем и вы наверняка отметили, что то, чего опасался Ленин, не произошло». В том же духе высказался Каменев, действовавший во время болезни Ленина как временно исполняющий обязанности председателя Политбюро.

Остальные члены молчали, молчал и Троцкий, всячески выказывавший свое презрение.

Так произошел захват власти триумvirатом *Сталин—Каменев—Зиновьев*. За относительно короткое время существования этой структуры высшей государственной власти выросло значение Политбюро. Внутри этого собрания сначала завязалась борьба между союзом трех и Троцким: он не желал подчиняться и угрожал государственным переворотом, который казался чрезвычайно вероятным, поскольку Троцкий командовал армией. Но Сталин блестящим ударом вырвал у противника оружие из рук, неожиданно *заменяв всех политических комиссаров армии преданными ему людьми*. После победы над Троцким внутри триумvirата разгорелась новая борьба между Сталиным, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым — с другой. Ареной этой борьбы также стало Политбюро, несмотря на то что финал ее не зависел от победы внутри него. Тем не менее это было блестящим периодом Политбюро, периодом, во время которого на его долю выпала роль чуть ли не директории.

Второй диктатор

Победил Сталин. Еще раз был применен метод расширения Политбюро, и вновь образованные места, а также те, что освободились с уходом противников нового диктатора, были заняты людьми Сталина. Существующая сегодня коллегия десяти опять приобрела новое значение внутри государственной машины. Это теперь уже не совет наиболее приближенных к вождю и больше не директория. Это *орган глав ведомств*, в котором глава государства заслушивает *советы* своих ближайших помощников и дает им необходимые *указания*. Так как эти помощники несут ответственность исключительно перед главой государства и на самом деле назначаются и смещаются им, то нынешнее Политбюро более всего схоже с правительством Соединенных Штатов, разумеется, с той разницей, которая вытекает из диктаторского характера государственной власти и принципиального огосударствления общественной жизни.

Стоит дополнить эту общую характеристику некоторыми конкретными сведениями. *Нынешнего диктатора*, который в противоположность Ленину занимается не

делами Советов, а партийными делами, поддерживают в его работе Молотов и Каганович. Внутренними делами до сих пор управлял Рыков, который возглавляет всесоюзный Совет Народных Комиссаров, а его заместитель — Рудзук²⁹. Во главе иерархии народных комитетов Советов стоит Калинин. Иностранными делами ведает Мануильский³⁰, руководящий Коммунистическим Интернационалом. Шверник³¹ возглавляет профсоюзы, которые известным образом рассматриваются как рычаг партийного господства внутри рабочего класса. Куйбышев³² долгое время председательствовал в Высшем совете народного хозяйства и руководил важнейшими делами в области хозяйства. И наконец Ворошилов³³ — глава вооруженных сил.

Один человек, носящий титул «Генерального секретаря Коммунистической партии», чья власть еще безграничнее, чем власть абсолютного монарха, и Совет министров из 9 человек — такова подлинная структура высшей государственной власти нынешней России, которую все еще — неверно — называют «Советской Россией».

Сатрапы

Центральной структуре соответствуют и локальные структуры. Во главе каждой области стоит назначенец диктатора, чье истинное положение прикрывается скромным титулом «секретарь областной организации Коммунистической партии». На следующей ступени повторяется то же положение вещей: там находится назначаемый секретарем области и утвержденный Генеральным секретарем районный секретарь; то же и на четвертой ступени сверху, где представителем подлинной государственной власти является волостной секретарь.

Секретаря области можно примерно поставить на одну доску с прусским Верховным президентом, районного секретаря — с президентом правительства, а секретаря волости — с земельным советником, разумеется, учитывая разницу, определенную автократично-бюрократическим устройством государства, *которому абсолютно чужда мысль о самоуправлении*.

Партбюро областной и районной ступени полностью соответствуют Политическому бюро в Москве. Действительно стоящий во главе секретарь обычно управляет

партийными делами внутри данной области и поддерживается в этом человеком, руководящим организационным отделом. Из остальных членов бюро один обычно председатель исполкома съезда Советов. Так как ему одновременно подчиняются и местные отделения Комиссариата народных дел, то он маленький Рыков и маленький Калинин в одном лице. Один из членов бюро — председатель соответствующего Совета профсоюзов и, таким образом, соответствует Швернику в центре. Некоторые другие стоят во главе особенно важных отделов Комиссариата народных дел, профсоюзных или других организаций.

Итак, большинство членов партийного бюро — начальники важнейших местных ведомств. Как мы видим, партбюро — это совет чиновников-управленцев соответствующего участка области и в то же время совет, поддерживающий местного правителя и в большой степени зависящий от него, т. к. хотя его членов назначают и отзывают сверху, но обычно это происходит по предложению секретаря. Все государственные дела разрешаются членами этого совета коллегиально или персонально, с помощью бюрократически организованного вспомогательного аппарата. Следует особо подчеркнуть, что и управление охранной полицией (называемой милицией), а также политической полицией (ГПУ), после смерти Дзержинского³⁴ относится к обязанностям партийного бюро и еще более его руководителя. В том случае, если этот шеф пользуется расположением диктатора, то получается, что на самом деле он сатрап, *местный самостоятельный владыка*.

Как мы видим, власть, принадлежащая нынешнему самодержцу, унаследована им от Ленина, который захватил ее путем государственного переворота. Он унаследовал эту власть, хотя Ленин совсем не хотел его в преемники, только потому, что ему удалось устранить своих сонаследников. Как же ему теперь удастся поддерживать эту дважды замаскированную диктатуру?

Поставленный таким образом вопрос надо разложить на две части: как удерживается диктатура Сталина внутри партии и как поддерживается преимущественная власть партийных организаций внутри официальной

государственной системы, в качестве которой выступает Советская система?

Показная демократия в партии

Если вначале мы абстрагируемся от воплощенной Советами воли трудового народа и займемся изучением лишь диктатуры показной демократии партии, нам надо будет сказать следующее: Сталин твердо просидит на троне так долго, как долго будет ему верным Политбюро, т. е. его Совет министров, и как долго оно будет держать в руках все нити государственного аппарата, включая армию и полицию. Политбюро формально избирается Центральным Комитетом партии. Его члены могут быть досрочно смещены объединенным заседанием Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии, другого высшего партийного органа, как это, например, случилось с Троцким. Т. е. Центральный Комитет должен состоять из преданных диктатору людей. Центральный Комитет избирается на съезде партии. Т. е. и на этом съезде должно быть надежное большинство лиц, которые приемлемы для диктатора в Центральном Комитете.

Как обеспечить это большинство? Съезд состоит из делегатов высших партийных организаций, в которые входят в настоящее время почти одни областные организации. Делегации ныне — и в этом суть сталинской системы — составляются секретарями соответствующих организаций, а сами секретари назначаются Генеральным секретарем партии. Хотя формально все выглядит иначе: областная конференция состоит из членов партии, выбранных на районной конференции, и должна выбрать своего секретаря и свои делегации на всесоюзный съезд.

Охранная система

Тут вступает в действие та же *охранная система*, что и на высшей ступени. Чтобы сделать областную конференцию послушной ее секретарю и посредством него Генеральному секретарю, областной секретарь *назначает* всех районных секретарей, которые побуждают районные конференции составить свои делегации из *надежных лиц*. Система проводится до самого низа, так что секретари первичных ячеек на деле *назначаются* секретарями низших территориальных организаций. Эти сек-

ретари правят в своих ячейках. Стоит кому-нибудь отказаться подчиниться, его сразу же объявляют виновным в преступной «фракционности» и *исключают* при помощи контрольной комиссии вышестоящей организации, и делают это со ссылкой на уставы, которые с марта 1921 года грозят за это наказанием. Совершенно *порабощенные* первичные ячейки «выбирают» предложенного вышестоящей организацией человека секретарем и нужных людей членами делегации. Затем все происходит доверху по тому же сценарию, и *кольцо сталинского механизма самосохранения* замыкается.

Сталин, которого назначил Генеральным секретарем еще Ленин, довольно рано изобрел и применил этот механизм в жизни. В то время, как его коллеги занимались высокими политическими вопросами, держали речи, писали труды или, как Троцкий, непосредственно вмешивались в государственные дела, Сталин довольствовался проведением целенаправленного селекционного отбора в иерархии секретарей. Ленин, который, как уже говорилось, занимался преимущественно делами Советов, — т. е. по-настоящему делал политику, — как правило, подписывал предложения Сталина, точно отражающие директивы Мастера: отстранять лиц с ярко выраженной самобытностью от секретарской работы и брать секретарями *послушных людей, обладающих малой культурой*. Уже в период регентства Сталин мог поступать единовластно. Его коллеги были рады, что он не вмешивается в большую политику и довольствуется более мелкими вопросами, какими казались кадровые вопросы.

Затем наступило время больших раздоров. И здесь проявились все преимущества метода Сталина. Произносились пламенные речи против Сталина, а он молчал — и тем не менее получал на съездах и заседаниях Центрального Комитета большинство по меньшей мере в 0,9. Троцкий, Зиновьев и Каменев, кажется, до самого конца не понимали этого трюка. Они, гораздо ближе стоявшие к Ленину, чем Сталин, всегда надеялись, что сумеют убедить ленинскую партию. Но нельзя убедить отряд порабощенных карьеристов. Они принадлежат господину, от которого зависит судьба каждого из них. У кого хватало мужества не послушаться, тот тотчас же

оказывался смещенным, исключенным из партии и посланным. Результаты голосования в этих условиях *не значили ничего*. Вообще невозможно установить, что же думает партийная масса. То, что она выражает открыто, подсказано ей секретарями, и в конечном счете Сталиным, в первичных ячейках и партийных организациях.

Таким образом, партия — организация *автократическая* под маской *демократичности*. Каждое значимое решение принимается диктатором, каждое менее важное — министром, сатрапом или его подчиненным. Решение диктатора сообщается, иногда по телеграфу, всем организациям. Тогда созываются первичные ячейки, которые с большими или меньшими фиоритурами³⁵ его принимают. Затем по иерархии секретарей наверх передаются «пожелания партийных масс». В центре всегда отмечается полное, действительно трогательное единодушие в партии, которое, однако, покоится вовсе не на заранее установленной гармонии душ.

Нетрудно привести доказательства того, что вышеприведенное описание верно. В 1927 году велись последние битвы против Троцкого. Все партийные организации объявили о своем согласии со Сталиным. Затем произошел известный *сдвиг влево*, в действительности частичное проведение программы оппозиции — снова единодушное одобрение всех партийных организаций. В июле 1928 года произошло отклонение вправо — хвалебные песнопения со всех концов Советского Союза. В октябре 1928 года Сталин отыскал угрозу справа — и с тем же трогательным единодушием, как и прежде, все организации мечут громы и молнии в адрес — в этот раз анонимных — вождей правой оппозиции. Если бы Сталин всегда имел на своей стороне большинство организаций, это не было бы еще доказательством антидемократического устройства партии, так как выдающимся вождям порою удается находить преобладающее большинство в поддержку своей, даже изменчивой, политики. Однако более чем подозрительно в этих случаях единодушие.

Показная демократия в государственности

Теперь нам надо перейти ко второй части проблемы самосохранения диктатора, к вопросу об организации господства партийной организации внутри советской системы.

Сначала следует отметить, что конституционные органы — Советы и съезды Советов, — которые должны представлять трудящиеся массы, существуют и на самом деле. Только вот их подлинная роль ни в коей мере не соответствует конституционной. Собираются они крайне редко, и все реже на краткие сессии, на которых делаются общие отчеты правительства, содержащие лишь очень общие и абстрактные вопросы; принимают предложенные представителями правительства резолюции и выбирают соответствующие исполнительные органы и делегации в органы вышестоящих ступеней, причем всегда от указания правительства зависит, будут ли переизбраны прежние сановники или их заменят новыми лицами. По Конституции этим органам принадлежит полнота всей государственной власти. На деле они — всего лишь *декоративный придаток* существующего государственного аппарата.

Как это возможно? И здесь может быть дано лишь историческое объяснение. Ко времени государственного переворота коммунисты господствовали в системе тогдашних Советов. Им удалось получить большинство в Советах Петербурга и Москвы, за которыми слепо следовали Советы провинций, тогда почти исключительно рабочие Советы. Таким образом, система Советов пришла к власти в государстве, будучи сильно пронизана коммунистами. Коммунисты, объединяемые авторитетом Ленина, сумели закрепить однажды созданную ситуацию. Довольно скоро была найдена форма этого закрепления. Ее можно передать одним довольно простым предложением, которое гласит примерно следующее: «*Коммунистические фракции всех советских органов подчиняются соответствующим партийным организациям и должны выполнять их указания*».

Что это означает? Возьмем определенную ступень государственного устройства, к примеру, районную ступень. На этой ступени имеется съезд Советов. Большинство его членов входит в Коммунистическую партию, так как они делегированы организациями, в свою очередь, находящимися в руках коммунистов, — ниже мы увидим, по каким таким причинам. Это большинство

организовано в «коммунистическую фракцию». Фракция подчиняется районной организации *партии*, которой руководит бюро и в конечном счете секретарь. Когда съезду нужно решить какой-то вопрос, то сначала его обсуждает и решает партийная организация; нам здесь неинтересно, делает ли она это самостоятельно или на основе пришедшей сверху директивы. Это решение сообщается членам фракции, и они *обязаны за него проголосовать*. При этих обстоятельствах любые выборы становятся *замаскированным назначением*. Например, секретарь говорит, что хотел бы видеть на посту начальника отдела народного просвещения товарища X. И товарища X безошибочно выбирают по меньшей мере голосами коммунистического большинства. Само собой разумеется, что в этих обстоятельствах все отчеты правительства будут одобрены, а все представленные правительством резолюции приняты, считай, единогласно.

Мы показали действие системы на средней ступени, т. к. здесь она проявляется яснее и проще. Но то же самое относится и к высшей ступени, а также к «особой» ступени, соответствующей центрам правительств так называемых автономных и союзных республик.

Положение вещей на высшей ступени очень простое. Всесоюзный съезд обычно состоит на 90% из коммунистов и на 10% из очень тихих беспартийных. Т. е. почти весь съезд составляет одна коммунистическая фракция. Съезд должен выбрать Совет народных комиссаров, а также главный всесоюзный исполнительный комитет. Состав обоих органов устанавливается Политбюро. После заслушивания председательствующего в Совете народных комиссаров диктатор определяет, каким лицам в нем сидеть. Затем, после заслушивания предложений члена, отвечающего за исполкомы, он определяет, как образовать исполком. Изготовленные таким образом списки печатаются и распределяются среди членов коммунистической фракции съезда Советов, но также и среди добровольцев из числа беспартийных. Проводится голосование — и, вследствие действия описанной системы, выполняются желания диктатора. Нельзя сказать ничего иного и по поводу голосования за законопроекты, резолюции и т. д.

Но так же функционируют и остальные центральные органы. Так же на пленуме этого органа проводятся и выборы правления главного исполкома. Ничуть не более самостоятелен и Совет народных комиссаров, который порою рассматривают как «подлинное» русское правительство. Всякий важный вопрос заранее решается в Политбюро и затем, в силу коммунистической дисциплины, проводится Советом народных комиссаров, сплошь состоящим из коммунистов. Хотя менее важные дела решаются Советом народных комиссаров без предварительного указания из Политбюро, так же, как это делается на средней ступени. Однако если какое-то решение не понравится высшему органу, то его изменяют или отменяют — примерно так, как это происходит в абсолютной монархии.

«Автономные» государственные образования

Что же касается «особой» ступени, которую представляют собой автономные и союзные республики, то вначале следует повторить выше сделанное замечание о том, что эта ступень в системе *внутриполитической диктатуры* не составляет исключения. Однако в системе Советов дело обстоит по-другому. Автономия республик обоих видов завершается автономными народными комиссариатами, т. е. такими ведомствами, которые не подотчетны московским советским ведомствам. Вследствие этого дела, входящие в их компетенцию, — а среди них землепользование, юстиция, социальное обеспечение, охрана здоровья народа и народное просвещение — на территориях этих республик должны были бы на деле решаться исключительно местными органами, без вмешательства центра.

Но здесь вмешивается *механизм господства советской системы через посредство партийных органов*. Коммунистические фракции имеют большинство на республиканских съездах Советов. Эти фракции подчинены территориальным организациям *партии*, которые, как мы знаем, в данном случае соответствуют партийным организациям автономных и союзных республик. Через секретаря организация получает из Москвы указание, кого назначить «главой» соответствующего

«автономного» народного комиссариата. «Предлагаются», конечно же, только коммунисты, и коммунисты послушные, которые, будучи однажды «избранными», так же безропотно послушны диктатору, как руководители зависимых ведомств.

Практика выборов

Несколько иное положение на *самой нижней ступени* — в единственном месте, где государственный механизм приходит в соприкосновение с народными массами. Выборы в местные Советы — единственные, которые совершенно отличны от выборов на различные съезды Советов. Здесь нельзя оперировать удобными коммунистическими фракциями, так как выборная кампания проводится не внутри организованного органа, а внутри *неорганизованной массы избирателей*.

Здесь невозможно подробно отобразить выборную практику. То, что представляет интерес, *здесь* можно обобщить следующим образом.

Выборная кампания в городах и в деревне совершенно различна. В городах используют систему профсоюзов, объединяющих почти всех избирателей и находящихся под строгим надзором партии: глава профсоюзного ведомства, как мы уже видели, сидит в Совете министров, а соответствующий руководитель каждой области или района — в Совете местного правительства. Профсоюзная дисциплина настолько сурова, а страх потерять работу настолько велик, что избиратели, голосующие на выборах всегда *открыто, безропотно принимают официальное предложение*.

На селе степень господства государственной власти среди населения намного меньше. Поэтому государственная власть довольно долго колебалась, прежде чем выбрать верную систему.

После того, как выборы, проведенные летом 1918 года, привели в сельские Советы людей, враждебных правительству, были предприняты шаги, представлявшие риск для Советского государства: сельсоветы временно отменили и заменили пресловутыми сельскими *комите-*

тами бедноты. Наказание удалось осуществить, так как власть в городе и управление армией и полицией находились в руках правительства, а Советы не любили так сильно, что их устранение вызвало лишь небольшое недовольство.

После полуторагодового интервала были снова введены сельсоветы. И теперь были применены такие избирательные методы, которые сделали выборы *едва скрытым назначением.* Эти методы привели к беспрецедентному отказу избирателей от участия в выборах, ибо они убедились, что участие в выборном спектакле практически бессмысленно. Так, в 1924 году на выборы явилось всего 22 процента избирателей. И поскольку этот процент год от года сокращался, приходилось опасаться краха декоративной системы Советов.

Советские чиновники в деревне

С 1925 года методы выборов были изменены. О какой-то свободе выборов не может быть речи и сегодня.

Выборы происходят и ныне открытым голосованием. Все политически ненадежные лица произвольно причисляются к «нетрудовым элементам» и, таким образом, делаются невыборными. Но прежде всего недостает так называемых свобод, без которых невозможно организовать волю избирателей. Однако теперь избирателям навязчиво не предписывают, кого им послать в сельсоветы, а официальных кандидатов представляют как кандидатов от «группы беднейшего крестьянства».

Политическое значение выборов за это время было совершенно фальсифицировано. Используя те годы, когда Советы действительно состояли из назначенных членов, государственная власть превратила их из общественных союзов с широкой автономией в фискально-полицейские придатки правительственного аппарата волости. Председатель и секретарь сельсовета сделали маленькими чиновниками. Они получают небольшое, но по деревенским условиям значительное обеспечение и в любом отношении подчиняются исполкому волости, который может также их уволить.

Итак, выборы в сельсоветы представляют собой не столько первичные выборы в политическое народное представительство, сколько выборы *чиновников управления* нижней ступени.

Скромное чиновничье положение председателя и секретаря накладывало определенный отпечаток на весь сельсовет, особенно потому, что пленарные заседания — довольно большая редкость и все дела делаются собственно названными персонами. Они почти всегда проходят во время выборов на съезды волости, и съезд, таким образом, состоит *преимущественно из маленьких советских чиновников*. А собрание маленьких чиновников всегда, а в особенности на выборах с открытым голосованием, избирает тех лиц, которые угодны вышестоящим. Так объясняется вышеназванный факт существования сильного коммунистического большинства на съездах средней и вышестоящих ступеней.

Перспективы

Под конец необходимо еще рассмотреть вопрос, *какие перспективы имеет диктатура*, обладающая такой организацией.

Прежде всего надо отметить: тенденция развития прошедших лет ни в коей мере не указывает на ослабление диктатуры, что нередко ошибочно предполагают. Напротив, *ныне диктатура сильнее, чем прежде*.

Уже по этой причине нечего ожидать эволюции свободных институтов. Довольно трудным представляется и низвержение системы народным восстанием, так как вся система есть в первую очередь полицейская система и *видит главную цель своего существования в самосохранении*. Тем не менее существуют такие опасности, которые, проявись они в жизни, могут положить ей скорый конец.

Вся система зиждется на назначении надежных лиц на все посты управления. В жертву этой надежности, под которой понимают личную преданность диктатору, приносится всё. Так как предполагается, и не без причины, что найти таких лиц можно скорее в полуобра-

зованных, а не в образованных слоях, то чем дальше, тем больше весь аппарат управления будет состоять из незначительных и в культурном отношении неразвитых личностей. Закончится процесс, и вокруг диктатора образуется *в определенном смысле пустое пространство*. Окруженный своими поработанными марионетками, он никогда не сможет услышать разумного совета. В таких условиях слишком легко допустить грубые ошибки, ошибки, которые, как известно, являются исходным пунктом для развития в таком направлении, которое приведет к утрате государственной власти правителем.

Однако может случиться и другое. Диктатор всегда будет не доверять своим сатрапам. Он всегда приходит к роковой мысли, что через некоторое время их надо смещать и заменять другими. Это-то, вероятно, и произошло в прошлом году. Пал самый могущественный из сатрапов, московский правитель Угланов³⁶, которого поставил на этот пост сам Сталин. Из опыта известно, что подобная тенденция ведет к объединению нескольких сильных сатрапов, которые сместят диктатора, чтобы предотвратить собственное падение. И, вследствие особой организации российской диктатуры, российские сатрапы смогут это сделать и без применения насилия. Для этого им понадобится только прислать на съезд партии соответствующие делегации.

Изменение личности диктатора само по себе еще не означает изменения системы. Но, при двукратно завуалированном устройстве российской диктатуры, толчок на самом верху может потрясти все здание и привести к его скорому падению.

Это здание ныне кажется сильнее, чем оно было когда-либо прежде. Но тот, кто захотел бы уверенно рассчитывать на него, будет строить на песке.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СССР
(на начало ноября 1930 г.)

СЪЕЗД
Коммунистической партии СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Коммунистической партии СССР

ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЮРО
(ПОЛИТБЮРО)
Коммунистической партии СССР

Заместитель Сталина
Председатель ВЦИК СССР
Председатель СОВНАРКОМА СССР
Зам. Председателя СОВНАРКОМА СССР

Молотов Каганович
Калинин Ворошилов
Рыков Куйбышев
Рудзутак Коснор
Киров
Генеральный секретарь
КП РСФСР
Сталин
Генеральный секретарь ЦК

Заместитель Сталина
Комиссар Армии и Флота СССР
Председатель ВСНХ СССР
Генер. секретарь Украины

ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР	
Председатель СОВНАРКОМА	РЫКОВ (член ЦК КП)
Заместитель	РУДЗУТАК (член ЦК КП)
Армия и флот	ВОРОШИЛОВ (член ЦК КП)
Комиссар по труду	ЦИХОН (член ЦК КП)
Председатель ВСНХ	КУЙБЫШЕВ (член ЦК КП)
Торговля	МИКОЯН (член ЦК КП)
Сельское хозяйство	ЯКОВЛЕВ (член ЦК КП)
Транспорт	РУХИМОВИЧ (член ЦК КП)
Инспекция по труду	ОРДЖОНИКИДЗЕ (член ЦК КП)
Председатель Госплана	КРЖИЖАНОВСКИЙ (член ЦК КП)
Председатель профсоюзов	ШВЕРНИК (член ЦК КП)
Председатель ГПУ	МЕНЖИНСКИЙ (член ЦК КП)
Финансы	ГРИНЬКО (простой коммунист)
Ведомство иностранных дел	ЛИТВИНОВ (простой коммунист)

ИККИ
Исполком III Коммунистического Интернационала (КОМИНТЕРНА)
Председатель МАНУИЛЬСКИЙ (член ЦК КП)

(Персональные данные действительны на период до 1 ноября 1930 года, происшедшие позднее изменения не учтены.)

С. фон Ольденбург³⁷

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

III Интернационал был основан 3 марта 1919 года в Москве, на съезде, состоявшем из представителей КП России и нескольких десятков случайно присутствовавших левых социалистов из других стран.

Программа

Совершенно ясна и недвусмысленна программа, отработанная и отточенная шестью съездами; мировая революция, насильственное свержение существующего социального строя и введение диктатуры пролетариата во всем мире — таковы цели Коммунистического Интернационала¹.

«Завоевание власти пролетариатом, — читаем мы в партийной программе VI съезда, — есть не мирное «завоевание» готового буржуазного государственного механизма парламентским большинством... Завоевание власти пролетариатом есть насильственное устранение власти буржуазии, уничтожение капиталистического государственного аппарата (буржуазной армии, полиции, чиновничества, суда, народного представительства и т. д.); на его место должны прийти новые органы пролетарской диктатуры, являющиеся в первую очередь органами борьбы, которые должны прорвать сопротивление угнетателей...»

Коминтерн и ИККИ

Коммунистический Интернационал (сокращенно называемый Коминтерном) — это сообщество всех коммунистических партий мира, которые называют себя его секциями.

Поскольку III Интернационал задуман как всемирная партия и придает особое значение строгой дисциплине, все секции должны слепо подчиняться воле партийного центра. Этот принцип был выдвинут на II съезде Коминтерна (июль—август 1920 года) и в форме «21 условия приема» предложен всем партиям, склоняющимся к III Интернационалу. Однако зависимость

¹ См. раздел «Цели и надежды» в начале книги.

от далекого центра власти показалась большинству старых социалистических вождей неприемлемой; отсюда произошло отделение немецких «независимых» в Галле, французских социалистов в Туре и итальянских в Ливорно (зима 1920—1921 гг.); отсюда время от времени все еще возникают бесчисленные вождистские кризисы в компартиях во всем мире. Однако III Интернационал последовательно придерживается принципа слепого послушания и единства плана и приказов: возможно, это придает ему определенную слабость; но это придает ему и силу.

Во главе III Интернационала стоит Исполнительный Комитет (ИККИ), избираемый на съездах Интернационала. Не менее 15 из 25 членов этого комитета должны иметь постоянное местожительство в Москве.

В нем *должны постоянно* присутствовать руководители Советского Союза, и до сих пор кто-то из них всегда председательствовал в нем (сначала Ленин, затем Зиновьев, Бухарин и т. д.). Одно остается твердым и нерушимым — член и доверенное лицо советской Коммунистической партии руководит всей работой ИККИ.

Этот Исполком (ИККИ) также нередко кратко обозначается как Коминтерн; отсюда возникает путаница и недоразумения, ибо ИККИ *никоим образом не самый важный нервный центр* Интернационала. Тем самым мы подходим к капитальному вопросу отношений между подлинным Коминтерном, с одной стороны, и Компартией Советского Союза, или Политбюро, и Советским правительством — с другой.

Компартия Советского Союза (или Советской России), собственно, — лишь *составная часть Коминтерна*, но часть исключительно более *важная и влиятельная*. У нее в руках реальная *власть принуждения*; она располагает *денежными суммами*, которые обычным социалистическим партиям должны казаться огромными; она располагает *прибежищем* для всех беглецов из партийных товарищей-коммунистов; да что там, — у нее есть *экстерриториальные прибежища* в большинстве стран, везде, где в той или иной форме имеются советские представительства. В одной партии, которая никоим

образом не поклоняется формальному демократизму¹, из *этого действительного превосходства* одной-единственной секции возникает без осязаемых трений общепринятая и не вызывающая возражений, можно сказать, молчаливо принимаемая *гегемония*. Все решения принимаются *внутри Компартии Советского Союза*. Даже председатель Исполкома Коминтерна может быть в любой момент *снят* со своего поста, если на то будет воля руководящих кругов Компартии Советского Союза: так ушел Зиновьев, а затем потерял свой пост Бухарин.

При действительной зависимости Исполкома (а также международных съездов) от хозяина страны и кредитора, т. е. от Компартии Советского Союза, строго внушенная коммунистическим массам партийная дисциплина означает *слепое подчинение коммунистов других стран воле «Москвы»* (как сокращенно называют Компартию Советского Союза). Остальным компартиям, действующим, так сказать, в *partibus infidelium*³⁸, остается лишь утешение, что всякое распространение социальной революции на другие страны само по себе расширит пределы каждой партийной секции.

ИККИ и Советское правительство

Так что и отношения ИККИ с Советским правительством развиваются совсем просто: *независимые друг от друга, они оба подчинены воле Компартии СССР и, следовательно, Политбюро*. Советское правительство, руководимое исключительно надежными членами партии, есть своего рода кабинет чиновников, которому коллективный диктатор (партия, или, правильнее, Политбюро партии) доверяет руководство *всеми* территориями, уже завоеванными Интернационалом; ИККИ (Исполком) — это организация для воздействия на внешний мир, на области, которые коммунистами *еще не* захвачены. При распространении Советского Союза на весь мир — что и является целью всех коммунистов — эти три величины: Компартия Советского Союза, Советское правительство и III Интернационал — в их сфере власти будут полностью тождественны. До тех пор остаются формальные разде-

¹ См. раздел «Организация диктатуры».

ления, которые порою могут быть *использованы дипломатически* и используются так на деле.

Однако, говоря серьезно о «разногласиях между Советским правительством и Коминтерном» (имеют в виду ИККИ), недооценивают строгость и суровость коммунистической дисциплины. Гораздо вероятнее возникновение споров и противодействие различных ведомств в прежнем государстве, чем возможность этого в Коммунистического Интернационале. Здесь *роли хорошо распределены*, и любой «саботаж» рассматривался бы как преступление против главного принципа — и последствия не заставили бы себя ждать.

В настоящее время Интернационал постоянно находится под контролем и защитой Политбюро; с другой стороны, налицо поддержка Советского правительства — необходимейшее условие процветания III Интернационала: своего рода коррелят или симбиоз.

Советский Союз и Коминтерн

Советское правительство предоставляет ИККИ рабочее место в Москве — помещения для проживания и собраний, типографии и т. д. Оно финансирует из своих средств организацию Интернационала, охватывающую весь мир. Не существует ни малейшей возможности хотя бы приблизительно определить суммы, истраченные на эти цели. Отдельные сведения, становящиеся достоянием общественности, и тот факт, что если коммунистам нужны деньги, они в конце концов всегда их находят <в Коминтерне>, доказывают, что это не незначительные суммы. На английскую забастовку угольщиков официально было пожертвовано несколько десятков миллионов марок; предполагается, что «неофициальные» ассигнования еще больше.

Эти финансовые операции, конечно, трудно поддаются контролю. С того момента, как в 1920 году через Эстонию и Швецию начались торговые отношения с Советским Союзом, Интернационал или Советское правительство разместило в скандинавских, а также американских банках очень большие суммы в золоте (из банковских запасов старого русского государства). С тех пор установились торговые отношения со всеми страна-

ми, и Интернационал получил возможность без особого риска ссужать своим сторонникам значительные суммы. Еще более облегчают этот процесс и уменьшают риск экстерриториальные посольства и торговые делегации. Коммунисты наверняка могли бы использовать и другие возможности, но слишком слабы коммунистические партии стран, не поддерживающих отношений с Советским Союзом...

Между тем значение Советского Союза для III Интернационала еще более велико: он дает ему возможность вмешиваться в мировую политику и до известной степени влиять на ее ход в благоприятном для мировой революции смысле. В своей речи о концессиях (27 ноября 1920 года) Ленин откровенно заявил: «Для нас было бы спасением восстановить империалистов друг против друга. Мы живем в окружении грабителей, которые угрожают нам ножами; и мы должны сделать так, чтобы эти ножи были обращены друг против друга. Честным людям выгодно, чтобы грабители бились друг с другом».

Точка опоры, финансовый источник и мощный политический рычаг — вот что такое для Коминтерна Советский Союз.

Секции

Коминтерн непосредственно представлен коммунистическими партиями разных стран через их *секции*. Коммунисты, без различия государственной принадлежности, есть, так сказать, «граждане Интернационала». Они обязаны видеть единственную родину в Советском Союзе и по мере сил действовать в его интересах¹. «Москва» (т. е. ИККИ и тем самым вся Компартия Советского Союза) может в любое время вмешаться в жизнь этих партий, сместить их вождей и предписать им

¹ Ср., например, призыв к 1 мая 1930 года: «Да здравствует СССР — родина трудящихся всех стран» («Правда», 01.05.1930 г.) или приветствие Политбюро Германской коммунистической партии XVI съезду Компартии СССР: «Да здравствует Советский Союз — единственная родина трудящихся всего мира» («Правда», 27.06.1930 г.).

новую тактику¹. Коммунистические партии образуют хребет всего разветвленного во всем мире движения; но более всего ценится «Москвой» *слепое послушание*. Благодарность и покорность прежде всего; даже тогда, когда ему нужны жертвы, даже тогда, когда в данный момент никакого действенного или решающего влияния на массы нет: Коминтерн ничего не делает впопыхах — он не спешит.

Так как цели коммунистических партий никак не могут быть достигнуты только легальным путем, Коминтерн обязывает свои секции проводить нелегальную работу и там, где беспрепятственно проводится легальная партийная деятельность. Эта нелегальная работа предписывается секциям § 12 инструкций, принятых II съездом Коминтерна; в резолюциях IV съезда руководству было также дано соответствующее задание: «наилучшим образом готовиться к развитию нелегальной деятельности». Легко понять, что при этом имеют в виду. Это в первую очередь *образование коммунистических ячеек*; но наряду с этим и всё то, что должно привести к подготовке страстно желаемой социальной революции и чего не одобряют и не терпят ни в одном государстве.

Самые большие трудности внутри секций всегда были у Коминтерна с *коммунистическими парламентариями*. Вовсе не легко найти мало-мальски способных людей с хорошо подвешенным языком, которые удовольствуются тем, чтобы быть только инструментами или марионетками там, где все их другие коллеги принимают свободные решения. По этой причине перед новыми выборами «увольняют» некоторых старых представителей партии. В 1924—1928 годах в рейхстаг не вернулось более четверти коммунистической фракции. Некоторое время тому назад 6 из 9 коммунистических членов парижского местного совета были объявлены диссидентами; то же самое произошло в местных советах Кольмара и

¹ Ср., например, доклад Молотова на заседаниях XVI съезда партии: «Правда», 8 июля 1930 г. То же единогласно принятое решение: там же. И речь Мануильского в «Правде» от 7 июля 1930 г. Кроме них, речи китайского коммуниста Су и немецкого коммуниста Ноймана там же.

Страсбурга; то же произошло с большинством в коммунистической фракции тюрингского ландтага и т. д. Вопреки производимому на окружение неблагоприятному впечатлению Коминтерн неуклонно проводит свои «чистки»; и до сих пор лишь в Скандинавии диссидентам удалось сохранить за собой массы избирателей.

Сама коммунистическая партия — секция, вымуштрованная для слепого послушания и подвергаемая «чистке» ото всех «ненадежных» элементов, — все же недостаточна для распространения коммунистического влияния на массы. С этой целью под руководством коммунистов созданы многочисленные непрямые связи. Далее следует довольно широкий список, заслуживающий пристального внимания.

Крупнейшие из этих организаций по численному составу — Коммунистический интернационал молодежи и московский Интернационал профсоюзов.

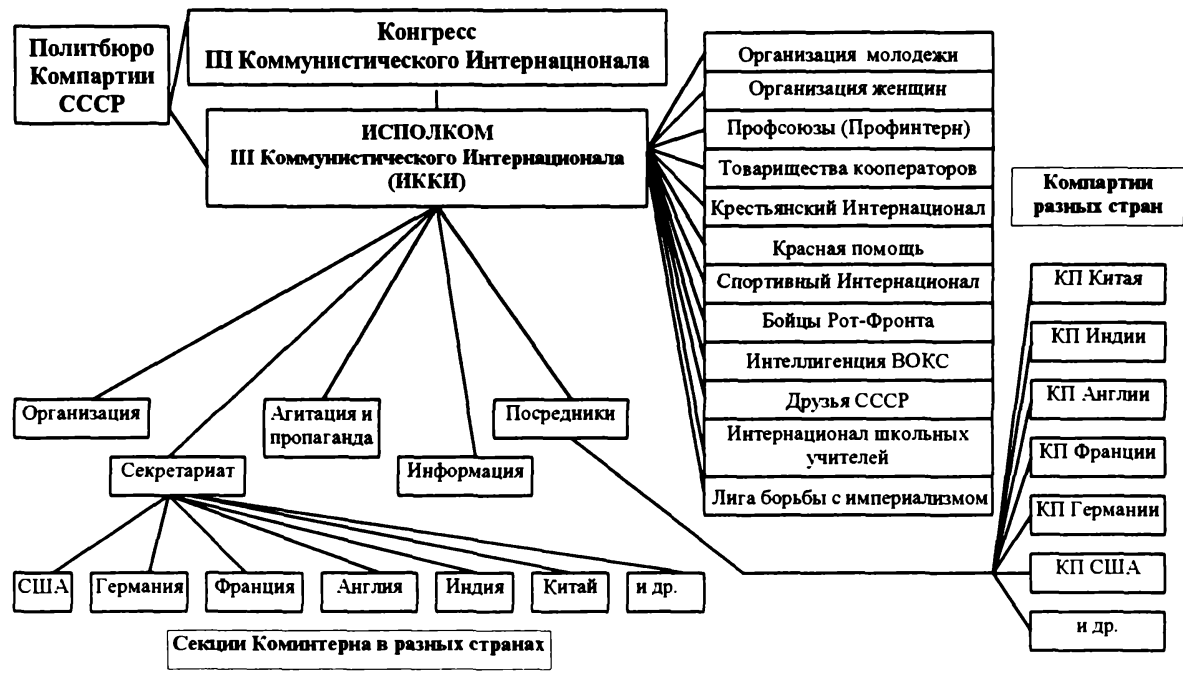
Интернационал молодежи

Коммунистический интернационал молодежи («Комсомол») надо рассматривать как одну из подготовительных ступеней в Коммунистическую партию. Комсомол обладает в Советском Союзе многочисленными привилегиями; в других странах он образует филиалы партий, всегда пользующиеся особой благосклонностью Коминтерна.

Пропаганда в среде подростков, еще не обладающих опытом, чеканка коммунистических формулировок в незрелых мозгах представляются III Интернационалу одной из его важнейших задач: *он заботится о подрастающей коммунистической смене*. Представитель Интернационала молодежи участвует в заседаниях ИККИ. Сюда принципиально зачисляются и красное пионерское движение¹.

¹ О задачах и достижениях этой коммунистической пропагандистской организации для маленьких детей, особенно в Германии, см. недавно опубликованную статью Карла Радека («Правда», 25 июля 1930 г.): «Берлинские дети играют в баррикады, они играют в войну красных и белых»... «Пролетарский немецкий ребенок вовлечен теперь в великое движение своего времени» и т. д. См. также важную статью Хитарова в «Правде» (конец мая 1930 г.), посвященную международному слету красных пионеров, и статью Левицкого в «Правде» от 4 июля 1930 г.

Всемирная организация III Коммунистического Интернационала

Женский Интернационал

Женский Интернационал — орган Коминтерна, под названием Интернационального секретариата женщин, специально занимающийся пропагандой среди женской половины человечества. Этот секретариат вербует новых членов в партию по большей части в тех странах, где женщины имеют право участвовать в выборах или стремятся его получить, под лозунгом полного равноправия женщин, расписывая яркими красками те преимущества, которые им якобы уже дало коммунистического государство в Советской России.

Профинтерн

Красный *Интернационал профсоюзов*, по-иному называемый *Профинтерн*, также был образован уже в 1920 году. Ныне он в Западной Европе, вероятно, самая активная часть коммунистических организаций. Самый щекотливый вопрос, которым занимается этот Интернационал, это так называемый единый фронт. Сначала — в Германии, во Франции и в других странах — коммунисты пытались расколоть профсоюзы. Но затем им пришлось признать, что изоляция коммунистических элементов от остальных рабочих масс наносит ущерб их собственному влиянию на пролетариат; в результате они постарались преодолеть раскол под новым флагом.

Английские профсоюзы, которых меньше всего затронули попытки раскола, предпринятые коммунистами (из всех великих стран коммунисты пользуются наименьшим успехом в Англии), охотно отнеслись к идее единого фронта и постарались, как могли, свести Москву с Амстердамом³⁹. Но им пришлось убедиться в том, что попытки коммунистов не были честными. Коминтерн стремился к новому объединению профсоюзов только при сохранении особых коммунистических формаций, которые должны оставаться «ячейками», или «фракциями». Но на это не пошли другие профсоюзные деятели.

Поскольку в отдельных странах «красные», или «объединенные», профсоюзы действуют вне рамок компартии, они представляют собой для нее серьезное завоевание этой партии. Во время стачек красные профсоюзы нередко получают вспомоществования из Москвы, которые называются добровольными пожерт-

вованьями советских профсоюзов (на самом деле советское правительство время от времени делает вычеты из заработной платы рабочих и служащих, обосновывая их необходимостью «добровольных» пожертвований забастовщикам в Германии, Англии или где-то еще, где в это время происходят забастовки). Красные профсоюзы составляют, таким образом, связующее звено между коммунистической партией и рабочими массами. Они являются для Коминтерна тем оружием, которым он умело наносит тяжелые удары по экономическому развитию отдельных государств.

Крестьянский Интернационал

Крестьянский Интернационал застрял на начальной стадии, так как новейший курс советского правительства в сельском хозяйстве направлен *против* крестьян.

Так что Коминтерн не может предложить крестьянам других стран никакого утешения и радости. Потерпела неудачу попытка инсценировать крестьянское движение во Франции и в Восточной Европе. Коммунистическую пропаганду среди крестьян теперь усиленно ведут в колониальных странах.

Фронтвики

Особое место среди международных коммунистических организаций занимают *организации участников войны*. Их «фильтруют» с коммунистической точки зрения гораздо тщательнее, чем красные профсоюзы или молодежные организации. Военная выучка делает эти организации особенно дееспособными ударными частями коммунистов.

Интернационал кооперации задуман как зародышевая клетка для коммунистической реорганизации кооперативов во всем мире. Ныне соответствующая секция в Москве занимается группировкой и охватом всех коммунистических элементов в кооперативах вне Советского Союза.

Спорт и филателия

Странное впечатление производит *Спортивный Интернационал*. До известной степени его можно рассматривать как пропагандистскую организацию, предназначенную для того, чтобы демонстрировать всем странам, каких огромных успехов в спорте достиг «освобожденный на-

род» в России. При этом коммунистических «спортсменов», смешав их со спортсменами настоящими, легче посылать за границу с пропагандистскими целями, чтобы им было сподручнее обрабатывать невинных молодых спортсменов изнутри. Существует даже *Интернационал филателистов*, который старается насильственно объединить под своим крылом собрание марок в Советской России. Все это также надо рассматривать как свидетельство стремления централизовать любые проявления человеческих побуждений на коммунистической территории, которые не подпадают под определение «антиреволюционных».

Далее следует группа организаций, чье специальное предназначение — обработка общественного мнения за рубежом: *Красная помощь, общество содействия культурным связям между Советским Союзом и Западом (ВОКС⁴⁰)* и заграничные общества друзей новой России (сейчас переименованные в «Друзья Советского Союза»).

Красная помощь

Красная помощь, а также Международное общество помощи борцам революции (МОПР), совместно с Международной рабочей помощью (Межрабпом) ставят своей задачей использование некоммунистических элементов в интересах коммунистов. Эта организация ведет широчайшую пропаганду против всех тех мер, которые предпринимают различные правительства для защиты от происков коммунистов. Она устраивает собрания, печатает воззвания, собирает денежные пожертвования и т. д. (это, пожалуй, единственная, близкая к коммунизму организация, которая мобилизует значительные суммы денег, не залезая постоянно в казну Советского государства). Надо отметить, что видные представители европейской интеллигенции дают вовлечь себя в эти революционные, партийно-политические дела, в этот всемирный заговор. Кстати, при поддержке коммунистов Красная помощь при случае выносит свою деятельность и на улицу: надо только вспомнить о демонстрациях в защиту Сакко и Ванцетти 1927 года!

Друзья Советского Союза

Что же касается ВОКСа и обществ друзей Советского Союза, то со стороны Западной Европы это есть вы-

ражение снобистской советофилии, которая распространяется в определенных кругах скучающих интеллигентов. Их политическое значение невелико. Их представители выступают в Советской России на приемах иностранцев, которым хотят показать в благоприятном свете внутреннее положение в стране.

Интернационал учителей

Гораздо большее значение — и, возможно, это самое значительное из того, чего достигли коммунисты в области международной пропаганды среди образованных классов общества, — имеет *Интернационал учителей школ*. В некоторых странах у него уже есть свои филиалы, а во Франции его роль возросла, так как персонал самых светских французских государственных школ имеет особенно радикальные склонности; там в организации школьных учителей большинство придерживается коммунистического направления.

Однако новейшим образованием является *Лига борьбы с империализмом*, как и Красная помощь, втягивающая в свою деятельность некоммунистические элементы. Последнее заседание этой лиги летом 1929 года во Франкфурте-на-Майне привлекло к себе повышенное внимание тем, что эта организация решительно встала на сторону Советского Союза в китайском конфликте по поводу Китайско-Восточной железной дороги⁴¹, тем самым раскрыв свое происхождение и всю свою сущность.

Подводя итоги, можно сказать, что одиннадцать лет существования III Интернационала не прошли даром. Он образовал в большинстве стран свои секции. Там, где *работе по большевизации* препятствовали прежние социалистические или анархистские тенденции, ему удалось перестроить эти секции. Он расширил передовые организации как среди рабочих (Красные профсоюзы), так и в радикальных кругах интеллигенции (Красная помощь, Друзья Советского Союза и т. д.). Общественное мнение Европы не придало достаточного значения этим совершенно новым явлениям в среде *всемирной коммунистической партии*. В противном случае неизбежно возник бы вопрос: можно ли организации, слепо послушной центру, находящемуся за границей, и при этом публично называющей насильственное свер-

жение существующего порядка своей целью, — разрешено ли такой организации пользоваться всеми правами нормальной политической партии в либерально-демократическом государстве?

Первые серьезные попытки насильственного вмешательства вновь организованного III Интернационала в большую европейскую политику относятся еще к 1923 году. Эти события произошли тогда в одно и то же время сразу на двух фронтах, в Германии и Болгарии.

Германия, 1923 год

На VI конгрессе Коминтерна, в ноябре 1922 года, много говорилось о вероятности *военной красной интервенции*, т. е. революционного нападения Советского государства на другие страны; особенно энергично выступал за это Бухарин. Вскоре вслед за этим последовало вступление в Рур⁴², и инфляция приняла стремительные темпы. Коммунисты предполагали использовать тяжелейшее бедственное положение в Германии в своих революционных целях. Коммунистическая партия Советского Союза месяцами спорила в своем Политбюро и Центральном Комитете *об использовании революционной ситуации в Германии в своих интересах*. Нерешительность Коминтерна на этом историческом повороте уберегла тогда Германию от более кровавых событий. Курс Радека⁴³, советовавшего выступить лишь в момент, когда «Север и Юг» в Германии «уже будут воевать друг с другом», тогда одержал победу над курсом Зиновьева. В протоколах дискуссий московских коммунистов (начало 1924 года) можно прочесть об этом весьма поучительные вещи.

Для защиты от ответных мер германского правительства Коминтерн обратился к средствам террора (Штутгартское ЧК!). Но коммунисты быстро поняли, что «революционный момент» миновал, и отменили подготовленные террористические акты.

Болгария, 1923 год

В Болгарии дело обернулось большей кровью. Рассорившись со Стамболийским⁴⁴, коммунисты стояли с ружьями к ноге, когда в июне 1923 года «крестьянский диктатор» был свергнут. Они ожидали более слабого правительства; обманувшись в своих ожиданиях, они в сентябре 1923 года с оружием, которым их снабдил Со-

ветский Союз, и под руководством секретаря Коминтерна болгарина Коларова предприняли настоящее вооруженное восстание. Союзным силам болгарских войск и, поселившихся в их стране русских солдат Врангеля с большим трудом удалось подавить это восстание. Коммунисты отомстили за свое поражение беспримерным террористическим актом в Софийском соборе в апреле 1925 года.

Эстония, 1924 год

В следующем году произошла попытка коммунистов устроить путч в Эстонии (1 декабря 1924 года). Коммунисты заняли вокзал в Ревеле, где продержались несколько часов, а также часть административных зданий; но эстонским войскам удалось задушить восстание в зародыше. Советская эскадра, курсировавшая у эстонских берегов в Финском заливе, несолоно хлебавши вернулась в Кронштадт. Но положение было довольно серьезным. Если бы коммунистам удалось овладеть Ревелем и у них хватило бы времени послать Красному флоту призыв о помощи от имени «Эстонского советского правительства», то Эстонию, вероятно, постигла бы судьба Грузии (в 1921 году)⁴⁵.

Коминтерну пришлось после этого признать, что условия в мире несколько стабилизировались. Оказалось, что маловероятно осуществить мировую революцию кратчайшим путем — через Европу — так быстро, как этого бы хотелось. И, не прекращая разлагающейся работы в Европе, выбрали обходной путь — через Азию и колонии.

Китай, 1925—1927 годы

Вмешательство в китайские государственные неурядицы стало широкомасштабным и чрезвычайно дорогим предприятием; это была самая крупная акция Коминтерна из предпринимавшихся до сих пор, и ее выполнение потребовало многих миллионов рублей из советской казны. В советском посольстве в Пекине были найдены интереснейшие документы об этом. Советское правительство связалось с Южным Китаем (Кантонское правительство) еще в то время, когда на Севере между Чжан-Цзолинем и У-Пэйфу шла ожесточенная борьба. Оно послало из Владивостока в Кантон инструкторов,

офицеров, финансовых и политических советников, боеприпасы и деньги. Коммунисты гоминьдана⁴⁶, в соответствии с полученными инструкциями, объединились и подстегнули во всей стране ненависть к иностранцам. Когда начался штурм концессий на Янцзы, когда пришлось бежать даже американским миссионерам, когда кантонские части, союзники коммунистов, достигли ворот Шанхая, триумф Коминтерна казался неоспоримым, и кое-кому уже мерещился *желто-красный* союз против «капиталистов и империалистов». Поворот гоминьдана против своих советских союзников⁴⁷ одним махом лишил Коминтерн всех плодов его устремлений. Энергичные меры, предпринятые Чжан-Сюэляном⁴⁸ и Чан-Кайши, освободили большую часть Китая от коммунистического влияния. Нападение и здесь было отбито, однако Коминтерн все же отомстил Китаю, поддерживая с тех пор все тенденции, которые могли бы помешать миру внутри этой страны.

Другой пример красной колониальной политики — та поддержка, которую оказывал Коминтерн восставшим в Сирии и Марокко. При этом французские коммунисты публично подстрекали солдат и матросов к неповиновению. К колониальному циклу относится также восстание в Голландской Индии⁴⁹ поздней весной 1926 года.

Англия, 1926 год

Новая форма наступления была изобретена Коминтерном в ходе английской забастовки 1926 года. Собственное подразделение, компартия Англии, было здесь ничтожно мало; потому Коминтерн предпринял попытку обратиться к широким рабочим массам, и эта попытка оказалась небезуспешной. Общая забастовка (которую лейбористская партия проводила «со смертельной раной в сердце»), уже с самого начала потерпела неудачу. Деньги, посланные Коминтерном для ее поддержки от имени советских профсоюзов, были конфискованы правительством Англии, которое рассматривало забастовку как политическую акцию. Коминтерн же воспользовался разочарованием шахтеров и с этого момента оказывал финансовую поддержку забастовке угольщиков, которая, как предполагалось, принесла бы ему двойную «выгоду»:

во-первых, она должна была разрушить английскую экономику, к тому же каждый экономический кризис, по мнению коммунистов, содействует еще и революционизации рабочих; во-вторых, поддержка Советского Союза, по расчетам, породила бы у рабочих чувство благодарности и симпатии, что должно было стать решающим при дальнейшей обработке масс. Забастовка угольщиков, длившаяся полгода, не смогла бы тянуться так долго без содействия советского правительства. Англия тяжело от этого страдала. Надо еще подчеркнуть, что в то время дипломатические отношения между Англией и Советским Союзом еще существовали в полном объеме. Разрыв произошел только в 1927 году.

Новейшее развитие

VI конгресс Коминтерна, состоявшийся после четырехлетнего перерыва в августе 1928 года, выдвинул новую программу, которая, однако, не содержала много нового.

Эта программа предусматривает разные пути для распространения революции, в зависимости от степени развития отдельных стран. В высокоразвитых капиталистических странах (Соединенных Штатах, Германии, Англии) переворот должен привести к незамедлительному введению пролетарской диктатуры и социалистической системы хозяйства. Для менее развитых стран предусмотрена переходная стадия с рабоче-крестьянским правительством. Наконец, в колониях *борьба за национальное освобождение, поддерживаемая странами диктатуры пролетариата, сразу же должна быть переведена на социалистические рельсы.* Эта оценка интересна еще и тем, что из нее становится ясным: *в первую очередь* Коминтерн концентрирует свои отношения на странах высокоразвитого капитализма и колониях.

В последнее время много говорится о кризисах и расколах внутри коммунистических партий. Эти факты очевидны. Одну за другой их преследуют смены вождей, и каждое изменение курса приносит с собой изменения в кадровом составе. Эти кризисы вождизма есть красноречивое свидетельство того, какое огромное количество трудностей возникает при руководстве таким большим количеством партий из отдаленного центра. Но нельзя

переоценивать их значение. Коммунистам удалось внушить значительной части европейских рабочих такой душевный настрой, о котором можно только мечтать. Укрепляется и насаждается вера в советский рай благодаря умело инсценированным развлекательным поездкам в Москву людей, неспособных к объективным оценкам; абсолютная *глухота* по отношению ко всему, что противоречит этой вере; ненависть к существующему и напряженное ожидание счастья будущих социальных потрясений; ожесточенное недоверие по отношению к любому компромиссу — характеризуют душевное настроение, которое сознательно или полусознательно открывает сердца масс губительному движению. И коммунистическому партийному руководству становится совсем нетрудно смещать неудобных коммунистических депутатов или партийных секретарей; а трещина в партии, которая на поверхности видится огромной, в глубинах партийной массы не ощущается вовсе. Тот, кто снабжен штампом «Москва», неизбежно получает голоса коммунистов — это заключение вынесло большинство красных вождей из расколов последних лет, и *коммунистические партии стали еще послушнее Москве, чем были*. Какими бы бессмысленными ни были события 1 мая и 1 августа 1929 года⁵⁰, но они показали, что коммунисты все же маршируют по приказу. Можно удивляться тому, что коммунисты во Франции отвергают любой блок с социалистами и в результате этого *потеряли на выборах 1928 года более половины мест*, что единственному коммунисту (Augin), который дал себя выбрать вопреки этому приказу, партия предложила сдать свой мандат — и он это *сделал*.

Резюме

Итак, в каждой стране — во многих совершенно легально — существует организация, настроенная на насильственный переворот и слепо подчиняющаяся иностранному центру. Эта организация располагает экстерриториальными опорными пунктами и органами финансирования в форме советских представительств, которым внешняя торговля Советского Союза предоставляет значительные денежные средства. Через коммунистические профсоюзы она может организовывать

массовые забастовки и, опираясь на классовую солидарность, увлекать за собой и другие рабочие организации. Она располагает миллионами услужливых соглядатаев и исполнителей, поскольку Коминтерну удалось парализовать в большинстве своих приверженцев гражданское сознание и заменить его слепой покорностью всемирной партии, слепой покорностью Интернационалу.

Всемирный заговор в самом разгаре, и он представляет угрозу для всего мира. Тем, кто ныне занимается политикой или хочет составить собственное мнение о политических событиях, стоило бы основательно и объективно изучить это роковое движение по подлинным источникам.

Проф. И. Ильин

СИСТЕМА ТЕРРОРА

В чем она заключается

Политическая система террора заключается в том, что в государстве слабеет и исчезает авторитет государственной власти и вследствие этого единственной опорой становится *санкция насилия*. Тогда народом правят через страх: государственная власть добивается послушания угрозами, насилием и принуждением; гражданин склоняется перед угрожающей опасностью и послушен из страха. Тогда государство не уважает более гражданина: оно относится к нему с подозрением, презирует его, порабощает и по принципу «*oderint dum metuant*⁵¹» принуждает его, униженного, стать на колени. Соответственно и гражданин не чтит более свою государственную власть: порабощенный и униженный, он, дабы избежать насилия, лицемерно изображает послушание; в глубине своей запуганной души он ненавидит поработителя и ищет возможности отомстить. Нравственная нить между гражданином и государством разорвана. Они стоят друг против друга, как враги, и под пеплом внешнего «спокойствия» тайно тлеет жажда мести.

Коммунистический террор

Не требует доказательств то, что в коммунистическом государстве правит система террора. Этот терро-

ризм стоит особняком во всемирной истории; он уникален уже потому, что осмелился выступить и утвердиться после всего того, что в течение последних веков пережило, передумало и перестрадало человечество. Уникален он и в своем обосновании, своем развитии, своих размерах и своей продолжительности. Впервые во всемирной истории коммунистической идее удалось на продолжительное время захватить власть в большом государстве и создать себе поле для проведения свободных экспериментов; и надо отметить, что для ведущих политиков западноевропейской социал-демократии террористическое претворение этой идеи явилось чуждым и достойным осуждения. По этому поводу открыто и недвусмысленно высказался Каутский^I. Осужденные и изолированные коммунисты вынужденно признали необходимость идеологического отступления. Для своего оправдания они публично сформулировали свое понимание государства и его политической практики и с большой решимостью попытались это обосновать. Как обычно, отступление превратилось у них в наступление: Троцкий^{II} в язвительном тоне попытался отмежеваться ото всех антитеррористических мыслей Маркса, Энгельса и Каутского, замолчать их, выхватывал отдельные пассажи и доказывал непоследовательность своих противников. Сомнительно, что это ему удалось.

Ленин как вдохновитель

Вдохновителем системы государственного терроризма в России^{III} был персонально Ленин: он первым обосновал ее необходимость, он добился ее осуществления и систематизации, он настаивал, он требовал крови до тех пор, пока метод терроризма не был по-настоящему предписан и введен. Троцкий подробно описывает это в своих мемуарах «О Ленине».

^I См. его книгу «Терроризм и коммунизм» (Берлин, 1919).

^{II} Троцкий. Терроризм и коммунизм (также на немецком языке).

^{III} Это торжественно подчеркивалось более поздними руководителями ЧК—ГПУ: «Ленин — вдохновитель, Дзержинский — организатор». См. распоряжение Менжинского к 10-летнему юбилею ЧК: «Известия», 13 декабря 1927 г.

С самого начала, еще в первые два месяца после Октябрьского переворота (1917 года), еще до создания пресловутого ЧК, Ленин помышлял и раздумывал о необходимости массовых казней и систематического запугивания антикоммунистических элементов среди населения. При всяком подходящем случае он «вдалбливал» своим товарищам идею неизбежности террора^I. «Где у нас диктатура? — всегда говорил он. — Покажите же ее нам! Галиматъя у нас, а не диктатура». «Если мы не умеем расстрелять белогвардейца-саботажника, — что же это за великая революция? Посмотрите, что пишет у нас в газетах буржуазная сволочь!^{II} Где же тут диктатура? Только болтовня и путаница!»^{III} «Вы же не думаете, что мы станем победителями без самого жесточайшего террора?»^{IV} «Чепуха, — постоянно повторял он, — как можно без расстрелов осуществить революцию? Неужели вы думаете справиться со всеми врагами, разоружая самих себя? Какие еще есть репрессивные меры? Тюремное заключение? Кто отнесется к нему серьезно во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется одержать победу?»^V «Собственно, надо бы^{VI}, — пишет Ленин позднее, — уничтожить всех волков, как и полагается разумному человеческому обществу...» В любом случае надо «сильнее притеснять буржуазию, чтобы она лопнула по швам»^{VII}. Это было его основной идеей; и эта идея полностью соответствовала его наклонности всегда «вцепляться» во врага «мертвой хваткой»^{VIII}.

^I Троцкий. О Ленине, стр. 74, 75, на русском.

^{II} Тогда еще не была подавлена буржуазная пресса.

^{III} Троцкий, там же, стр. 74, 75.

^{IV} Там же.

^V Там же, стр. 73. Троцкий дает то же самое как самостоятельное суждение в «Терроризме и коммунизме», стр. 56.

^{VI} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 413.

^{VII} Троцкий. О Ленине, стр. 45.

^{VIII} По-русски «мертвая хватка» — словосочетание, применяемое к бульдогам. Это описание характера Ленина со слов хорошо его знающей русской социал-демократки Веры Засулич. См. у Троцкого: О Ленине, стр. 15.

Ленин как основатель

Не прошло и двух месяцев, как Ленин сам продиктовал декрет об образовании ЧК^I. «Твердокаменный и зубодробительный» (как он признавался сам)^{II}, с этой предрасположенностью Ленин, таким образом, стал вдохновителем и главным руководителем террористической системы.

Политическое обоснование этой системы было простым и ясным: «Каждое государство есть применение насилия; вся разница состоит лишь в том, применяется это насилие против эксплуатируемых или против эксплуататоров»^{III}. «Государство — это область принуждения. Было бы безумием отвергать насилие, особенно в эпоху диктатуры пролетариата»^{IV}. Ведь это время «самой решительной классовой борьбы»^V. И «чтобы обеспечить победу пролетарской диктатуры, не обойтись без того, чтобы не сломать хребет всем противникам этой диктатуры»^{VI}. «Недостаточно умертвить классового врага, его надо еще добить»^{VII}. «Нельзя обойтись без террора. Это или белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты!), германского или венгерского покроя, или красный, про-

^I Об этом рассказывает по поводу 10-летнего юбилея ЧК Покровский, один из партийных руководителей. См.: «Известия», 18 декабря 1927 г. Ведомство называлось «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем». В 1921 г. это ведомство было расширено, получило более определенный статус и новое название ГПУ (Государственное политическое управление). Однако его статус с самого начала и до сих пор — чистая формальность; на самом деле коммунистическая политическая полиция *всесильна* по отношению к любому некоммунисту и иностранцу.

^{II} Сочинения Ленина, т. XVIII, ч. 1, стр. 369. См. выше мой раздел «Методы работы».

^{III} Там же, стр. 270.

^{IV} Там же, стр. 63.

^V Там же, стр. 135.

^{VI} Цит. Каменевым. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 351, на русском.

^{VII} Цит. Каменевым. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 2.

летарский террор»^I. «Сентиментальность здесь вовсе неуместна; сентиментальность была бы здесь не меньшим преступлением», чем трусость^{II}. *Ведь «пролетарское государство»* — вообще не что иное, как «машина для подавления буржуазии пролетариатом»^{III}; необходимо искоренить буржуазное варварство, и «совсем ничего ужасного нет в том, чтобы бороться с варварством варварскими способами»^{IV}. Потому и «коммунистическая мораль» заключается, как уже говорилось, в «убийстве и уничтожении» врагов революции^V.

ЧК

Что же такое в соответствии с этим ЧК? Она — «наше оружие, опрокидывающее наземь», чрезвычайно нужное для «безжалостных, скорых и незамедлительных репрессий»^{VI}; это непосредственный инструмент пролетарской диктатуры^{VII}, «одна из наших важнейших политических организаций»^{VIII}, которая «предназначена» для того, «чтобы быть осведомленной о каждом шаге заговорщика и наказать его на месте»; и это ведомство должно существовать до тех пор, пока на свете есть «эксплуататоры, у которых нет желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещика и капиталиста». «Вы, вы, господа капиталисты, в России и за границей, мы-то знаем, что вам не полюбить это ведомство! Конечно же! Это ведомство, как никакое другое, сумело отразить ваши интриги и происки тогда, когда вы стремились нас задушить»...^{IX}

^I Сочинения Ленина, т. XVIII, ч. 1, стр. 227.

^{II} Там же, стр. 379.

^{III} Там же, т. XVI, стр. 7.

^{IV} Прочитировано Зиновьевым под смех присутствующих на XIII съезде партии. См.: Стенографический отчет, стр. 255.

^V Слова Ленина. Цит. Стуруа. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 463. См. мой раздел о «Методах работы».

^{VI} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 450.

^{VII} Ср. у проф. М. Н. Покровского (с 1920 г. почетный член ЧК): «Известия», 13 декабря 1927 г. Ср. слова Ленина. Цит. чекистом Морозом: «Известия», 18 декабря 1927 г.

^{VIII} Покровский. «Известия», 18 декабря 1927 г.

^{IX} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 450—451.

Все остальное, что могут сказать коммунисты о системе террора, обычно лишь повторение или модификация ленинской мысли. Но кое-что звучит еще откровеннее и решительнее^I.

Идеология террора

В общем, речь идет о том, должна ли буржуазия «остаться жить, или она погибнет»^{II}.

Однако «контрреволюционеры — от природы люди вовсе не без характера» и «сильно закалились» в долгой борьбе; «русские белогвардейцы похожи на немецких и на всех прочих в том, что их невозможно убедить или устыдить, их можно лишь запугать или задавить»^{III}. Красного террора лишь тогда могло бы не быть, если бы «буржуазия отказалась от всякого сопротивления»^{IV}. Но этого не случилось; а остальное развивается само по себе.

Революцию «нельзя делать в белых перчатках»^V.

Цель и средства

Но человеческая жизнь вовсе не «священна и неприкосновенна»; будь она таковой, надо было бы отказаться не только от террора, но от войны и революции^{VI}. Это, возможно, подошло бы социал-демократам: они ведь «почти вегетарьянцы»^{VII}. Коммунисты же настроены

^I Здесь несколько общих мест: «Каждое государство есть аппарат насилия». См.: Лацис (известный чекист). Два года борьбы на внутреннем фронте, 1920 г., стр. 7, на русском. «Диктатура в точном смысле слова есть такая власть, которая опирается на насилие». См.: Сталин. Еще раз..., стр. 98. «Запугивание — мощное средство международной и внутренней политики». См.: Троцкий. Терроризм и коммунизм, стр. 56, на русском. «Надо обезвредить врага, а на войне это значит — уничтожить». См.: Там же, стр. 53.

^{II} Троцкий. Терроризм и коммунизм, стр. 53, на русском.

^{III} Там же, стр. 23.

^{IV} Покровский. «Известия», 18 декабря 1927 г.

^V Сталин. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 49—50.

^{VI} Троцкий. Терроризм и коммунизм, стр. 60, на русском.

^{VII} Странные слова Зиновьева, которые показывают и подтверждают бессознательный каннибализм террористов. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 201.

совсем по-иному: «Кто хочет достичь цели, тот не может отказаться от средства»; и потому «революционный класс должен достигать цели всеми теми средствами, которыми он располагает»^I. Короче — коммунисты должны «действовать по-военному» и оказывать давление «в течение еще целого ряда десятилетий»^{II}.

Защита и месть

«Трижды предателем... был бы Иуда и тот лицемер, кто захотел бы отнять у пролетария его историческое право на защиту»^{III}. Это «право на защиту и месть»^{IV}. Не только право, но и страсть, и жажда: коммунисты «жаждут мести» и жаждут ее в мировом масштабе^V. «Я стремлюсь, — сказал однажды знаменитый «вождь кожанок» Дзержинский, — быть беспощадным, чтобы, подобно сторожевой собаке, разорвать врага»^{VI}.

Кто враги?

Эти высказывания очень свойственны коммунистам, и особенно чекистам, в разговорах о целях и задачах ЧК (она же ГПУ). «Беспощадную борьбу», «безжалостную расправу»^{VII} проповедовал еще Ленин. Уншлихт, преемник Дзержинского в ГПУ, говорит о «беспощадной ликвидации» врагов^{VIII}. Другой ведущий чекист Менжинский предписывает «выкорчевывание» и «выжигание дотла» помещиков и капиталистов в стране^{IX}. Террором надо «связать» буржуазию «по рукам и ногам, насилловать, раздавить и разбить ее без остатка», — учит Бухарин^X. Лацис, еще один заслуженный чекист, заявляет:

^I Троцкий. Терроризм и коммунизм, стр. 22, 56.

^{II} Решения XI съезда партии. См.: Стенографический отчет, стр. 492—493, на русском.

^{III} «Правда», 18 декабря 1927 г., передовая статья.

^{IV} Демьян Бедный, официальный поэт коммунизма и певец террора. См.: «Правда», 18 декабря 1927 г. (Стихи в честь ЧК.)

^V Дословно у Бухарина. См.: «Правда», 18 декабря 1927 г.

^{VI} Цит. Бухариным. «Правда», 18 декабря 1927 г. Бухарину принадлежит и выражение «вождь кожанок».

^{VII} Ленин. Т. XVIII, ч. 1, стр. 210, 336.

^{VIII} «Известия», 13 декабря 1927 г.

^{IX} Приказ к 10-летию юбилею ЧК—ГПУ. См.: «Известия», 13 декабря 1927 г.

^X Бухарин. Азбука коммунизма. стр. 56—58, на русском.

в гражданской войне «пленных не берут, с ними кончают», и «карающая рука народа преследует всех прежних палачей и кровопийц», т. е. юнкеров, офицеров, прежних чиновников, помещиков, фабрикантов, торговцев, домовладельцев, богатых крестьян (называемых «кулаками»), попов и частично гимназистов и студентов¹.

Слово и дело

Чтобы верно оценить значение этих высказываний в жизни, надо учесть, что коммунисты всегда очень серьезно относятся к своим разрушительным обещаниям, и за словом следует дело^{II}. Так происходит и в действительности. Верно судить о темпераменте, непримиримости и неутомимости коммунистов при проведении террора может лишь тот, кто провел в России первые 4—5 революционных лет, и не как экстерриториальный дипломат, а как русский, как гражданин своего государства и одновременно «буржуй». Все в жизни становится зыбким и сомнительным, все — состояние, квартира, работа, свобода, здоровье и жизнь — отдано на гнев и милость коммунистам. Так было с самого начала; так обстоит дело и теперь, так будет и так останется повсюду, где будет введен коммунистический террор. Ибо то, что *реальный или мнимый враг будет поражен во всех своих правах и лишен своих прав (capitis deminutio maxima⁵²)*, должен ожидать этого *a priori* решенного вопроса о лишения прав *денно и ночью и, возможно, годами*, принадлежит к сущности террора. Если он обладал недвижимостью или капиталом, то его обобществили уже с самого начала.

Если у него собственная квартира, то его каждое мгновение могут насильственно «уплотнить» или выселить из нее. Если он служащий, его могут не сегодня-завтра уволить; работа за кусок хлеба, если он только ее найдет, возможна для него лишь на низшем уровне. Каждое мгновение, дома и на улице, его может постичь

^I Все перечислено в точности по тексту. См.: Лацис. Два года..., стр. 14, 15, на русском.

^{II} Между тем это вовсе не так, когда они необоснованно утверждают, что достигли, сделали или построили что-то *положительное*.

заключение любой продолжительности, вплоть до пожизненного заключения. Но застенки ЧК, депортация и концентрационный лагерь (Соловки)^I означают принципиально медленное или скорое умирание. ЧК—ГПУ как в самом начале, так и сейчас может по собственному разумению, без судебных гарантий и апелляции, тем или иным способом отправить каждого (в том числе и любого иностранца)^{II} в небытие.

Число жертв

Число казненных вряд ли когда-нибудь можно будет точно определить исторически и статистически. Многие предали огласке и опубликовали в списках сами коммунисты, многое обошли молчанием и скрыли, а также исказили или отрицали впоследствии^{III}. Во многих отде-

^I По надежным источникам, в концентрационном лагере на Соловках (острове в Белом море) с осени 1929 года было размещено до 40 000 человек, среди них 22 000 подозреваемых в контрреволюционной деятельности и 6000 женщин. Условия жизни ужасные: постоянный голод, тяжелый труд, жалкое жилище, пытки и унижения. Для преследования возможных беглецов держат крупных охотничьих собак, с 22 000 подозреваемых обращаются как с заложниками; соответствующее распоряжение гласит: при возникновении волнений внутри страны они тотчас же должны быть расстреляны.

^{II} Например, финна Эльвенгрэна, англичанина Рейли, нескольких французов и т. д. Это делается гораздо чаще, чем об этом становится известным; человек бесследно исчезает, и конец. Но, пожалуй, коммунисты учитывают, что обобщение этого метода могло бы стать нецелесообразным и неблагоприятным в плане международных отношений.

^{III} Например, когда в августе 1928 года в Петербурге был убит чекист Урицкий, а социалистка Фанни Каплан произвела покушение на Ленина, было отдано распоряжение о массовом терроре в стране. Людей казнили в алфавитном порядке или комнату за комнатой. В одну ночь в Москве без всяких оснований была расстреляна 1000 арестованных. Чекист Лацис пишет: «Только в Петербурге было расстреляно до 500 человек» (Два года..., стр. 24). Но это не мешает почетному чекисту профессору Покровскому оценивать количество этих жертв по всей стране в 600 человек («Известия», 18 декабря 1927 г.).

лах ЧК существовали особые служащие для регистрации трупов; еще в провинции были «братские могилы» и овраги, в которые, не считая, просто сбрасывали бесчисленные жертвы. Некоторые отечественные организации пытались в первые пять лет по официальным и добытым собственным верным сведениям подсчитать количество жертв. Это число выросло до 1 860 000 казненных, среди них 28 епископов, до 1200 священников и духовных лиц и т. д.¹ Точно лишь то, что здесь идет речь о числе, которое для России равнозначно еще одной европейской войне; о числе, которое в своей конкретике не может уложиться в рамки человеческого воображения. Надо еще учесть, что казнили чаще всего людей, *имевших мужество объявить о своей приверженности определенной конфессии и своему Отечеству, подтверждавших свое буржуазное мировоззрение словом или делом и не отрекавшихся от него перед лицом смерти.*

Подозреваемые

Число арестованных и сосланных и вовсе нельзя определить: ведь запугивание широких кругов населения и применение ареста как *превентивного метода* вообще свойственно террору. Арест предназначается не врагу, а *подозреваемым лицам*; а под подозрением находятся, во всяком случае, все некоммунисты. Методы коммунистов включают также как можно более широкое раскидывание сети домашних обысков и арестов, чтобы заполучить и парочку настоящих врагов: «Лучше больше, чем меньше».

Сюда же относится и обычная практика, когда в квартире арестованного на несколько дней оставляют засаду и арестовывают всех без исключения случайных посетителей. Широко распространена и практика на долгое время сажать под арест заложников, чтобы позже их, если представится возможность, казнить. В послед-

¹ В списке значатся примерно (в округленных цифрах): более 6000 учителей и профессоров, 8800 врачей, 54 000 офицеров, 260 000 солдат, 105 000 офицеров полиции, 48 000 жандармов, 12 800 чиновников, 355 000 других представителей интеллигенции, 192 000 рабочих-пролетариев и 815 000 крестьян.

ние годы этот метод применяют особенно против иностранцев, чтобы обезопасить коммунистических пропагандистских эмиссаров за границей и т. д. Так, теперь в Советской России с трудом можно найти хоть одного горожанина (исключая коммунистов), который ни разу не побывал в завшивевших и клопиных застенках ЧК. И не пересчитать людей, перенесших несколько домашних обысков или арестов (даже до 20)^I.

Вопрос о пытках

Много говорят и пишут о *пытках* в ЧК. В этом отношении можно предположить, что вряд ли руководители ЧК когда-либо официально предписывали пытки, хотя пресса ЧК некоторое время обсуждала и спорила о принципиальной допустимости и применении пыток^{II}. Это наивное обсуждение скоро прекратилось; разумеется, для того, чтобы освободить место решительной практике. Что, собственно, означает «пытать»? Пытать

^I В последние годы за границей распространилось мнение, что террор в России «уменьшился» или, во всяком случае, «смягчился». Это не соответствует истине, но это утверждают и распространяют коммунисты. Пожалуй, стало меньше расстрелов, потому что: 1) основная масса лютых врагов была казнена в первые десять лет или вымерла от голода и нужды; 2) потому что буржуазные элементы научились осторожности и мимикрии; 3) потому что сопротивление в стране стало ползучим; 4) потому что ЧК теперь обрабатывает более не решительного врага, а *подозреваемых*, которые прежде были выпущены (по недостатку времени или места), а теперь обречены на относительно медленное умирание в концентрационных лагерях или в ссылке без работы. Иными словами, *враги убиты, теперь медленно, до смерти замучивают подозреваемых*. Здесь лишь с очень поверхностной точки зрения можно говорить об «ослаблении» или «смягчении», ибо для бесчисленных несчастных «подозреваемых» это «смягчение» означает невероятное систематическое обострение террора. В течение последнего года (октябрь 1929 — ноябрь 1930) казни на селе и в городах снова так же многочисленны, как и в первые годы: ведь последовательный коммунизм разворачивается вновь.

^{II} Подробности об этом — у русского социалиста *Аронсона*. См.: На заре красного террора. Берлин, 1929, стр. 68, на русском. Он ссылается на журнал «Еженедельник ВЧК» от 1918 года.

значит подвергать арестованного и допрашиваемого человека *психическим и физическим мучениям*. Однако вся система террора есть не что иное, как намеренно или планомерно проводимый *режим психических мучений*. Безвинный человек, которому угрожают, уже подвергается мучениям; арестованный же, который месяцами томится в грязи и нищете, оторван от семьи, заперт вместе с чужими людьми, которого перебрасывают из одной тюрьмы в другую, каждую ночь будят и тащат на допрос, которого осыпают ругательствами и грозят приговором и смертью, — принимает уже *мученичество*. Что же касается физических мук, то они многократно установлены, описаны и сфотографированы в ходе проведенных позднее врачебных осмотров (в провинции), особенно на трупах, ибо наука ныне может с точностью установить, нанесена конкретная рана (скальпирование, выколотый глаз, забитый в плечо гвоздь и тому подобное) *до или после смерти*¹. Имеются в виду не те физические мучения, которые в первые годы революции кое-где наносились возбужденной толпой, а те, которые нередко применяют в различных тюрьмах ЧК. Нетрудно понять, как к этому пришли; ведущие коммунисты проповедовали «право на месть» и предписывали убийства и кровопролитие. Было бы даже удивительно, если бы эта проповедь, проникнув в садистски предрасположенные души, не пробудила в них страсти к пыткам. Ибо пытки есть не что иное, как *жажда мести, утоленная кровью*.

¹ Подробности об этом в опубликованных описаниях. Назову здесь лишь малую часть из того, что появилось на языках Западной Европы: 1. *Das wahre Gesicht des Bolschewismus*. Факты, очерки и картины из балтийских провинций. 2. *Unter der Herrschaft des Bolschewismus*. Собрано советником по печати Германского посольства Эрихом Кёпером. 3. *A Collection of Reports on Bolshewism in Russia. Abridged Edition of Parlements Paper. Russia № 1*. 4. С. Мельгунов. Красный террор. 5. *Das schwarze Buch (Die Bestürmung des Himmels)*. 6. Нилостонский. Кровавое опьянение большевизма. 7. Katharina Haug-Haough. *Hinter den Kulissen des Bolschewismus*. 8. Joseph Douillet. *Moskau ohne Maske*. 9. Raymond Duguet. *Un baigne en Russie rouge*.

Чекисты

Уже из этого видно, что практиковать систему террора в состоянии лишь люди, обладающие особой склонностью. Восхваляя чекистов, коммунисты сами называют их «людьми со стальными нервами»^I. Опытный чекист Лацис^{II} подчеркивает, что товарищи из ЧК зачастую работают, как «фанатики своего дела»^{III}. Чрезвычайно интересно также собирать личные советы Ленина по этому поводу. Это должны быть «рукастые» люди^{IV}; «убежденность, преданность и иные превосходные душевные качества на политическом поприще совершенно *нельзя* принимать всерьез»^V (Sic!); но людей для этого надо хорошо воспитывать. Они обязаны преследовать и ловить врага; и «для этой ловли мы должны готовить — я не скажу мошенников^{VI}, но вроде того; а также изобрести особые, хитроумные трюки, чтобы утаивать наши методы борьбы, подготовку и т. д.»^{VII} Согласно этим советам, согласно «эволюционистской морали», которая названа так самими чекистами, и в силу принципа: «цель мировой революции позволяет и предписывает все средства» — в ЧК уже в предшествующие годы сложился особый образ мыслей и обучение, под влиянием которых и вырастает соответствующая смена.

Было бы совершенно ошибочно представлять себе профессиональных чекистов как внешне грубых распутников и кутил или неуклюжих остолопов. Тип первых лет уже устарел. Строгий и простой на работе, часто одетый в черную или желтую кожу («кожанки»), в повседневной жизни чекист появляется педантично одетым, бритым, часто с ухоженными руками и отполированными ногтями, в большинстве случаев готовым молчаливо выслушивать или выпрашивать, и тщательно

^I «Известия» от 18.12.1927 г. Передовица.

^{II} Названо и процитировано выше.

^{III} Лацис. Два года..., стр. 81.

^{IV} Троцкий. О Ленине, стр. 76.

^V Сочинения Ленина, т. XVIII, ч. 2, стр. 38, на русском.

^{VI} Так у Ленина по-русски.

^{VII} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 2, стр. 122, на русском.

скрывающим собственную профессию. Он умеет прятать свою безжалостную твердость за милой любезностью и превращаться из дремлющей кошки в бешеного тигра. Холодно и спокойно он обдумывает новую ловушку; чистосердечными уговорами вкрадывается к человеку в доверие; провоцируя, обязуя, инсинуируя и клеветца, работает в гуще врага, чтобы вечером посетить концерт Бетховена, заказанный специально для чекистов. Зарплата этих людей и сведения об их имуществе неизвестны. Их собственные убеждения покрыты глубоким мраком. Их будущая судьба находится в руках Всевышнего.

Внутренняя разведывательная служба

Как бы строго и педантично ни был организован этот политический полицейский центр, ему всегда будет нелегко надзирать за страной со 150 миллионами жителей, с пространством в 21 млн. квадратных километров и такой ничтожной плотностью населения¹. При этом в России, как и везде, основное поле политических событий — город; а городское устройство в России намного слабее развито, чем в Западной Европе. Оба эти обстоятельства значительно облегчают коммунистической полиции ее задачу. И тем не менее она вынуждена еще больше развивать сеть своих агентов.

Еще Ленин был этим озабочен. Он пробовал решить проблему таким образом, чтобы обязать каждого коммуниста как такового действовать в качестве агента ЧК, т. е. «наблюдать и доносить»². Но вскоре выяснилось, что масса населения частично с иронией, частично с презрением замыкается в себе и проявляет в отношении коммунистов все большую осторожность. Затем ЧК попыталась воспользоваться уплотнением жилой площади, и в каждый дом были насильственно вселены несколько коммунистов.

¹ В европейской части России не более 25 человек, в Средней Азии не более 3 человек, в Сибири не более 0,7 человека на 1 квадратный километр.

² Это мнение Ленина публично процитировал коммунист Гусев. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 600, 601; оно было откровенно высказано и подтверждено и Ярославским. См.: На антирелигиозном фронте, стр. 17—21, 43, 44.

Отношение советского гражданина становилось все более скрытным и осторожным; он все сильнее призывал к тому, что ему приходится изображать равнодушного или даже доброжелательного незнайку, и отгораживался этой игрой.

Тогда ГПУ начала расширять систему *тайной* агентуры. Еще в 1920 году Лацис пишет следующие строки: *«Каждый гражданин должен стать воином и защитником Советской власти. Каждый гражданин должен стать не только красным солдатом, но и сотрудником ЧК. Только при этом условии мы победим. Защита Советской власти, защита революции есть дело всех и каждого»*^I. С тех пор этот принцип систематически осуществляется и проводится.

Нынешняя система коммунистического политического надзора построена следующим образом. Во-первых, *профессиональные чекисты*; в каждом городе, в каждом городке, в каждом районе, на каждой железной дороге, на каждой небольшой фабрике и в каждом ведомстве есть постоянное отделение ЧК. Во-вторых, *коммунисты*: официально не работая в ГПУ, все они обязаны соответственным образом сотрудничать с ним; многие имеют звание «почетный чекист»; на своих съездах они взаимно воодушевляют друг друга на выполнение этой работы и торжественно заявляют, что «профессия чекиста есть профессия чести»^{II} и т. д. В-третьих, институт *«рабочих и сельских корреспондентов»*. Частично это наивные попутчики, частично согладаты, работающие по заданию, а все вместе — доносчики, которые, нередко для содействия и обеспечения своей карьеры, следят за своим ближайшим социальным окружением и в форме «корреспонденций в газету» его обвиняют^{III}.

^I Лацис. Два года..., стр. 82. Эти заключительные слова книжки, как главный тезис, выделены курсивом.

^{II} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 497. Те же выкрики во время речи Ярославского. Ср. также в особенности номера газет «Правда» и «Известия» от 18 декабря 1927 г.

^{III} В Советской России существуют *лишь* партийные коммунистические газеты.

К началу 1926 г. эта «армия»^I насчитывала более 200 000 человек, до 40% из них коммунисты^{II}. В последние 4 года население все более преследует этих «корреспондентов» и убивает их, особенно в деревне. В-четвертых — *тайные агенты* из беспартийного населения.

Тайные агенты

Совершенно ясно, что основательно шпионить за большими массами населения можно лишь таким путем; что число этих агентов должно быть очень большим и что ни один человек, сохранивший свое моральное равновесие, добровольно не пойдет на тайное подглядывание за своими согражданами. Поэтому через *террор для террора* ГПУ систематически вербует этих тайных агентов. Слабых людей, не обладающих дурным или злым сердцем, можно подвигнуть к каким-то компромиссам, которые, если на них пошли, начинают действовать изматываяще и унижительно; особенно сражает наповал страх перед медленным умиранием или моментальной казнью. Один из методов системы коммунистического террора — поставить человека, особенно отца семейства, перед выбором: *бесчестье в жизни или смерть*. Чтобы добиться соответствующего решения, у чекистов достаточно средств: длительное, разрушающее нервную систему пребывание в тюрьме; демонстрация находящейся в нужде изголодавшейся семьи; предъявление подписанного смертного приговора и — неделя за неделей — затягивание казни; хорошая кормежка и возможность курения вслед за многомесячными лишениями; чрезвычайно умелое симулирование всезнайства, без сучка без задоринки, «в любом случае»; использование злых страстей (ненависти, тщеславия, ревности, мстительности), которые можно разжечь предъявлением сфальсифицированного, а возможно, и подлинного документа и т. д. Есть и совершенно своеобразный метод, который, по уверениям чекистов, *всегда* достигает цели: человеку показывают настоящие расстрелы, и эти потрясающие сцены ломают его нервы и духовный хре-

^I Термин ведущего коммуниста Молотова.

^{II} Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 62, на русском.

бет. Кроме всего этого, существуют и намного более мягкие методы, ведущие к порабощению гражданина: например, утомленному обещают покой, тщеславному высокий пост, а алчному — деньги. Или возможно и такое: человека-жертву, делая ему соответствующие предложения, много раз беспощадно «увольняют» с работы и превращают в «безработного без пособия» и т. д., поскольку коммунистическое государство как таковое сохраняет за собою почти полную монополию на предоставление работы.

Всякое соглашение с ЧК затем *протоколируется и подписывается как добровольно достигнутый договор*: эта подпись служит еще большему захвату в тиски и дальнейшему шантажу; и таким образом увеличивается число агентов. По некоторым данным, число тайных агентов ЧК в нынешней Москве выросло до одной трети всего населения. То, что творится в раздавленных душах этих угнетенных террором для террора и несчастных людей, можно определить только словом «ад». Коммунисты знают это сами: они хладнокровно наблюдают, как под давлением террора растет склонность к самоубийству. Они вычеканили даже меткую и поясняющую формулировку для этого явления: «Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас»^I.

Размах террора

Чтобы верно представить себе систему террора, важно представить широту его воздействия. Террор затрагивает не только остатки буржуазных слоев революционной России, но и все прочие классы, т. е. и крестьянство, и рабочий класс. В период продовольственных войн (с 1918 по 1920 г.) крестьянство должно было сначала его понять и почувствовать. «Состоятельные» крестьяне, называемые у коммунистов «кулаками»^{II}, живут в условиях *непрекращающихся* угроз

^I См. речь коммуниста Мирзояна: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 283, на русском

^{II} «Кулак» — не определенное понятие, а совершенно отдаленное представление, содержание которого постоянно варьируется в зависимости от времени и места и демагогически используется в своих интересах. См. интересную статью Критского.

обобществления и доносов; прочие слои крестьянства, а также рабочие заводов и фабрик, становятся добычей террора, как только они решаются воздать хвалу иной партии или неосторожно высказываются против Коммунистической партии. Особенно сильному надзору со стороны ГПУ подвергаются иностранцы, их изолируют и время от времени запугивают провокациями, арестами и процессами^I. Вся система направлена не против какого-то определенного класса, а *против всех недовольных, всех подозрительных и всех инакомыслящих*, кем бы они ни были и как бы они ни выражали свою независимость. Всякий шаг может повредить человеку; всякое слово становится опасным; ибо, как выразился один из руководящих коммунистов: у нас не ведется борьба лишь «со снами и убеждениями, о которых молчат»^{II}.

Террор против социалистов

Почти с самого начала под террор подпали и социалистические партии, особенно после того, как социалисты устроили несколько покушений на коммунистических вождей^{III}. С 1921—1922 гг. многие социалисты вступили в Коммунистическую партию, но этим они не добились доверия к себе. Что же касается независимых и оставшихся верными из обеих социалистических партий^{IV}, то их по-прежнему истязают^V. Еще в 1922 году Ленин назвал обращение с социалистами со стороны коммунистов «тройным террором»^{VI} и пообещал при необходимости возобновить этот террор^{VII}. «Место меньше-

^I Ср., к примеру, процесс Локарта, процесс трех немецких студентов, донбасский процесс и др.

^{II} Томский. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 301—302.

^{III} Каннегисер на Урицкого, Фанни Каплан на Ленина, бомба в Леонтьевском переулке и др.

^{IV} Марксистски настроенные социал-демократы, названные «меньшевиками», и социалистическая аграрная партия, известная под именем «эсеры».

^V Фактологический материал надо искать в книге Аронсона.

^{VI} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 2, стр. 11.

^{VII} Там же.

виков и социал-революционеров — в тюрьме»^I; их публичную критику невозможно выносить: их следует «ставить к стенке» (технический термин ЧК в смысле «расстрелять») и «наши революционные суды должны приговаривать их к расстрелу» как «худшие и вреднейшие элементы из белогвардейского лагеря»^{II}. Несмотря на то что эта суровая угроза «поставить к стенке» вовсе не исполняется или исполняется очень редко, тюрьмы в последние годы еще изобилуют социалистами.

Террор против коммунистов

Что еще поучительней, так это применение системы террора по отношению к самим коммунистам: со всеми, кто не соответствует ведущему радикальному течению в компартии, кто начинает обособляться и, не выходя из партии, пытается образовать самостоятельную «группировку»^{III} или «оппозицию», ведется борьба, их компрометируют, запрещают и распускают. С 1921 года выступил уже целый ряд таких «группировок», и всех постигла одна и та же участь; начиная с 1922 года стенографические отчеты съездов компартии разбухли уже втрое, стремясь дословно запечатлеть партийные свары. Чем острее полемика, тем суровой отношение к оппозиции — ее ругают^{IV}, бойкотируют^V, исключают из партии^{VI}, ссылают или даже высылают, как Троцкого. С обвиняемыми обращаются, как с «прокаженными»^{VII}. До казней дело пока не доходило^{VIII}.

В полном разгаре и внутреннее осведомительство в партии: коммунисты подслушивают друг друга и доносят

^I Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 232, на русском.

^{II} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 35.

^{III} Это — технический термин партийного коммунистического жаргона.

^{IV} «Мошенничество», «шулер», «жульнически» и т. д. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 204, 372 и др.

^V К примеру, Зиновьев, Каменев, недавно Бухарин и т. д.

^{VI} Как, например, 98 членов партии на заседаниях XV съезда партии. См.: Стенографический отчет, стр. 1247.

^{VII} Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 408, 566.

^{VIII} Темные слухи о смерти Фрунзе до сих пор убедительно не доказаны.

друг на друга, неважно, диктатору Сталину или в ГПУ. Едва «состоялся доверительный разговор между двумя», как один из них уже наверняка пишет в ЦК партии^I; где существует хотя бы одна дискуссия, там уже есть один «донос»; и «никакая дружба» не может удержать от этого коммунистов^{II}. Ведущие круги даже придерживаются мнения, что коммуниста вообще нельзя называть «доносчиком»: он лишь «сообщает» партийному центру определенные факты и выполняет тем самым свой «партийный долг»^{III}; он это делает и присоединяя к своему сообщению личные письма^{IV} и т. д. Короче: «внутри партии» царит «террор»^V, и каждый коммунист, которому есть что сказать, прежде думает о том, «что он, собственно, за это получит»?^{VI}

Эта система, по мнению коммунистов, в общем, себя полностью оправдала; возможно только, что ее не всегда решительно и жестко проводят: «мы всегда были слишком мягки, слишком великодушны к побежденному врагу!»^{VII} Не считая этого «великодушия», система террора прославляется как «правильный метод» и соответственно подготавливается для других стран: *весь мир должен быть готов к огромной кровавой бойне.*

Подготовка ко всемирному террору

Где бы ни удалось коммунистам развязать революционное движение, там сразу же целеустремленно организуется систематический террор. Так, например, в Китае, где «на повестке дня стоит уничтожение помещиков»^{VIII}.

^I Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 612.

^{II} Там же, стр. 601.

^{III} Там же, стр. 570, 613, 617, 624.

^{IV} Там же, стр. 631 и др.

^V Там же, стр. 404.

^{VI} Там же, стр. 614.

^{VII} Так у Лациса. См. у Мельгунова, стр. 36, 37. Ср. у Троцкого угрозу осуществления «еще более беспощадного террора, чем прежде»: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 122.

^{VIII} Бухарин в декабре 1927 г. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 759.

Оно так и происходит: Бухарин с ликованием рассказывает на заседании XV съезда партии (декабрь 1927 г.) о том, как образованная в Китае крестьянская советская власть «ведет уничтожающую борьбу с помещиками. Усеченная глава уже примерно у 300—400 помещиков. (Аплодисменты. Выкрик: «Слишком мало, нужно бы больше!..»)I

Коммунисты также успешно стараются «уничтожить ведущих китайских генералов психически»II. То же самое готовится и в ИндииIII. Это относится и ко всему миру. «Грядет час великих битв, и мы должны быть готовы снова взмахнуть саблями, которым не терпится усечь главу не только домашней, но и мировой контрреволюции»IV. «Он близится, этот день, как бы ни вынуждала нас мерзавка мировая буржуазия удлинить этот срок»; близится час, «когда народные массы, руководимые своими собственными Дзержинскими, срубят голову отвратительному чудовищу мировой контрреволюции»V. «Мировая буржуазия проклинает ГПУ — да здравствует ГПУ!»VI

Психология террористов

Остается лишь дать несколько главных советов для понимания психологии террористов.

Как сказано, террор надо понимать не только как эксцесс или своего рода эмоциональный взрыв, и не как временное помешательство, а как хорошо и тщательно продуманную систему. Это *метод защиты государственной власти устрашением и духовным раздавливанием противника*. Лучше всего покажет главные мотивы этой системы психологический анализ.

I Язвительная ирония русского выражения («усеченная глава»), к сожалению, не поддается переводу. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 604.

II Там же, стр. 605.

III Там же, стр. 729.

IV Бухарин. См.: «Известия» от 20 декабря 1927 г. Ср. Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 482—483, 506.

V Бухарин. «Правда» от 18 декабря 1927 г.

VI Это надпись на одном из плакатов во время празднования 10-летнего юбилея ЧК. См. «Правду» от 20 декабря 1927 г.

Страх

Смелый человек, не знающий страха, никогда не опустится до систематического устрашения; первый источник террора — страх в душе самого террориста. Он стремится к устрашению потому, что сам страшится в зависимости от размеров своего собственного страха; потому террор в Советском Союзе обостряется всегда, когда у коммунистических вождей появляется объективная угроза или субъективные опасения. В бесстрастно проводимой системе террора есть вспенивающиеся волны ярости, источник которой — страх. Этот страх, со своей стороны, возникает из отчетливого чувства совершения чего-то несоразмерно ужасного и абсолютно непростительного: все корабли сожжены; нет больше ни обращения, ни просветления, ни эволюции, ни прощения; нельзя переметнуться назад; и чувствуешь, что *вынужден* идти вперед, пробиваться далее, выжидать и проливать кровь за кровью. Угроза приносит тревогу и страх; *страх успокаивается новым устрашением*. Отсюда легко просматривается прочее.

Смертельная борьба

Коммунисты будут до конца работать при помощи террора — во-первых, потому, что они обобществляют и обрекают на гибель большие массы людей. Обобществлением они добиваются обнищания; им же они создают себе заклятых врагов, число которых непрестанно растет по причине угроз и стремления к подрыву всего буржуазного мира. Они довели до предела принцип борьбы и сделали дифференциацию столь острой, что более не осталось надежды на мирное урегулирование, на уступки и компромиссы. Они *сознательно пошли на это обострение* и будут продолжать его для того, чтобы использовать борьбу для нагнетания отчаяния. *Смертельная борьба и террор обуславливают друг друга*.

Спаивающая субстанция

Во-вторых, система террора должна просуществовать до конца, ибо кровь обладает тайной властью — она ужасным образом разводит людей и спаивает их. Однако всемирному заговору нужна совершенно *особая спаивающая субстанция*. То обстоятельство, что люди долгое

время подвергают риску собственную кровь и проливают чужую, превращает их не только в «со-ратников», но и определенным образом спаивает их воедино: в случае честной борьбы — это духовное родство; а в случае злых дел — это своеобразное преступное сообщество, где каждый нуждается друг в друге, чтобы совместно нести и выносить бремя общего проклятия. Тогда злодеяния прошлого звенят в душах, как связующие цепи, и вынуждают к продолжению сотрудничества. *Всемирный заговор и террор неразлучны друг с другом.*

Буржуазная настроенность

В-третьих, коммунисты будут и далее продолжать насаждать систему террора, так как они ведут борьбу за такой экономический порядок и такое жизненное устройство, которое принципиально противоречит человеку с буржуазным мирозерцанием. В своем стремлении уничтожить частную инициативу и подавить частную собственность в стране, которая на девять десятых является буржуазной, государственная власть не может рассчитывать на общее добровольное согласие населения; нет, она вынуждена действовать принуждением; насилием и кровью придется ей протаскивать в жизнь свою систему. Тогда она стоит перед принципиальной дилеммой: или оставить *свободу* самодеятельности индивидуума и его частной инициативы, или сломать и подвергнуть их насилию. *Подавление буржуазного мировоззрения и террор есть жизненные корреляты.*

Власть времени

В-четвертых, коммунистический террор должен постоянно «сгущаться в систему»¹, в особенности по той причине, что коммунист выступает как революционер и стремится действовать как ниспровергатель. Он совершенно не признает *власти времени*; он хочет в кратчайшее время добиться невозможного; упрямый и нетерпеливый, он ничего не хочет знать о «постепенно»; его расчеты исходят из одного «сразу». Потому он всегда будет прибегать к «искоренению» и «насилию», стараться ухватить неподвластное в природе и времени и наси-

¹ Выражение Троцкого. См.: Терроризм и коммунизм, стр. 53, на русском.

лием и кровью завладеть им. *Революция и террор идут рука об руку.*

Деспотизм

В-пятых, коммунисты потому всегда будут нуждаться в терроре, что они поклоняются абсолютно преувеличенному этатизму⁵³. Государственная власть в действительности способна не только не на «всё», а на относительно очень малое; но самое главное — ей менее всего подчиняется жизнь инстинкта и духа. В то же время коммунистам для их централистско-бюрократических экспериментов требуется абсолютно неспособная к сопротивлению социальная среда, психологическая глина, люди без духовного хребта, коммунистически настроенные автоматы. Коммунист предрасположен к *деспотии*; он повелевает и требует беспрекословного послушания. Он должен устрашать. Поэтому его избранными методами и орудиями остаются внушение, гипноз и психоз страха. *Зубодробительный деспотизм и террор есть одно и то же.*

Материализм

В-шестых, коммунист существенно зависит от системы террора, потому что он нигде и никогда не может и не будет пользоваться *духовным авторитетом* — неотъемлемой принадлежностью здоровой государственной власти. Презирая, разлагая и растапывая принцип духовности как таковой, он видит перед собою стоящих и ползающих мерзавцев и скотов и вынужден прибегать к неприкрытому насилию. В духовном отношении коммунистическая государственная власть может импонировать лишь совсем необразованным, совершенно наивным, совершенно легковерным, мечтательно-сентиментальным коммунистам, число которых вообще невероятно мало. Для прочих 99,9 процента населения у нее есть лишь материальные преимущества (до тех пор, пока они в достатке) и... устрашение. Потому *антидуховный материализм и террор следует понимать как жизненные соотносительные величины.*

Там, где коммунизм одержит победу, он введет и будет осуществлять также систему террора; и повсюду, где это произойдет, это приведет к тем же последствиям в жизни: к обнищанию и вымиранию антикоммуни-

стических элементов в стране, к подавленности и ожесточенной злобе в душах терроризируемых и поработанных людей; к своеобразному анабиозу угнетенной и исковерканной политической жизни; к хозяйственному параличу здоровых элементов экономики. И в социологическом отношении все эти последствия закономерны и неизбежны.

Проф. И. Ильин

КОММУНИЗМ КАК ГОСПОДСТВО ЧИНОВНИКОВ

Панполитизм

Сущность коммунистической доктрины заключается прежде всего в том, что частная инициатива и связанная с нею частная собственность составляют принцип вреда и «зла» в социальной жизни людей¹: и этот принцип надобно, соответственно, подавить и уничтожить. Тогда на его место придет целительный принцип планового регулирования, принцип волевого, централизованного и политического предписывания — хозяйственный и культурный *панполитизм*.

В результате все то, что из «анархистской» самодеятельности своего инстинкта самосохранения делает и созидает человек, будет происходить на «более высокой ступени» человеческого предвидения, желания и решения — в высшей степени рационально, энергосберегающе и целесообразно. Только тогда наука сможет создать новую технику жизни, государство — новый строй жизни; а классовая политика пролетариата станет порукой «справедливости» нового образа бытия.

Идея советской бюрократии

Итак, основная идея этой системы состоит в том, чтобы заменить *природу* в социальной жизни человека *усмотрением* и *произволом*; исключить *спонтанную личную инициативу* человека и заполнить образовавшуюся брешь *государственными предписаниями*; поставить на

¹ Например, у Троцкого — «Дьявол рынка». См.: Стенографический отчет II съезда партии, стр. 306.

место *иррационально-целесообразного инстинкта принуждения и террор*; подавить принцип *конкурирующего множества* и сделать решающим принцип *централистского единства*; *механизировать органичное* в сущности общества и вытеснить культурный слой классовых врагов свежими и верно настроенными силами коммунистического пролетариата.

Эта основная идея уже в течение 12 лет сделалась не только ведущей идеей, но и реальной схемой действительности в Советской России. Коммунисты реализовали ее и, соответственно, создали нечто странное — небывалую систему *революционной и коммунистической бюрократии*, такого чиновничества, которое набирают из *самого необразованного и самого политически неопытного* социального слоя. Эта бюрократия старается выступать и действовать в Советской России не только как *primum movens*⁵⁴, но и как *solum movens*⁵⁵: те социальные слои, которые еще не поработаны и не проглочены, систематически гонят по направлению к *разложению и новому устройству*; она стремится добиться в социальной жизни не *унификации*, а систематической *неповторимости и исключительности*. Следуя своей идее, она хочет стать «*всем во всем*». И, вероятно, было бы чрезвычайно интересно проследить, удастся ли ей это и в какой мере. В дальнейшем я попытаюсь подобрать обширный аутентичный материал и дать слово самим коммунистам для освещения результатов коммунистического бюрократического эксперимента. Можно быть совершенно уверенным в том, что коммунистическая печать говорит и сообщает вовсе не все из того, что соответствует фактам, однако можно быть уверенным, что факт выглядит не лучше, чем он описан самими коммунистами в их вынужденной «самокритике».

Полномочия

Ничто не препятствует и не мешает огромному бюрократическому эксперименту коммунистов: они могут и делают все, что хотят, по своему свободному усмотрению. «В чем наша сила и чего нам не хватает? Политической власти у нас больше чем достаточно. Целиком в наших руках и основная хозяйственная

власть»^I. «Что касается власти, то, если быть откровенным, у каждого из нас ее слишком много и никто не жаждет власти»^{II}; «мы» могли бы также «просто росчерком пера запретить частным торговцам огонь и воду»... и т. д. Короче, неудача всей бюрократизации *сводится не к политической невозможности в смысле «не разрешено» или «помешали», а к деловой — хозяйственное и духовное фиаско.*

Бывшие чиновники

Коммунисты много раз старались объяснить неудачную работу своей бюрократии «саботажем» и интригами своего не устраненного дореволюционного чиновничества^{III}. Во всем «виновато жалкое наследие царизма»^{IV}. Наряду с этим они все же вынуждены отметить, что процент прежнего чиновничества по отношению к новому персоналу чрезвычайно мал: в среднем не более 4,2%; что эти «старые чиновники» из «царского аппарата» занимают почти исключительно самые низкие должности (вахтер, швейцар, уборщик и т. д.); и что вообще они работают добросовестно и лояльно^V. Соответственно мы должны отметить, что коммунистическая бюрократическая система создана и осуществляется *новым, послереволюционным чиновничеством*: перед нами так называемые «выдвиженцы», новая рабочая элита, привлеченная с заводов, — *наилучшие отборные силы из революционных слоев*, что открыто признается и охотно отмечается самими коммунистами: «Мы знаем, что отбор для хозяйственных органов и советских ведомств был неплохой: это — лучшее из того, что можно было

^I Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 2, стр. 39, речь от 27 марта 1922 г.

^{II} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 202.

^{III} Это можно найти еще у Ленина. См.: Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 277, ч. 2, стр. 45.

^{IV} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 424.

^V Этот процент, разумеется, выше: в банках (17%), в финансовых ведомствах (16,2%), но также и в ведомстве контроля (9,5%), и в судопроизводстве (8,3%). Те же выводы делают и из статистических данных о возрастных ступенях советских чиновников. Ср.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 468—469; «Известия», 14 апреля 1929 г.

найти в нашей партии и наших организациях»^I. Или еще категоричней: «в России теперь у руля управления лучшие представители пролетариата»^{II}.

Что же в действительности создало и чего добилось это новое коммунистическое чиновничество со всеми своими диктаторскими полномочиями?

Бюрократизм как рана

Все стенографические отчеты, все речи и все газеты коммунистов изобилуют жалобами на «бюрократию» и «бюрократизм». Еще Ленин постоянно сердился из-за того, что он называл «бюрократическим извращением»^{III} или «злом бюрократизма»^{IV}. «Бюрократизм в нашем государственном устройстве сделался такой раной, что об этом говорится в программе нашей партии»^V. «По количеству наших съездов мы превосходим все государства мира»^{VI}. «Но что такое наши заседания и комитеты? Очень часто лишь игра»^{VII}. «Уже пять лет, как мы мучаемся с улучшением нашего государственного аппарата»; «но это лишь видимость работы»; мы все еще толчемся в «суете»; мы «печем» бесчисленные ведомства, и по настоящему дело выглядит не только «печально», но и «отвратительно»^{VIII}.

Однажды он в своей бессильной злобе зашел так далеко, что предложил «на 6 часов посадить» все чиновничество из московских ведомств «в самую скверную из московских тюрем» и «на 36 часов — товарищей из комиссариата внешней торговли»^{IX}.

Прошло три года после смерти Ленина, и Дзержинский, которому уже тоже недолго оставалось жить, жаловался и сердился на те же самые явления. «В наших бюрократических органах управления и канцеляриях

^I Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 447.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 356.

^{III} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 12, 33, 135.

^{IV} Там же, стр. 226.

^V Там же, стр. 122.

^{VI} Там же, стр. 379.

^{VII} Там же, т. XVIII, ч. 2, стр. 15; ср. т. XVIII, ч. 1, стр. 87.

^{VIII} Там же, ч. 2, стр. 118, 120, 116, 160.

^{IX} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 44.

расходуют очень много энергии, но пользы, в этом я должен открыто признаться, пользы от этого отвратительно мало»^I. «Мы страдаем организационным фетишизмом»^{II}; и «когда я представляю себе весь наш аппарат, всю нашу систему управления, наш неслышанный бюрократизм, то меня прямо охватывает ужас»^{III}. Эти «бесконечные коллегиальные заседания, комитеты, совещания и т. д.» необходимо свести к минимуму, иначе «будет невозможно работать»^{IV} и т. д.

Беспрестанно происходит одно и то же: «бюрократизм неизбежно заполняет наши партийные аппараты» и «советские органы»^V; «надо создать живой аппарат из честных людей»^{VI}; и по-настоящему «наш аппарат, черт его побери, никуда не годится»^{VII}; у нас везде или бюрократизм или хаос^{VIII}. Из-за этого партия отделяется от масс и противопоставляется им^{IX}; а крестьяне сильно ругают нас за «колоссальное количество» допущенных нами «ошибок, глупостей и напастей»^X. Высший и низший государственный аппарат в этом отношении одинаковы: «такого бюрократизма в превратнейшей, уродливейшей форме в наших низших ведомствах — сколько хотите»^{XI}. Статистически можно отметить, что,

^I Дзержинский. Три последние речи. 1926 г., стр. 19, на русском.

^{II} Там же, стр. 32.

^{III} Там же, стр. 54.

^{IV} Там же, стр. 33.

^V Троцкий. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 119. Ср. у Махарадзе: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 223.

^{VI} Каменев. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 411; ср. решения съезда, стр. 619—620.

^{VII} Бумажный. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 98.

^{VIII} Ногин. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 67.

^{IX} Троцкий. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 154.

^X Молотов. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1065.

^{XI} Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 555; ср. у Яковлева, там же, стр. 514.

например, в 1924 году в 51 губернии было зарегистрировано 17 000 частных жалоб, 61% из них, т. е., округляя, 10 370 жалоб, — на бюрократизм советских ведомств^I. И только по одному поводу у коммунистов нет единодушия по вопросу о том, лучше или хуже работает бюрократический аппарат буржуазных стран, чем в Советском государстве...^{II}

Никак нельзя думать, что коммунисты лишь отмечают банкротство своего аппарата и не пытаются с ним бороться. Нет! Почти каждый год производятся широко организованные «чистки» аппарата. Но эту борьбу они ведут как *отчаянную борьбу*. Спустя 12 лет мы видим в ведущих коммунистических газетах жирно напечатанный призыв: «Долой бюрократов!»^{III} Контрольная проверка проводится внезапно и судорожно; обычно ее называют «налетом»^{IV} и ее результаты часто попадают в газеты.

Того, что устанавливается этими проверками, по признанию руководящего коммуниста (Куйбышева), не опишешь. «Так всего много»^V, но выделить самое главное все же можно.

Число служащих

Во-первых, — число служащих. Оно не только относительно велико, но еще и показывает постоянную тенденцию к увеличению. Это легко понять и объяснить, ибо никогда еще не было такого государства, которое бы пыталось взять всю частную и наполовину частную жизнь своих граждан в руки общества; по мере того, как «обобществляются», «муниципализируются» и «коллективизируются» все новые стороны и функции жизни, чис-

^I Куйбышев. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 538.

^{II} Сталин считает — хуже. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 32; однако Орджоникидзе думает, что советский аппарат никуда не годится, но все же лучше, чем в Германии, Франции и т. д. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 395.

^{III} Например, «Известия», 16 мая 1929 г.

^{IV} «Налет» по-русски — технический термин банд грабителей. См., например, «Известия» от 24 апреля, 17 мая и т. д. 1929 г.

^V Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 303.

ло служащих, ведомств и государственных органов *должно постоянно расти. Надо же кому-то обиходить выделенную функцию — регистрировать, организовывать, приводить в действие* и т. д.

На 1 октября 1922 г. коммунисты насчитывали 1 320 000 советских чиновников^I. Через полтора года, т. е. 1 мая 1924 г. они установили, что число служащих достигло примерно 1 500 000 человек^{II}. Примерно в декабре 1925 г. сообщалось о 1 850 000 чиновников государственного аппарата^{III}; это число оспаривалось: вернее было бы считаться примерно с 2 500 000 служащих^{IV}. Но уже в последующие годы (1926/27) коммунистам пришлось констатировать, что государственный аппарат Советской России состоит из 3 722 000 человек, причем 2 000 000 из них занимают чисто административные посты^V. Так называемый «социалистический сектор» с тех пор еще вырос, и число служащих в одних лишь так сильно растущих коллективных хозяйствах должно было еще больше увеличиться. 27 июня 1930 г. Сталин докладывал XVI съезду партии, что в Советском государстве более 4 596 000 наемных служащих, получающих жалованье и исполняющих нефизическую работу («Правда», 29 июня). Но до конца обобществления было еще далеко...

Систематические сокращения

Довольно интересно отметить, что Советская власть из года в год систематически работает над сокращением своего аппарата; однако этот труд безуспешен^{VI}. Над этим в центре работали уже в 1918—1922 годах; но число чиновников продолжало расти^{VII}. Почти всякая партий-

^I Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 207.

^{II} Сталин. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 120.

^{III} Молотов. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 73; ср. также у Куйбышева, стр. 541.

^{IV} Зиновьев. См.: там же, стр. 120.

^V Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 399; ср. у Сталина, там же, стр. 61.

^{VI} Частично «на бумаге». См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 319.

^{VII} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 77; см. «Правду» от 13.8.1930 — после сокращения состав растет далее.

ная конференция и всякий съезд партии принимают решение о жестком сокращении^I; но его предпринимают снова и снова^{II}. Ничего не помогает; только что тут провели сокращение, и — смотри — через месяц или полгода число служащих снова раздуто^{III}. Как это происходит? Делается слишком много «пустой, никчемной работы», которую ревниво выполняют «совершенно никчемные люди», — пытаются объяснить один из коммунистического руководства^{IV}.

Сверхсложность аппарата

Но как раз государственный аппарат коммунистов *сверхсложен и неуправляем*: центральный аппарат, партийные ведомства, советские ведомства, хозяйственные органы, агентство ГПУ; и всё это слепо отражено и повторено в искусственных «национальных республиках» и «провинциальных государствах»^V. Всё до бесконечности разветвляется: например, надо представить себе, что лишь одна-единственная комиссия Совнаркома^{VI} (называемая «Сто») имела 120 подчиненных комитетов^{VII}; или еще: дирекция в так называемом «Промбюро»^{VIII} была настолько запутанной, что Ворошилов предложил создать особый «аппарат управления для управления этим аппаратом управления»^{IX}. Каждому новому проекту приходилось проходить до 16, да что там, даже до 20 ведомственных инстанций^X. Бюджету «федеративной респуб-

^I Например: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 274, 637.

^{II} Ср. основополагающий доклад коммуниста Орджоникидзе на заседаниях XVI съезда партии: «Правда», 05.07.1930 г.

^{III} Отмечено Орджоникидзе, Котовым, Затонским. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 551, 433, 425.

^{IV} Затонский. См.: там же, стр. 425; ср. Ленин, т. XVIII, ч. 4, стр. 249.

^V Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 413—414.

^{VI} Совнарком примерно соответствует Совету министров.

^{VII} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 53.

^{VIII} Ведомство промышленности юго-востока.

^{IX} Рассказано Сталиным. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 55. Сталин добавляет: «Таких фактов бесчисленное множество, больше чем волос на моей голове».

^X Ср.: «Торгово-промышленная газета», 19 ноября 1926 г.; Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 508.

лики» приходится считаться с 63 инстанциями^I. И каждая инстанция должна была проводить трудные, бесконечные и многодневные заседания^{II}. Так, например, каждому акту о таможенной пошлине в московском таможенном ведомстве приходилось подвергаться 110 различным операциям, в которых принимали участие 33 человека^{III} и т. д. Повсюду количественно преобладает канцелярский персонал (в среднем 60%); оперативный же персонал значительно ему уступает (в среднем лишь 40%)^{IV}. И получается, что весь «многоэтажный аппарат»^V в определенной мере становится «самоцелью»^{VI}, которая вполне самодостаточна.

Огромные расходы

Совершенно ясно, что весь этот аппарат страшно дорог и требует огромных денег. Коммунисты вынуждены непрерывно говорить об удешевлении своего аппарата^{VII}, но и в этом отношении они не добиваются успеха. В декабре 1927 года один из коммунистических руководителей докладывал на заседаниях XV съезда партии, что 2 000 000 чиновников чисто административного аппарата обходятся Советскому государству примерно в 2 миллиарда рублей^{VIII}. Это составляет примерно 1000 рублей на человека в год. Отсюда можно заключить, что весь аппарат целиком (4 596 000 человек) составляет в годовом бюджете сумму более чем в 4,5 миллиарда... Но рост показателей неизбежно влечет за собою соответствующее повышение заработной платы; в 1924 году это повышение по

^I Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 508.

^{II} См. «Известия» от 18 апреля 1929 г.

^{III} Орджоникидзе. Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 408.

^{IV} Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 610. В Западной Европе как раз наоборот.

^V Караев. Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 507.

^{VI} Сталин. Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 55.

^{VII} См., например, в решениях XII съезда партии, стр. 212, 619.

^{VIII} Орджоникидзе как докладчик; Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 399.

сравнению с предшествующим годом ставило 72%^I. И в относительном смысле советский аппарат страшно дорог; так называемые «общие расходы на управление» в промышленности составляют в среднем 20% трудовой стоимости и до 100% расходов на заработную плату^{II}.

И вот сам собою напрашивается вопрос: что, собственно, производит этот невероятный, сверхсложный и дорогостоящий управленческий аппарат? Как он работает? Что у него получается? Кто те люди, которые находятся в его рядах? При ответе на эти вопросы я снова использую подлинные материалы из коммунистических источников.

Формализм

Вся работа советского аппарата ведется *формально* и *механически*. «Занимаются не сущностью вопроса, а формой своей ведомственной работы с ним»; и «все решения принимаются суммарно»^{III}. Вся работа протекает «сухо» и «формально»^{IV}, каждый «знает только собственную должность и собственные ведомственные дела», «у нас нет ни связей, ни взаимосвязей; нам не хватает перспективы...»^V Так работают всюду, вверху и внизу: в Совете народных комиссаров, где всякий видит лишь свое место и свое ведомство, а «все остальное — безразлично»^{VI}; и в распоследней «кооперативной государственной лавчонке» — «официально», «презрительно» (особенно по отношению к «бедно одетым» покупателям), «по-чиновничьи» и без всякого интереса^{VII}. Этот

^I Куйбышев. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 297.

^{II} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 412; ср. стр. 438.

^{III} Троцкий. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 119.

^{IV} Куликов. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 121.

^V Осинский. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 77.

^{VI} Осинский. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 77.

^{VII} Ср. Андреев: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 446; и Лебедь: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1046. Пассаж о «беднее одетых» сопровождался на пленарном заседании возгласами «правильно».

бюрократизм «нивелирует живых людей»; и через это «механизируется вся руководящая и управленческая работа»^I. В конце концов «бюрократизм принимает такую форму, что к нему, собственно, и придаться нельзя: по форме всё правильно, но в сущности это издевка и насмешка»^{II}.

Бумажная лавина

Соответственно коммунистическая бюрократия работает преимущественно на *бумаге* и со *словом*: но успехи заставляют себя ждать. «Мы завалены горами бумаг..., но ничего не можем достичь... практически», — вздыхал еще Ленин^{III}. Работают примерно так: «пишут писульку на клочке бумаги» и «посылают ее гулять от одного к другому»^{IV}; или, если надо о чем-то доложить, заставляют услужливого специалиста «исписать целый том», «девять десятых из которого совершенно излишни»; целый том, который никто не может и не будет читать^V. «Я вынужден, — вздыхал Дзержинский, будучи руководителем Высшего совета народного хозяйства, — сидеть на кипах бумаги»; «я совершенно не в состоянии» «просмотреть» «все присланные мне бумаги»; «мне бы сплошь и рядом не удалось их даже понять»...^{VI} «Возьмем доклады, которые я формально подписываю; может показаться, что в мире никого нет умнее и осведомленнее Дзержинского. Он пишет доклады о спичках, золоте, о полезных ископаемых, он пишет абсолютно обо всем...»^{VII} А в действительности «мы не знаем, что делаем, — об этом знают другие люди и бумаги в наших портфелях»^{VIII}. «Каков смысл в таких фолиантах? Они только запутывают дело»^{IX}; «их можно сократить

^I Дзержинский. Три последние речи, стр. 33.

^{II} Слова Ленина, процитированные Куйбышевым. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 539.

^{III} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 2, стр. 15.

^{IV} Дзержинский. Три последние речи, стр. 20, 34.

^V Там же, стр. 23, 34.

^{VI} Там же, стр. 33.

^{VII} Там же, стр. 21.

^{VIII} Там же, стр. 34.

^{IX} Там же, стр. 41.

в тысячу раз»^I. «Бумага нас поглотит»^{II}. «Мы лишь портим бумагу, чернила и воздух», когда «пишем самим себе и друг другу на клочках бумаги»^{III}. И еще одно: «наши вожди много говорят, и всё, что они наговорили, записывается»^{IV}.

Статистически это море бумаги выглядит примерно так. Между IX и X съездом партии Центральному Комитету были присланы из провинции 35 000 «письменных материалов»; к XI съезду партии их было уже 120 000^V. В 1927 г. каждый член Политбюро получил примерно 6000 страниц присланных материалов и 73 протокола^{VI}. Комиссариат транспорта расходовал 6 888 000 кг бумаги в год, т. е. одну четверть всего производства бумаги в стране^{VII}; и т. д. Откровенно и наивно говорит об этом персонифицированный глава государства Калинин: «Только что я отсутствовал три недели. По возвращении мне принесли из Центрального Комитета такую кучу всяческих инструкций и решений, что я испугался одного их вида и, не читая, положил их в мой шкаф»^{VIII}.

Короче, пишут, чтобы не читать; подписывают, не читая; пишут много, чтобы много не думать^{IX}; *не читают, чтобы вообще иметь возможность жить*^X.

^I Дзержинский. Три последние речи, стр. 42.

^{II} Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 401; ср. «Правда», 22.05.1930 г., «Бумага вместо настоящего управления».

^{III} Затонский. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 423.

^{IV} Микоян. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 190.

^V Молотов. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 46.

^{VI} Курский. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 108.

^{VII} Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 407, 410. В русском весе 420 000 пудов, 1 пуд равен 16,4 кг.

^{VIII} Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 396.

^{IX} Ср. у Дзержинского: «Один вовсе не знает вопроса, поэтому он начинает заниматься писаниной». См.: Три последние речи, стр. 21.

^X Ср. у Ленина (т. XVIII, ч. 1, стр. 131, 135): «Если бы мне вручную или по телефону пришлось принимать участие во всем том, что я подписываю, я бы уже давно сошел с ума». То тут, то там откалывают сами себе забавные номера, например, случается, что кто-то, не читая, подписывает донос на самого себя. Ср. «Известия» от 11.05.1929 г.

Бесконечные слова

Похоже обстоит дело со *словами и речами*. Революция с самого начала орудовала беспутными и общими речами: «она не могла развиваться иначе, чем общими и универсальными митингами, по всем вопросам»^I; а теперь надо, кроме того, еще и «отбросить всякую нерешительность и заняться управлением»^{II}. Но это решительное и самоуверенное управление выражается в *речах и словах*, недостаточность которых заполняется и подправляется *суровым принуждением*. Коммунистическая бюрократия способна лишь *писать, говорить речи и принуждать*; великая тайна *созидательного труда* остается для нее закрытой. «Практически никто не делает дела, все только обдумывают»^{III}. Народ называет их «главными болтунами»^{IV}. Целые ведомства вырождаются в «пустую болтовню»^V; и «важные решения съездов» выполняются «только в ничтожной части»^{VI}. В деревне же коммунизм вызвал к жизни лишь «скверную привычку к дилетантским речам и решениям»^{VII}. Советская бюрократия страдает настоящим психозом заседаний^{VIII}, огромной переоценкой слова, ненасытной болтливостью. Говорят без конца, *чтобы скрыть собственную беспомощность и чтобы отодвинуть серьезность поступка*.

Безобразии с проектами

Это выражается и в ином отношении, например, в склонности непрестанно делать *новые проекты, калькулировать* и носиться с самыми *далеко идущими планами*,

^I Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 378.

^{II} Там же, стр. 379.

^{III} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 36.

^{IV} Там же, стр. 37.

^V Томский. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 732.

^{VI} Андреев. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 452.

^{VII} Лебедь. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 609.

^{VIII} Ср. статью «Микробус» в «Правде» от 27.05.1930, в которой ведущий коммунистический писатель вычеканил выражения «заседательский микроб» и «заседательская болезнь».

но не закладывать в их основу серьезные и разработанные реальные проекты^I. Однако при этом пропускают или лицемерно обходят неудачи и провалы. «Пытаются изобрести нечто особенное и мудрое, — сетовал Ленин, — и оправдываются тем, что введена новая экономическая политика и поэтому надо выдумать что-то новое»^{II}. Создают проекты, весящие целый центнер^{III}; и относятся к ним серьезно, как будто они жизнеспособны и приспособлены к реальности. Странно, как мог, например, сам Ленин восхвалять план электрификации, созданный специально образованным ведомством и названный «ГОЭЛРО», как «отличную научную работу» и принимать всерьез «точные расчеты специалистов» (об электрификации России за 10 лет); и тут же непосредственно издеваться над «выпечкой проектов интеллигентами и бюрократами»^{IV}...

Расчеты

Коммунистический бюрократ «производит расчеты». Что у него получится? «Примерно на 80% наши расчеты произвольны, а на оставшиеся 20% они полностью неудовлетворительны», — описывал ситуацию Троцкий в 1923 году^V. «Я утверждаю, — восклицал Дзержинский в 1926 году, — что цифры, которые нам выдают картели, раздуты, что они фантастичны»^{VI}... «У нас нет ответственности за цифры». «Наша система создана так, что она поощряет такие фантазии»; ведь это система ведомств, которая непрестанно взаимно изменяет и «подправляет» имеющиеся расчеты^{VII}. И получается, что «ты можешь врать, как хочешь»^{VIII}; и каждый «с самого

^I См., например, «Правду» от 11.05.1930 г., статью Белявского; «Правду» от 14.05.1930 г., статью «Строят без проектов».

^{II} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 16.

^{III} Дзержинский. Три последние речи, стр. 41.

^{IV} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 83—86.

^V По-русски: «хромают на обе ноги». См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 300.

^{VI} Все так называемые «картели» в Советской России есть лишь коммунистические ведомства.

^{VII} См. «Правду» от 11.05.1930 г. по поводу химии.

^{VIII} Дзержинский. Три последние речи, стр. 40.

начала» знает, что другой мелет чепуху^I. И теперь то же самое (1929 г.), когда полным ходом идет *второй коммунистический эксперимент*, которым руководит Сталин. Изменилось лишь одно: *официальный оптимизм* по отношению к этим расчетам стал *признаком партийной лояльности*; пессимистов не выносят, их обезвреживают или увольняют^{II}. Ленин знал цену этому «оптимизму»; он называл его «слащавым повседневым коммунистическим враньем, от которого возникает тошнота, порою до смерти»^{III}. Менее образованный Сталин «производит расчеты» решительно и с безудержным «оптимизмом».

Бесхозяйственность

Бесхозяйственность^{IV}, которая отсюда возникает, я упомяну лишь совсем кратко^V. Эту бесхозяйственность называют «крайней»^{VI}, она приносит «колоссальные потери»^{VII}. Огромный, сверхсложный аппарат создает такую стоимость сбыта, что частная торговля, стоит только ей получить хоть капельку свободы, сразу же побеждает коммунистическую торговлю^{VIII}. «Мы должны

^I В оригинале сказано: «врёт». См.: Держинский, там же, стр. 40.

^{II} Эта участь постигла 23.01.1930 г. центральное статистическое ведомство; а в августе 1930 г. целый ряд специалистов и профессоров, которых сняли с должности и арестовали.

^{III} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 38.

^{IV} Подлинное определение коммунистов. См., например, Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 499; Решения XIII съезда партии, стр. 303 и др. За последний год см., например, в «Правде» от 08.05.1930 г. краткий очерк «Исключительное головоуятие»; в «Правде» от 10.05.1930 г. «Палки в колеса»; от 14.05.1930 г. — «Умерьте свой пыл»; в «Правде» от 16.05.1930 г. о строительстве государственной кухни в Луганске; в «Правде» от 18.05.1930 г. о чистке профсоюзного аппарата; в «Правде» от 05.07.1930 г. о хранении овощей и т. д.

^V См. разделы д-ра Гефдинга и д-ра Мелких.

^{VI} Куйбышев. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 544.

^{VII} Там же, с. 545.

^{VIII} Ср. Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 315 и 316, 297; XIV съезда партии, стр. 540. Преображенский: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 130.

удушить частный капитал в зародыше, потому что его аппарат дешевле нашего и потому что он циркулирует удобней и быстрее», — требовал один из *правых* коммунистов^I. Таково свойство «Вавилонской башни бюрократического хозяйственного аппарата»^{II} с «его многоэтажностью»^{III}, с его огромной ведомственной лестницей^{IV}: цены растут, как снежная лавина, и мы вынуждены «зимой ходить в одной рубашке, а летом в шубе»^V. «Сдай мы почту в аренду, сразу бы появился доход; нам она приносит потери»^{VI} и т. д. Надо отметить: это *самонадежная бесхозяйственность*, ставшая *системой*.

Волокита

В тесной связи с этой бесхозяйственностью находится так называемая «бюрократическая волокита» советского аппарата^{VII}. Внешне это выглядит так, будто бы весь аппарат напряженно работает «в вечной горячке и спешке»^{VIII}; всякий миг поглядывают на ручные часы; быстро бегают и нервно говорят; проводят день в запарке и совершенно вымотаны вечером... Но внутри, и что касается дела, всё до невозможности затягивают и «невероятно»^{IX} запускают. Еще в 1923 году было решено положить конец этой «волоките, не поддающейся никаким описаниям»^X. Прошли годы, и все осталось

^I Преображенский. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 130.

^{II} Троцкий. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 297.

^{III} Караев. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 507.

^{IV} Андреев. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 444.

^V Караев. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 507.

^{VI} Киселев. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 292.

^{VII} См. еще у Ленина, т. XVIII, ч. 1, стр. 383; ч. 2, стр. 15 и др.; ср. карикатуру в «Правде» от 28.05.1930 г.

^{VIII} Троцкий. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 119.

^{IX} Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 401.

^X Рыков. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 438.

по-прежнему. Ответ на ведомственный запрос требует от 200 до 240 дней^I. Чтобы спасти одну шахту от грозящего затопления, надо заказать насос; заказ на определенный завод отправляется лишь через 8 месяцев^{II}. Инвалиду, чтобы обзавестись протезом, приходится биться 7 лет подряд^{III}. Невероятная волокита царит и в советских судах^{IV}: дольше 3 лет длится тяжба по поводу сгоревшего курятника^V и т. д. Никто не несет ответственности за своевременность ведомственного производства^{VI}. Всюду — в суде, в управлении, в страховании, в советской кооперации и т. д.^{VII} — царят «преступная халатность» и «невероятно медленный темп в развертывании работы»^{VIII}. «Мы не можем утнаться за жизнью, мы теряем темп^{IX}; мы действуем по закону — и создаем отвратительнейшую волокиту»^X. И за эту волокиту «над нами висит, и с полным основанием, крепкий, ядреный рабоче-крестьянский мат»^{XI}.

Централизация

Можно спокойно предположить, что причину этих свойств и неудачных результатов работы советского аппарата надо искать также в его основных структурах. Что касается этого, коммунисты подчеркивают следующее: во-первых, всеобщую и всеподавляющую *централизацию*. Совершенно ясно, что эта особенность со-

^I Куйбышев. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 539.

^{II} Там же, стр. 539—540.

^{III} Там же, стр. 160.

^{IV} Там же, стр. 407, 553.

^V Затонский. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 425.

^{VI} Лебедь. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 610.

^{VII} Сталин. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 65.

^{VIII} Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 412.

^{IX} Дзержинский. См.: Три последние речи, стр. 22.

^X Затонский. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 426.

^{XI} Там же, стр. 426.

ветского аппарата вызвана к жизни главной идеей коммунизма и необходимым образом составляет часть строгой политической и хозяйственной диктатуры^I. Коммунизм как таковой должен *или все централизовать, или погибнуть*. Во главе управления стоит Политбюро, «этот всемогущий институт»^{II}, или, более верно — сам диктатор партии и государства. Перед этим центром дрожит вся страна; боязливо косятся на него все ведомства. Напрасно Троцкий^{III} и Рыков^{IV} называли и осуждали этот «бюрократический централизм» как «утопию», «химеру» и «невозможность»; все остается по-старому и таким и останется. Хотя пробовали установить так называемое «районирование», «дифференцированное районное управление» в экономике^V, но оно считалось лишь временным, лишь подготовкой к новой централизации^{VI}, главной целью остается единый хозяйственный план и соответствующая ему централизация всей жизни в стране^{VII}.

Наряду с этим коммунисты неустанно причитают: «Наш аппарат чересчур централизован; о каждой мелочи надо запрашивать центр»^{VIII}. «У нас развился безнадежный централизм; но если все должно решаться в центре, то центр должен и знать все до мелочей»^{IX}. «Мы наблюдаем определенную тенденцию к чрезвычайной централизации, которая все больше усиливается у нас...»; все

^I См. раздел проф. Тимашева.

^{II} Рязанов. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 69; ср. стр. 75, 78, 100, 112. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 44. Каменев. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 141.

^{III} Троцкий. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 243; XII съезда партии, стр. 306, 376.

^{IV} Рыков. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 429.

^V Рухимович. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 335; также у Рыкова, стр. 435.

^{VI} Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 184.

^{VII} См. решение XII съезда партии, стр. 619.

^{VIII} Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 401.

^{IX} Затонский, там же, стр. 424.

трудности стараются преодолеть путем «концентрации» в одном определенном ведомстве^I и т. д. «Очень трудно» также «бороться с этой непомерной централизацией, потому что бюрократизм здесь наиболее замаскирован»^{II}. Или, как однажды выразился Ленин, «зло бюрократизма, конечно, концентрируется в центре»^{III}.

Недостаточная дифференциация

Едва ли в этой централизованной Вавилонской башне можно добиться подлинного разделения ведомств и разумной дифференциации ведомственных компетенций. Разумеется, в действительности недостаточно и этого разделения. Советский аппарат «не дифференцирован, не разделен, в нем отсутствует специализация»^{IV}. Здесь «все пекутся обо всем», и оттого беспрестанно возникает параллелизм в работе и «беспрерывные конфликты»^V. «Функции и полномочия разных ведомств недостаточно твердо и ясно разделены»^{VI}; и нетрудно представить себе, что из этого получается. С одной стороны, каждое ведомство заинтересовано в том, чтобы расширяться и «разбухать»^{VII}, из-за этого возникают бесчисленные трения и споры между различными службами и ведомствами^{VIII}. Например, Государственный банк ведет судебный процесс с комиссариатом сельского хозяйства из-за 43 копеек...^{IX}

^I Кондратьев. См.: «Известия» от 12.05.1929 г. — из его речи на заседании XIV съезда Советов.

^{II} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 435; см. у Держинского: Три речи, стр. 22, 40.

^{III} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 226.

^{IV} Троцкий. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 119.

^V Зиновьев, там же, стр. 358; ср., например, в «Правде» от 04.05.1930 г.: «Параллелизм в управлении лесной промышленностью»; ср. проект новых реформ в «Правде» от 22.05.1930 г.; также от 17.07, 30.07 и т. д.

^{VI} «Известия» от 18.04.1929 г. Статья Быкова.

^{VII} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 2, стр. 106.

^{VIII} Котов. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 430.

^{IX} Мороз. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 500.

Дезорганизация

С другой стороны в управлении и хозяйстве царит вечная дезорганизация. Все «кризисы» коммунистического хозяйства происходят из «беспомощности в организации»^I; «мы не сумели организовать провинциальные территории»^{II}; «в области заработной платы во многих местах царят бессистемность, хаос и дезорганизованность, не позволяющие правильно наладить работу государственного аппарата»^{III}; и «проклятая почта у нас, как и все остальное, неорганизована»^{IV}. Беспрестанно выясняется, что разные ведомства выполняют одну и ту же работу — своеобразный параллелизм, дублирование и даже конкуренция в хозяйстве и управлении^V. *Советскому государству не удастся превратить единство диктаторской воли в единую систему учреждений и ведомств.* Еще в 1927 году один коммунист-управленец описывал положение вещей следующими словами: «приходят в учреждение, и никто не знает, в чем заключается его служба, каковы его полномочия и чего он не должен делать»^{VI}; и почти такие же описания мы встречаем в советской печати и в 1929 году^{VII}.

Ответственность

Однако особенно тяжело обстоит дело с проблемой ведомственной ответственности. Это легко объяснить: огромные трудности общих неурядиц понимает не каждый; в возможность коммунистического и бюрократического преодоления этих трудностей по единому плану

^I Троцкий. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 308.

^{II} Рыков. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 437.

^{III} Куйбышев. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 297.

^{IV} Косиор. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 117.

^V Ср. у Курского и Орджоникидзе: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 110, 406—407, 412 и др.

^{VI} Затонский. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 424.

^{VII} Например, «Известия» от 18.04.1929 г.

верят лишь совершенно одержимые или совершенно наивные коммунисты; но всех принуждают управлять ревностно и решительно, и при этом полностью осознают, что любая неудача может для них означать увольнение^I или (для некоммунистов) арест, суд и даже казнь. Отсюда возникает *всеобщее судорожное стремление — переложить и отодвинуть ответственность*. Но так как никто не хочет взять ее на себя, то тут возникает бюрократическая система *распыления ответственности*.

Еще Ленин сердился из-за этого (1922 г.): «В комитетах черт ногу сломит, никто не может установить ответственного; все запутано, и в конце концов принимается решение, по которому ответственны все»^{II}. «Виновных нет, есть только сутолока, суматоха и ерунда»^{III}. Так было в центре, то же самое и в Совнаркоме^{IV}. «Никто... не считает себя ответственным»; напротив, «чтобы избавиться от ответственности», многие стараются «пробраться» в вышестоящее ведомство^V. Недостаточная дифференциация функций и «некомпетентное вмешательство» различных ведомств делают ответственность отдельных чиновников совершенно расплывчатой^{VI}, неопределенной^{VII}, распыленной^{VIII} и ничтожной^{IX}.

Наглядно описывал эту систему Дзержинский (1926 г.): «Это как раз выражение нашей бюрократической, нашей никчемной системы: того, кто тут действительно работает, кто прорабатывает вопросы, нигде

^I Дзержинский назвал это («гнать вон»). См.: Три речи, стр. 42.

^{II} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 15, 53.

^{III} Там же, стр. 45.

^{IV} Осинский. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 78.

^V Троцкий, там же, стр. 119; Зиновьев, стр. 358.

^{VI} См. в решениях XI съезда партии: Стенографический отчет, стр. 509.

^{VII} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 412.

^{VIII} Куйбышев и Троцкий. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 318.

^{IX} Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 401.

не увидишь; он остается невидимым»^I. Один пишет, не подписывая, другой подписывает, не написав, несколько голосуют, не прочитав; на ком лежит вина?^{II} «Мы не обладаем достаточным взаимным доверием»^{III}; кто же в таком случае захочет взять на себя ответственность? Напротив, все стремятся *переложить* решения и ответственность *наверх*, чтобы упрочить свое положение и как-то обезопасить себя^{IV}.

Отчеты

Отсюда произрастает и соответствующая система отчетности, а именно — «слишком много», равнозначное «слишком мало».

Еще Ленин сетовал на «слишком большое количество отчетности»^V; наряду с этим одно из решений XI съезда партии говорило о борьбе с «безотчетностью»^{VI}. Троцкий докладывал в 1923 году: «Мы владем лавочкой^{VII}, занимающей одну шестую часть поверхности земли, но до сих пор не ввели отчетность; не удивительно, если наши дела будут неудачными»; «но это прямая провокация воровства, школа губительства нравов»^{VIII} и т. д. Ему тотчас же возразил Ломов⁵⁶: «Нет, у нас слишком много отчетов, и в этом наша беда»; «мы слишком умствуем», «мы слишком безрассудны»; бухгалтерия «у нас» чрезмерно велика и слишком запутана — «ни одна из ее формул не может быть решена без помощи высшей математики»^{IX}...

^I Дзержинский. Три речи, стр. 21.

^{II} Там же, стр. 21, 33, 34, 35, 39.

^{III} Там же, стр. 42.

^{IV} Это 1929 г. «Известия», 18 апреля. Статья Быкова; см. «Правду» от 22.05.1930 г.: «Нам нужна перестройка работы государственного аппарата». Эта статья дает как бы синтетический обзор всего, что мы тут установили. См. также статью «Без ответственности и наказания»: «Правда» от 25.07.1930 г.

^V Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 283.

^{VI} Стенографический отчет, стр. 499.

^{VII} «Лавочкой» называется здесь русская империя.

^{VIII} Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 300.

^{IX} Там же, стр. 345.

Примечательно то, что оба противника были правы тогда и правы теперь. Отчетные доклады советских ведомств по-настоящему огромны. Например, печатание доклада киевского отделения коммунистического сахарного картеля за 1925 год обошлось примерно в 300 000 руб.^I Есть доклады отдельных ведомств, которые стремятся ответить на 20 000—27 000 вопросов^{II}. Не регистрируются доклады, весящие 100—300 кг; приходят в ужас от докладов весом в 600 кг и 2000 кг... Центр снабжает статистическими формулярами с 19 000 окошек, которые надо заполнить^{III}. На заседаниях XV съезда партии не прекращались сетования по поводу этих отчетов; а в промежутке между этими сетованиями было рассказано о том, что ведомство финансов вводит «параллельную отчетность», благодаря которой объем ведущейся работы и трудозатраты должны будут увеличиться на 56%^{IV}. Повсюду все подсчитывается и обо всем общается в центр. Если наступает засуха, то из центра поступает запрос, сколько церковных служб было заказано крестьянами^V; или по всей стране запрашивается, сколько кабанов имеется в данной местности и какой ожидается приплод^{VI} и т. д. Тогда советские газеты пишут о «статистической вакханалии» и «эпидемии отчетности»; и — все остается по-прежнему.

В общем, это «пустая и бесполезная работа»^{VII}, и то, что она производит, по выражению Дзержинского, есть «квалифицированное вранье»^{VIII}. Неоднократно пытались положить конец этому безобразию, но ничего не

^I «Экономическая жизнь» от 30.04.1926 г.

^{II} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 407.

^{III} Ларичев. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 452.

^{IV} Там же, стр. 440.

^V Затонский. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 424.

^{VI} Там же, стр. 424; ср. описания: Орджоникидзе, там же, стр. 414, 415; Мороз, там же, стр. 500.

^{VII} Затонский, там же, стр. 425.

^{VIII} Дзержинский. Три речи, стр. 40. Ср. у Троцкого: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 300.

помогает. И в 1929 году мы читаем: «Государственный аппарат по-прежнему перегружен отчетными докладами, которые бесполезны и обременительны — а часто и вовсе не нужны»^I и т. д.

Остается лишь дать краткое описание кадрового состава советской бюрократии и его интеллектуального, политического и морального уровня.

Кадровый состав

Как говорилось, основная масса советских чиновников (до 96%) принадлежит к новой революционной элите; это так называемые «выдвиженцы»^{II}, количество которых в абсолютном и относительном исчислении постоянно увеличивается^{III}. Ленин уже понимал: все зависит от того, чтобы «найти людей», ведь революция показала, как много значит творческая личность и ее труд^{IV}. Отсюда так называемая «проблема кадров»^V, непрекращающиеся «чистки государственного аппарата»^{VI} и недавно сформулированное требование: «мы должны поставить себе цель — вместо нескольких десятков подвергшихся чистке принять на работу десятки тысяч пролетариев»^{VII} (Sic!). «Выдвиженец (scilicet — новый пролетарский чиновник) может и должен сделаться самым действенным средством в борьбе с бюрократизмом»^{VIII} (Sic!). Как же это выглядит на самом деле?

^I «Известия» от 18.04.1929 г. Статья Быкова.

^{II} Этот процесс называют «орабочиванием», т. е. насыщением государственного аппарата рабочими, промышленными пролетариями. См.: «Правда» от 18.05.1930 г.

^{III} См. мои разделы «Цели и надежды» и «Методы работы».

^{IV} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 50.

^V Например, «Правда» от 18.05 и 07.07.1930 г.

^{VI} Ср., например, «Известия» от 19.04.1929 г.; «Правда» от 06.05.1930 г. См. раздел А. фон Бунге «Коммунистическая партия».

^{VII} Яковлев. См.: «Известия» от 28.04.1929 г.

^{VIII} Богдасаров. См.: «Известия» от 11.05.1929 г.; ср. «Известия» от 18 и 23.04.1929 г.; см. также основополагающую речь Сталина на заседаниях XVI съезда партии: «Правда» от 29.06.1930 г., стр. 4, раздел 9а.

Образование и культура

Первое, чего не хватает советским чиновникам, это *образования и культуры*^I. «Чего нам не хватает?» — спрашивал Ленин и отвечал: «Слою коммунистов-управленцев не хватает культуры»^{II}. «Чтобы выбраться из безнадежной нужды, надо быть предусмотрительным, культурным и честным — этого коммунисты не понимают»^{III}. «Мы должны прежде всего учиться — письму, чтению и пониманию прочитанного»^{IV}. Обобществление хозяйства нам не удалось, почему? «Выяснилось, что мы недостаточно подготовлены» и «культурны»^V; «мы вынуждены учиться у буржуев»^{VI}. Все это объясняет, например, «катастрофический недостаток квалифицированных коммунистических сил на идеологических командных постах»^{VII}. Партия из года в год растет количественно; соответственно «страшно падает теоретический образовательный уровень партии»^{VIII}. «99% наших товарищей до революции никогда не учились управлению государством»^{IX}. Теперь почти всеми хозяйственными ведомствами руководят коммунисты: «чаще всего они не имеют ни технического образования, ни достаточных технических знаний»; и тем не менее они пытаются решать технические проблемы и брать на себя ответственность^X. «Дайте нам людей, людей,

^I См. раздел А. фон Бунге «Коммунистическая партия».

^{II} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 39—40; ср. стр. 17.

^{III} Там же, стр. 45.

^{IV} Там же, стр. 93.

^V Троцкий. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 240.

^{VI} Троцкий, там же, стр. 243—244; ср. Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 87.

^{VII} Решение XIII съезда партии. См.: Стенографический отчет, стр. 715.

^{VIII} Рязанов. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 691.

^{IX} Орджоникидзе. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 396. Ср. у Ленина, т. XVIII, ч. 1, стр. 401—408.

^X Рыков. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1043.

людей»^I. «Однако у нас нет возможности дать новым «выдвиженцам» образование»...^{II}

Отсюда уже наглядно виден общий уровень советских чиновников; ибо воистину, если такого определения заслуживает *руководящий слой партии*, чего ожидать тогда от нижних слоев нового чиновничества? «Наша проклятая главная болезнь — поверхностность и дилетантизм»^{III}. Советскому чиновнику сверху донизу не хватает деловой компетентности^{IV} и способности к суждениям. «В 99 случаях из 100 ответственные работники-коммунисты работают не в той области, для которой они вроде бы пригодны, они не умеют заниматься своим делом, теперь они должны учиться»^V. Но для учения нет времени, поэтому властвуют и управляют без усвоенных политических и технических знаний «как» это делать. Неспособный, некомпетентный партийный чиновник, который не справляется со своей задачей, передвигается на другой пост, будто бы сразу получив через это «помазание на царство»^{VI}. И таким порядком все идет и далее.

Чванство

Эта деловая некомпетентность, этот недостаток способности к оценке и успеху мало заботят советского чиновника, и особенно коммуниста: ни умеренность, ни скромность его характера не украшают. Напротив, он постоянно остается человеком с большим самомнением,

^I Зиновьев. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 98.

^{II} Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 606.

^{III} Троцкий. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 118.

^{IV} Ср. Косиор: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 116; Преображенский: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 132.

^V Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 53.

^{VI} Троцкий. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 119; ср. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 14; ср. в «Правде» от 12.05.1930 г. — типичный случай с «академиком» <имеется в виду: с получившим академическое образование. — *Примеч. переводчика*> Йозефом Францем, который на самом деле был лишь самоучкой.

спесью^I и чванливостью, чрезвычайной самоуверенностью и самодовольством. Еще Ленин считал необходимым порицать «коммунистическое высокомерие» и «кичливость коммунистов»^{II}. И это высокомерие и чванство идут рука об руку с беспрестанным злоупотреблением насилием, произволом и самодурством^{III}. И все непрерывно перерождается в бесконечные раздоры, которые сами коммунисты называют уродливым словом «склоки»^{IV}.

Всеобщие правонарушения

Но самым ужасным плодом советской бюрократии кажутся вечные *правонарушения*^V, полное растаптывание всякой правозаконности и всякого правопорядка^{VI}, и особенно *продажность, разворовывание государственной казны и принуждение женщин к сожителю*.

Не найдется ни времени, ни места, чтобы в достаточной мере описать и привести доказательства этих пороков советского чиновничества. Но тот, кто внимательно читает советские газеты, имеет описания и доказательства в изобилии.

Взяточничество

У коммунизма «три врага», писал Ленин: «коммунистическое чванство, безграмотность и взяточничество»; а там, где «царит взяточничество, нельзя и подступаться к политике»^{VII}. С самого начала никак не прекращаются жалобы на взяточничество и поиски со-

^I Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 82.

^{II} Там же, ч. 1, стр. 23, 384; ч. 2, стр. 37.

^{III} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 30.

^{IV} Применяется, собственно, по отношению к собакам.

^V Крыленко только что отметил на заседаниях XVI съезда партии, что есть такие коммунисты, которые до сих считают, что законами можно просто пренебрегать и их нарушать. См.: «Правда» от 06.07.1930 г.

^{VI} Ср. в «Правде» от 28.05.1930 г. описание ночного нападения («налета») на торговцев в Северодвинске, которое было произведено и проведено «ударным отрядом прокуратуры» (Sic!). У подвергнувшихся нападению было просто «все обобществлено» — вплоть до подушек и кухонной утвари, — а затем продано. Нападение повлекло за собой лишь мелкие дисциплинарные наказания.

^{VII} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 384—385.

ответствующих методов борьбы с ним^I. Время от времени изымаются «целые гнезда» продажных советских чиновников; тем не менее все остается по старому.

Присвоение

Хищение и растраты сделались в Советском государстве распространенной формой собственного обогащения; тот, кто не надеется на успех как спекулянт^{II} или ростовщик, избирает так называемый путь «*криминального накопления капитала*». Характеризуют это «воровство и разбой»^{III} очень по-разному. Сначала говорилось: «он реквизирует»; затем наступила эпоха, когда стали говорить: «он спекулирует»; и, наконец, теперь: «он кое-что насчитывает себе»^{IV}. Лишь по недостатку времени коммунисты отказываются от описания этих окольных способов^V. Время от времени волны хищений и растрат поднимаются и прокатываются по всей стране^{VI}; если это случается с рабочим, то наказание довольно мягкое^{VII}; разумеется, бесконечно строже наказываются хищения и растраты в «красных банках»,

^I Ср., например: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 180, 181, 184, 397; XII съезда партии, стр. 339; XIII съезда, стр. 174 и т. д.

^{II} О спекуляциях советских ведомств см., к примеру, «Торгово-промышленную газету» № 247 за 1925 г.; «Экономическую жизнь» № 246 за 1925 г. и т. д.

^{III} Троцкий. См.: Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 301—302; ср. Сталин: XIV съезд партии, стр. 32; «Правда» от 12.05.1930 г. о положении в кооперативных магазинах Москвы: «Хищения продолжаются; не прекращается разбой»; «Правда» от 15.05.1930 г. — судебные заседания по вопросу хищений на московском коньячном заводе; см. в той же газете горестный крик о злоупотреблениях в московских ведомствах кооперации; «Правда» от 15.05.1930 г. и т. д.

^{IV} Троцкий, там же.

^V Куйбышев. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 303, ср. стр. 175.

^{VI} Томский. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 726.

^{VII} Увольнение и возвращение на заводы и фабрики. Томский. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 729.

в «красной кооперации» и «других ведомствах»^I. Главная коммунистическая газета «Правда» сопроводила этот печальный состав преступления следующим резюме: «Кого ни возьмешь — все крадут». «Чиновники приходят и уходят, хищения остаются»^{II}.

Принуждение женщин к сожительству

Особая статья — отношение к женщинам. У советских чиновников возник злостный обычай — угрозами, придирками, обманом и насилием принуждать женщин к сожительству; это наблюдается повсюду: в городах — на заводах и фабриках, в больницах, школах — и в деревне^{III}. В газете «Народный учитель» читаешь: «У нас нередки административный садизм и охота на живых людей»^{IV}.

Лишь мимоходом мы упомянем здесь чрезвычайно распространенное пьянство советских чиновников.

Резюме

Один из коммунистических руководителей, Ярославский пытается так подытожить всю картину: «Враги будут торжествовать; они скажут: посмотрите, что представляют собой Коммунистическая партия и ее сотрудники и что такое собственно Советская власть: пьяницы, распутники, насильники, расхитители и воры; люди, потерявшие всякую связь с массами и чувство классовой солидарности с рабочим классом; люди, строящие всю свою работу на nepoтизме⁵⁷, на поддержке собственной клики^V, на беспринципной корысти... За счет этого организация заполняется и оскверняется негодными людьми, людьми разложившимися и порочными, испорченными властью и безнаказанностью»^{VI}.

^I Рязанов. См. там же, стр. 783.

^{II} «Правда» от 31.05.1928 г. Это в сфере коммунистической «рабочей кооперации».

^{III} См., к примеру, год 1928: «Беднота» за 10 и 22 июля, 2 августа; «Труд» за 19 июня; «Правда» за 9, 17, 23 июня, 8 августа, 30 декабря; «Известия» за 13, 24 и 28 июня, 24 и 31 июля, 2 и 21 сентября и т. д.

^{IV} «Народный учитель» № 8 и 9 за 1928 г.

^V Об этой взаимности советских чиновников в укрывательстве преступлений говорит и Сталин. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 70, 72.

^{VI} «Вечерняя Москва» от 18.06.1928 г.

К этим словам нечего добавить. Или, возможно, лишь одно — то, что нельзя «торжествовать» у ложа пыток великого народа. Но и тут надо учиться.

Еще один поучительный вывод старается сделать другой коммунист: «Рабочему классу во всех странах (и там, где он намного культурней) придется убедиться в том, что те навыки и качества, которые нужны и которых хватает для того, чтобы сбросить буржуазию, недостаточны для того, чтобы сразу же на завтрашний день усвоить все ее наследство»^I.

Коммунизм — не только господство чиновников; он сотворил *новую государственность* и *новое чиновничество*; и это новое чиновничество, по всей видимости, не только ненавидят и ругают снизу, но и дисквалифицируют с компетентной стороны, сверху^{II}.

А. П. Демидов⁵⁸

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Главная идея Ленина

Тот, кто даст себе труд внимательно прочитать сочинения и речи Ленина, должен будет отметить, что еще до революции и до войны Ленин придерживался мне-

^I Косиор. См.: Стенографический отчет XI съезда партии, стр. 116.

^{II} См. в основной речи Сталина, которую он держал на заседаниях XVI съезда партии: «Угроза исходит не только и не столько от старых бюрократов, застрявших в наших ведомствах, но в особенности от новых бюрократов, от советских бюрократов, среди которых «коммунистические» бюрократы играют далеко не последнюю роль. Я подразумеваю тех «коммунистов», которые канцелярскими предписаниями и декретами, в силу которых они верят как в фетиш, стараются заменить творческую инициативу и самодеятельность миллионных масс рабочего класса и крестьянства». Этот бюрократизм Сталин думает, как и прежде, победить своими традиционными средствами: «самокритикой», последующим контролем, чисткой аппарата и «выдвижением» новых рабочих с предприятий. См.: «Правда» за 29.06.1930 г., стр. 4. Это означает, что все остается и останется по-старому.

ния, что *национальное освобождение* народов оказывает мощное содействие экономической дифференциации масс, *обособлению пролетариата, радикализации и революционизации освобожденных национальных меньшинств*^I. Этому убеждению он остался верен до смерти^{II} и потому строил национальную политику Советской России, исходя из него. Национальные меньшинства должны получить возможность свободно говорить на своем языке, только тогда смогут в полную силу проявиться их социальные противоречия. Психика народа, освобожденная от языковых пут, подпадает под закон классовой борьбы, который должен быть умело подпитан и разожжен коммунистами; пролетариат, возглавляемый коммунистами, соберется с силами, обобществит буржуазию национального меньшинства, отряхнет национальные «предрассудки», денационализирует ведомую им нацию и присоединится к великой интернациональной мешанине всемирной революции. Короче: *национальное угнетение препятствует коммунистической революционизации национальных меньшинств*. Освобождение здесь равнозначно революционизации, пролетариатизации, нивелированию и денационализации. *Это была главная идея Ленина*. Национальную культуру как такую он признавать не хотел и не мог.

«Марксизм и национализм непримиримы»... «Марксизм старается заменить всякий национализм интернационализмом, растворением всех наций в более высокой общности»... «Борьба с любым национальным угнетением — безусловно признается и подтверждается. Борьба за любое национальное развитие, за национальную культуру вообще — безусловно отвергается и отрицается»... «Пролетариат не только не обещает защиты всякому национальному развитию... он приветствует всякую ассимиляцию наций»^{III}. Соответственно выска-

^I См., например, его большую статью «Критические заметки по национальному вопросу», напечатанную в 1913 году (Сочинения, т. XIX, особенно стр. 53, 54, 55, 59).

^{II} См., например, его речь на VIII съезде партии, март 1919 г. (Сочинения, т. XIX, стр. 230, 232 и др.)

^{III} Ленин. Сочинения, т. XIX, стр. 52—53. Статья 1913 года.

зывался на заседаниях VIII съезда партии видный коммунист Томский^I: «Я исхожу из того, что в этом зале не найдется ни одного человека, который бы сказал: самоопределение наций и национальное движение нормально и желанно. К таким делам мы относимся как к неизбежному злу».

Однако коммунисты вынуждены привлекать национальные меньшинства на свою сторону — не только в одной России, но постепенно и повсюду. «Правильное решение национального вопроса означает на 50% успешное решение задач революции»^{II}, ибо «нет ничего более страшного, чем недоверие нации»^{III}. «*Правильное решение*», таким образом, есть такое решение, которое *завоевывает доверие национальных меньшинств, чтобы повести их затем к революционному разложению и интернациональному растворению*.

Итак, национальная политика коммунистов заключается в том, что они заменят *национальный* вопрос (язык, культуру, самоуправление) *национально-социальным* вопросом, чтобы решить его затем в *коммунистическом, интернационалистском и антinationальном* смысле. Национальную политику следует наполнить «классовым содержанием»^{IV}. Речь здесь идет не о «свободе» и «равенстве» национальных групп, а о «свободе» и «равенстве» *трудящихся классов*^V разных наций.

«Свободным» и «равным» должно сделаться не национальное меньшинство как таковое, а *пролетариат* национального меньшинства по отношению к собственной буржуазии. Это означает, что каждое коммунистически «освобожденное» национальное меньшинство должно быть прежде всего *революционизировано* и *пролетаризировано* всеобщим обобществлением; что и делается

^I Март 1919 г. См. Стенографический отчет.

^{II} Зиновьев. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 46.

^{III} Ленин. Сочинения, т. XIX, стр. 232.

^{IV} См. соответствующую статью Ишан-Ходжаева в «Правде» за 2 июля 1930 г.: «Классовый характер национальной политики».

^V См., например, статью Таболова в «Правде» от 26 июня 1930 г.

соответствующим образом¹. *Пролетаризированные меньшинства как коммунистический пролетариат затем постепенно размещаются на государственных предприятиях.*

Автономия или диктатура

Однако *предварительно* их надо привлечь на сторону Советского правительства. Чтобы добиться этого, коммунисты начинают с особенно заметного смягчения политической и языковой централизации; декларировалось, что «власть будет передана местным Советам», т. е. что национальные меньшинства получают самоуправление и что революция будет широко и последовательно содействовать этому.

Но в то же время коммунисты стремятся создать в России последовательную и строгую диктатуру; они в полной мере осознавали то, что коммунизм означает *хозяйственный и культурный централизм* и что *хозяйственный и культурный централизм* возможен только при условии *политической централизации*.

По этой причине они стараются пропитать мнимый *федерализм* скрытым *централизмом* и *высвободили центробежные силы страны с той лишь целью, чтобы по-новому затянуть центростремительный узел*. Небольшим нациям они дали «свободу» лишь для того, чтобы их подкупить и подчинить; они стремятся к *революционизации* национальных меньшинств, чтобы их *одолевать*. Они хотели пробудить иллюзию самостоятельности и самоопределения, чтобы придать своей диктатуре за пределами страны видимость нового образования, свободно созданного революционно-торжествующими русскими народами; таким образом, следовало привлечь на сторону коммунизма национальные меньшинства *всего мира*. Вся их тактика состояла в том, чтобы высмеять идею «единой и неделимой России» и незаметно протаскать на ее место идею «единой и неделимой коммунистической партии»: заменить *великорусскую национальную державу*

¹ См. в той же статье: «Русская буржуазия всеми силами тормозила процесс образования пролетариата национальных меньшинств»; национальная же политика коммунистов, напротив, создает «твердую основу для образования национального пролетариата» («Правда» от 26 июня 1930 г.).

коммунистической интернациональной державой. В этом коммунисты действуют последовательно: так, «свобода вероисповедания» означает у них насильственное навязывание атеизма и ликвидацию конфессий вообще; «справедливое перераспределение собственности» означает для них ликвидацию частной собственности; «освобождение национальных меньшинств» означает разложение и уничтожение национальных принципов вообще.

Языковая свобода

Коммунисты — *агрессивные интернационалисты и антинационалисты.* Введение «свободы языков» — для них лишь *метод атаки на национальный принцип, подкопа под него и его устранения.* Предоставлением языковой свободы они стремятся:

1. Подкупить российские национальные меньшинства и привлечь их на свою сторону.

2. Найти доступ для своей пропаганды в национальных душах меньшинств и обрабатывать народы на их собственном языке.

3. Создать в каждом национальном меньшинстве новую ячейку *местных коммунистических вождей и агитаторов*^I, влить эту ячейку на основе строгой дисциплины в единую неделимую коммунистическую партию и подчинить соответствующее национальное меньшинство данной ячейке для дальнейшей обработки^{II}.

4. Отвлечь внимание всех народов, обреченных на обобществление, т. е. на обнищание и на интернационализацию, от предстоящего разложения всех религиозных, патриархально-народных и частнособственнических основ их национальных культур и каждому такому

^I См. подробные обзоры об этой работе в коммунистических газетах и журналах. Например, о республике Азербайджан: «Правда» от 10 мая 1930 г.

^{II} См., к примеру, заявление Сталина от 1923 г.: «В Коммунистической партии Грузии содержатся соки, лучшие элементы грузинского народа, без которых править Грузией невозможно» (Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 186). Сталин сам грузин, и его фамилия Джугашвили.

«осчастливленному» национальному меньшинству как бы закапывать яд в уши во время сна¹.

Этот метод можно представить себе еще и так: свобода родного языка — эта начальная ступень каждой национальной культуры — предоставляется с тем, чтобы забрать у народа *национальную душу* и тем самым уверенно и окончательно отобрать у него и национальный язык. Принципиально высказался на эту тему на заседаниях XVI съезда партии Сталин: «Что касается дальнейших перспектив национальных культур и национальных языков, то я всегда придерживался мнения Ленина, придерживаюсь его и теперь, что в ту пору, когда социализм победит в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и пронизает всю сферу бытия, — национальные языки *непрерывно должны будут слиться в один общий язык*; во всяком случае, этот язык не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым»...^{II}

Таким образом, предоставленная в Советской России «свобода языка» — что в Европе и частично в Азии совершенно не понимают и переоценивают — есть не что иное, как начало глубоко продуманного и мастерски проводимого *процесса разложения и денационализации малых народов*, т. е. начало их растворения в национально-индифферентном пролетарском массиве Коммунистической партии и мира, который предстоит революционизировать.

^I Очень характерно то, что коммунисты сейчас обвиняют почти все национальные меньшинства Советского государства в «шовинизме». Так, например, в Республике Белоруссии якобы проявляется *еврейский и белорусский «державный шовинизм»*. На самом деле национальные меньшинства пытаются утвердить и защитить там свою буржуазную национальную культуру: ведется и становится все острее «активное сопротивление» «социалистической реконструкции экономики». «Центром шовинистских выступлений еврейских трудящихся стала синагога». См. «Правду» от 21 мая 1930 г., статья А. Сенкевича; «Правду» от 27 июля 1930 г., статья Таболова; и особенно статьи Клевакина, Ле и др. в «Правде» от 27 июля 1930 г.

^{II} Заключительное слово Сталина. См.: «Правда», 03.07.1930 г.

Победоносная диктатура

Теперь само собой разумеется, что в дальнейшем ходе революции на место *центробежной видимости* заступила *центростремительная реальность*. Государственная власть все больше и больше опять забиралась центром, и периферия была приведена в состояние молчаливой покорности; руководящие слои национальных меньшинств все сильнее понижались, а частично и заменялись, «товарищами из центра»^I; своеволие малых национальностей одолели огнем и мечом^{II}; и даже местные партийные организации коммунистов, по своей наивности серьезно отнесшиеся к федерализму, были распущены или подверглись всеохватному перемещению, но в любом случае они вняли голосу рассудка и были обезврежены для центра^{III}.

^I Вспомним здесь яркое высказывание коммуниста Шохина: «Ничего не значит и никакого вреда не принесет, если данный товарищ будет зваться Петров из Москвы или Ленинграда; через полгода мы сделаем из него (для Украины) — Петренко, а «на Кавказе — Петрошвили» (Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 497). Это значит, что присланный из центра коммунист на месте для национальных меньшинств систематически *выдается за местного коммуниста*. Советская бюрократия, например, в тюркской республике Азербайджан насчитывала в 1930 г. в среднем только 28,8% тюрков, в управлениях трестами даже только 9%. См. процитированный выше отчет в «Правде» от 10 мая 1930 г. Этот процент, как следует из отчета, продолжает падать.

^{II} Например, в Грузии и на Украине; вспомним также соответствующие попытки в Финляндии, Литве и Эстонии.

^{III} Ср. интересные места в речи коммуниста Медведева на XIV съезде партии (дек. 1925 г.): «На Украине до последнего времени существовали «укаписты» (т. е. сторонники самостоятельной украинской Коммунистической партии с налетом украинского шовинизма), «для видимости следовавшие тенденциям нашей партии, а на деле проводившие в жизнь собственные националистские убеждения... Сейчас Центральный Комитет решил этот вопрос: «укаписты» слились с нашей партией и работают в согласии с нами». См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 177.

Это объясняет прозвучавшие на съезде партии жалобы по поводу того, что в национальной политике коммунистов *отсутствует единая система*; постоянно отмечаются колебания и изменения: первоначально стремились к союзу государств на экономической, а не на административной основе; затем к союзному государству в виде довольно несвязанной федерации; а под конец к централизму, вообще не к федерации, а только к автономии... «Бросьте эту политику вечных шатаний, — воскликнул однажды наивный и недостаточно предусмотрительный и знающий коммунист Мдивани, — и скажите нам, какую такую национальную политику вы, собственно, проводите?!»^I

На самом деле *эти «шатания» были вовсе не случайными*: это было скрытым, но систематическим проведением коммунистической государственной централизации. «Встретил я вчера одного товарища, — рассказывает на том же съезде Бухарин, — недавно приехавшего из пограничной области. «Ну, что у вас нового?» — спрашиваю я его. «Да что там, ничего нового; мы душим тамошних националистов!» (Смех в зале)»^{II}. Это слово «душить» коммунисты никогда не говорят просто так, и все простосердечные национальности, возможно, когда-нибудь почувствуют это на собственной шкуре.

Несмотря на то что коммунисты все более укрепляют свою власть и закрепили границы СССР такими, какими мы их видим теперь, национальный вопрос все же окончательно не решен; процесс распределения и перераспределения бесчисленных республик на территории бывшей Российской империи, так же как и процесс централизации, все еще не закончен^{III}. Почти каждый год приносит что-то новое как в национальном вопросе,

^I Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 152.

^{II} Там же, стр. 169: Коммунисты Орджоникидзе и Махарадзе описывают эти действия по отношению к национальным меньшинствам другими словами («да, прижимаем»). См. там же, стр. 474.

^{III} Так, например, еще за год до принятия решения о коллективизации сельского хозяйства было централизовано и объединено управление сельским хозяйством в стране.

так и в национальной политике. Само собой разумеется, что политика медленного коммунистического разложения и централистского порабощения национальных меньшинств сопровождается непрекращающейся и сильной коммунистической пропагандой среди «беднейших слоев последних»¹ и демагогическими мерами подкупа. Понятно также, что за границей коммунисты в своей партийной печати, так же как и в остальных органах печати, умело пропагандируют исключительно «освободительную политику», политику «самоопределения», «свободу языка и культуры» и хозяйственный подъем пограничных территорий.

Коммунистическая партия отлично умеет использовать слабые стороны и податливость народных масс, использовать их в собственных интернациональных коммунистических целях. Для прозаиков и фанатиков коммунистической программы, приверженцев III Интернационала всегда были все средства хороши, лишь бы они вели к цели. Та легкость, с которой большевики пошли на образование федеративного государственного устройства или на так называемое «черное перераспределение» земли, объясняется тем, что они увидели в этом возможность *политического использования в своих интересах популярных лозунгов других партий*. Таким же образом они попробовали и в национальном вопросе использовать различные лозунги и программы, исходящие от радикально и националистически настроенной части отдельных национальностей и признанные и поддерживаемые демократическими партиями.

Попутчики

Соответственно и политика коммунистов в национальном вопросе была построена в согласии с местными особенностями и имеющимися требованиями националистически настроенных и образованных кругов. Коммунистическая партия всегда старалась до предела осложнить возможности работы для всех инакомыслящих и привлекать ведущие личности национальных меньшинств вне зависимости от того, чувствуют и ду-

¹ См. Стенографический отчет XII съезда партии, стр. 465—466.

мают последние вместе с Коммунистической партией или нет. На национальных территориях, где почти совершенно отсутствовали необходимые носители коммунистической идеи, коммунисты были вынуждены вербовать новых, работоспособных, пусть даже полуинтеллигентных людей. Разжигались и пускались в ход темные инстинкты масс, и так были приобретены попутчики, которые «честно и по совести» оказали Коммунистической партии неоценимые услуги в кругах национальных меньшинств, т. е. там, куда не проникало коммунистическое влияние или где оно по меньшей мере было совсем ничтожным.

На таких территориях политическая жизнь нередко осложнялась и отравлялась взаимной *враждой* отдельных меньшинств. Эта взаимная вражда, эта ненависть и борьба истощала силы состоящих в раздоре малых национальностей, *парализовала их сопротивление коммунистам* и таким образом усилила силы завоевателя — Советской власти. Главной целью коммунистов было укрепление их собственных позиций; все национальные меньшинства, соответственно, рассматривались ими исключительно как *инструмент собственной политики* невзирая на те жертвы, которые несли меньшинства, и те страдания, которые они испытывали.

Завоевание

Если территории национальных меньшинств попадали в руки большевиков без борьбы, то коммунисты применяли для привлечения национальных сил относительно мирные средства, как, например, в основных регионах Туркестана. В иных случаях они опять-таки завоевывали страны *силой оружия*, как, например, в Грузии; и тогда кровь текла рекой. Наконец, они не скупилась на средства для того, чтобы умело развязать *вооруженное восстание* и осуществить свою широко задуманную провокацию.

Год 1920-й в этом отношении особенно показателен. Незадолго до нападения на Бухару два члена «Туркестанской комиссии», коммунистические руководители Фрунзе и Элиава нанесли эмиру дружеский визит, причем заверили его в сохранении его независимости. При этом они намеревались через несколько дней совершить

нападение на Бухару, с этой целью уже были доставлены из Центральной России войска, которым полагалось немедленно инсценировать вооруженное восстание «революционного» бухарского народа против эмира. Примерно та же участь постигла и республику Азербайджан и республику Грузию. После того, как в Грузии была достигнута договоренность об уважении и ненарушении общих границ, в Грузию вторглись коммунистические отряды, переодетые в грузинскую национальную одежду, инсценировали восстание «грузинских коммунистов», овладели городами и свергли социалистическое правительство страны.

Из сказанного ясно выступает та *задача*, которую поставили себе коммунисты в национальном вопросе после Октябрьской революции; однако тем самым уже намечены и *пути*, которыми они осуществляют свою политику.

Пропаганда на внешний мир

Так как коммунисты исходят из того, что существование Советского Союза возможно лишь *при условии всемирной социальной революции*, они стараются воздействовать на колониальные и полуколониальные страны и подталкивать их к совершению национальной освободительной революции. Им подходит *любое революционное движение как таковое*, будь то движение политическое или национальное: «социальное» и «коммунистическое» — так надеются они — вспыхнет само собой. Если экономические эксперименты в Центральной России должны продемонстрировать прогрессивно настроенным государствам осуществление социального идеала, то выражающаяся в радикальных лозунгах национальная политика стремится быть образцом подражания для колониальных и полуколониальных стран в мире. Принцип, по которому в СССР строятся бесчисленные «самостоятельные» области, «автономные» республики и «свободные государства», должен был, таким образом, показать всему миру, в какой мере отдельным народам России удалось достичь политической самостоятельности и сохранить ее.

Однако повседневная жизнь и материальное положение, в котором находятся отдельные народы погра-

ничных территорий, показывают, насколько мало эти лозунги соответствуют действительному положению.

Если мы возьмем, например, Среднюю Азию, то установим следующее. На территории Туркестана были образованы две новые советские республики: Узбекистан и Туркменистан. Еще до недавнего времени Таджикистан как автономная республика входила в состав Узбекистана; теперь же она стала самостоятельным государственным образованием и совершенно независима от Узбекистана. Кроме того, существуют еще «автономные области», например, Кара-Киргизская, входящая в состав РСФСР (внутренняя Россия), и автономная область Каракалпакия, составляющая часть Казахской республики, причем последняя занимает часть Туркестана, юго-западной Сибири и Европейской России и также входит в состав РСФСР.

Международное значение этой чрезвычайно сложной совокупности было очень метко охарактеризовано Троцким на съезде в Москве, посвященном годовщине существования Туркменской республики: СССР хочет показать всему миру, как далеко он зашел в своей национальной политике, предоставив местным народам полную свободу, побуждая их к политической самостоятельности и осуществив, таким образом, их многовековую мечту. Но задача этим не ограничивается. Национальная политика коммунистов и их высочайшие прогрессивные достижения на этом поприще должны оказывать огромное агитационное воздействие, подтолкнуть другие колониальные и полуколониальные народы на преодоление «империалистических и капиталистических эксплуататоров» и одновременно на достижение «национальной самостоятельности». Все это было публично высказано Троцким.

Это признание позволяет нам очередной раз взглянуть на истинные намерения III Интернационала, давая нам *еще одно подтверждение и доказательство* того, что хотя, *пожалуй*, Советская власть *совершенно серьезно относится к национальным меньшинствам, однако ее планы в отношении последних далеки от добра*. Интересы этих народов, их желания и надежды принимаются во внимание лишь как неизбежное зло, которое необходимо

принимать во внимание. Радикальные высказывания и радикальные изменения на политической карте пограничных российских территорий по своей сущности — лишь формы внешнего проявления, *лишь средство агитации, находящее отражение в международной политике*, для того чтобы воздействовать на другие народы, которые можно рассматривать как попутчиков для коммунистов.

Территориальная дифференциация

Последовательно проводя эту политику, коммунисты точно знали, что ясно запечатленные на политической карте *географическое разграничение* и «самостоятельность» отдельных народов могут быстрее и нагляднее стать и станут известными всему миру, так как эти карты являются чрезвычайно важным средством агитации среди малых и угнетенных народов, которым внушается доверие к Коммунистической партии и которые в результате этого рано или поздно захотят вступить на путь духовного и национального *саморазложения*. Поэтому коммунисты стремятся создать *возможно более полное обособление отдельных народов на этнографической основе*. В этом отношении они действительно далеко зашли: они действительно довели до предела раздробление страны. Можно было бы предположить, что на этой основе им действительно удастся разграничить отдельные национальности друг от друга; но жизнь доказала как раз противоположное. Приходилось убеждаться в том, что даже самое большое раздробление страны не позволяет создать такие территории, которые были бы населены *лишь одним народом*. Опыт показывал, что, например, наибольшая дифференциация географических и политических новообразований, так называемых «республик» и «автономных областей» в Средней Азии или на Кавказе, далеко не отвечает фактическому расселению и мнимым интересам отдельных национальностей. Население любой автономной области *никогда не является совершенно единым*, до определенного процента оно всегда состоит из других народностей. И вот для предотвращения дальнейшего раздробления коммунистам пришлось прибегнуть к абсолютно *произвольным решениям и принудительным мерам* и отказаться от учета всех малых национальных интересов. Эта непоследователь-

ность означает полнейший провал попытки решения национального вопроса радикально последовательным и доктринарным способом.

Можно было ожидать, что образование бесконечных отдельных республик и различных автономных областей наконец уладит споры и вражду между национальными меньшинствами и приведет к мирному сотрудничеству народов. Но мы видим прямую противоположность.

Его невозможность

Задолго до разделения Туркестана на самостоятельные республики и автономные области между отдельными национальностями разгорелся спор о том, кому перепадут различные территории и дорогостоящие объекты. В ходе этого не гнушались никакими средствами, даже подделкой статистических данных. После разделения выяснилось, что отдельные республики все же *включают в себя целый ряд чужеродных национальностей*. В горные местности Узбекистана были включены значительные группы таджиков и казак-киргизов⁵⁹, в Туркменистан — целый узбекский город Чарджоу и крупные узбекские поселения на реке Аму-Дарья, а в Казахстан — важные населенные пункты и города с преобладающим узбекским населением.

То же мы видим в Закавказье, где на территориях Грузии и Азербайджана оказалось армянское население, а другие национальности были включены в соседние республики. Однако сложность заключалась не в одной только неосуществимости разграничения, предпринятого на этнографической основе. Приходилось так разделять *систему электроснабжения и оросительные сооружения*, что можно было забыть о справедливости, и была создана причина для вечных споров и взаимной вражды. Например, сооружения исходного пункта оросительных каналов и верховья рек Ферганской долины находятся на территории Кара-Киргизской республики, в то время как средняя часть и завершение этих каналов — в Узбекской республике. В критические моменты, когда возникает неотложная нужда в воде из этих сооружений, между обеими республиками доходит до ожесточенной и кровавой борьбы, так как казак-киргизы не хотят отдавать узбекам нужное им количество воды. На террито-

рии в низовьях Аму-Дарьи *борьба за воду* традиционно носит кровавый характер — ситуация, которая вместо того, чтобы нормализоваться, благодаря мерам, принятым Советским правительством, стала еще хуже. Для Туркестана можно было бы привести еще больше подобных примеров. Вопросы орошения в Закавказье еще не приняли такого острого характера, но они неизбежно должны будут обостриться, как только приступят к запланированным оросительным работам в больших масштабах. Ведь наиболее полноводные главные реки протекают здесь по государственным территориям разных республик, и уже одно обсуждение этих проектов по орошению недавно привело к ожесточенной борьбе коммунистических представителей отдельных республик. Как только у одной национальности вообще возникает возможность или предлог для шовинистического выступления, она проявляет мыслимо *своевольный шовинизм*. Если у этого спора разных национальностей есть еще и исторические корни и источники, то он вряд ли когда-нибудь кончится, и только под влиянием внешних факторов эта враждебность принимает замаскированную форму.

Национальные стычки

Только благодаря тому обстоятельству, что Туркестан был присоединен к Русской империи, полностью прекратилась борьба кочевников казак-киргизов с оседлыми узбеками. Своим авторитетом и своей суровостью российской государственной власти удалось уладить многовековые споры кочевников с кокандским ханством. *Революция и сама советская политика вновь разожгли национальную вражду*. Хотя дело еще не дошло до открытой борьбы, но снова отмечается постепенное нарастание воинственных настроений. Отношения между узбеками и туркменами на территории в низовье Аму-Дарьи имеют характер неоконченной войны. Оба народа ждут лишь благоприятного момента, чтобы вступить в открытую борьбу, так как спор о праве проживания на орошаемых территориях представляет вопрос жизни для обеих сторон, и этот вопрос пока не нашел удовлетворительного завершения.

Вовсе не улажена и борьба армян с тюрками. Лишь присутствие советских войск сдерживает оба народа от

открытой войны. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы понять, в какой мере территориальное расположение и разграничение Армянской и Азербайджанской республик обеспечивают «мирное сосуществование». Автономная область Азербайджанской республики — Нахичевань — отделена от нее довольно крупной территорией, принадлежащей Армянской республике. Эта территория населена смешанным населением — армянами и тюрками, причем обе национальные части населения взаимно ненавидят друг друга и враждуют друг с другом. Азербайджан и Нахичевань весьма склонны к слиянию в единое государственное образование, чему, однако, препятствует промежуточное положение Армянской республики. Азербайджанской же республике принадлежит автономный Нагорный Карабах, заселенный по большей части армянами. Здесь армяне и тюрки остаются завязанными во враждебный узел, так как одна часть населения снова территориально отделена от другой. То же мы видим у армян и грузин. Отношение этих народов друг к другу особенно обостряется и становится проблемой чрезвычайного значения в столице Грузии, так как численность представителей обеих национальностей здесь примерно одинакова, кроме того, армяне обладают хозяйственным преимуществом.

Из-за практикуемой политики, доведенной до крайнего предела эмоций, появилось кое-что прежде неизвестное или едва проявлявшееся. Недоставало одного лишь повода, и его предоставила, как мы видим, национальная политика Советского государства.

Например, при обсуждении многих важных вопросов, касающихся *казак-киргизов*, выяснилось, что *этот народ* в собственном и обычном смысле слова *еще вообще не существует*. При выборе подходящей столицы долгое время не могли прийти к единому мнению, так как каждое племя казак-киргизского народа предлагало собственное место; здесь на первый план выступило чувство *племенной принадлежности* и выяснилось, что у этого национального меньшинства отсутствует объединяющая и спаивающая власть *общности цели и воли* и тем самым — принципиальная основа единого народа. Решающее влияние этой племенной принадлежности

заметно и в странной организации казахского Советского правительства, т. е. Центрального Комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (Совнарком): оба ведомства построены *по принципу племенной принадлежности*.

Почти то же мы видим и у *туркменов*, но там отдельные племена еще больше различаются друг от друга и, соответственно, еще резче выражена враждебность. Те же племенные интересы отмечаются и у *узбеков*. Так, например, председатель Совета народных комиссаров Файдзулла Ходжаев — бухарец; председатель Центрального Комитета Ахун Бабаев — ферганец; первый представитель председателя ЦК — ташкентец и т. д. Так же напряженные отношения между отдельными грузинскими племенами привели к образованию Грузинской республики и Аджарской и Абхазской автономных республик^I.

Шовинизм

Еще недавно Таджикистан как автономная республика входил в состав Узбекской республики. Это время отмечено господством типичного и неприкрытого *шовинизма*. Узбеки, проникшие во все решающие республиканские ведомства, старались повсюду утвердиться и всяческим образом не дать ходу культуре и самостоятельности происходящего от древних персов и говорящего на персидском языке таджикского народа. Руководители узбекского народа, одного из тюркских племен, старались использовать свое положение и вели против таджиков *жестокую борьбу*, преимущественно на «культурном фронте». Из таджикских школ были изгнаны и подверглись всяческим преследованиям школьные учителя таджикского происхождения. Узбекский комиссариат народного просвещения всячески старался воспрепятствовать печатанию книг на таджикском языке и зашел в этом так далеко, что книги были изданы в совершенно испорченном и непригодном виде^{II}.

^I Собственно, сюда должна быть причислена еще одна «автономная республика» — так называемая Юго-Осетинская автономная область.

^{II} Все это точно описывалось в советской печати; см. соответствующие статьи в «Правде Востока».

Такой заметный шовинизм был в конце концов замечен и заклеямен и советским правительством^I. Председатель узбекского Совета народных комиссаров Ф. Ходжаев вынужден был в связи с этим признаться: «Так же, как узбеки не доверяют русским, возможно, киргизы и таджики в Узбекистане не доверяют узбекам; ведь в их глазах последние — нация поработителей»^{II}.

Так выступил председатель Совета народных комиссаров на II съезде Коммунистической партии Узбекистана. Достаточно ознакомиться с осторожными высказываниями официального представителя, чтобы ясно увидеть, что на самом деле народы ведут друг против друга жестокую борьбу.

Далее, при возникновении Туркестанских республик произошло чрезвычайно странное событие. Мы говорим здесь о внезапном «исчезновении» таджиков со значительной части занимаемой ими прежде территории. С давних пор таджики населяли все окрестности города Бухары, а также север ханской империи и западную часть Самаркандской области; но теперь, после того как провели и узаконили границы, таджики *бесследно «исчезли»* со всех этих территорий. Как это могло случиться? Чтобы придать Узбекской республике единообразие и однородность, в нее *просто включили* целые территории со сплошь таджикским населением, совершенно чуждым Узбекской республике. Если бы этого не сделали, то Узбекская республика приняла бы чрезвычайно странную форму «островной империи»; тогда республика состояла бы из небольших и изолированных частей. Такие меры, разумеется, не могут пройти бесследно для взаимных отношений национальных меньшинств, и народам придется до конца насладиться последствиями этого *экстремистского решения национальной проблемы*.

^I Также недавно, например, в «Правде» от 10 и 21 мая 1930 г. и т. д.

^{II} См. вышедшую на французском языке необыкновенно интересную и поучительную брошюру М. Чокаева «*Chez les Sowjets en Asie Centrale*» (Париж, 1928 г.). Приведенные слова Ф. Ходжаева взяты из местной газеты «Кзыл Узбекистан» от 29 марта 1927 г.

Хозяйственные проблемы

Раздоры и борьба отдельных наций между собой, однако, не ограничиваются одними только *территориальными* притязаниями или претензиями на национальные *проблемы культуры*. Борьба за преимущественные права, а также стремление иметь все больше особенно сильно проникают в *сферу хозяйственного строительства*.

Хорошая хозяйственная политика всегда предполагает более высокую целесообразность, при которой действуют по принципу *минимальной затраты сил* и *максимальной выгоды* или, по крайней мере, стараются достичь приблизительных результатов. Теперь в национальных республиках Советской России на самом деле нет ни одного хозяйственного вопроса, вокруг которого не разгорались бы ожесточенные споры. В результате этого беспрестанно возникают совершенно ненужные и неоправданные траты, сильно отягощающие широкие народные массы, а также бюджет республик.

Так, например, исполняется давно лелеемое желание узбеков об обладании собственными хлопковыми прядильнями и ткацкими фабриками. Сразу с тем же притязанием выступает Туркменистан. Необходимо исполнить и это желание, так как *отказ* был бы воспринят как *национальное оскорбление* и величайшая несправедливость. Но теперь следует обратить внимание на то, что хлопчатобумажная фабрика не имеет в Ферганской долине почти никакой перспективы на существование; и это особенно относится к Туркменистану, расположенному в континентальном климате. И так без всякой надежды на успех выбрасываются на ветер миллионы.

Еще один пример из Закавказья. Главный производитель хлопка Азербайджан получает разрешение на строительство фабрики для обработки хлопка. Этого достаточно для того, чтобы с такими же требованиями выступила Армения; требование Армении также удовлетворяется, хотя этой стране такая фабрика вовсе не требуется. Будь то проблема орошения или какая-либо иная проблема экономики, — сразу же выставляются «национальные требования», и первоначально скромные суммы вырастают до невероятных размеров.

Хозяйственный спад

Те, кто так или иначе должны утверждать принцип справедливого, хотя и нецелесообразного распределения этих даров, вероятно, могли бы задать здесь чрезвычайно оправданный вопрос: они могли бы сказать, что дело вовсе не в напрасно растраченных миллионах народного состояния, а только в том, как процветают и расцветают свободные национальные республики экономически; дело лишь в том, будет ли перекрыт довоенный уровень в этом отношении или нет?

Что касается этого, то есть чрезвычайно поучительный литературный обзор, я имею здесь в виду названную выше и процитированную книгу Чокаева, которая так хорошо и метко *вскрывает* истинную сущность коммунистической национальной политики в Туркестане и делает это *на основе аутентичных источников*. На последней странице этой брошюры приведена таблица, показывающая на основе официального отчета казахского Советского правительства Совету народных комиссаров СССР экономические «успехи» советской эпохи.

По тогдашним последним данным (1927 г.), в Казахстане по сравнению с довоенными годами производится и добывается (в %)¹:

золото.....	48,79
медь.....	12,82
каменный уголь.....	16,52
сульфаты.....	43,90
рыба.....	24,85
обработка кожи.....	45,80
соль.....	97,56
нефть.....	96,06

По данным Комитета по хлопку СССР, посевные площади всех культур в 1927 году в Туркестане, стране сельского хозяйства и мелкого производства, занимают лишь 4/5 довоенных площадей; общее производство в

¹ Ч о к а е в М. Chez les Sowjets en Asie Centrale. Paris, 1928.

стоимостном выражении составляет 90% довоенного; всякого рода животных — менее 90%. Производство хлопка во всей Центральной Азии и Закавказье вообще достигает лишь 65—70%^I. Значительный успех отмечается лишь в добыче нефти: в 1915 году было добыто 572,5 млн. пудов, а в 1926—1927 годах^{II} она возросла на 612 млн. пудов. Однако эти успехи значительно теряют свой эффект, если принять во внимание общую длину буровых скважин. В период, охватывающий те же годы (1915—1927), длина скважин увеличилась с 101 сажени до примерно 183 сажень^{III}, т. е. на 80%, и с учетом этого добыча увеличилась значительно меньше^{IV}. Но и этот последний небольшой эффект пропадает, если учесть, что добыча нефти (для скорейшего получения иностранной валюты) ведется разбойничьим образом, так как вырабатываются только верхние горизонты.

Общеизвестно тяжелое положение в добыче марганцевой руды в Грузии, особенно после развала концессии Гаримана. Невозможно также отнести к «положительным достижениям» недавно возведенные гидроэлектрические станции в Семо-Авчале (Закавказье) и на Боху (Средняя Азия), так как энергию нельзя использовать — *из-за недостатка потребителей!* Поистине — курьез бесхозяйственности и разбазаривания капитала.

Нельзя признать реальным достижением и планы по орошению: здесь часто считают в поистине астрономических числах, и руководители ирригационных сооружений попадают на скамью подсудимых (судебный процесс Среднеазиатского водного хозяйства в Ташкенте и хищения в Закавказье); или же за несколько миллионов строятся каналы длиной в пару верст. Тяжелое экономическое положение этих некогда цветущих пограничных территорий можно было бы подтвердить и другими примерами и цифрами, но, пожалуй, для того, чтобы убедиться в этом, вполне достаточно и сказанного, как писал после поездки по Кавказу о тяжелом по-

^I По данным Коммунистического университета.

^{II} Источник тот же.

^{III} Русская сажень — неполные 2 метра.

^{IV} Тот же источник.

ложении там, а также в остальной России, корреспондент одной немецкой газеты.

Коммунистическая система управления привела к тому, что *в результате всеобщего обнищания России пострадали и пограничные территории*. Так происходит, что страны национальных меньшинств, вместо того чтобы продолжить рост предреволюционных лет, переживают теперь тяжелый спад в сельском хозяйстве и культуре; это особенно касается производства дорогостоящих, так называемых технических, культур, как, например, разведение хлопка, который должен уступить место культурам питания, таким, как пшеница, ячмень и т. д.

Необходимое хозяйственное единство отдельных территорий России нельзя отрицать даже после годов тяжких потрясений, причиненных коммунистической системой.

Сознание этого имеет огромную важность и огромное значение, и это должно было бы побудить всех к объективным размышлениям: и тех, кто превыше всего ставит свои собственные узкие интересы, и тех, кто не только верит, но и определенно знает, что из тяжких страданий русского народа родится новая Россия, подлинная родина всех живущих в России народов.

Но, может быть, за 12 лет революции отмечен прогресс в каких-то других областях, который мог бы компенсировать экономические поражения?

Свобода

Национальные меньшинства в Советской России не имеют свободы, они лишь *страстно стремятся* к ней. И это стремление велико. Один из узбекских руководителей коммунист К. Алимов метко выразил это, сам того не желая, в следующих словах (1927 г.): «Некоторыми распространяется слух о том, что плохи наши дела в Китае, что английское правительство порвало с нами отношения и что если с Божьей помощью (*sic!*) разразится война, для узбекского народа может возникнуть возможность получить национальную свободу... Распространители подобных слухов пребывают в школах и в нашей собственной среде (т. е. в Коммунистической партии)»¹.

¹ См. у Мустафы Чокаева, стр. 32.

Кстати, это высказывание не является исключением, оно не единичный случай, а явление, происходящее на *всех пограничных территориях*, потому что от коммунистической «национальной свободы» страдают все национальные меньшинства.

Культура

Успехи в *народном просвещении* не отмечаются, напротив, в сравнении с довоенными годами они *сильно снизились*. Несмотря на то что коммунисты хвастаются, что количество школ теперь значительно больше, чем до войны. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что советская статистика далеко не соответствует фактам. Так, утверждается, например, что число школ в Казахстане теперь достигает 1600, в довоенное время их было только 560. Однако оказывается, что только 40 из этих школ имеют настоящие школьные здания. Далее: предназначенные для целей просвещения денежные суммы значительно меньше, чем в довоенное время. Все эти сведения заимствованы из советской печати^I. «У нас, башкир, — говорила на заседаниях XV съезда Коммунистической партии башкирская коммунистка, — более 2000 школ; но если мы примем во внимание качественную сторону этих школ, то придем к очень печальным выводам»; у нас «очень мало школьных зданий, мебели, книг и учебных средств»; и «35—90% башкирского населения, в зависимости от местности, болеет трахомой, чесоткой и всевозможными венерическими заболеваниями»^{II}.

Здесь, как и везде, нельзя принимать всерьез *статистический оптимизм* коммунистов^{III}. Кстати, недавно один представитель Комиссариата народного просвещения

^I См. у Мустафы Чокаева, стр. 32. Ср. «Правду» от 2 июня 1930 г.

^{II} Шафиева. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 154—155.

^{III} Так, например, когда коммунистическая печать громко плачется из-за нехватки школ, учителей и учебников и тут же сообщает, что в Татарской республике число неграмотных учащихся *за один год* увеличилось с 20 000 до 249 000, т. е. на 1245%... См.: «Правда» от 02.06.1930 г.

щения докладывал на одном заседании, что «до 50% школ национальных меньшинств в РСФСР ведет все преподавание *на русском языке*¹ — поистине скромное достижение коммунистической «освободительной политики».

Надо также совершенно объективно отметить, что борьба коммунистов с мусульманским мировоззрением и устоями приводит к самым печальным результатам и совершенно не оправдывает себя. «Снятие покрывала с женщины» (*отмена паранджи*) привела к кровавым столкновениям правоверных и тех, кто последовал этому призыву. Большинство вернулись к ношению покрывала (чадра или паранджа). В древней Бухаре после того, как страна была завоевана коммунистами, проникновение европейской культуры проявилось в том, что в центральных частях города, там, где ранее не знали даже запаха пива и вина, открылись пивные и винные заведения со всеми сопутствующими деморализующими последствиями...

Падение нравов

Самые скверные стороны европейской цивилизации проникают в замкнутое пространство мусульманского мира для его разложения. Русский имперский суд был унесен волнами революции и теперь заменен пролетарским, все сокрушающим и ничего, кроме классовой мести, не знающим классовым судом. Всеобщее явление сейчас — упадок обычаев и общего морального уровня, который не пощадил ни деревень, ни мельчайших уголков. Возвращаются наихудшие времена — растет разбой, в степях процветает «баранта», т. е. кража и угон скота. Казахское население, сильно страдающее от этих тягот, с нежностью вспоминает старые спокойные времена, когда собственность и скот были хорошо защищены и находились в безопасности.

Но тяжелее всего была поражена *религия* и сросшийся с ней мусульманский уклад жизни. Мусульманская религия, столетиями воспитывавшая широкие слои народа в духе мусульманской морали, создала в

¹ См. «Социалистическое земледелие» от 15.11.1930 г.

пограничных областях России самостоятельную и оригинальную культуру.

До войны мусульманская религия и мусульманское духовное образование пользовались полной свободой. До революции сохранялась царящая в отношениях между полами большая чистота. Появление комсомола, развитие коммунистической партийности и непрекращающаяся борьба с мусульманским укладом жизни¹ в значительной степени разрушили древние основы нравственного мировоззрения и сильно снизили моральный уровень.

Коммунисты старались как можно осторожнее проводить свою разлагающую политику, так как им был хорошо известен фанатизм мусульманского населения; и именно потому их усилия увенчались успехом.

Резюме

Таким образом, этот горький опыт убедил национальные меньшинства пограничных областей в том, что

¹ Например, чрезвычайно поучительно отметить, что законодательство и политика коммунистов в христианских советских республиках прилагают усилия, чтобы ослабить и разложить моногамный брак и семью, в то время как в мусульманских советских республиках запрещается принцип брака-гарема и ведется борьба с ним. См. об этом «Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву» под редакцией народного комиссара Курского (Москва, 1926 г.). В особенности прилагаемые стенографические протоколы заседаний. «Наказывать многоженство — бессмысленно». «Мы боремся репрессивными методами против полигамии в республике Казахстан; в Башкирской республике у нас есть закон, наказывающий за полигамию. То же самое в Азербайджане и Армении, но там это вопрос политики и освобождения женщины, которая еще не вышла из гаремного состояния». См. статью Крыленко там же, стр. 67 и др. Идея ясна: «освободить» здесь равнозначно тому, чтобы разрушить имеющиеся крепкие формы нравственности и семейной жизни и ввести половой промискуитет. Ср. у коммунистки Лилиной (жены Зиновьевы): «От коммунистической семьи к коммунистическому обществу» (Ленинград, 1924, стр. 10, 14 и др.). Жизнь, «подобная обезьяньей», описывается «как коммунистическая форма семьи».

национальная политика коммунистов есть не что иное, как заманчивые слова, многообещающие лозунги и фразы, которые совсем не совпадают с фактами и последствиями.

Есть нечто, есть определенная грань, которую переступить не дозволено; если же это все-таки случается, то прекращается всякий дальнейший прогресс и всякое совершенствование, и наступает разрушение и обострение национальных отношений, переходящее в тяжелую и долгую борьбу. Этой гранью можно назвать *национально-культурную автономию*. Между тем коммунисты переступают эту грань намеренно, планомерно и систематически; они ослабляют и подтачивают живые узы народного организма. Отсюда у националистов затронутых территорий возникает сепаратизм, преувеличенная и агрессивная настроенность по отношению к соседним народам. Опыт учит, что по ряду внешних и внутренних причин подобная политика нежизнеспособна и ведет лишь к материальной и духовной деградации.

Автор X X X⁶⁰

ВОЕННОЕ ДЕЛО В СССР

Война и вооруженные силы

Принципиальное отрицание пацифизма и резкое разграничение между правом на войну и вооружение буржуазии, с одной стороны, и с другой — пролетариата составляют основной принцип коммунистической военной доктрины. Коммунисты признают необходимость вооружения, но *только для самих себя*. Некоторые войны они рассматривают не только как законные и целесообразные, но даже как желанные. «История показывает нам войны, которые, несмотря на неизбежно связанные с ними ужасы, нищету и муки, были прогрессивными, т. е. полезными для дальнейшего развития человечества»¹. Так, были, например, полезными наполеоновские вой-

¹ Заимствовано из статьи «Война и ленинизм» в газете «Военный вестник», № 28, 1924 г.

ны; хотя они и сопровождались «разграблением и завоеванием других стран французами, но это обстоятельство ничего не меняет в историческом значении этих войн, так как они расшатывали и сотрясали феодализм»^I. Полезными и необходимыми считают коммунисты и *все гражданские войны*, а также войны *пролетарского государства* с государством буржуазным. Разумеется, пролетарским считается лишь такое государство, которым управляют коммунисты.

В войне одного буржуазного государства против другого пролетариат призван приложить все силы для того, чтобы «превратить эту империалистическую войну в *войну гражданскую*».

Всякая война между «империалистами» с этих позиций желанна, ибо, «ото всей души ненавидя империалистическую войну, коммунисты должны радоваться тому, что эта война вкладывает оружие в руки миллионных человеческих масс»^{II}.

Так что, выдвигая на передний план лозунг — «превращения империалистической войны в гражданскую», коммунисты на знаменах пролетариата буржуазных стран должны написать и *дефетизм*⁶¹. Он стал одним из основных принципов их военного учения. Коммунисты в любом случае считают необходимым подчеркнуть, что, проповедуя дефетизм в буржуазном государстве, они ни в коей мере не отрицают защиты родины, *стоит только* родине стать «социалистической и пролетарской»^{III}.

Это важнейшие черты коммунистической доктрины, касающиеся проблемы обороны. Соответственно двойка и их позиция в отношении права на вооружение. *Полезно и прогрессивно вооружение «пролетарских государств»*. «В буржуазном же государстве, напротив, всякую армию надо рассматривать как аппарат подавления — вне всякой связи с тем, профессиональная это армия или ополчение, и поэтому «коммунисты — принци-

^I «Военный вестник», № 28, 1924 г.

^{II} Журнал «Коммунистический Интернационал», № 50, 1927 г.

^{III} Там же.

пиальные противники любой военной организации в буржуазном государстве»^I.

При этом, как уже сказано, пролетарскими государствами считаются лишь те, в которых власть принадлежит коммунистам. Чрезвычайно характерно с этих позиций отношение коммунистов к австрийскому бундесверу. Они отмечают, что эта армия «по своему составу никак не реакционна, ибо при приеме в нее все решают не реакционные, а республиканские взгляды. Преобладающее большинство в ней у социал-демократов. Эта армия относительно слабо изолирована от больших масс народа, она свободно пользуется политическим правом на участие в выборах и, следовательно, может участвовать в политической жизни; она организована по профессиям, и в ней могут почти беспрепятственно работать даже коммунисты»^{II}. И все-таки эта армия не считается «пролетарской». Коммунисты же рассматривают ее как *отрицательное явление* и даже утверждают, что «она, как наемное войско, представляет для пролетариев гораздо большую опасность, чем армия, построенная по принципу всеобщей воинской повинности»^{III}, как, например, итальянская или французская.

Наконец, единственной армией, имеющей право на существование, у коммунистов считается только *Красная Армия*, вооруженные силы Советского Союза; но и это лишь до той поры, пока в них главенствует коммунистическая партия. «Если отождествляют с контрреволюцией Советы без коммунистов, то и Красная Армия без коммунистов — тоже контрреволюция»^{IV}. Следовательно, при помощи коммунистической пропаганды надо *уничтожить, разоружить или разложить* все армии. «Наш лозунг, — заявляет Коммунистический Интернационал, — должен гласить: вооружение пролетариата для победы, обобществления и разоружения буржуазии». Лишь после того, как это произойдет, пролетариат, «не изменяя своей исторической миссии, сможет выбросить

^I «Коммунистический Интернационал», № 50, 1927 г.

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} «Война и революция», № 2, 1927 г.

на свалку любые вооружения». Вне всякого сомнения, так оно и будет, но в любом случае не ранее, чем пролетариат одержит окончательную победу¹.

Коммунистическая стратегия разложения

В будущих вооруженных столкновениях между капиталистическими государствами наряду с обычными средствами борьбы коммунисты намереваются прибегнуть еще и к политическим: к *разлагающей пропаганде* своих агентов и специально для этой цели созданных организаций. К наполеоновской «стратегии разрушения» и «стратегии истощения» Фокса⁶² добавляется третья, коммунистическая «стратегия разложения» (Ленин).

«Правда»^{II} напечатала однажды миф о голове Медузы, которую Персей нес на своем щите и у которой был такой ужасный вид, что его враги превращались в камень и обрекались на гибель от его меча. Такой головой Медузы должна была сделаться в будущем, по мнению коммунистов, политическая пропаганда: ее предназначение — *парализовать буржуазию* и превратить военные операции «пролетарских» сил в подобие развлекательного похода в направлении на Берлин, Варшаву и Калькутту.

Своего апогея политическая военная пропаганда коммунистов достигла в период российской гражданской войны. Тогда она сделалась сильнейшим оружием красных войск и привела последние к победе. Попытка использовать пропаганду для разложения польской армии в 1920 году полного успеха не принесла. Гражданский патриотизм только что обновленной Польши оказался сильнее революционного призрака головы Медузы. Сами коммунисты объясняли эту неудачу недостаточной подготовкой политической базы в Польше. Это заставило их усилить и расширить свои военные и политические организации во *всех* капиталистических странах.

В настоящее время во всех странах коммунизм имеет большой и хорошо организованный аппарат, руководство которым осуществляется из Москвы и который со слепой покорностью исполняет всякое указание, оттуда исходящее. Этот аппарат состоит из: 1) коммунистиче-

^I «Коммунистический Интернационал», № 15, 1928 г., стр. 7.

^{II} «Правда» за 01.05.1927 г.

ских партий и их союзов молодежи; 2) специальных военно-коммунистических организаций, как, например, союз Рот-Фронт (Германия и Австрия), Рабочая оборона (Arbeiterschutz) (Швейцария), Рабочий легион (Англия) и т. д.; 3) различных вспомогательных полуккоммунистических организаций, дающих возможность использовать в интересах коммунизма еще и круги, склонные к дифференциации и разложению. Сюда относятся: Союз друзей Советской России, Лига борьбы против империализма и другие. Коммунисты прилагают особые усилия для проникновения во все левые политические организации и группы, с тем чтобы подвергнуть их радикализации.

Коммунистические партии, которым в связи с этим отводится ведущая роль, *ни в коем случае не есть лишь политические организации*, как это часто предполагают. Они прилежно занимаются и чисто военными задачами. Это становится ясным, например, из признаний журнала «Коммунистический Интернационал»¹. «Одна из главных задач Коммунистической партии в каждой стране, — утверждает этот журнал, — в военно-политическом отношении заключается в политическом завоевании вооруженных сил классового противника и в политической и организационной работе в армии, полиции и на флоте. Опыт показывает, что в тех случаях, когда *с революцией* действительно воюют армия и полиция, хорошо обученные, соответствующим образом вооруженные для наступления и для отступления, когда им придан превосходный офицерский корпус и они усилены имеющимися в каждой земле фашистскими отрядами, *они в состоянии* ее подавить, даже если для революции существуют другие чрезвычайно благоприятные условия». Журнал требует от коммунистических партий «разложения и ликвидации» вражеских вооруженных сил и одновременно подчеркивает «настоятельную необходимость» «образования достаточных вооруженных сил рабочего класса, которые вместе с армей-

¹ «Коммунистический Интернационал», № 25—26, 1928 г., стр. 75.

скими частями, преданными революции, смогли бы окончательно уничтожить вооруженные силы буржуазных правительств»^I.

Ядро таких «вооруженных сил рабочего класса» составляют в буржуазных государствах — союз Рот-Фронт и другие военные коммунистические организации. Их содержание требует значительных средств; их руководителей часто посылают в СССР с особым заданием, где они не только заканчивают определенные учебные курсы, но и принимают участие в маневрах Красной Армии.

Единая цель состоит в парализации всей упорядоченной жизни в стране; должны быть созданы трудности, которые повысят *революционные настроения масс* и в конце концов вызовут максимальное *внутреннее разложение в стране*: тогда буржуазия будет свергнута легким движением персева меча.

Политическая основа Красной Армии

Главной военной силой, прошедшей суровую школу классово-борьбы, является так называемая Рабоче-Крестьянская Красная Армия — это «орудие первой и единственной родины трудящихся» во всем мире, как она называется в § 1 советского Полевого устава.

Политическая идеология этой армии строится не на патриотизме, а на *классовом сознании*. Задача армии состоит не только в защите национального Отечества, а еще и в помощи, оказываемой мировому пролетариату для свержения капиталистического режима в отдельных, а возможно, и во всех странах.

«Красная Армия есть вооруженный отряд мировой революции», — гласит пропагандистский призыв в связи с одиннадцатилетием образования Красной Армии^{II}. «Она — Красная Армия — будет не только орудием защиты социалистического общежития против возможных нападений со стороны еще существующих империалистических государств, но она позволит оказать пролетариату этих стран решающую поддержку в его борьбе с империализмом», — говорится в решении VIII съезда партии^{III}.

^I «Коммунистический Интернационал», № 25—26, 1928 г., стр. 77.

^{II} «Красная звезда» от 21.11.1929 г.

^{III} «Красная звезда» от 31.01.1926 г.

Все воспитание Красной Армии чрезвычайно интернационально. В так называемый «политический час» красноармейцев учат тому, что их призвание — своими штыками осуществить мировую революцию, что *резервы* Красной Армии *находятся позади фронта их врагов* и что во время войны буржуазные армии «обратят свое оружие против королей, банкиров, фабрикантов и генералов»^I.

Советский Полевой устав ставит перед воюющей армией задачу «увлечь рабочих и крестьян вражеского войска, а также трудящееся население театра военных действий, мировой революцией»^{II}. Во время продвижения Красной Армии к Варшаве в 1920 году главнокомандующий Тухачевский⁶³ вез с собой уже готовое «польское советское правительство», которое должно было взять в завоеванной стране власть в свои руки и провозгласить присоединение Польши к Советскому Союзу. Красный штурм Варшавы, кажется, все же произвел тогда на поляков ужасающее впечатление. С ликованием цитирует Ларин на заседаниях XV съезда Коммунистической партии (декабрь 1927 г.) записки фельдмаршала Пилсудского⁶⁴ (мемуары): создавалось впечатление «надвигающегося жуткого грозового облака; государство зашаталось, пришли в смятение характеры, сердца солдат одрябли»; это был процесс, «подвергнувший ломке нашу волю...», и «все ясней и отчетливей рядом с внешним фронтом проступал внутренний фронт...»^{III}.

Таким образом, в случае войны с буржуазным государством Красная Армия ставила себе еще и задачу ускорить пролетарскую революцию в этом государстве, советизировать его и лишить политической независимости через насильственное присоединение к «первому и единственному Отечеству трудящихся».

Итак, это совершенно *неприкрытый красный империализм*, отличающийся от империализма средневековой Оттоманской империи или от империализма Наполеона

^I «Красная звезда», 01.05.1926 г.

^{II} Полевой устав РККА, 1929 г., § 4, на русском.

^{III} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 708.

лишь тем, что несет побежденному коммунистическое обобществление, обнищание и рабство. Конечная цель этого империализма — создание всемирной империи Советов, которой должен руководить III Интернационал.

Историческое развитие Красной Армии

Днем образования Красной Армии считается 28 января 1918 года, когда Советским правительством был издан соответствующий декрет¹. Первоначально армия состояла из *добровольцев*, ибо она была образована из частей «Красной гвардии», т. е. из вооруженных рабочих отрядов, симпатизирующих коммунистам. Но от принципа добровольности очень скоро отказались, потому что Советскому правительству, со всех сторон окруженному врагами, требовалось сильное массовое войско. Притока добровольцев было совершенно недостаточно (к апрелю 1918 года было зачислено всего 106 000 добровольцев). Поэтому 8 апреля 1918 года Советское правительство приняло решение призвать в армию всех «трудящихся», годных для военной службы. Троцкий энергично провел организацию армии в соответствии с новыми принципами. Образцом послужили армии крупных европейских государств. При строительстве армии преследовались следующие принципы: всеобщая воинская повинность для всех трудящихся в возрасте от 18 до 40 лет; строгая централизация армейского командования; возобновление военной иерархии и строгой дисциплины; привлечение специалистов из офицерского корпуса прежней царской армии; создание института политических комиссаров, выступающих непосредственными представителями Коммунистической партии в армии.

Эти комиссары, все без исключения коммунисты, стали проводниками новой коммунистической идеологии в армии. Перед ними была поставлена задача «поддержания тесных и постоянных связей Красной Армии с рабоче-крестьянским режимом». Специалисты из рядов бывших царских офицеров *находились под постоянным и неусыпным надзором этих комиссаров.*

¹ Исторические материалы можно найти в так называемом «Военном справочнике», Москва, 1925 г., стр. 178—183, на русском.

Созданная по этим принципам армия была немедленно брошена в пламя гражданской войны 1918—1920 гг.⁶⁵ После окончания войны и демобилизации организация армии была подвергнута пересмотру. Были определены качественные параметры и нормы личного состава. Организация отдельных видов войск приняла более отрегулированный и целесообразный характер.

В 1923 году было введено новшество — *территориальная милиционная система*. После введения этого нового порядка дивизии Красной Армии в аграрных регионах (Центральная Россия, Поволжье, большая часть Украины) на 90—95% состояли из крестьян. При этом крестьяне в общем и целом были чрезвычайно редко привержены коммунистическим идеям и по этой причине никоим образом не могли по-настоящему поддерживать диктатуру пролетариата. Несмотря на это территориальная милиционная система не принесла своим создателям большого разочарования, потому что Советское правительство в последующие годы не проводило по отношению к крестьянам особо враждебной политики (под лозунгом «Лицом к деревне»). Систему расширили. В 1925 году народный комиссар военных дел Фрунзе объявил, что территориальные милиционные формирования образуют фундамент Красной Армии, а кадровые части имеют лишь второстепенное значение. В 1926 году число территориальных милиционных дивизий уже было больше числа кадровых. Этот преобладающий рост крестьянского элемента армии начал становиться значимым фактором с того момента, когда крестьянская политика Советского правительства сделала крутой поворот, т. е. когда в 1927 году началось наступление на зажиточных крестьян, так называемых «кулаков», и на первый план в сельском хозяйстве выступила идея коллективизации. Политическая благонадежность воинских частей, состоящих преимущественно из сельских элементов, зашаталась; эти воинские части стали предметом постоянных забот Советского правительства и Коммунистической партии. Речь об этом пойдет далее.

Организация Верховного Командования Красной Армии

Верховное Командование Красной Армии имеет принципиально *централизованный* характер. Централизация заходит так далеко, что власть военного приказа

исходит от одного-единственного человека, в то время как «самостоятельные» советские республики (Украина, Закавказье и т. д.) даже не имеют права распоряжаться войсковыми соединениями, находящимися на их территориях, не говоря уже об отдаче им приказов. Народный комиссар военных дел — одновременно также Верховный Главнокомандующий армии, флота и военно-воздушных сил. Нигде более не существует подобной централизации, доведенной до крайности; ведь остальные государства в мире обычно имеют два, а порою и три министерства, отвечающих за вооруженные силы (армия, флот и военно-воздушный флот).

Такая система имеет в некотором отношении, безусловно, свои преимущества: например, обеспечивает единство оперативной деятельности различных воинских частей, а также устраняет ненужные трения между отдельными ведомствами; однако в то же время она создает до крайности неуклюжий аппарат, парализующий инициативу исполнителей и порождающий большую неслаженность.

Важнейшими инстанциями Народного комиссариата военных дел являются: *Революционный военный совет* (сокращенно — «Реввоенсовет») и *Политическое управление армии* (сокращенно — ПУР). Эти органы Красной Армии специфичны и не встречаются ни в одном другом государстве.

Революционному военному совету вменяется в обязанность верховное руководство войском, морским и военно-воздушным флотом, руководство военными ведомствами управления, а также верховный контроль над всеми инстанциями военного руководства. Революционный военный совет в настоящее время состоит из следующих 12 членов: народный комиссар армии и флота Ворошилов; 3 его заместителя: Каменев⁶⁶, Уборевич и Гамарник, причем Уборевич руководит всей военной подготовкой, а Гамарник ответствен за политическое руководство армии; руководитель военно-морского флота Муклевич; руководитель военно-воздушного флота Баринов; инспектор кавалерии Буденный; главнокомандующий Ленинградским военным округом Тухачевский; командующий Белорусской армией Егоров; командующий Украинской армией Якир; командующий Московского военного округа Корк и комиссар Рабоче-крестьянской инспекции Орджоникидзе.

Из этих руководителей Красной Армии только Каменева и Корка можно рассматривать как настоящих специалистов: Каменев был полковником Генерального штаба, а Корк — капитаном Генерального штаба российской царской армии. Военная карьера всех остальных началась лишь во время гражданской войны, и их прежняя профессия зачастую была совершенно чужда их нынешним высоким и ответственным постам. Так, например, Якир — в прошлом учитель народной школы; Орджоникидзе — по профессии фельдшер; Буденный — вахмистр кавалерии. О самом Ворошилове коммунистические военные газеты не без гордости пишут, что «он две зимы подряд посещал сельскую школу...». Тем не менее надо сказать, что за плечами всех членов Революционного военного совета — суровая школа гражданской войны, и в большинстве они — люди сильной воли.

Политическое управление армии — связующее звено между верховным управлением армии, с одной стороны, и Коммунистической партией, а также Коминтерном, с другой. Оно проводит партийно-политическое воспитание и обучение в армии, а также военно-политическую подготовку населения в стране. Во время войны на долю этой инстанции выпадает очень важная роль, ведь она будет руководить *политической обработкой населения театра военных действий*, чтобы «привлечь его на сторону пролетарской революции»¹. Год тому назад (01.10.1929) именитый член Коммунистической партии Ян Гамарник назначен руководителем Политического управления армии.

Другие высокие ведомства Красной Армии существенно не отличаются от подобных ведомств буржуазных государств. Следует лишь упомянуть, что Красная Армия не имеет Генерального штаба. Его упразднил Фрунзе в 1924 году.

Непонятно, по каким причинам произведено упразднение этого органа, существующего во всех странах (за исключением Германии, где он запрещен Версальским договором). Профессиональные журналы Советской России утверждают, что отныне военной подготовкой, да и самим ходом войны, будут руководить не только специа-

¹ Военно-полевой устав РККА, 1929 г., § 4.

листы, но и политики, и хозяйственники, ибо понятие «стратегия» охватывает не только оперативные, но и политические, и хозяйственные проблемы. Это вполне верно. Однако логически за этим расширением понятия «стратегия», скорее, должно было бы последовать одновременное расширение кругозора офицеров Генерального штаба (тем более что все армии других стран пошли по этому пути), чем — при многогранности нынешнего военного дела — роспуск этой абсолютно необходимой корпорации.

Внутренняя структура Красной Армии

Советское военное законодательство неустанно подчеркивает, что Красная Армия — это *классовая армия*. Ношение оружия считается честью и привилегией «трудящихся классов». Это право не предоставляется так называемым «нетрудовым элементам». *Для них воинская обязанность заменена особым налогом*: в период войны из них образуют особые «части обслуживания», которые должны выполнять вспомогательные работы за линией фронта.

Граждане, не пользующиеся ни пассивным, ни активным избирательным правом, не подлежат воинской службе. Число лишенных прав в разные годы колебалось между 5 и 10 процентами от общего числа населения. Остальная большая масса молодежи считается военнообязанными.

Однако даже это ограничительное изложение понятия «всеобщей воинской повинности» не удовлетворяет коммунистов, во всяком случае теперь, во время существования диктатуры пролетариата. Но коммунисты не хотят отменять принцип всеобщей воинской повинности, ибо это подорвало бы основной принцип «ленинизма», принцип «установки на массы». С другой стороны, они не могут и осуществить этот принцип, так как тогда опора диктатуры пролетариата, Красная Армия, состояла бы главным образом *из крестьян*, число которых в нынешней России доходит до 83% от общего числа населения. В этом-то и состоит серьезное противоречие, с которым коммунисты пытаются справиться при организации Красной Армии. Для того чтобы несколько его смягчить, введена очень сложная и хитрая система партийно-политического аппарата. Он включает следующие организации¹: 1) политические управления

¹ «Спутник молодого командира», Москва, 1927 г., стр. 492—503.

военных округов и политические отделы при штабах дивизий и отдельных бригад; 2) политические секретариаты территориальных округов; 3) партийные комитеты при всех высших военных частях, включая отдельные бригады; 4) военные комиссариаты и политические помощники командиров во всех армейских подразделениях, от корпуса до роты; 5) партийные ячейки и молодежные коммунистические вспомогательные группы в тех же частях; 6) политические руководители в мелких войсковых группах; 7) клубы и так называемые ленинские уголки^I; 8) особые отделения ГПУ в войсковых частях, начиная с дивизии и ниже. У всех этих органов задача такова: *политическая обработка Красной Армии в духе классовой идеологии, надзор за красноармейцами, неустанная слежка и политическая разведка.*

Для такого политического аппарата, разумеется, требуются надежные сотрудники. Поэтому предпринимаются строгие меры для увеличения числа коммунистов и членов молодежных союзов в самой армии. По последним известиям, в 1928 году во всей армии насчитывалось около 82 000 коммунистов^{II}, в 1929 году — около 100 000 коммунистов^{III}, а в 1930 году — около 129 000 коммунистов^{IV}. Сюда надо еще добавить 150 000 членов Коммунистического союза молодежи (в 1930 г.), что вместе образует единое ядро и «единую мощь», «которая готова самоотверженно претворять волю Коммунистической партии»^V. Разумеется, коммунисты придают этому очень большое значение. «Можно ли, — спрашивает Ворошилов, — в этих обстоятельствах допустить мысль о политической неблагонадежности Красной Армии? Можно ли считать, что когда-либо она, возможно, откажется выполнить свой долг?»^{VI}

Вполне естественно, что особенно большим числом коммунисты и члены молодежных союзов представле-

^I Своего рода помещение для пропаганды, задуманное как ленинский алтарь.

^{II} «Правда» от 5 июля 1930 г.

^{III} «Красная звезда» от 23 февраля 1929 г.

^{IV} См. точные данные в большой речи Ворошилова: «Правда», 5 июля 1930 г. (доклад на заседании XVI съезда партии).

^V Ворошилов. См. там же.

^{VI} Там же.

ны на командных постах и среди солдат тех подразделений и родов войск, чья главная задача состоит в политической защите коммунистического государства, как, например, в частях ГПУ, танковых частях, на военно-морском флоте и т. д.

Что касается командных постов, то в 1929 г.^I число находящихся на них коммунистов достигло 51%, а в 1930 г.^{II} — 51,1%. Кстати, высокие командные посты в пехоте и кавалерии занимают 96—97% участников гражданской войны; а более низкие командные посты, в противоположность этому, лишь до 70%^{III}. Только 10,6% офицерского корпуса Красной Армии в свое время служило в российской царской армии; большинство из них — теперь члены Коммунистической партии^{IV}.

Другое средство повышения надежности армии — искусственное увеличение числа призванных в армию *рабочих* и одновременное уменьшение числа призванных *крестьян*. Это, так сказать, классовое просеивание проводят во время армейского призыва, и это возможно потому, что годовой контингент военнообязанной молодежи намного превышает число подпадающих под призыв (из примерно 1 200 000 военнообязанных признают по-настоящему годными только 800 000, и из этих 800 000 призывают в армию лишь около 450 000)^V. Но и эта мера (ввиду относительной малочисленности рабочего класса России) не может коренным образом изменить социальную структуру Красной Армии в пользу диктатуры пролетариата. Так, например, число рабочих в Красной Армии в 1927 году составляло 23,8% всего численного состава, а число крестьян — 63,4%; теперь (январь 1930 г.) процентное соотношение было изменено на 32,9% к 57,9%. Процент пролетариев на командных должностях составляет теперь соответственно 30%, в политическом отделе армии — 46,7%, а среди поступивших в военные школы в 1929 году — 67,3%. Соответственно, изменился также социальный состав

^I «Календарь коммуниста» 1929 года, стр. 360.

^{II} Ворошилов. См.: «Правда» от 5 июля 1930 г.

^{III} Ворошилов. См. там же.

^{IV} Ворошилов. См. там же.

^V Там же, стр. 358.

коммунистических партийных организаций Красной Армии: в 1928 году они насчитывали 41% пролетариев, 32% крестьян и 25% советских служащих; в январе 1930 года пролетариев было уже 58,3%, крестьян только 29%, а служащих всего лишь 12%¹.

Ведомствами были установлены так называемые «нормы наполнения», следуя которым различные военные подразделения должны были пополняться представителями рабочего класса. Так, например, на флоте, в танковых войсках и частях ГПУ было не менее 50% рабочих, в военно-воздушном флоте 40%, в химических частях и подразделениях связи 30%, в артиллерии 15%, а в других родах войск 8 — 10%. Что же касается партийной организации в армии, то рабочих в ней по норме надо было иметь 65%. В 1929 году эта цифра была превышена: получилось очень высокое «наполнение» (71% рабочих в армии и 83% рабочих на флоте). По-видимому, это было проведено с учетом начавшейся грандиозной коллективизации сельского хозяйства: стремились к тому, чтобы по возможности обезопасить армию от влияния страдающего и недовольного крестьянства. Но это «переполнение» принесло отрицательные последствия, и коммунистам пришлось констатировать, что обычная «чистка» партийного аппарата в армии в том же году выявила 41% уволенных рабочих, а на флоте даже 65%.

Из всего сказанного ясно видно, что несмотря на всю его сноровку коммунистическому правительству в России не удалось превратить Красную Армию в абсолютно классовую армию. Препятствие заключается в *численном преобладании крестьянства* в стране, которое, в общем, относится к коммунистам совершенно отрицательно. Именно поэтому коммунистическим властям пришлось создавать в Красной Армии специальные и в революционном отношении квалифицированные подразделения как надежную опору пролетарской диктатуры.

Нередко эти подразделения называют «частями особого назначения» или «частями ОГПУ» (сокращенно по-русски

¹ Все данные приведены самим Ворошиловым. См.: «Правда» от 5 июля 1930 г.

«Осназ» или «ЧОН»¹). Обычно полагают, что они представляют собой политическую полицию или жандармерию Советского Союза. Но ни в одном государстве мира жандармерия не располагает такой развитой организацией и таким количеством военно-технических вспомогательных средств, как эти подразделения ОГПУ. Поэтому, возможно, было бы правильней называть их *янычарами* или *преторианцами* коммунистического режима.

Мы уже говорили, что части ОГПУ формируются на основе особого отбора. Кроме того, предпринимаются меры для их лучшего технического оснащения, создания для них лучшего обеспечения и экипировки, чем в других воинских частях. Они находятся в постоянной воинской готовности. Их организация настолько хорошо продумана, что они могут выделить части любой численности, состоящие из представителей различных родов войск и действующие самостоятельно.

В Москве находится центр этих частей ОГПУ: «Особая дивизия Дзержинского Осназ при коллегии ОГПУ» и «Особая кавалерийская бригада Сталина».

Отдельные полки ОГПУ расположены во всех крупных городах СССР: их общее число достигает 30. В городах средней величины находятся особые подразделения частей ОГПУ. В тех краях, где население особенно враждебно относится к властям, расставлены «маневренные подразделения» этих частей, задача которых — *осуществлять репрессии и высылать карательные экспедиции против населения*.

В военное время части ОГПУ остаются на местах, чтобы оградить правительство от любых проявлений недовольства со стороны ненавидящего его населения.

Настроение в Красной Армии

Главным для внутренней жизни Красной Армии и ее политического и морального настроения остается социальный состав. В количественном отношении в армии преобладает крестьянство: поэтому она так чутко реагирует на его настроения.

¹ Это совершенно бессмысленные и вовсе не по-русски звучащие слова, как и все искусственно составленные из сокращений языковые новообразования советской эпохи. (Примеч. И. А. Ильина).

Известно, что Советское правительство проводит в настоящее время весьма противоречивую политику по отношению к сельскому населению. Объявлена война «кулаку», и главной задачей стала коллективизация сельского хозяйства^I.

Эта политика вызывает в армии естественное недовольство и нарастание неприятия. Официальный печатный военный орган «Красная звезда» так высказалась об этом в период особенно острой коллективизации^{II}: «Обострение классовой борьбы в стране, ожесточенное сопротивление, которое оказывает кулак социалистическому наступлению рабочего класса, находит свое отражение и в Красной Армии»... «В казармы уже проникли кулацкие настроения; в отдельных группах солдат ведутся разговоры о том, что неверна политическая генеральная линия партии». Эти разговоры принимают порою волнующий и опасный характер^{III}.

В 4-м кавалерийском полку (Летичев) собирались группы красноармейцев и велись разговоры о том, «какому жестокому угнетению подвергаются крестьяне, и что поэтому, в случае войны, они не будут защищать Советский Союз»^{IV}.

В 14-м артиллерийском полку красноармейцы (Киев) пришли с жалобой на то, что «всюду оказывают предпочтение рабочим, поэтому мы, как крестьяне, должны выступать не за рабочих, а за крестьян»^V.

В 12-м артиллерийском полку (Омск) образовалась большая группа комсомольцев-красноармейцев, которые открыто выражали свое недовольство тем, что «партия по отношению к крестьянам вступила на неверный путь; налоги и насильственное отбирание зерна разоряют крестьян, и отсюда возникает недостаток хлеба и трудности с пропитанием»^{VI}.

Политический инструктор одного из украинских полков по фамилии Предеин направил в бюро партийной ячейки следующее мотивированное заявление:

^I См. раздел «Дифференциация крестьян» в данном сборнике.

^{II} «Красная звезда» от 23 ноября 1929 г.

^{III} В «Правде» от 27 июня 1930 г. также описываются соответствующие настроения, но, к сожалению, слишком общо.

^{IV} «Червона армия», Харьков, 31.08.1929 г.

^V Там же, 22.10.1929 г.

^{VI} «Красная звезда» от 22.11.1929 г.

«Тем самым сообщаю вам, что от имени пролетариата и в интересах пролетарской революции буду бороться за незамедлительное изменение нынешней политики, которая ведет не только к деградации сельского хозяйства, но и к подрыву социалистического строительства». Предеин присовокупил к этому заявлению *свою программу*, в которой среди прочего стояло: снижение налогов в деревне, возврат к так называемой «новой экономической политике» (1921—1927 гг.), полная ликвидация остатков «военного коммунизма», неограниченное участие всех слоев крестьянства в коллективном хозяйстве, содействие крестьянским домашним ремеслам^I.

Примечательно, что недовольство правительственной политикой, которое широко наличествует среди крестьян, *распространяется и на рабочие круги Красной Армии*. Так, в 45-м артиллерийском полку (Киев) обнаружилось, что «даже в рабочем классе — этом передовом отряде пролетарской диктатуры — имеются отдельные группы, которые не понимают своей задачи», и что «там имеются отдельные личности, находящиеся под вражеским влиянием»^{II}.

Подобные цитаты из официальной военной печати можно по желанию продолжить; все они свидетельствуют о том, что в Красной Армии, как и во всей Советской России, усиливается классовая борьба. В армии происходит глубокое и сильное брожение. Оно отмечено весьма враждебным настроением по отношению к официальному курсу политики партии и правительства^{III}.

^I «Красная звезда» от 21.07.1929 г.

^{II} «Червона армия», Харьков, 24.08.1929 г.

^{III} Поучительно отметить, что в своем большом докладе (XVI съезд партии, июль 1930 г.) Ворошилов начисто отрицает этот факт: «Повторяю, что в течение всего этого времени» (1927—1930 гг.) «в Красной армии не было ни одного случая, который мог бы вызвать беспокойство у Центрального Комитета или непосредственных военачальников: беспокойство по поводу политической стойкости». «Правда», 5 июля 1930 г. Такое упорное отрицание общеизвестных фактов определенно хочется отнести на счет политической договоренности Ворошилова со Сталиным.

Все это никоим образом не проходит мимо внимания правительства. Во время русско-китайского конфликта⁶⁷ Верховное Главнокомандование Красной Армии послало на границу с Китаем одни только активные отборные воинские части. Оно не решилось послать на фронт какие-нибудь территориальные милиционные войска. Так мало доверия питает командование к крестьянским воинским подразделениям.

Вызывают интерес и другие мероприятия, характерные для событий последнего времени. Так, армейское командование с особой суровостью осуществляло осеннее просеивание (1929 г.) новобранцев. Ведомствам были переданы новые строжайшие директивы: 1) укрепить и равномернее распределить рабочие и партийные слои в армии; 2) исключить не только так называемых «лишенцев» (что определялось уже действующими законами), но и не допускать лиц, «которые, хотя и не лишены прав и не являются детьми кулаков, но, судя по их поведению в деревне, могут стать *проводниками кулацкого влияния*»; 3) отменить жеребьевку при мобилизации и заменить ее классовым отбором»¹. Последнее означает, что *всеобщая воинская повинность в России теперь действительно отменена. Солдатами назначают по решению мобилизационной комиссии.*

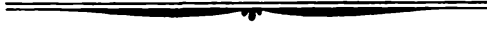
Из сказанного можно сделать вывод, что армия, официально называемая «рабоче-крестьянской армией», теперь вряд ли существует как единое целое. Ее раздрают острые внутренние противоречия и *она медленно распадается на свои составные социальные части*; в крестьянском слое армии, снабженном прочным запором пролетарской диктатуры, накапливаются *классовая ненависть* и постоянно растущее брожение.

¹ «Красная звезда» от 29.06.1929 г. и 07.07.1929 г.

Часть II

ХОЗЯЙСТВО

Проф. И. Ильин

СУДЬБА РУССКИХ КРЕСТЬЯН

Нельзя получить верного представления о судьбе России без полного знания и достаточного понимания аграрных отношений и производного от них аграрного вопроса. Тут надо прежде всего *точно установить факты* и распознать их прагматические связи, ибо воистину познание здесь, как и повсюду, предвосхищает суждение и вывод.

Революция и аграрный кризис

Невероятный кризис, который с 1917 года переживает Россия, ведет свое происхождение не только от войны и предшествующего ей политического движения; его нельзя также отнести лишь на счет общего духовно-религиозного и хозяйственно-социального мирового кризиса, от которого Россия страдала значительно менее, чем остальные, просвещенные и индустриализированные культурные страны, — его надо воспринимать и объяснять как уродливое явление внутреннего, *чисто русского аграрного кризиса*. Этот аграрный кризис можно было спокойно и созидательно привести к здравому решению, за которое действительно взялись в предвоенные 10 лет и которое имело благоприятные результаты; однако он мог также привести к катастрофе, достаточным *основанием* для которой была война без оружия, политический крах страны и победа коммунистов. Тем самым вскрыли и разбередили застарелую социально-хозяйственную рану, уже начавшую было заживать. Беспредельное крестьянское море вскипело и — частью активно, а частью пассивно — помогло самой беспощадной партии в мировой истории завоевать и удержать государственную власть. Коммунистическая партия никогда не была партией крестьянской; но она

присвоила себе лозунги партии эсеров, с тем чтобы крестьяне последовали за ней, чтобы затем подчинить их себе и чтобы насильственно провести в аграрном вопросе коммунистическую программу. Первая попытка (1918—1921 г., Ленин) окончилась провалом; вторая попытка (1928—1930 г., Сталин) теперь в полном разгаре. От удачи или провала этой попытки зависит судьба Коммунистической партии и исход всего революционного кризиса в России; тесно связано с этим и кое-что иное в дальнейшем движении мировой истории.

Итак, в дореволюционной России существовала социально-хозяйственная рана, вскрытие и разбережение которой таким роковым образом должно было сказаться на всей стране, но особенно на благополучии русского крестьянства. Эта старая рана, — как *наследственно-духовного*, так и *внешне-хозяйственного* происхождения, — имеет долгую предысторию, краткую схему которой стоит здесь привести.

Предыстория

Лежащая на широких равнинных просторах, лишенная защитных природных границ, постоянно подвергающаяся набегам монгольских кочевников (восток, юго-восток, юг) и нападениям оседлых культурных народов (запад, северо-запад), Россия (будучи вначале объединением отдельных княжеств, затем великим княжеством, царством и под конец империей) была вынуждена завоевывать и обеспечивать свое существование вооруженной силой. До даты смерти Петра Великого (1725 г.) на долю военных лет в истории приходится 85%; после даты смерти Петра Великого — 47%¹. Вся история страны состоит из коротких передышек и долгих напряженных войн. Но экспансия России на широкой равнине представляла собой огромную *колонизацию*. При таком развитии страны надо было постоянно вкладывать в одни и те же руки плуг и меч, и на протяжении столетий каждая пядь земли доставалась ценою крови. Надо было или, *то наступая, то отступая, обеспечить*

¹ Ср. у генерала Сухотина: «Война в истории российского мира», Санкт-Петербург, 1894, на русском.

колонизацию и медленно продвигаться к естественным границам (порою заменяя их надежными культурными и этнографическими государственными границами), или *погибнуть* под игом вражеского разграбления. Столетиями вся жизнь определялась борьбой, и страна развивалась в своего рода осадном положении. У государства не существовало возможности заботиться о «прекрасной жизни» (Аристотель); надо было *лишь как-то перебиваться*, управляться, вообще оставаться в живых. Социальная жизнь несла на себе печать нужды и напряженных усилий; и использование самоотверженности индивидуума неизменно доходило до крайности.

В этой колонизаторской работе, шедшей всегда рука об руку с христианской пропагандой, России 250 лет подряд мешало и препятствовало татарское иго (1237—1480 гг.), а следующие 100 лет — повторяющиеся татарские нашествия (1480—1591 гг.)^I. Ведь татарское нашествие всегда означало опустошение страны, увод пленных и крики воронья над трупами погибших. Отсюда неизбежно возникала *наследственная душевная травма*^{II} и склонность к *пессимистически затяжным вложениям в экстенсивное хозяйство страха*; однако здесь не было места чувству *уверенности, здравому сознанию собственника, интенсивному земледелию и свободному правопорядку*. Вся культура страны оказалась очень сильно отброшенной назад, а затем задержанной. Россияне, без сомнения, приобрели в борьбе против татар неисчерпаемую *выносливость* и искусство *выжидания*, способность вести жизнь на самом скромном уровне, каждый раз начинать строительство с нуля, побеждать, уступая, созидательно использовать каждое поражение, не терять мужества в разлуке и собирать силы в несчастье... Но с хозяйствен-

^I Еще в 1591 г. хан Кази-Гирей дошел из Крыма до Москвы, но его нападение было отбито. С Южно-Татарской империей приходилось воевать еще в XVII и XVIII веках.

^{II} Термин психопатологии, примерно то же, что и «рана», означает наличие страдательных аффектов возмущения, неприятия, разочарования, мести и страха, а также инстинкта подражания, и предрасположение души к соответствующей компенсационной реакции.

ной точки зрения эти качества определенно имеют свою опасную оборотную сторону.

Сословный порядок

В начале XVII века положение России было особенно тяжелым. Государство имело дело, с одной стороны, с духовно и хозяйственно расшатанной и политически дезорганизованной страной — трагическим наследием татарских погромов, вечных войн и крупной, развязанной польской стороной гражданской войной (смута 1601—1613 гг.); с другой стороны, оно стояло перед жестокой необходимостью дальнейшей борьбы, несением, распределением и защитой невероятного бремени национальной судьбы и государственности. При новой и еще слабой династии (Романовы, с 1613 года); при дезорганизованной армии и распавшемся государственном механизме; при пустой государственной казне и сократившихся до 4/23 прежней площади пахотных земель государство во что бы то ни стало нуждалось в твердом созидательном строе, ясном обзоре и уверенном расчете своих возможностей. Надо было снова привязать крестьянина к его клочку земли и заново приучить к податям; привязать аристократию к военной и гражданской службе и экономически ее обеспечить; остальные же сословия должны были добавить к этому свою долю деньгами. Короче, в качестве компромисса между *военной нуждой, хозяйством и пространством* (расстояния!) стране был нужен новый свод законов и *твердый сословный порядок*. Этот твердый сословный порядок появился в середине XVII века как своего рода *децентрализованное военное хозяйство*.

Аристократ-помещик, сам пожизненно несший повинность государственной службы, должен был административно управлять доверенными ему государством крестьянами, определять их на хозяйственную работу и ручаться за их выплаты государству, ему принадлежала земля, в которой он не мог отказывать крестьянам; он являлся для своих крестьян заимодавцем и судьей, занимался организацией их хозяйств, получал вознаграждение от их труда, оно было его обеспечением; и, кроме того, нес свою службу управления в войну и в мирное

время. Таков был изначальный смысл «укрепления крестьянства»; укреплялись *все* сословия, но крестьянина считали членом государства, подчиненным другому сословию и исполняющим трудовую обязанность^I. Привилегированное положение аристократии соответствовало ее вечной привязанности к службе и к бремени ее обязанностей, еще более увеличенном Петром Великим. Этот «старый московский порядок», по выражению глубокого либерального историка профессора Ключевского, «был тяжким, но справедливым»; и если мы «думаем о том, как много аристократия делает для всех, то склоняемся к тому, чтобы забыть о тех привилегиях, которыми она пользуется»^{II}.

Крепостное право

Надо выделить еще одно. *Сословное подчинение* крестьян нельзя путать с *крепостным правом*. Сословное подчинение в административном и хозяйственном отношении, в общем, себя оправдало; достаточно отметить, что в руках Петра Великого оно сделалось мощнейшим инструментом всеобщего прогресса; что Россия на этом пути справилась с исторической данностью военной нужды и что общая посевная площадь в стране в течение XVIII века более чем удвоилась. Крепостное право постепенно развилось из сословного подчинения лишь в течение XVIII века⁶⁸, по мере того как аристократ-помещик присваивал себе *полномочия над состоянием и личностью* крестьянина и тем самым, по обычаю, перелицовывал свои *общественные права и общественные обязанности* в «*право собственности*». Однако крепостное право как таковое ни в административном, ни в хозяйственном отношении себя не оправдало: отмененное примерно через 100 лет (1861 г.), оно оставило после

^I Кстати, это сословное подчинение никогда не распространялось на все крестьянство; всегда существовал слой значительно более свободных крестьян, таких, которые подчинялись государству и короне; в различное время этот слой охватывал от 20 до 50% всей численности крестьян. См., например, у Ключевского: Учебник русской истории, т. IV, стр. 180, 428; т. V, стр. 270 и др.

^{II} Ключевский, *opus cit.*, т. V, стр. 141, 115.

себя вредоносный след во всех слоях народа и совершенно губительные пережитки в крестьянском сословии, которые, подобно застарелой ране, были в ходе революционных событий вскрыты и проявились здесь в полную силу.

Твердый сословный порядок был отменен в XVIII веке сначала для аристократов. Из-за недостаточно твердого порядка наследования трона и в условиях борьбы аристократии за свободу своего сословия почти каждое восшествие на трон в XVIII веке сопровождалось государственным переворотом, производимым аристократами; эти так называемые «дворцовые перевороты» каждый раз укрепляли могущество аристократии и все более сокращали могущество царской власти, которое на самом деле принимало почти критический характер. И получилось так, что *аристократия добилась для себя сословной свободы, однако сословное подчинение крестьян окончательно превратилось в крепостничество*. Со времени введения сословного порядка в России произошло два крупных восстания крестьян. Первое, под водительством Степана Разина (1670—1671 гг.), было направлено против государственного бремени вообще и имело уравнительно-анархистскую окраску. Второе, под водительством Емельяна Пугачева (1773—1774 гг.), было направлено против сословного подчинения крестьян и крепостного права и имело уравнительно-монархическую окраску: ведь Пугачев выдавал себя за Петра III, якобы желавшего после освобождения аристократии (1762 г.) освободить и крестьян; достоверно, что Петр III был свергнут с трона своей женой Екатериной II и умерщвлен ее сторонниками (1762 г.); но народ верил, что он жив и что он примет радикальное освобождение из его рук. Оба восстания велись вначале весьма жестоко и весьма жестоко были подавлены.

Последствия крепостного права

Крепостное право просуществовало после освобождения аристократии еще целое столетие (1762—1861 гг.), в течение которого, вопреки всем усилиям царской власти, оно стало гораздо жестче и по содержанию. Несмотря на это кое-кому из благородных и политически

дальновидных мужей (в 1680 г. князь Василий Голицын, в 1720 г. Посошков и в 1760 г. граф Петр Панин и князь Дмитрий Голицын) представлялась целесообразной идея освобождения крестьян. Вред этого строя заключался в том, что у *аристократии он ослабил стимулы к созидательной работе, а у крестьян их затормозил*: свой доход для аристократов значил более, чем процветание собственного хозяйства, и этот доход они отвоевывали, скорее, у крестьян, чем у природы или у пахотной земли^I; но крестьянин *разучился обращаться с собственностью и самостоятельно хозяйствовать и утратил непосредственный интерес к своему труду*. Была как бы отключена тяжкая, но поощряющая и воспитующая власть здорового частного хозяйства и свободного рынка: она искусственно оберегала и тем самым баловала помещика; крепостного же крестьянина лишала влияния. Все это — совершенно независимо от вредного влияния крепостничества в культурном и нравственном отношении. Аграрное хозяйство половины страны было как бы заключено в *искусственную теплицу*^{II}, что, конечно, держало на уровне *примитивного натурального хозяйства* все хозяйство вообще, а также промышленность, товарообмен и транспорт, правовые отношения и общую культуру.

Крепостное право в России было отменено в 1861 году, это произошло мирным путем в результате реформы сверху, на основании высочайшего манифеста царя Александра II^{III}.

Но тому, кто вздумает объяснить это относительное запоздание объективно и прагматически, непременно придется принять во внимание следующее.

^I Ср., например, у Ключевского: *opus cit.*, т. V, стр. 80—137; особенно стр. 107, 117.

^{II} Слово «теплица» должно здесь олицетворять искусственное защитное сооружение, в котором растение (а тут трудящийся в хозяйстве человек) не закаляется, а становится избалованным вследствие слишком большого количества искусственно созданной защиты и забот.

^{III} То есть примерно на 30—50 лет позднее, чем в Германии.

Его запоздалая отмена

Русская культура исторически возникла на неокультурной восточной равнине лишь тысячу лет назад; она не могла наследовать ни римского предшества, ни римского права; не было у нее и средневековья, и она не могла воспользоваться частноправовыми элементами. Из этого возникло лишь стихийное, и к тому же, как уже сказано, в своем развитии прерванное и сдерживаемое правосознание, или инстинкт частной собственности, лишенный культурного начала; запоздало и образование (первый университет в Москве был основан лишь в 1755 году). Все это в уже выше описанных тяжелых обстоятельствах национальной борьбы народу надо было как-то наверстать. Время торопило во всех областях, а ускоренное наверстывание вообще не может происходить под принуждением.

Уничтожение крепостного права должно было стать огромной, глубочайшей и всеподрывающей реформой: народ в хозяйственном отношении следовало отдать под влияние свободного рынка, т. е. интернационального рынка, в правовом отношении предоставить свободному буржуазному правовому сознанию, а в политическом отношении подвести к самоорганизации и самоуправлению. Однако реформируют, организуют и ведут государство всегда и повсюду его образованные слои. Но было ли у образованного слоя в тогдашней России (1750—1850 гг.) (хотя бы численно) достаточно *сил*, чтобы начать грандиозную реформу? Была ли вообще возможна эта реформа *без* интеллигенции или вопреки тогдашней интеллигенции? Может быть, надо было, чтобы тогдашняя интеллигенция сначала была разбужена, приведена в сознание и воспитана Сперанским, Карамзиным, Жуковским, Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Лермонтовым и Белинским? Обнаружились ли уже тогда *хозяйственные недостатки* сословного порядка и в чем они выражались? Могли ли помещики в тогдашних условиях *зернового рынка* обойтись без *дармовой работы* крепостных в то время, как многие страны в Западной Европе все еще прибегали к подневольному труду? Был ли уже устранин унаследованный хаос в законода-

тельстве? Существовал ли уже законодательный аппарат, пригодный для такой реформы? Завершилась ли уже эпоха консолидирующих войн? Справились ли уже с печальным состоянием государственных финансов?

Радикально настроенная группа высшей аристократии, в последний раз предпринявшая неудачную попытку государственного переворота при восшествии на трон Николая I («декабристы», 1825 г.), собиралась освободить крестьян без обеспечения их землей, откуда в лучшем случае могла бы получиться пролетаризованная страна без промышленности¹ и аристократическая республика заговорщиков, а в худшем — всеразрушающее восстание и новая гражданская война. Пушкин и Гоголь были совершенно правы, утверждая, что осуществить верную отмену крепостного права может лишь неограниченный монарх (что вправду и произошло через 25 лет). Но была ли царская власть последней половины XVIII и первой половины XIX века (подорванная мятежами против нее 1725, 1730, 1740, 1741, 1763, 1801 и 1825 годов) достаточно сильна, независима от сословных интересов и превышает сословных интересов, для того чтобы провести такую грандиозную реформу в верном государственном разумении? Чтобы свободно противостоять далеко идущим притязаниям аристократии, настроенной на заговоры и собственную корысть, российской царской власти надо было еще пройти период эмансипации; сама аристократия должна была бы в государственно-политическом и культурном отношении *дорасти* до того, чтобы повести и устроить освобождение крестьянства. Историки установили, что царь Николай I (1825—1855 гг.) хорошо понимал нравственную и политическую необходимость этой реформы и подготавливал ее (созыв комитета в 1826, 1835, 1839, 1840, 1846, 1848 и 1849 гг.), причем он собирался дать крестьянам землю; он описывал крепостное право как своего рода рабство; он называл его «принципом зла» и жаловался на свое государственное и политическое одиночество.

¹ Российская промышленность как хозяйственно значимый фактор культуры датируется лишь с 80-х годов XIX столетия.

Тем временем крепостное право с его большими последствиями и сопутствующими явлениями просуществовало до 1861 года и укрепило в душе масс, во-первых, *комплекс чувств бесправного и обойденного человека*; во-вторых, *экономическую установку вполноту заинтересованного и довольно безответственного арендатора*¹; и в-третьих, *предрассудок*, будто бы Россия имеет *невероятный запас земель, пригодных для пахоты*, и *весь этот запас находится во владении помещиков* (количественное толкование аграрного кризиса). Этот укоренившийся менталитет крестьян приводил далее к постоянным тяжким последствиям и нашел выход в революционной экспроприации.

Освобождение крестьян

Злополучная война 1854—1855 гг. (Крымская война) стала публичной проверкой для всего социального и политического строя общества и внезапно обнажила все недостатки системы. Час пробил: экзамен не был выдержан. Новый император Александр II (1855—1881 гг.) мог приняться за дело, ибо страна располагала запасом разума. За несколько лет Россия получила: отмену крепостного права; отмену телесных наказаний; новую организацию местного самоуправления; новое городское управление; новое судопроизводство, одно из лучших в мире; и всеобщую и равную воинскую повинность. Был устранен твердый сословный порядок.

Ко времени реформы в России насчитывалось примерно 10,5 миллиона зарегистрированных крепостных крестьян (так называемых «ревизских душ» мужского пола); около 1,5 миллиона крестьян принадлежало царской династии и предназначалось для содержания некоронованных особ царской семьи; и примерно 10 миллионов крестьян считались государственными. Все они были освобождены и получили землю (так называемый «надел»).

Все крестьяне бесплатно получили личную свободу, но были объединены в особое социальное сословие, сохранившее особую организацию и судопроизводство,

¹ Эта установка особенно поддерживалась и подкреплялась также институтом землевладельца — деревенской общиной.

находившееся под определенной опекой особых чиновников, но получившее и некоторые сословные привилегии (ограниченная долговая ответственность, неотчуждаемость земельного надела, право общины на остракизм и т. д.).

Прежние крепостные получили в среднем по 3,2 десятины^I на душу или почти 10 десятин на семью. Государственные крестьяне получили почти вдвое больше, т. е. примерно по 6 десятин на душу и почти 18 десятин на семейное хозяйство^{II}. Крестьяне династических поместий получили почти в полтора раза больше бывших крепостных. Чтобы умиротворить последних, помещикам пришлось отдать почти треть своих земель, что составило тогда около 35 миллионов десятин. Были губернии, в которых крестьянский надел стал больше прежнего, а также такие, где крестьяне потеряли некоторую часть пахотных земель. Потеря составила в общем не более 4% прежней доли.

Помещики получили от государства возмещение за отданную землю, а крестьяне должны были выплачивать государству выкуп, рассчитанный на долгий срок. Цена за землю, положенная в основу и рассчитанная по десятинно, была несколько выше рыночной. Выплата выкупа была в январе 1907 года добровольно прекращена государством. Государственные крестьяне оказались в более выгодном положении.

Деревенская община

Вся эта реформа означала прежде всего *освоение связей и законов частного хозяйства и всемирного рынка для всей страны*, и, следовательно, *капитализма*, уже до-

^I Один гектар составляет девять десятых десятины.

^{II} См. книгу компетентного специалиста Б. Бруцкуса «Аграрное развитие и аграрная революция в России» (Институт Восточной Европы в Бреслау). Составленный коммунистический учебник называет для соответствующих категорий крестьян 3,5 и 5,9 десятины. См.: Чернышев. Сельское хозяйство довоенной России и СССР, стр. 26—32. Превосходный знаток вопроса проф. А. И. Чупров дает сведения в среднем о 4,8 десятины на душу. См.: Мелкое земледелие и его основные нужды, Берлин, 1921 г., стр. 96, на русском.

стигшего в то время в Западной Европе большого прогресса. Но для того, чтобы в определенной мере предотвратить возможный хаос *хозяйственной индивидуализации и пролетаризации*, землю предоставили не в частную собственность каждому отдельному крестьянину, а передали *в коллективную собственность всей общине*. Пастбища, поляны и леса в общинах чаще всего не распределялись, но пахотная земля была распределена по душам и по домам, и каждый двор одной семьи становился *пользователем* своего надела, без права наследования, до нового передела земель в общине. В своих поборах и обязательствах община по-прежнему скреплена *взаимным поручительством*, что значительно облегчает управление и взимание сборов, однако также навязывает членам общины взаимный контроль. Этот *административно-фискальный «коллективизм»* имел в хозяйственном отношении определенные приспособленческие преимущества, но обладал и значительными национально-экономическими недостатками: возможностью нового передела земельных наделов отдельных дворов, а именно — после напряженной внутренней борьбы за справедливость передела *увеличивал хозяйственное пространство общины и всей страны и до определенной степени сдерживал скорую пролетаризацию*; с другой стороны, этот порядок *привязывал* все земледелие к *экстенсивному трехпольному хозяйству*, *затруднял свободную инициативу и развитие здорового инстинкта частной собственности* и поощрял возникновение *относительно аграрного перенаселения*¹. Короче, общинная собственность, держащая в плену около 80% крестьянства, хотя и предотвращала некоторый ущерб, однако затрудняла хозяйственный прогресс земледелия и, таким образом, всей страны. Это опять было *своего рода хозяйственной теплицей*, отвечавшей определенным целям управления и национально-консервативным соображениям, но *искусственно отодвигавшей* неизбежный

¹ Ср. основополагающий труд проф., д-ра В. А. Косинского «Основные тенденции мобилизации земельной собственности» (Прага, 1925).

частнохозяйственный и капиталистический процесс дифференциации и поддерживавшей опасную иллюзию, что население, скапливающееся в деревне, на самом деле размещено по-хозяйски. Все старания правительства империи устранить вредные последствия права сельской общины¹ оставались лишь паллиативом. В данных условиях интенсивное, богатое крестьянское хозяйство не могло расцвести в достаточной степени, и искусственная теплица просуществовала еще 45 лет (с 1861 до 1906 года).

Удивительно было наблюдать, как все партии, придерживавшиеся левых взглядов в дореволюционной России (за исключением социал-демократов), систематически боролись за права сельской общины, толкуя весь этот институт как явление «самобытного» аграрного социализма, как олицетворение национального чувства справедливости, как зародыш будущего счастья и как сильнейшее противоядие против подкрадывающегося капитализма. «Господствующее» общественное мнение склонялось к сентиментальным иллюзиям, к реакционному утопизму и количественному истолкованию аграрного кризиса.

Дальнейшее хозяйственное развитие страны характеризовалось тремя тенденциями: во-первых, появлением капиталистического личного хозяйства; во-вторых, медленным распадом и медленной гибелью крупного помещичьего хозяйства; и, в-третьих, увеличением относительного перенаселения в деревне и неуклонным стремлением экстенсивного крестьянского хозяйства к увеличению своих пахотных земель.

Зачатки капитализма

Первая тенденция сама по себе возникла из великой реформы. Высвободилась личная инициатива; государственное возмещение помещикам принесло на ры-

¹ Я имею в виду, например, закон от 1886 года об ограничениях семейного хозяйственного распределения у крестьян; закон 1893 года о — самое малое — 12-летнем сроке между перераспределением земель в общинах; закон об отмене взаимной поруки в сельской общине и т. д.

нок свободные денежные капиталы; внутреннему и иностранному капиталу открылось широкое поле деятельности для строительства железных дорог. За почти 15 лет (1861—1876 гг.) частным капиталом было проложено более 20 000 км железных дорог; 50 лет подряд Россия ежегодно строила по 1387 км железных дорог. И вот в стране царит огромное оживление. В 80-х годах начинается мощный рост русской промышленности. В 90-х годах берутся за строительство большой Сибирской железной дороги (более 600 км); в том же десятилетии начинается промышленный расцвет Донецкого бассейна. Делает успехи банковское дело. Осваиваются нефтяные залежи на Кавказе. Вырастают ввоз и вывоз. Создается твердая и надежная золотая валюта. Вся страна делает вздох облегчения и переживает подъем молодого капитализма¹.

Гибель помещичьего хозяйства

Параллельно этой капиталистической тенденции, однако стимулируемый ею, идет процесс распада и гибели аристократического помещичьего землевладения. Этот процесс начался еще до великой реформы, ибо официальная статистика 40-х и 50-х годов (1836—1858 гг.) отмечала явное преобладание средних земельных владений над латифундиями. Великая реформа разрушила основы автаркического, замкнутого натурального хозяйства, и теперь дело было за *обменом* и *рынком*. На бесплатную барщину рассчитывать более было нельзя; государственные земельные кредиты были остановлены (до 1885 года). Землевладению приходилось перестраиваться, это давалось ему с трудом и выбросило на рынок много земли. Второй сильный удар нанес землевладению крупный аграрный кризис девяностых годов и со-

¹ Относительная скромность этого русского капитализма ярко проступает, когда рассчитываешь по Войтинскому («Мир в цифрах», т. 1) умеренный годовой доход в 3000 марок, притом учитывая, что в Соединенных Штатах в 1910 году более высокий доход имело 47% населения, в Англии 12,5%, в Пруссии 6%, а в России лишь 1,2% населения. И в отношении народного богатства и народного дохода на душу населения Россия была на *последнем месте*.

ответственное падение цен на зерно, которые особенно сильно ударили по среднему землевладению и хозяйственно слабым единицам. Особенно сильно подстегнули этот процесс крупные волнения крестьян в 1903—1906 годах, сопровождаемые поджогами и разграблением имений; левые партии энергично выступали за идею безвозмездного массового отчуждения пахотных земель, и земельный рынок отмечал превосходное оживление.

В ходе этого процесса мобилизации медленно, но уверенно возник *тип интенсивного землевладения*, ориентированного на новую экономику. Помещичьи землевладения постепенно отчуждались и резко сократились количественно; а то, что осталось, подверглось качественной консолидации. Это видно по тому, что, например, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года, помещики обрабатывали 11% всех пахотных земель^I, поставляли с них 32% общего количества зерна и на 48% покрывали потребности внутреннего и внешнего рынка; крестьяне же обрабатывали 89% посевных площадей, поставляли 68% общего количества зерна и покрывали 52% рыночных потребностей^{II}.

Перенаселенность деревни

Третья тенденция характеризовала развитие крестьянского хозяйства. В России вообще наблюдался высокий прирост населения, в среднем 17 человек на тысячу в год (1,7%). Соответственно население в деревне в 1861—1900 годах выросло с 50 до 86 миллионов человек, т. е. на 72%. Но так как «земельные наделы» как таковые прирастать не могли, то в 1900 году на одного человека приходилось всего 0,58% прежнего «земельного надела». Однако экстенсивное трехпольное сельское хозяйство продолжало существовать, что в среднем делало 36% пахотных земель в год пустырями^{III}. *Широкое пространство сослужило свою опасную службу в хозяйствовании деревенской общины и распространилось*

^I Данные по 49 губерниям европейской части России.

^{II} См. подборку графа А. А. Салтыкова в его предисловии к книге Менделеева «К познанию России» (Мюнхен, издательство «Милавида», 1926, на русском).

^{III} Ср. проф. А. И. Чупров. *Op. cit.*, стр. 96—97.

далее. Отсюда возникала относительная перенаселенность в деревне и *стремление крестьян к расширению своих пахотных земель*: все чаще запахивались луга и пастбища. Требовалось откупить у помещиков оставшиеся земли, что и происходило ускоренными темпами. Этот выкуп соответственно поощрялся правительством (создание Крестьянского банка), и все судорожное движение 1903—1906 годов сумело лишь сбить цены на землю и еще больше ускорить темп. Русские национальные экономисты подсчитали в первые годы столетия, что через 30—40 лет в России вообще больше не будет поместий. Было также указано, что полное уничтожение землевладения как капиталистического возделывания земли окажется не в состоянии решить эту проблему: каждые следующие 10—20 лет в данных обстоятельствах будут приводить к той же перенаселенности в деревне.

Под массовым внушением со стороны крестьян всю проблему и нужду характеризовали как *«недостаток земли»*. Между тем уже и тогда раздавались трезвые голоса, указывающие на то, что Россия в среднем имеет *«довольно много земли»* на душу *всего* населения, например, больше, чем Франция, Англия, Германия и Бельгия; только эта на самом деле имеющаяся площадь, рассчитанная на душу *чересчур многочисленного сельскохозяйственного населения*, кажется меньше; и что в России *«земля распределена для крестьян благоприятнее, чем в других странах»*¹. Для того чтобы распутать весь этот узел, России нужна новая *«эмансипация крестьян»* и проницательный, обладающий сильной волей государственный муж. И тут появился Столыпин (бывший премьер-министром в 1906—1911 гг.). Он отверг *количественный взгляд* на аграрный вопрос и встал на *качественную точку зрения* о необходимости второго освобождения крестьян.

Реформа Столыпина

Главная идея Столыпина была такова. Россия должна вырваться вперед, к здоровому, стремящемуся к

¹ Ср. книгу социал-демократа П. Маслова «Аграрный вопрос в России» (1908, т. I, стр. 201—209).

частной экономике государству; ей не нужно бедное и слабое крестьянское сословие, ослабленное опекой деревенской общины, напротив, ей нужен *сильный, зажиточный и свободный землепашец*. Необходимо залечить исторически унаследованные *душевные раны крестьянина*, к которым относятся искалеченный инстинкт собственника, шаткое правосознание, склонность к робкому инвестированию, экстенсивному боязливому хозяйствованию и т. д. Крестьянину требуется окончательное *гражданское и общественно-правовое равенство и включение в общую государственность*; его надо включить в правовопорядок в качестве равного правового субъекта. Во-вторых, ему требуется *свобода хозяйствования*, отсутствие препятствий для его созидательной *частной инициативы и интенсивной агрикультуры*. Деревня должна пройти *дифференциацию*; искусственно сохраняемое парцеллярное хозяйство⁶⁹ не может ни помочь себе, ни послужить стране в целом. Короче, необходимо освободить жизнеспособный элемент в сельском хозяйстве и содействовать ему; нежизнеспособному придется покинуть деревню, ему надо будет найти иное применение. Хотя выкупу земли нельзя было бы воспрепятствовать, спасения ожидать отсюда не приходилось. Единственный путь, на который следовало вступить, означал *свободный выход из деревенской общины, переход к частной собственности и личной инициативе, систематическую очистку угодий, содействие и создание самостоятельных хуторов, широкую колонизацию Сибири и дешевые земельные кредиты* для крестьян. Аграрный вопрос мог быть решен, таким образом, лишь в совокупности с общим расцветом производительных сил страны¹.

В ноябре 1906 года вышел столыпинский закон о свободном (однако организационно регулируемом) выходе из крестьянской общины. К этому времени в России^{II} насчитывалось около 11 900 000 крестьянских подворий с примерно 118 721 000 десятин «земельных наделов»; среди

¹ Ср. основную идею Столыпина с диагнозом и требованиями названного выше демократа П. Маслова: Opus. cit., стр. 208—209.

^{II} Данные по 50 губерниям европейской части России.

них 67,8% крестьянских подворий и 82,7%^I земельных угодий, принадлежащих крестьянским общинам^{II}. Уже в первые годы благодаря этому закону среди крестьян возникло большое движение; они хотели *свободного хозяйства на собственной земле* и заявляли о *выходе из сельской общины*. Часть выходящих из общины крестьян стремилась к консолидации своих разбросанных угодий, чтобы, не покидая деревни, стать свободным земельным собственником. Еще одна часть хотела выйти из общины и вести собственное хозяйство на хуторах. Уже в течение первых пяти лет о своем выходе из сельской общины объявили 3 миллиона крестьянских дворов (т. е. примерно 25%). В начале 1916 года это число увеличилось до 6 174 500, или до 47% от общего числа крестьянских дворов^{III}. К 1 января 1916 года компетентные ведомства отмечали следующие достижения в труде: а) объединение в частную собственность разбросанных угодий — около 17 миллионов десятин; б) выделение крестьянам, вышедшим из общины, для образования хуторов 12,7 миллиона десятин; в) кроме того, крестьянам были еще выделены земли из наделов и что-то они прикупили сами — всего примерно 4 миллиона десятин. Более 35% земельных наделов были в течение 9 лет выведены из юрисдикции сельской общины. Здесь интересно отметить, что Ленин еще в 1912 году описывал всю эту реформу как «абсолютно необходимый разрыв» и как «уничтожение остатков крепостного права»^{IV}. Только ему очень хотелось, чтобы этот разрыв был произведен в духе революционной «национализации» крестьян^V. И уже в 1925 году одному советскому ученому пришлось признать, что «в научно-эконо-

^I Здесь не имеется в виду земля, прикупленная с 1861 года.

^{II} См. у А. Кофода, одного из лучших знатоков вопроса: Русское землеустройство, Санкт-Петербург, 1914, стр. 15, на русском.

^{III} См. у проф. Косинского: Основные тенденции, стр. 11.

^{IV} Ленин. Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 148, на русском.

^V Ленин. Аграрная программа социал-демократической партии, стр. 83, на русском.

мическом отношении» столыпинская реформа имела прогрессивное значение^I.

Народное хозяйство за последние 25 лет

Если, прежде чем обратиться к сельскохозяйственной политике коммунистов, мы попробуем подвести итог последних 20—25 лет довоенного хозяйства России, нам придется отметить следующее^{II}.

В период 1894—1914 годов в экономике и культуре России отмечалось следующее движение (округленно и частично в средних величинах за 1891—1895 годы и с 1911 по 1914 год): прирост населения — 40%; урожай пшеницы (в европейской части России) — 78%; коневодство — 37%; крупный рогатый скот — 64%; каменный уголь — 300%; марганцевая руда — 364%; выплавка меди — 375%; выплавка чугуна — 250%; нефть — 65%; золото — 43%; соль — 42,5%; сахарная свекла (посевные площади) — 50%; сахар — 245%; хлопок (посевные площади) — 350%; хлопок (сбор) — 388%; железнодорожная сеть (в километрах) — 103%; телеграфные линии — 68%; торговый флот (тоннаж) — 59%; золотой фонд государства — 146%; годовой бюджет министерства культуры — 628%; число студентов — 180%; число гимназистов — 227%; число учащихся народных училищ — 96%; вывоз (прежде всего продовольствие и сырье) — 150% (стоимостью в 1600 миллионов золотых рублей); ввоз (прежде всего фабричные изделия) — 150% (стоимостью в 1160 млн. золотых рублей, в их числе на 500 млн. из Германии).

Это означает, что экономическое благосостояние России, национальный доход и капиталы страны не только гигантски растут, причем в абсолютной степени, но и *значительно опережают рост населения*. Надо бы еще упомянуть твердую золотую валюту; активный торговый баланс; относительную отсталость промышленности и вместе с тем огромный индустриальный прогресс; и вызванное реформой и идущее полным хо-

^I Карпов. Аграрная политика Столыпина. Ленинград, стр. 147—151.

^{II} Ср. цифры из объективного и нейтрального, но хорошо осведомленного английского источника: The Statesmen Yearbook.

дом преобразование сельского хозяйства. Пролетариат насчитывал не более 7% экономически самостоятельных хозяев^I, причем даже эти 7% еще не потеряли связей с перенаселенной деревней и почти все они обладали мелкобуржуазным менталитетом.

Сельскохозяйственная перепись 1916 года

В 1916 году в России была проведена последняя точная сельскохозяйственная перепись. Следующую неоспоримую подборку по вопросам землевладения, а именно по вопросу пахотных земель, дает один из лучших исследователей.

В европейской части России^{II} имелось *общественное землевладение* (государство, апанаж⁷⁰, монастыри, церкви, города, Государственный Крестьянский банк) и *частное землевладение*. Земли, находящиеся в общественном владении, составляли всего 5,5% земель, находящихся в частном землевладении.

Пахотные земли *частного землевладения* распределялись следующим образом: 154 729 035 десятин находилось в мелком землевладении^{III} у всех сословий^{IV} и 41 767 782 десятины — в так называемом капиталистическом землевладении^V. Иными словами, трудящиеся мелкие землевладельцы имели 78,74% всех посевных земель частного землевладения, а в капиталистическом землевладении находились остальные 21,26%.

Приводя эти цифры, профессор В. Косинский так комментирует их: дореволюционная «Россия сильнее измельчила свое землевладение, чем любая иная страна в мире»^{VI}.

^I В противоположность этому, например, в Англии 77%, в Швейцарии 66%, в Австрии 63%, в Германии 61%, во Франции 48% и т. д. См. у Войтинского: Мир в цифрах, т. I.

^{II} В Сибири вообще не было крупного землевладения.

^{III} Это значит не более 50 десятин на хозяйство; для России — доля хозяйства одной трудовой семьи.

^{IV} Исследовать и подсчитывать хозяйственную дифференциацию по «сословиям» после 1861 года является научной ошибкой.

^V Более 50 десятин на одно хозяйство, т. е. невозможно обойтись без батраков и наемных работников.

^{VI} Ср. его главный труд: Основные тенденции в мобилизации земельной собственности, Прага, 1925, стр. VIII—IX, 308—309.

Из округленно 155 миллионов десятин, находящихся в мелкой собственности, более 70 миллионов десятин являлось в 1916 году *частной собственностью* крестьян; остаток все еще принадлежал сельской общине^I.

Притом что точнейшие расчеты современной научной статистики оценивают общую площадь земельных наделов в 1861 году примерно в 119 миллионов десятин^{II}, а общую площадь земель мелких собственников в 1916 году^{III} примерно в 155 миллионов десятин^{IV}, основная тенденция за 55 лет становится совершенно ясной.

В сельском хозяйстве происходил мощный *процесс декапитализации*, или, если хотите, *экономической демократизации земледелия*. Принцип принадлежности к сословию в сильной степени утратил свое значение, существовали уже не только зажиточные крестьяне, но и крупные землевладельцы — выходцы из крестьянского сословия; и наряду с ними много дворянских парцеллярных хозяйств. Жестокие законы производства и конкуренции вызвали ускоренную новую дифференциацию и большое переустройство в распределении крупного землевладения: неприспособленным к жизни пришлось постепенно уйти и уступить место интенсивному ведению хозяйства. Страдания слабых были в определенной степени неизбежны; однако защитой от нужды и обнищания стал общий хозяйственный подъем в стране. Ибо *декапитализация сельского хозяйства была следствием и сопутствующим явлением прогресса капитализма в остальном народном хозяйстве России*.

Мировая война 1914—1918 годов хотя и принесла некоторые серьезные трудности национальному хозяйству, но нужда и нищета начались повсюду в России лишь с революцией.

Вся революция в своем развитии распадается на три разных периода: так называемый «военный коммунизм» — 1917—1921 гг.; так называемая «новая эконо-

^I Косинский, *Opus cit.*, стр. IX.

^{II} См. у Кофода *opus cit.*, стр. 14.

^{III} Не включены лесные площади.

^{IV} Косинский. См. журнал «Русский колокол», Берлин, № 4, стр. 27.

мическая политика» (НЭП) — 1922—1928 гг.; и возвращение полного коммунизма (так называемый «пятилетний план» — 1929—1930 гг.

«Военный коммунизм»

Первый период характеризуется всеобщей экспроприацией, гражданской войной, новым переделом земли, инфляцией, развалом обобщественной промышленности и железных дорог и, наконец, продовольственной войной коммунистов с крестьянами. Коммунисты верили тогда в моментальный крах всего буржуазного мирового хозяйства и скорое распространение революции; они опьянялись «удавшимися» путчами в Баварии и Венгрии и стремились победоносно довести до конца гражданскую войну в России. Экспроприированная промышленность все более стопорилась, так что — по собственным расчетам Ленина — могла производить в среднем лишь 6% довоенного количества продукции¹. По-новому организованный аппарат ЧК работал с полной разнузданностью. Единственным источником финансирования были бумажные деньги; голодающий город бежал в деревню^{II}, но, кроме обесцененных бумажных денег, деревне дать ничего не мог.

Для деревни это было время так называемого «черного передела». Вся земля соответственно декрету была национализирована и, за исключением так называемых «государственных хозяйств», подлежала безвозмездному распределению. Еще в 1917—1918 годах много хозяйств разграбили; остальные же — те, что не были превращены в государственные хозяйства, распустили. Чтобы кормить город с его парализованной промышленностью, Красную Армию и Коммунистическую партию,

¹ Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 444. По сравнению со 100% средних годовых показателей 1911—1914 годов год 1920-й принес коммунистам: каменного угля — 24%, железной руды — 1,4%, чугуна — 0,3%, меди — 0%, золота — 2,6%, платины — 7,7%, серной кислоты — 3,8%, хлопка — 5%, льна — 8%, льняной пряжи — 24%, спичек — 16%, бумаги — 13% и сахара — 6,9%.

^{II} В 1918—1920 годах Москва потеряла 45% жителей, Петербург — 71%, Ярославль — 43% и т. д.

коммунистам пришлось прибегнуть к насильственному добыванию зерна и продовольствия. Конфисковывалось все, что коммунистические продотряды считали «излишками», конфисковывалось просто так, зачастую безвозмездно, по продразверстке, заранее определенной для района и деревни. Крестьяне защищали свою жизнь; произошла война за продовольствие, кровью и пожарами бушевавшая по всей стране и заставлявшая крестьян значительно сокращать посевные площади. Они старались ограничиться лишь удовлетворением собственных потребностей. Так, посевные площади составляли в 1922 году лишь 76% довоенных.

Год 1920-й был последним годом гражданской войны. Советское правительство овладело всеми спорными территориями и получало зерно из Сибири и с Кубани, хлопок из Туркестана и нефть из Баку. Но дыра в мешке была уже столь велика, что за несколько месяцев все как будто исчезло. Катастрофа началась в 1921 году: неурожай на востоке, на Волге и на юге. А после продовольственной войны опустели склады, где хранились запасы на засушливые годы — совершенно необходимая защита для территорий, подверженных засухе (Иосиф и фараон!)⁷¹. И пришла голодная нужда: целые губернии питались мхом; целые районы вымирали от голода и сыпного тифа; были места, где варили и ели трупы... Вся страна рухнула и переживала невиданное обнищание.

Период НЭПа

Второй период, с 1922 по 1927 год, характеризовался определенными уступками частнохозяйственным элементам и крестьянскому морю. Как следствие этого, в хозяйстве крестьян, в товарообмене, в промышленности, в импорте и экспорте наступило медленное выздоровление. Однако *высвободить* частную инициативу эти уступки могли лишь в той степени и лишь постольку, поскольку коммунизм мог ее использовать: было сказано — революции нужна передышка; надо было отпустить, чтобы хорошо приглядывать и ущемить снова. Коммунистическая программа оставалась на веки веков и для всего мира; она какое-то время чувствовала себя

вынужденной из тактических соображений пойти на уступки^I. «Мы должны считаться с личными интересами крестьян»^{II}, говорил Ленин, эти «личные интересы приведут к подъему производства»^{III}; «свободный сбыт — инициатива, стимул и толчок для крестьянина...»^{IV} «Отступление — единственное средство для того, чтобы выбраться из отчаянной нужды»^V. Но «это отступление продлится лишь до той поры, пока мы не научимся, пока мы не будем готовы *вновь начать уверенное наступление*»^{VI}.

Годы НЭПа принесли крестьянам целый ряд облегчений. Отчуждение продуктов питания было заменено единым, прогрессивным сельскохозяйственным налогом; зерно скупалось по твердым ценам; новый аграрный кодекс (1922 г.) зашел даже так далеко, что крестьянам (по меньшей мере, на бумаге) было предоставлено право выхода из общины и найма батраков. Крестьяне, в особенности середняки, с которыми обращались тогда более снисходительно, облегченно вздохнули и принялись латать дыры в своем хозяйстве и на частнохозяйственном пути проявлять по отношению к коммунистическому государству и новым нападкам с его стороны *лояльное упрямство*. Наступила передышка.

Период НЭПа продлился примерно до 1927—1928 года. С 1928—1929 года началось новое наступление. Прежде чем дать краткое описание этого наступления, мы по аутентичным источникам попытаемся подвести революционный итог жизни русского крестьянина за 1927—1928 годы^{VII}.

Революционный итог жизни крестьянства

За 10 лет коммунистической революции русское крестьянство отмечает следующие завоевания.

^I Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 2, стр. 38 и др.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 377, 440.

^{III} Там же, стр. 370.

^{IV} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 146.

^V Там же, стр. 159, 167 и др.

^{VI} Там же, стр. 408 и др.

^{VII} Точный анализ революционной дифференциации крестьян см. в статье М. Критского.

1. *Бесплатная прибавка земли.*

Прибавка была совершенно ничтожной: она не превышала 2/5 десятины на душу^I; количество, разумеется, разочаровавшее крестьян. Распределена была почти вся земля: частные угодья, государственная земля, апанажи и т. д.^{II} Госхозы сохранили в 1925 году в общем не более 2 300 000 десятин^{III}. У бывших помещиков, там, где они смогли еще выжить, остались крохотные земельные участки, которые они обрабатывали своими руками.

2. Были аннулированы все земельные долги помещикам, банкам, государству, обладателям ипотек. Тем самым погибли и все правооснования прошлого. Был совершенно ликвидирован принцип частной собственности^{IV}; пришел конец и непоколебимости и надежности собственности; *все стало зыбким.*

3. Крестьяне получили некоторую часть живого и неживого *инвентаря* из обобществленных поместий; правда, небольшую, ибо что-то было уничтожено во время разграбления, а другое было передано госхозам, позднее коллективным хозяйствам и т. д.

Тем самым с активной частью итога было покончено. Пассивная же часть представлялась в 1927 году следующим образом:

1. Огромные потери купленных пахотных земель.

Помещики, как было уже установлено, потеряли около 40 миллионов десятин^V. А у зажиточных крестьян было безвозмездно обобществлено до 50 миллионов де-

^I Это подсчеты хорошо информированного коммуниста Книповича для 29 губерний европейской части России; так-вы же расчеты, сделанные по аутентичным источникам проф. Бруцкусом (цит. соч.); проф. А. Марков оценивает прибавку еще ниже.

^{II} Чернышов, цит. соч.; стр. 51.

^{III} Лежнев-Финковский. Совхозы и колхозы, Москва, 1928, стр. 4.

^{IV} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 378: «Мы отменили частную собственность на землю»; остается как бы одна аренда. «Земля принадлежит государству». См. также т. XVIII, ч. 2, стр. 89.

^V См. у Молотова: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1050—1051.

сятин^I. В «черный передел» были брошены также земли хуторов (21—83%) и земли, самостоятельно купленные отдельными крестьянами (40—69%)^{II}. Частичному обобществлению иногда подвергалось *каждое* крестьянское хозяйство, владеющее более чем 10 десятинами земли. Уже в 1919 году почти не было крестьянских хозяйств, имевших более 10 десятин посевных земель^{III}. В 1924 году лишь 6% крестьянских хозяйств имело более 6 десятин посевных земель. Это означает, что от «черного передела» сильно пострадал и был обобществлен слой зажиточных крестьян. Или, как выразился Ленин, «мы создали мелкое и самое мелкое крестьянство»^{IV}.

Отсюда следует, что революция не освободила крестьянина ни от относительного перенаселения, ни от «недостатка земли». Положение, напротив, еще более обострилось. В 1924 году советское правительство провело в 12 разных, но типичных губерниях сельскохозяйственную перепись и установило, что среднее обеспечение одного крестьянского хозяйства пахотной землей в 1924 году стало хуже, чем было в 1905 году: тогда средним количеством были примерно 8,5 десятины, теперь (1924 г.) — лишь 7,4 десятины. «Итак, — написано в отчете дословно, — результат аграрной революции и ликвидации помещичьего землевладения заключается в том, что крестьяне-середняки хуже снабжены землей, чем 19 лет назад».

У этого результата несколько причин: во-первых, в первые годы революции крестьяне обязаны были также предоставить земельные наделы сбежавшим из города местным полупролетариям (в 87% деревень)^V; во-вторых, в стране отмечался огромный — не менее 2—2,5 миллиона в год — прирост населения; и в-третьих, высокое нало-

^I Ср. обзоры тогдашнего комиссара по сельскому хозяйству Смирнова, «Известия» от 03.11.27 г.

^{II} Чернышов, цит. соч., стр. 52; ср. у Молотова: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1051.

^{III} До революции таких было до 11%; после революции в 25 губерниях насчитывалось всего 1,51% подобных хозяйств.

^{IV} Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 125.

^V Чернышов, цит. соч., стр. 52.

гообложение крестьян и процесс индивидуализации, возникший в ходе революции, вызвали у отдельных хозяйств *тягу к внутреннему распределению*^I, — число крестьянских хозяйств выросло с 16 миллионов (1916 г.) до 24 миллионов (1927 г.), т. е. на 50%^{II} (в 1930 г. — более 26 миллионов) и т. д.

2. Крестьяне по причине революционной инфляции потеряли все свои сбережения. Сумма крестьянских сбережений к 1 января 1914 года достигла 427 миллионов золотых рублей; к 1 января 1926 года она составила немногим более 2 миллионов советских рублей^{III}.

3. Гражданская война, эпидемии, продовольственная война, голодные годы и террор потребовали от деревни бесчисленных человеческих жертв. Известный своим революционным оптимизмом советский статистик^{IV} подсчитал, что с 1914 по 1920 год русская деревня потеряла более 10 миллионов мужчин и около 4 миллионов женщин^V. Сюда надо прибавить жертвы голодных лет (1921—1922 гг.), количество которых советская статистика оценивает в 5,2 миллиона человек.

4. Важное место пассивной части итога образует всеобщее революционное обнищание крестьянства. Еще Ленин отметил (1922—1923 гг.), что «крестьянство переживает ужасную разруху» и что «производительность труда народа стала теперь значительно ниже, чем была до войны»^{VI}. С тех пор коммунистами приводились следующие наблюдения и расчеты.

Общий доход сельского хозяйства на душу крестьянина равнялся в 1913 году 113 рублям; а в 1926 году —

^I См. Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1187.

^{II} См. доклад Молотова на XV съезде партии: Стенографический отчет, стр. 1066.

^{III} «Экономическая жизнь» от 30.10.1926 г., доклад Рыкова. Здесь надо учитывать покупательную способность советского рубля.

^{IV} Огановский. См.: «Экономическое обозрение», октябрь 1927 г.

^V По точным данным военной статистики, число жертв мировой войны не превышало 2,5 миллиона человек из всех сословий.

^{VI} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 13, 125.

83 рублям, что составляет таким образом лишь 73% от довоенного времени^I.

Урожайность, подсчитанная с десятины, в среднем сократилась на 36%^{II}.

Запасы зерна у крестьян составляют примерно 2/3 довоенного количества^{III}.

Много крестьянских хозяйств, особенно в областях с избытком зерна, потеряло во время революции в России свою тягловую силу (появились и новые хозяйства вообще без лошадей). Уже в 1924 году число безлошадных хозяйств в России увеличилось на 40% от общего числа хозяйств. В отдельных губерниях этот скачок составлял 50% (Северный Кавказ), 51% (Тамбов), 61% (Воронеж), 70% (Донская губерния) и 89% (Самара). В 1926 году коммунисты насчитывали на территории РСФСР 4,6 миллиона безлошадных хозяйств^{IV}.

Вместе с этим увеличилось и количество хозяйств с *небольшими посевными площадями или вовсе без посевных площадей*. Уже в 1925 году коммунисты подсчитали, что такими хозяйствами (с посевной площадью менее двух десятин) охвачено 37 миллионов человек, т. е. около трети всего крестьянского населения^V.

К этому прибавляется еще и затяжной кризис инвентаря. Инвентарь в большинстве случаев не обновлялся с 1915 года^{VI}. Произведенные Советским правительством агрегаты были плохого качества и очень дороги (150—200% стоимости довоенных лет)^{VII}. По причине недостатка тягловой силы и инвентаря крестьяне сдают свои земли в аренду на условиях, означающих порабощение и экс-

^I Подсчитано комиссариатом сельского хозяйства.

^{II} «Экономическая жизнь», 14 марта и 3 ноября 1926 г.

^{III} «Правда» от 28 ноября 1926 г.

^{IV} См. «Бюллетень Центрального статистического ведомства», № 89, стр. 26; также «Бедноту» от 27.11.27; ср. Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 915, Богданов.

^V «Экономическое обозрение», № 1 за 1925 г.

^{VI} В отдельных местностях отмечается наличие всего 50% довоенного количества инвентаря. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 915 (декабрь 1927 г.).

^{VII} «Экономическая жизнь» от 6 мая 1926 г.

плуатацию^I, или становятся батраками и работают за половинную цену в сравнении с довоенным временем^{II}, или оставляют землю невозделанной и подаются в города.

5. Завершают нужду высокое налогообложение, низкие цены на зерно и недоступные скверные фабричные товары советского производства. Покупательная способность зерна значительно ниже покупательной способности довоенного времени^{III}. Из-за высоких цен на фабричные товары крестьянству приходится ежегодно отдавать советскому правительству миллиарды рублей^{IV}. По этой причине происходит спад всякого потребления: коммунисты подсчитали^V, что крестьяне потребляют лишь 63% довоенного количества текстильных товаров, 54% кожи, 82% сахара, 57% стекла, лишь 10—25% железа, жести, чугуна и т. д.

Весь этот итог совершенно недвусмыслен: в крестьянском сельском хозяйстве Советской России царила растущая нищета. Доходило до того, что при 2 десятинах посевной земли более не окупалось содержание лошади: «лошадь как бы съедает крестьянина»^{VI}. Имелось 8 миллионов таких хозяйств^{VII}, т. е. *одна треть общего числа крестьянских хозяйств была экономически парализована и наполовину пролетаризирована*. Около 16% оставшихся без посевной земли крестьян ежегодно покидали деревню и переселялись в город в надежде попасть в списки безработных^{VIII}.

^I «Экономическая жизнь» от 13 августа 1926 г.; «Беднота» от 26 сентября 1926 г.

^{II} «На аграрном фронте», № 4—5, стр. 11.

^{III} «Экономическая жизнь» от 3 сентября 1926 г.

^{IV} См. статью д-ра Гёффдинга о финансах.

^V Доклад заместителя комиссара сельского хозяйства Сви-дерского.

^{VI} Розит. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1127.

^{VII} Так у Молотова, официального докладчика Коммунистической партии. См.: Стенографический отчет XV съезда партии (декабрь 1927 года), стр. 1066.

^{VIII} «Правда» от 4 ноября 1924 г.; «Экономическая жизнь», № 264, 1926 г.

Коммунисты рассматривали их как «избыточное население». Количество этих «избыточных людей» составляло в отдельных губерниях до 20% (Тамбов)^I и до 25% (Брянск)^{II} всего населения губернии.

Приблизительно такой была картина аграрного положения в Советской России в начале 1928 года.

Кулак

Для верного понимания и оценки последних двух лет следует обратить внимание на то, что именно *пролетаризация народа* — то, что с буржуазной точки зрения означает нищету и несчастье, с коммунистической точки зрения представляет собою необходимый путь к социалистическому счастью. Сообразно марксистскому прогнозу, по которому мелкий крестьянин не имеет экономически благополучного будущего и ему предстоит лишь медленное обнищание, коммунисты составили *волевою программу*^{III}. В соответствии с этим они действуют и в Советской России^{IV}. Уже во время «черного передела» первых лет они сумели «подорвать и экспроприровать» зажиточного крестьянина (кулака) и создать «крестьянскую разруху» — «мелкое и мельчайшее крестьянство»^V. Ленин называл кулаков «жесточайшими эксплуататорами, живодерами, пауками, кровопийцами

^I Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1120 (декабрь 1927 г.).

^{II} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1025.

^{III} Высказывания, указывающие на соответствующую оценку пролетаризации, они охотно выискивают также у Маркса и Энгельса. Так, мы находим, например, в «Правде» приведенную цитату из Энгельса, где последний с пафосом восхваляет д-ра Мюльбергера, который рассматривает как нечто совершенно необходимое и как первое условие успешного движения к социализму прогрессивное значение экспроприации крупной промышленностью мелкобуржуазного ремесленничества, вытеснение его из дома и т. д. См.: «Правда» от 1 мая 1930 г., статья Кольцова.

^{IV} См. раздел «Цели и надежды» в этом сборнике; в особенности сходное с программой пожелание, которое Сталин как почетный гость в 1924 году вписал в «Красную книгу» на заводе «Динамо».

^V Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 138; ч. 2, стр. 15, 125.

и вампирами»^I. Теперь, в период НЭПа, этот слой крестьян подвергли *холодной экспроприации*, что открыто признавалось и идеологически обосновывалось коммунистами^{II}. Зажиточный крестьянин постоянно оставался для них опорой частной собственности, капитализма, церкви и реакции; короче, он считался *«классовым врагом»*^{III}. Хотя из 40 миллионов десятин этот классовый враг сохранил всего лишь 4 миллиона^{IV}, хотя этот сельскохозяйственный капитализм определяли как «чрезвычайно бедный, как ничтожный»^V, «наш кулак» — зачастую «лишь нищий по сравнению с американским фермером...»^{VI}. Его продолжали экспроприировать, часто методами продразверстки, что открыто отмечалось и признавалось еще в 1925 году^{VII}. Кулаком назывался каждый крестьянин, *получающий доход не только от собственного труда*^{VIII}; при всем при том, однако, признавалось, что понятие «кулак» имеет совершенно *относительный* смысл (Зиновьев) и что лишь «индивидуальная история некоего крестьянского хозяйства» дает разъяснение его сущности (Ленин)^{IX}. «Благосостояние» «кулака», которое стремились разрушить, соответственно тоже оставалось *величиной относительной*. Короче — к кулачеству был причислен прежде всего *относительно богатый слой*,

^I Ср. цитату из Стенографического отчета XIV съезда партии, стр. 123.

^{II} Ср., например, Стенографические отчеты съездов партии: XI — стр. 277; XII — стр. 410; XIII — стр. 100, 500; XIV — стр. 123, 151, 175, 161, 235, 303, 701; XV — стр. 344, 773.

^{III} Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 175.

^{IV} Молотов. См.: Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1051.

^V Крицман. Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1197.

^{VI} Собственность кулака составляет всего лишь от 1/6 до 1/10 собственности фермера. Змионов. См.: Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 437.

^{VII} Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 161, 235.

^{VIII} Определение понятия см. у коммуниста *правой оппозиции* Рыкова: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 500; ср. у Милпотина: Стенографический отчет XV съезда, стр. 1191 и др.

^{IX} Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 100, 466.

придерживавшийся частной собственности и не желавший исповедовать коммунизм. В действительности же речь шла о том, чтобы постепенно, сверху донизу провести всеобщее обобществление российского крестьянства. Для этого подвергались муштре коммунистические чиновники и коммунистическая молодежь. Еще в 1925 году Сталин сообщил съезду партии, что все подготовлено: «стоит только отдать приказ, и кулаки в один миг будут экспропрированы»^I. Уже в 1927 году он утверждал, что пришло время коллективизации сельского хозяйства; уже тогда Молотов подсчитал, что число сельских пролетариев будет ежегодно увеличиваться на 17—18%, а Рыков высказался, что революционная парцелляризация неизбежно ведет к коллективизации^{II}.

Холодное обобществление

Но особенно ясным этот хорошо продуманный и подготовленный план экспроприации и коллективизации становится в том случае, если принять во внимание суть «единого сельскохозяйственного налога». Этот прогрессивный налог, введенный в 1923—1924 годах, стремился охватить *все* источники доходов крестьян и был адресован не сельскому хозяйству, а *крестьянину*. Не облагаемый налогом минимум дохода был установлен *значительно ниже*, чем в городе. Рост ступенчатости в деревне проявлялся *значительно острее*, чем в городе, и позднее из года в год ее повышали. В 1927—1928 годах верхние группы соответствующих налогоплательщиков должны были ежегодно платить уже 28—30% общего дохода. В 1928—1929 годах вышел новый закон, по которому (§ 27, 28) «более богатые» крестьяне (имевшие годовой доход в 300—400 рублей) по «*индивидуально*» *устанавливаемым нормам* облагались еще одним, особым налогом; порою доходило до того, что крестьянам-середнякам приходилось отдавать сумму в *двадцать раз*, а более состоятельным крестьянам — в *семьдесят два раза* выше минимальной налоговой ставки^{III}. Слою за-

^I Стенографический отчет XIV съезда партии, стр. 48.

^{II} Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 57, 1055, 777.

^{III} Гроссман. См.: «На аграрном фронте», № 1, 1927 г., стр. 19.

житочных крестьян (12—13% всего сельского населения) приходилось, таким образом, в 1928—1929 годах покрывать около 47% всего сельскохозяйственного налога^I, а в 1929—1930 годах около 60%^{II}. Итак, в деревне систематически проводилась холодная экспроприация, или, по выражению Каменева, «налог обрезал все то, что становилось в деревне элементом буржуазного накопления»; *крестьянство целиком все сильнее ощущало, как его все более угнетают*; пролетаризация увеличивалась и захватывала все новые круги и слои; отмечался прямо-таки «распад сельскохозяйственного производства»^{III}, и безнадёжность охватила крестьянские души.

Наступление

Наконец-то в 1929 году (весна-лето) Центральным Комитетом Коммунистической партии был выдан лозунг: «Ограничение и вытеснение кулаков с этой поры должно быть заменено *ликвидацией кулачества на основе сплошной коллективизации*»^{IV}. Лозунг был выдан, и принялись за дело. Верхушку крестьянского слоя надо было ликвидировать полностью, а беспросветность остального пролетаризированного или полупролетаризированного крестьянства превратить в чисто хозяйственное отчаяние и панику, так, чтобы все крестьянские массы объявили о своей готовности «добровольно» вступить в запланированные коллективные хозяйства. Экспроприация мнимых «кулаков» частично была проведена по заранее составленным спискам и без всяких церемоний; частично с помощью «индивидуальной раскладки налога», всякий раз устанавливавшегося по разумению коммунистических чиновников-экспроприаторов; частично же по методу «добровольной самостоятельной раскладки налогов» сельской общиной, т. е. по требованию местной ячейки коммунистов бедные слои сельской общины принимали решение «добровольно» отдать государству

^I Калинин. См.: «Беднота», от 20 апреля 1928 г.

^{II} Брюханов. См.: «Известия» от 24 января 1929 г.

^{III} Крицман. См.: «На аграрном фронте» № 6, 1930 г., стр. 15.

^{IV} Этот лозунг действителен и позже, см. например, «Правду» от 7 мая 1930 г., статью Логинова; от 15 мая 1930 г., передовицу и т. д.

столько-то зерна и перекладывали то количество, которое требовалось отдать, на политически бесправных и экономически подлежащих экспроприации более состоятельных крестьян, — и экзекуция состоялась. Кое-где «кулаку» дозволялось «самоликвидироваться»; зачастую его имущество просто продавалось с молотка, а его самого вместе с семьей выбрасывали на улицу или «как высвобожденную рабочую силу» поездом отправляли на север или восток^I.

Коллективизация

Остающееся на местах крестьянство, которое из страха или зависти частью помогало этой экспроприации и теперь опасалось, что его постигнет та же участь, тем или иным способом уговорили или угрозами заставили^{II} добровольно массовым порядком записаться в создающиеся коллективные хозяйства. Частично «коллективизировали» пахотную землю и скот; частично — все, вплоть до швейной машины и *последней курицы*^{III}. Вся огромная страна пришла в невероятное движение, оно началось примерно в сентябре 1929 года и продолжалось до февраля—марта 1930 года. Коммунистические управленцы, которые на основе особых *партийных предписаний* (т. е. не предписаний Советов) проводили эту коллективизацию и частично, специально с этой целью командировались из города (например, в январе 1930 года — 25 000 уполномоченных рабочих), соревновались в своем стремлении к увеличению числа коллективизированных крестьянских хозяйств. Повсюду, где царил этот дух соревнования, «никоим образом не допускалось обсуждения проблемы коллективизации»; нельзя было и протестовать, ибо «уполномоченные партийных комитетов призывали к выполнению директив, а у непокорных отбирали партийные

^I Конкретнее об этом — в разделах Крицкого и Бунге. См. также особо книгу «Германская дорога к смерти» («Ein deutscher Todesweg»), вышедшую в издательстве «Эккарт» и основывающуюся на подлинных документах.

^{II} Статья Крицкого описывает эти методы на основе подлинных документов.

^{III} Ср., например, «Большевик» № 10 за 1930 г., стр. 39.

билеты»^I, что было равнозначно исключению их из партии. Повсюду господствовало твердое убеждение, что московский центр партии рекомендует и приветствует всякий *количественный* успех при экспроприации кулаков и коллективизации крестьян^{II}; и что при этом официально рекомендуемый принцип «добровольности» никак нельзя применять иначе, чем это применяется в любом ином деле Советского государства, а именно: *если безмолвствует — значит проявляет добровольное согласие.*

По всей стране, но в особенности в республиках с национальными меньшинствами, на востоке и в так называемых «потребительских областях»^{III}, коммунисты проводили это наступление на «ура!»^{IV} и по принципу: «мы всё можем, для нас не существует трудностей...»^V. «Темп» был задан «бешеный»^{VI}. «Мы сошли с ума, мы поступились качеством, мы стремились лишь собрать как можно больше членов^{VII} и завязать их, как мешок с картошкой...»^{VIII} Коллективизация просто *предписывалась* чиновниками и проводилась методом *голового администрирования*^{IX}. Но для верхов все движение «почти регулярно» приукрашивалось^X, и цифры всё увеличивались. Во многих краях стремились к стопроцентной

^I «Правда» за 22 мая 1930 г. Статья Бахтамова.

^{II} См. «Правду» за 27 июня 1930 г.

^{III} См. отчет Яковлева на XVI съезде партии. Тезисы в «Правде» от 19 мая 1930 г. «Потребительскими областями» назывались такие области, которые не производили зерна в нужном количестве и поэтому были вынуждены его покупать; им обычно противопоставлялись области с избытком зерна.

^{IV} «Правда» от 7 мая 1930 г., статья Логинова.

^V «Правда» от 16 мая 1930 г., статья Лебедева.

^{VI} «Правда» от 13 мая 1930 г., статья Броварского.

^{VII} Это значит — для коллективных хозяйств.

^{VIII} Захарьев. См.: «Правда», 7 мая 1930 г.

^{IX} Лебедев. См.: «Правда», 16 мая 1930 г. См. материал Караваева и Шумского («На аграрном фронте», № 7—8 за 1930 г., стр. 90—94).

^X Тайц. См.: «Правда», 21 мая 1930 г.

«сплошной коллективизации»^I. К 10 февраля 1930 года «коллективизированными» сочли следующие отдельные края: Северный Кавказ — 71,5% крестьянских хозяйств; в центральном районе Черноземья — 65,8%, в Башкирии — 63,4%; в Нижнем Поволжье — 61,5%; в Татарской республике — 60,1%; на Урале — 58,9%; в Московской области — 57,9%; в Среднем Поволжье — 52,2%; в Белоруссии — 51,3%; на Украине — 42,8% и т. д. Соответственно росло и волнение среди крестьян и всего находящегося под влиянием крестьян населения. Коммунисты отмечали в целом ряде областей не одно только открытое *антиколхозное* движение, но и *антисоветское движение*, которое, разумеется, относили на счет кулацкого влияния^{II}. Соответствующее брожение было отмечено и в Красной Армии^{III}. Весь режим, как позднее выразился Сталин, «бешено бежал к пропасти»^{IV}.

В этом движении надо отметить еще следующее. Во-первых, атаковали и обобществляли не одного только богатого крестьянина, но часто и середняка: его, как позднее выразился Сталин, «насильственно» «раскулачивали» и «экспроприировали»^V. Во-вторых, коммунисты-коллективизаторы более всего предпочитали самую последовательную и радикальную форму организации коллективного хозяйства — «коммуну», и стремились таким образом коллективизировать *все имущество крестьян*^{VI}. В-третьих, крестьяне воспринимали всю коллективизацию в целом как настоящее *наступление* партии и правительства на их частную собственность и «чувствовали себя насильственно загнанными в кол-

^I См., например, «Правду» от 26 мая 1930 г., статью Поповой; позднее это было открыто признано Сталиным. См. его «Ответ товарищам колхозникам».

^{II} См. тезисы Яковлева, «Правда», 19 мая 1930 г.

^{III} См. выше в разделе «Вооруженные силы СССР» в данном сборнике.

^{IV} Это выражение позднее часто повторялось, например, в «Правде» от 6 мая 1930 г.

^V Сталин. Ответ товарищам колхозникам. (Отдельная распечатка от 6 апреля 1930 г.)

^{VI} Сталин. См. там же.

лективные хозяйства»^I. «Применявшиеся позднее методы только усилили» и подтвердили «это впечатление»^{II}.

Будущему историку революции еще предстоит установить, что у руководства Коммунистической партии по отношению к коллективизации существовала двойкая позиция. Она была, с одной стороны, источником всей ярости коллективизации и всего психоза экспроприации; будучи секретарем партии (и диктатором), Сталин знал, что происходило в деревне, и старался обосновать наступление идеологически^{III}. «Чтобы уничтожить кулачество как класс, — высказывался он, — необходимо подавить сопротивление этого класса в открытом бою и лишить его производительных источников существования и дальнейшего развития... Без этого невозможна никакая серьезная, и в особенности сплошная, коллективизация. Это хорошо поняли бедные крестьяне и крестьяне-середняки у нас в деревне, которые *громят* кулачество и осуществляют сплошную коллективизацию»^{IV}. Итак, откровенно признается, что кое-где речь идет об «открытой борьбе», о систематической экспроприации и о *погромах*; только эти погромы, как обычно, приписываются «массам».

Кроме того, в одном из решений пленума ЦК (ноябрь 1929 г.) подчеркивалась необходимость «всесторонней поддержки инициативы и самостоятельности масс»; но в другом указе Центрального Комитета (6 января 1930 г.) обращалось внимание на то, что «основной формой» коллективизации следует считать смягченную артельную форму и что было бы неверно надеяться на то, что вся коллективизация будет «предписана сверху»^V. К сожалению, у нас нет секретных партийных инструкций. Но некоторое время спустя коммунистическая

^I «Правда», 21.05.1930 г. Статья Тайца.

^{II} Там же.

^{III} Во-первых, в речи на «конференции марксистских научных работников сельского хозяйства» 27 декабря 1929 г.; во-вторых, в статье в «Правде» от 21 января 1930 г.

^{IV} «Правда», 21 января 1930 г.

^V См. наряду с оригиналами указов комментарии Постышева: «Правда», 8 мая 1930 г.

партийная оппозиция все же кое о чем проговорилась; она прямо обвинила Центральный Комитет в том, что тот ведет *двойную игру*. ЦК знал, что происходят «перегибы» и «превышение» так называемых партийных установок; он мирился с этими перегибами и *намеревался добиться коллективизации этими методами*^I и т. д. Все это и много чего еще придется констатировать историку будущего.

Передышка

Как бы то ни было, почти достигнув «пропасти», Сталин и ЦК партии поменяли курс и временно прервали всю коллективизацию^{II}. Внезапно возникло «понимание» того, что коллективизация в бешеном темпе создает, хотя только на бумаге, огромные коллективы; что она проводится с применением насилия; что экспроприируют и массу середняков; что при записи в коллективные хозяйства не может быть и речи о «добровольности» и что чиновники-коммунисты в деревне в большинстве случаев стараются создать не более мягкую форму «артели», а радикальную форму «коммуны», охватывающую всю частную собственность без остатка. Все это списывали на «перегибы» и «превышение» твердых «ленинских» установок партии, не одобряли и отвергали; целые толпы «перегибщиков» и «превышателей» были смещены и «предстали перед судом»^{III}. Надо было как-то успокоить страну; и усердным мелким чиновникам, вообразившим, что жестокостью в проведении мер они следуют бессловесным указаниям повелителя, пришлось теперь отвечать за свое усердие. Ненавидимые, преследуемые и убиваемые крестьянами, снимаемые с постов и обвиняемые собствен-

^I См. полемические статьи против оппозиции в советской печати, например, статью Логинова в «Правде» от 31.05.30 г.; 03.06.30; 18.06.30 г. и т. д.

^{II} См. статьи Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам»; см. также указы ЦК от 10 и 15 марта и 2 апреля 1930 г.

^{III} Ср. в особенности отчеты в журнале комиссариата юстиции «Советская юстиция» за 1930 г.: № 10, стр. 3—5; № 14, стр. 3—6; № 20, стр. 12—13.

ным партийным руководством, многие из них в страхе и отчаянии лишали себя жизни. Иные были настолько ошеломлены и потрясены новым диктаторским поворотом, что не хотели даже поверить новым предписаниям, продолжали насильственную коллективизацию и вовсе не собирались «исправлять» «перегибы». У третьих пропало их «коммунистическое мужество», и они попробовали вернуться к старому, распустить коллективные хозяйства и отдать обратно экспроприированное, что позднее снова вызвало недовольство^I. По всей стране царили неразбериха, ненависть, страх и отчаяние.

Выход

И вот прозвучало, что «недобровольно» коллективизированным крестьянам «можно снова вернуться к прежнему»; и смотри-ка — целая масса крестьянских хозяйств заявила о своем желании выйти из коллективных хозяйств. Обратный поток был огромен^{II}. В некоторых провинциях, где стремились к «сплошной коллективизации», количество коллективных хозяйств под конец снизилось до 9% (Волоколамск)^{III}; в других, где считались коллективизированными 83% крестьянских хозяйств, почти все закабаленные коллективные хозяйства сразу самораспустились (Казахстан)^{IV}; на Северном Кавказе к прежнему состоянию вернулась почти половина крестьян^V; в Центральном Черноземье этот процент снизился с 65 до 18,5%^{VI}; в Вологодской губернии (север) — с 64,8% (1 марта) до 8% (июнь). («Правда», 19 июня 1930 г.). В коллективных хозяйствах осталась в общем и целом лишь одна треть записанных крестьян (весна 1930 г.) или всего 24,1% всех крестьянских хозяйств^{VII} (однако в основных зерновых областях —

^I Ср. «Правду» от 13.05.30 г. и 21.05.30 г.

^{II} Никулихин. Массовый отлив. См.: «Правда» от 22.05.30 г.

^{III} «Правда», 26 мая 1930 г., статья Поповой.

^{IV} Броварский. См.: «Правда», 13 мая 1930 г.

^V «Правда», 21 мая 1930 г.

^{VI} «Правда», 3 июня 1930 г.

^{VII} См. «Большевик», № 14 за 31 июля 1930 г., стр. 35. Статья Верменичева.

якобы 30—50% всех хозяйственных единиц^I и 28—61% всех посевных земель^{II}).

Это тем более примечательно на фоне того, что выход записанных в коллективные хозяйства вовсе не поощрялся; напротив: так, например, при выходе *не возвращали* экспроприированные и коллективизированные пахотные земли, они считались «включенными в массив нового хозяйства», а крестьянину, который вернулся в прежнее состояние, должен был быть предоставлен новый и расположенный в другом месте земельный надел (чаще всего неудобная и негодная земля), но и это тоже отодвигалось на недели, а то и на месяцы^{III}. Крестьянам-середнякам их имущество вообще не возвращали^{IV} или реституировали его лишь неохотно, медленно и не в полном объеме^V; многое было разбазарено, погибло и не подлежало возвращению. Были также случаи, когда районные управления просто объявляли, что «тот, кто хочет получить товары и хлеб, должен остаться в коллективном хозяйстве»^{VI} и т. д.

^I «Правда», 6 мая 1930 г., передовая статья; 15 мая 1930 г. См. также отчет народного комиссара сельского хозяйства Яковлева: «Правда», 19 мая 1930 г.

^{II} «Большевик», № 14, 1930 г. Поучительно отметить, что коммунисты в своих оптимистичных расчетах подсчитывают «товарные излишки» зерна следующим образом: в 1913 г. — 100%; 1927 г. — 37%; в 1928 г. — 36,8%; 1929 г. — 58%; 1930 г. — 73%. (Там же). Эти излишки определяются двумя показателями: *урожаем и успешным наступлением коммунистической экспроприации на крестьянские хозяйства.*

^{III} Ср. «Правду» от 06.05.30 г.; от 21 мая 1930 г. — статья Тайца; от 22 мая 1930 г. — Никулина; от 24 мая 1930 г.: новые земельные наделы «не будут предоставлять»; или будут «отдавать совершенно негодные клочки земли, в лучшем случае крохотные парцеллы, размером в «могильную норму». (Панфёров. «Правда» от 25 мая 1930 г.)

^{IV} Например, «Правда», 16 мая 1930 г., статья Лебедева; 30 мая 1930 г.

^V «Правда», 13 мая 1930 г. (Тайц); 24 мая 1930 г. (Никулин); см. также особо журнал «Советская юстиция», № 18, стр. 4—6, статья Волкова.

^{VI} «Правда», 30.05.30 г.

Короче, вышедший из коллективного хозяйства возвращался в *разрушенное хозяйство* и ощущал себя *значительно беднее, чем прежде*.

Успехи и перспективы

Все это, однако, образует лишь *начало* полной экспроприации крестьянства и коллективизации сельского хозяйства. Отлично задуманный план продолжали осуществлять и довели до конца. Ведь поставленная цель была достигнута: богатые и продуктивные крестьянские подворья большей частью ликвидированы; одна треть общего числа крестьянских хозяйств экспроприрована принципиально, а одна четверть засунута в коллективные хозяйства; еще одна треть охвачена, подорвана, хозяйственно перекидывалась туда-сюда и, наконец, с большими потерями переведена на плохие земельные угодья; все крестьянство целиком лишено надежды, терроризировано и поставлено перед перспективой быть подвергнутым надвигающейся экспроприации. Лето 1930 года принесло крестьянам лишь короткую передышку и было использовано коммунистами для подготовки дальнейшего наступления.

Все происшедшее получило от самих коммунистов и их попутчиков следующую оценку.

«Если первый шаг Октябрьской революции на селе заключался в конфискации земли у помещиков, то вторым и решающим шагом является переход к коллективным хозяйствам, который знаменует важнейший этап в строительстве фундамента социалистического общества...» «Гигантский переворот в жизни многих десятков миллионов людей»... «неизбежно связан с усилением сопротивления классовых врагов внутри страны». «Мы еще не покончили с кулаком, и он еще окажет бешеное сопротивление победоносному наступлению коллективизации». «Но в коллективных хозяйствах крестьяне *окончательно стяхнут с себя* присущее им мелкобуржуазное и частнособственническое самосознание и свое стремление к частнохозяйственному накоплению, унаследованные от целых поколений мелких частных собственников»¹. «Происходит небывалая в истории

¹ «Народный комиссар» сельского хозяйства Яковлев. См.: Тезисы к XVI съезду партии. («Правда», 19.05.30 г.)

ломка существовавших до сей поры социальных отношений»^I: «сверхкрупное капиталистическое хозяйство возникнет на костях крестьянского хозяйства после того, как последнее будет стерто с лица земли»^{II}.

В соответствии с этим решение XVI съезда партии говорит о проведении в течение ближайших двух лет (1930—1931—1932 гг.) сплошной и всеобщей коллективизации крестьянских хозяйств^{III}; и в октябре—ноябре 1930 года опять отмечается рост волны коллективизации^{IV}.

Таковы основные тенденции и перспективы последних двух лет.

Разочарование крестьян

Если же мы кратко подытожим результаты коммунистической революции с точки зрения русского крестьянина, нам придется отметить следующее.

Революция принесла крестьянам прежде всего большое разочарование относительно *качества* конкретной пахотной земли. Идея «бесконечных запасов» не оправдалась; она оказалась иллюзией и теперь скомпрометирована в душе масс и исчезла.

Второе разочарование, принесенное революцией, касается ожидаемого и не наступившего всеобщего и свободного *благосостояния*. Унаследованное со времен татарского ига воззрение: обогащение и достижение благосостояния возможно через количественную экспроприацию соседа, — тоже оказалось трагической иллюзией. Имманентные законы экономики указывают иные источники: инвестиции, интенсивное хозяйство, надежность и усердие.

Третье разочарование состоит в невозможности обзавестись в условиях коммунистического строя *собственной землей*. Российский крестьянин, как и любой

^I «Экономическая жизнь», 13.10.29 г.

^{II} Так у проф. Чаянова. См.: «Экономическое обозрение», сентябрь 1929 г., стр. 50—51.

^{III} См. речи Сталина, Кагановича и Яковлева в «Правде» (конец июня—начало июля 1930 г.).

^{IV} Ср., например, «Известия» от 2 октября, 3 октября и 11 ноября 1930 г.; «Социалистическое земледелие» от 23 октября 1930 г.

иной крестьянин, привязан к частной собственности: он хочет заниматься «свободным хозяйством на собственной земле» — так гласит теперь действительный лозунг русских крестьян. Национализация же и коллективизация земли, напротив, поставили *все под сомнение*: начавшаяся радикальная экспроприация в *animus sibi habendi*⁷² не только приносит разочарование, но отнимает и *corpus habendum*⁷³.

Это революционное разочарование, которое еще проявит свои хозяйственные и политические результаты, образует как бы *последнее звено в цепи судеб* российского крестьянина.

Судьбы российского крестьянина

Революция осуществилась потому, что духовный потенциал сопротивления и самопожертвования российского крестьянина истощила и парализовала война без оружия. Политический крах страны и пропаганда поколебали его сознание права и собственника и вскрыли в его душе еще не залеченную рану крепостничества: чувство несправедливости и обездоленности и идея бесконечного запаса помещичьих земель понудили крестьянина помочь левозстремистской партии в захвате государственной власти, чтобы сразу же получить от нее «мир» и «землю».

Однако тому, кто отдает власть в беспощадные руки, не следует надеяться, что не знающие пощады (в виде исключения) проявят внимание лишь к нему и к его интересам. И уже в первые годы русское крестьянство почувствовало, что вынуждено защищать свои права от коммунистов (продовольственная война 1919—1920 годов). Но его ожидал еще более жестокий удел.

Столетиями русский крестьянин в деревне боролся за свою национальную особенность и свою колонизацию. В этой борьбе ему пришлось необычайно много выстрадать и вытерпеть. В этой борьбе он приобрел не одну только необычайную выносливость в самоутверждении вкупе с искусством долготерпения, но и *отсталое тепличное хозяйство, и ослабленное чувство собственника.* Только разбередив эти две раны, едва-едва начавшие медленно заживать в последние 50 предвоенных лет, и

подпитываясь за счет этого, и могла произойти революция. Ее сущность следует, таким образом, воспринимать двояко: в национально-экономическом отношении как временное, подготовленное исторически, однако никоим образом не неизбежное *хозяйственное заболевание массовой психики*, массовый психоз крестьянства, которое из экстенсивной теплицы (крепостничество и сельская община) было препровождено в сырой воздух частного хозяйства и мирового капиталистического рынка, *должно было в слишком короткие сроки приспособиться к ним, вследствие этого сломалось и видит себя отброшенным на ложные пути и преданным искушениям новой, на этот раз коммунистической теплицы*. И вот теперь ему придется с боем пробиваться сквозь эти разочарования и искушения. В политическом же отношении революция — это попытка использовать в коммунистических целях и интересах исторически унаследованные раны и послевоенную ломку массовой психики и *превратить заключенное в новую, на этот раз коммунистическую теплицу, русское крестьянство в носителя интернациональной всемирной революции*.

Поистине жестокая участь, последний час которой, кстати, *еще не пробил...*

М. К р и т с к и й⁷⁴

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КЛАССА КРЕСТЬЯН

Крестьянин

Крестьянство всех стран в хозяйственном отношении — не простое, а довольно сложное явление. Социальное пространство между хозяйственно почти парализованным parcelлярным крестьянином, едва ли способным поставлять что-либо на рынок, и богатым крестьянином, который зачастую может сравниться с помещиком, заполнено множеством отличающихся друг от друга слоев, теоретически поддающихся различной классификации, в действительности же не имеющих резко очерченных границ и плавно переходящих один в другой. В

то же время существует резкая граница, отделяющая и отличающая *крестьянина* от *пролетария*, ибо крестьянское хозяйство есть *экономически свободное предприятие* на основе частной инициативы, обладающее *землей и инвентарем*. Стоит исчезнуть этим основам, этим необходимым условиям существования, — и крестьянина больше не будет.

И вот коммунистическая революция стремится отнять у крестьянина эти условия существования: *сузить экономическую свободу, задуть частную инициативу, экспроприировать у крестьянина инвентарь и землю*. Тем самым она намеревается разорить крестьянина как такового и сделать из него пролетария государственных и коллективных хозяйств. Легко понять, что крестьянин не может принять это удушение и превращение, что он борется за свою жизнь. Так что коммунистическую революцию в России можно рассматривать как жестокую и длительную борьбу между коммунистами, стремящимися пролетаризировать крестьянина, и крестьянином, утверждающим и защищающим свое право на землю, частную инициативу и свободное самообогащение (накопление капитала). *Российский крестьянин представляет в этой борьбе великую идею — идею свободной частной собственности*, или, если хотите, две великие идеи: идею *частной собственности* и идею *личной свободы*. Этот смысл великой и трагической борьбы, ведущейся в огромной стране уже 13 лет, должен быть осознан всем миром, ему необходимо понять, что страдания русского крестьянина, его слезы и кровь затрагивают не только его небольшое состояние и его отдельную малую жизнь, но и *общечеловеческое право — быть свободным и свободно работать*, презираемое и попираемое коммунистами.

В борьбе за это право русское крестьянство уже много перестрадало и многому научилось. В революции отмечается три различных периода: так называемый «военный коммунизм», НЭП и так называемый «пятилетний план»¹. В течение этих трех периодов, последний из которых еще не завершен, русскому кре-

¹ См. разделы «Судьба русских крестьян», «Подъем и конец частной торговли» и «Пятилетний план и условия его выполнения».

стьянству пришлось пройти примечательный процесс дифференциации, который, разумеется, не может быть описан и рассмотрен здесь в полном объеме, но суть которого мы все же кратко очертим. Для этого попробуем представить читателю два вертикальных среза: первый — 1927—1928 годы (т. е. *перед* большим наступлением коллективизации) и второй — 1929—1930 годы (*после* коллективизации). Благодаря этому социально-хозяйственное напластование русского крестьянства будет прояснено не только с точки зрения его морфологической сущности, но и с учетом его практического становления и взаимосвязи.

Хозяйственная дифференциация класса крестьян в советской стране выглядела в 1927—1928 годах следующим образом. Вынужденно принимая и беря за основу категории, свойственные коммунистам, можно различить здесь четыре основных слоя: *сельского пролетария, бедного крестьянина («бедняка»), крестьянина среднего достатка («середняка») и зажиточного крестьянина («кулака»).*

В действительности эти абстрактные категории имели примерно следующее социально-хозяйственное значение.

Наемные сельские рабочие, сельский пролетариат

Число сельских наемных рабочих достигало в 1927 году почти 6 миллионов. Основным источником их существования была продажа своей рабочей силы^I.

Невзирая на это уже само по себе высокое число сельского пролетариата, ученые-экономисты Советского государства рассчитывали на то, что «сельский пролетариат будет безудержно увеличиваться и прирастать»^{II}. И в самом деле — один из коммунистических руководителей и образованный ученый Ларин дает для пролетарской части сельского населения следующие цифры^{III}:

1924—1925	4,9 млн. человек
1925—1926	5,4 « «
1926—1927	5,8 « «

^I «Беднота», 21.05.27 г., статья Куйбышева.

^{II} «На аграрном фронте», № 11—12 за 1927 г., статья Дубровского.

^{III} «Экономическое обозрение», статья Ларина.

Этот постоянный прирост сельского пролетариата чрезвычайно показателен, т. к. говорит об увеличивающемся перераспределении состава сельского населения. Как мы в дальнейшем увидим, выделение лишней рабочей силы связано с разорением слабосильных хозяйственных единиц.

Это огромное море сельского пролетариата воспевается Советской властью как «форпост пролетарского влияния и как передовой боец за новую советскую деревню», таково же и действительное отношение к нему со стороны Советской власти^I. На самом же деле речь всегда идет о полностью некультурных, бесправных массах, которые нещадно эксплуатируются^{II}.

В Советском государстве опубликовано большое количество законов, регулирующих наемный труд; однако «работодатели и наемные работники в своей массе совершенно не знают законов о труде», а «те, кто работают над интерпретацией законодательства, знают их слишком плохо»^{III}.

Рабочий день продолжается 12—13, а нередко и 14—15 часов^{IV}; в период тяжелых полевых работ — с восхода до заката.

«Годовой доход наемного работника в текущем году (1927 г.) достигает — по данным Молотова^V — 81 рубль», что составляет 6 рублей 75 коп. в месяц^{VI}.

Ничем не лучше положение наемного рабочего и на собственно государственных сельскохозяйственных предприятиях («совхозы»). На совещании рабочих сельского и лесного хозяйства делегаты высказывались следующим образом: «Проверка бюджетов рабочих в

^I «Беднота», 04.03.27 г.

^{II} «Правда», 02.02.27 г.

^{III} «Беднота», 21.05.27 г.

^{IV} «Беднота», 21.05.27 г., статья Кукштеля.

^V Доклад на заседаниях XV съезда партии.

^{VI} «На аграрном фронте», № 5, 1927 г. (Клюев, стр.123); «Беднота», 29.10.27 г.; 12.11.27 г.; «Известия», 25.11.27 г. Один рубль равняется по номинальной стоимости примерно 2 немецким маркам; по его сегодняшней стоимости — не более 40—50 пфеннигам.

совхозах Московской губернии и на Урале показала, что заработки основных групп рабочих не покрывают даже их минимальные потребности... Если же сравнить этот заработок с заработком в бывших имениях крупных помещиков, то выясняется, что жалованье в совхозах на 25—30% ниже».

Выплата заработной платы работникам в «совхозах» задерживается на 3 и даже 6 месяцев, так что из-за этого работники даже за еще низшую плату нередко переходят на работу к местным крестьянам^I.

Следующие вполне серьезные утешительные слова советского экономиста Дубровского в этих обстоятельствах должны звучать для сельского пролетариата как насмешка и издевательство: «До революции крестьян, работавших по найму, эксплуатировал частный капитал; сегодня же, вступив в государственные промышленные или сельскохозяйственные предприятия, они становятся звеном рабочего класса, которому в Советском Союзе принадлежат все средства производства, все фабрики и советские предприятия»^{II}.

Слой бедняков

Несмотря на то что деревня ежегодно поставляет огромную армию наемных рабочих, в ней все еще остаются огромные контингенты незанятой рабочей силы. Речь здесь идет о «деревенской бедноте», которая, хотя и обладает пахотной землей, однако неизменно находится в состоянии скрытой безработицы, потому что у нее или совсем отсутствует живой и неживой инвентарь, или его частично не хватает.

Коммунистический экономист Ларин утверждает на основе последней большой переписи в Советском Союзе, что число деревенской бедноты составляет 22,4 миллиона человек^{III}.

По декрету Исполкома ЦК 1928—1929 года, не менее 35% всех крестьянских хозяйств следовало освободить от сельскохозяйственного налога: тем самым одна треть

^I «Беднота», 08.11.27 г.

^{II} «На аграрном фронте», № 11—12, 1927 г., стр. 28.

^{III} «Правда», № 255, 1927 г.

крестьянских хозяйств официально признавалась «бедными». А так как число всех единоличных крестьянских хозяйств оценивалось в 25—27 миллионов, то, таким образом, Советское правительство причисляло к бедным примерно 8 750 000 единоличных хозяйств.

Даже если считать каждое бедное хозяйство состоящим всего из трех лиц, число «деревенской бедноты» в СССР составит 25 250 000 человек; пожалуй, это число превышает подсчеты Ларина.

Наличие такой огромной массы деревенской бедноты в достаточной мере подтверждается также переписями хозяйств без лошадей и инвентаря, проведенными советским Центральным статистическим управлением (ЦСУ).

44,8 процента всех хозяйств в СССР в 1928 году приходилось владеть существование безо всякой тягловой силы^I. Для обеспечения безлошадных хозяйств понадобилось бы приобрести около 9 миллионов лошадей, причем это число рассматривалось как минимальное, ибо в некоторых местностях России, особенно в Сибири и на Кавказе, однолошадным хозяйствам для проведения полевых работ непременно приходилось брать в аренду вторую лошадь.

Почти такая же горькая нужда возникает у бедных хозяйств из-за отсутствия неживого сельскохозяйственного инвентаря. По подсчетам Либкинда, в Сибири на 100 бедных хозяйств в среднем приходится 21 плуг, на Кавказе — 9,1 плуга, а в центральном сельскохозяйственном районе — 5,2 плуга^{II}.

Число хозяйств, не имеющих тягловой силы и плугов, постоянно растет. Этот процесс наблюдается во всех частях советской империи, например, в черноземной области в районе Каменска в Западной Сибири число хозяйств, не имеющих инвентаря, в 1920 году составляло 17%, а в 1926 г. — 39,9% и т. д.

«40% хозяйств без инвентаря в районе Каменска! — восклицает Брике, автор статьи «Западносибирская де-

^I См.: Дубровский, «На аграрном фронте», № 11—12, 1927 г., стр. 27.

^{II} Там же, 1927 г., № 8—9, стр. 45.

ревня»^I. — Эта цифра известна, пожалуй, лишь немногим; большинству она может показаться фантастической и неправдоподобной; можно было бы предположить, что так обстоят дела лишь в злосчастном районе Каменска... На самом деле в переписи Сибирского статистического управления, проведенной в соседних районах, такое же положение было отмечено по всей Западной Сибири».

Подобный процесс обнищания мелких хозяйств наблюдается, по утверждению Гайстера, и в центральных черноземных областях^{II}.

Большинство бедняцких хозяйств или вообще не имеет посевной земли, или имеет не более двух десятин.

Урожайность пахотных земель ничтожна. Запасов зерна здесь нет вообще. По данным, взятым из труда Лосицкого «Распределение зерновых запасов у крестьян»^{III}, 36% всех крестьянских хозяйств в зоне с избыточным производством зерна вынуждены в большей или меньшей мере докупать зерно, чтобы продержаться до следующего урожая^{IV}. Для экономически слабых предприятий невозможно возделывание даже небольшой пахотной площади; большая часть мельчайших, не снабженных инвентарем хозяйственных единиц вынуждена поэтому сдавать свою землю в аренду. В зоне, покупающей зерно, для мельчайших сельскохозяйственных предприятий сдача в аренду всей пахотной земли становится необходимостью; такие данные приводит Гайстер^V. В зоне, где зерно в избытке, напротив, это вынуждены делать и предприятия с пахотными землями средней величины.

Арендные условия «по сравнению с дореволюционным временем значительно ухудшились»; это отмечается не только в статье Гайстера, но и подтверждается всеми статистическими сведениями и экономическими описаниями.

^I «На аграрном фронте», № 6, 1927 г., стр. 121.

^{II} Там же, № 11—12, 1927 г.

^{III} См.: «Статистическое обозрение», № 4, 1927 г.

^{IV} «Известия», 15.11.27 г.

^V «На аграрном фронте», № 6, 1927 г.

Все обычные арендные условия в деревне также поставлены с ног на голову. Нередко встречается форма аренды, когда трудящимся батраком выступает состоятельный хозяин и владелец производительных сил, а работодателем экономически парализованный крестьянин, не располагающий ни тягловой силой, ни инвентарем. При опоре на принадлежащие ему производственные средства подобный «батрак» ставит своего бедствующего «работодателя» в тяжелейшие условия и старается эксплуатировать его. Существование бедных хозяйств в качестве самостоятельных хозяйственных единиц — лишь видимость, а их собственники являются таковыми лишь номинально^I.

Данные Центрального статистического управления отмечают непрекращающееся увеличение пахотных земель, сданных в аренду экономически слабыми сельскохозяйственными предприятиями^{II}.

Какова же величина среднего урожая в таких слабых хозяйственных единицах, общее число которых достигает почти 9 миллионов?

Молотов в своем докладе на XV съезде партии в декабре 1927 года приводит расчеты «доходов деревенской бедноты — 78 рублей годовых и подушных», это составляет 6 руб. 50 коп. в месяц, на 25 копеек меньше месячного дохода наемного рабочего^{III}.

Однако специальное исследование в ряде деревень показало, что фактическая урожайность бедняцких хозяйств на 11—15% ниже этой нормы, названной Молотовым^{IV}.

Совершенно безрадостно выглядят и конкретные описания бедняцких хозяйств отдельными коммунистическими вождями и самими крестьянами, публикуемые в советской печати.

^I Брике. См.: «На аграрном фронте», 1927 г. Крицман. «Классовое расслоение деревни», стр. 53.

^{II} «Правда», № 183, 1927 г.

^{III} «Известия», 22.12.27 г.

^{IV} См. речь Фрумкина на третьей сессии ЦИКа, апрель 1928 г.

В своем докладе на объединенном пленуме ЦК и Центральной контрольной комиссии 13 апреля 1928 года Сталин говорил: «Мы — страна исключительно мелкокрестьянского сельского хозяйства. Что же представляет собой мелкокрестьянское хозяйство? Как товарное хозяйство это самый необеспеченный, самый примитивный, самый неразвитый и самый безнадежный вид хозяйства. Удобрения, сельскохозяйственные машины и знания, а также иные средства совершенствования хозяйства, — все это вещи, которые можно с успехом применять только на крупных предприятиях, в мелкокрестьянских хозяйствах они совсем или почти совсем непригодны».

Еще более яркую картину бедняцких хозяйств нарисовал Молотов на XV съезде партии. Он утверждал, что «в 8 миллионах слабейших крестьянских предприятий нерентабельно использование даже одной лошади... Содержание одной лошади, и даже приобретение одного плуга, здесь себя не оправдывает, даже если отвлечься от того, что и то и другое для слабейших хозяйств совершенно недоступные вещи»¹.

Советская печать пестрит подобными описаниями. Деревенские корреспонденты пишут: «Положение безлошадных крестьян безнадежно... Они живут в вопиющей нищете, холоде, грязи, их поедают паразиты, разъедает чесотка — жалкие, несчастные мученики... Жизнь бедняка — непрекращающаяся мука... Бедность, переходящая в неприкрытое нищенство, пронизывает всю повседневную жизнь деревенского жителя. Развитие деревни, грубо говоря, отброшено на 1000 лет назад. Это классическое натуральное хозяйство с допотопным земледелием и варварским способом использования природных богатств».

Сами крестьяне говорят: «Хотя у нас и есть пахотная земля, мы используем ее примерно так, как пьют чай, подслащенный лишь вприглядку».

Бедняцкие хозяйства извиваются в смертельной борьбе. Отчаянные стоны звучат в письме, прочитанном

¹ «Известия», 22.12.27 г.

Молотовым на XV съезде партии в декабре 1927 года: «Возьмите нашу землю, организуйте крупные сельскохозяйственные предприятия и сделайте нас в них батраками: мы достаточно намучились с нашими бесполезными хозяйствами»^I. Несмотря на крайнее ужимание собственного бюджета, бедняцкие хозяйства все же кончатся разорением; тогда бедняки, так сказать, «снимаются с земли», т. е. они ее покидают.

Селиванов сообщает, что «потребность промышленности в рабочей силе покрывается деревней в такой степени, которая намного превышает эти потребности»^{II}.

По расчетам Ларина, ежегодно в Советском государстве прекращают свое существование до 280 000 крестьянских хозяйств^{III}.

Но Коммунистическая партия считает деревенскую бедноту краеугольным камнем своей власти в деревне. Ежегодно она вынуждена полностью освобождать все большее число крестьянских хозяйств от сельскохозяйственного налога. «В 1925—1926 гг. были полностью освобождены от налогов 12% всех крестьянских хозяйств, в 1926—1927 гг. — 23%, в 1927—1928 гг. — 35%...»^{IV}

Богатые крестьяне

Прежде чем мы обратимся к исследованию экономических условий основной массы крестьянства, т. е. середняков, мы попробуем сначала рассмотреть другой крайний полюс деревни — деревенскую верхушку. При этом нам придется установить, каково число зажиточных кулацких хозяйств в Советском государстве и какова их экономическая мощь.

«По исследованиям на 1 мая 1927 года, — пишет Ларин, — общее число кулацких хозяйств во всем СССР составляет около 800 000 дворов с населением около 5 миллионов человек. Это 4% всех крестьянских дворов и около 5% всего сельского населения»^V.

^I Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1067—1068.

^{II} «На аграрном фронте», № 5, 1927 г.

^{III} «На аграрном фронте», № 4, 1927 г.

^{IV} Зданович. См.: «Правда», 25.11.27 г.

^V «На аграрном фронте», № 3, 1928 г.

Признаки, по которым коммунисты относили крестьянское хозяйство к категории кулацкого хозяйства, совершенно неопределенны и подчинены произвольному разумению.

По определению Ленина, кулак — это тот крестьянин, который живет за счет чужого труда, который «грабительно эксплуатирует» чужой труд.

Зиновьев описывает кулака как «злейшего эксплуататора, как кровопийцу и вампира»^I.

Руководители местных ведомств, однако, определяют как «кулака» — *любого мало-мальски экономически обеспеченного сельского хозяина*. Точного, юридически недвусмысленного определения понятия «кулак» в коммунистическом законодательстве не содержится; лишь в различных инструкциях встречаются попытки определения этого понятия. Неудивительно поэтому, что порою встречаешь в коммунистической печати определения типа: «Коммунисты во многих случаях склонны считать кулацким всякое сильное и благополучное крестьянское хозяйство даже в том случае, если оно основано исключительно на собственном труде»^{II}; или: «Местные советские служащие находятся в полной неизвестности по поводу того, кого же, собственно, считать кулаком»^{III}.

Районные власти относят к кулакам не только «хозяйственных» кулаков — определение так называемых «деревенских корреспондентов», но и, как их еще называют, кулаков «идеологических», т. е. тех крестьян, чье благосостояние, возможно, уже разрушено, но которые тем не менее всем своим мировоззрением враждебно противостоят коммунистам^{IV}.

Ранее экономичность крестьянского предприятия определялась прежде всего тем, насколько велики его посевные площади на «собственной» или на «надельной земле»^V. В результате общего передела земли («черный

^I «Известия», № 146, 1926 г.

^{II} Смирнов. См.: «Известия», 23.02.25 г.

^{III} «Правда», 18.04.25 г.

^{IV} «Коммунист», 12.02.26 г.

^V «Надельная земля» — так называется та земля, которую крестьяне получили после отмены крепостничества.

передел») хозяйства с большими посевными площадями в настоящее время почти исчезли. Многократные переделы пахотных земель, раздел внутри отдельных семей, далее, налоговая политика коммунистов, всякий раз проводящаяся по индивидуальной оценке и тяжким бременем ложащаяся на каждого зажиточного крестьянина, всевозможные преследования и насилие, учиняемое над крупными крестьянами, — все это *свело до минимума* крестьянское хозяйство вообще и в особенности зажиточные хозяйства. Теперь советский крестьянин видит причину своего благосостояния более не в своей земле, не в ее мелиорации или ревностной обработке, а в живом и неживом инвентаре, которым он располагает, но особенно в сельскохозяйственной технике. Он эксплуатирует эту технику, сдавая ее в аренду или используя на арендованной земле. Зажиточный крестьянин также торгует, ссужает деньги под проценты и т. д.

Советская власть всеми средствами борется с так называемым «засильем кулаков»; однако надо отметить, что именно она своей политикой и породила настоящий тип кулака. И чем больше она его бьет, тем выносливей и хитрее становится сам кулак.

Методы накопления капитала. Инвентарь

Кулак, или зажиточный крестьянин, старается обогатиться прежде всего через технику. Техника сдается в аренду под проценты. При этом «эксплуатируются» хозяйственно ослабленные крестьяне. «Техника становится центром и узлом для всех отношений подчинения, возникших за спиной советской власти... Хозяйственная дифференциация внутри сельского населения протекает в замаскированной форме. Но от этого она не становится безобидной», — пишет руководящий коммунистический работник Сафаров¹.

Все сообщения, приходящие из провинции, указывают на то, что зажиточные крестьяне не особенно стремятся к расширению своих посевных площадей, они, скорее, стремятся купить молотилку, косилку и жатку. Это легко объяснить: *землевладение* как тако-

¹ «Большевик», № 15—16, 1927 г.

вое вот уже много лет, как стало ненадежным; поэтому ищут другие способы денежных вложений и вкладывают деньги в технику, чтобы легко и незаметно получать свои проценты за аренду.

Коммунист Павлуновский пишет в своем сообщении: «Крестьяне, имеющие в собственности машины, сдают их в аренду за наличные деньги или за требуемую работу. Этим занимаются все, не исключая коммунистов. Крестьянин, у которого есть молотилка, может заработать в среднем до 500—600 пудов зерна; косилка приносит владельцу до 300 пудов зерна... Из подобных машинных хозяйств вырастает кулак...»

Такое неравномерное распределение инвентаря наблюдается повсюду и на Украине, где оно также создает благоприятные условия для обострения дифференциации крестьян^I.

При страшной нехватке средств производства мелкокрестьянские хозяйства, конечно же, попадают в экономическую и личную зависимость от таких крестьянских хозяйств, которые располагают нужными средствами производства и могут сдавать их в аренду»^{II}.

Обеспечение сельского хозяйства техникой, и особенно тракторами, должно теперь, по мнению коммунистов, стать наряду с коллективизацией важнейшим средством для регулирования сельскохозяйственных отношений в социалистическом духе. Так называемая «механизация» сельского хозяйства должна не только обеспечить подъем сельской бедноты, но и помочь в организации коллективизации сельского хозяйства. Сельскохозяйственным кредитным организациям поручено всеми средствами содействовать этому процессу.

Однако эти процессы, инициированные Советским правительством, часто имеют совершенно неожиданные, а иногда даже прямо противоположные последствия. Кулаки настолько приспособились к новым условиям жизни, что проникают сами или их протаскивают в управляющий советский аппарат, особенно в «ниже-

^I «На аграрном фронте», № 8—9, 1927 г., стр. 31.

^{II} Хоменко. «Аренда и сдача в аренду неживого и живого инвентаря на Украине».

стоящие товарищества», и таким образом пользуются теми преимуществами, которые предусмотрены исключительно для деревенской бедноты.

«Кулацкий элемент завладевает нижестоящими ведомствами, задачей которых является распределение техники и кредитов, и использует это в собственных интересах, в результате чего в сельском хозяйстве развивается капитализм. Следует предположить, что предоставленная Советским правительством техника, доставленная в деревню, должна действовать как магнит на всех тех, кто привлекает отсталые массы в передовое социалистическое движение. В действительности же выясняется, что эта техника попадает в руки кулаков и обращается против диктатуры рабочего класса, против союза рабочих и крестьян. Несколько примеров: в 1925—1926 гг. деревенская беднота приобрела для себя в Ярульске через кооперацию 5,17% простой техники и не получила вообще никаких сложных машин; зажиточные крестьяне, в противоположность этому, приобрели 33,09% простой и 66,7% сложной техники... Кулаки и зажиточные крестьяне уже давно отбросили тактику непризнания советского строя. Как раз наоборот: они признают строй, для того чтобы поставить его с ног на голову. Дело заходит так далеко, что даже коллективизация встречает у них «поддержку»... Кулаки и зажиточные крестьяне хватаются за коллективную форму хозяйства, чтобы использовать ее как средство маскировки своих эксплуататорских намерений. Но их главная задача заключается, конечно, в том, чтобы «механизировать» свои хозяйства. Если для того, чтобы стать обладателем техники, придется пролезть сквозь игольное ушко коллективизации, то кулацкого верблюда это препятствие не остановит. Кулак готов принять коллективизацию, кооперацию и вообще «врастание в социализм» как точку отсчета, легальную возможность и мост для дальнейшего развития аграрного капитализма. Он недостаточно наивен, чтобы до конца поверить в то, что форма определяет содержание»¹.

¹ Сафаров. См.: «Большевик», № 15—16, 1927 г.

Корреспондент, который пристально наблюдал и изучал процесс «механизации» в деревне, приходит к выводу, что большая часть тракторов «поворачивается спиной к социализму и становится во фронт перед кулаками»^I.

Кредит и кооперация

«Поворачиваются спиной к социализму» и сельскохозяйственные кредиты и кооперация, которые начинают «становиться во фронт» перед кулаками.

Коммунистическая партия придерживалась мнения, что кредитные товарищества, как и всякая другая форма кооперации, открывают мелкокрестьянским предприятиям путь к социализму. На самом деле все обстоит следующим образом: «чем зажиточней и хозяйственно состоятельней деревенский слой, тем больше он тянется в кооперацию. Это участь не только кредитной кооперации, но и других форм, таких, как молочное хозяйство и возделывание льна, тех отраслей экономики, интерес к которым должны были бы проявлять все подворья, торгующие молоком и льном... И эти кооперативы втянуты в процесс дифференциации. Это никак не должно удивлять, ведь дифференцировано само крестьянство, и более чем понятно, что зажиточных крестьян раньше и скорее затягивают в кооперацию, чем бедных»^{II}.

Интересен и тот факт, что число всех членов кредитных товариществ в капиталистической, дореволюционной России достигало 8 миллионов, в послереволюционной же России только 3,6 миллиона; и что бюджет всех товариществ упал с 1 миллиарда золотых рублей до 240 миллионов советских рублей^{III}.

Аренда

После так называемого «черного передела» у крупного крестьянина осталось в среднем не больше земли, чем у других, так что собственной посевной земли у

^I «Известия», 05.04.27 г.

^{II} Эта цитата взята из статьи чрезвычайно знающей и опытной исследовательницы в области сельского хозяйства г-жи Хряшевой. См.: «Экономическое обозрение», октябрь 1927 г., стр. 42.

^{III} Шеффнер. Доклад в коммунистической академии. См.: «На аграрном фронте», № 3, 1927 г.

зажиточного крестьянина теперь вряд ли больше, чем у крестьянина-середняка. Однако этот скромный объем посевных земель у кулаков кажется коммунистам не чем иным, «как посконной рубахой или пролетарской кепкой на голове у нэпмана»^I, она предназначена лишь для того, чтобы ввести в заблуждение коммунистов.

На практике зажиточный крестьянин увеличивает свои сельскохозяйственные угодья большей частью на арендованных землях.

Сегодняшние арендные условия принципиально отличаются от арендных условий, обычных для дореволюционного времени. Прежде, до революции, землю сдавали в аренду помещики или богатые крестьяне. Этот вид сдачи в аренду сегодня полностью исчез. Сегодня под давлением нехватки инвентаря сдают в аренду свои земельные угодья почти одни только *бедняцкие хозяйства*, частично также *хозяйства середняков*. До революции в аренде участвовали почти все слои деревенского населения, так как сдаваемые в аренду участки чаще всего брались в аренду сообща сельскими общинами как таковыми. Сегодня же в противоположность этому землю берут в аренду богатые и экономически состоятельные хозяйства, обеспеченные живым и неживым инвентарем.

Ввиду ненадежности, господствующей сегодня в использовании земли, и сильных преследований зажиточных крестьян со стороны Советской власти, с арендованными землями обращаются варварски. Арендованная земля плохо обрабатывается^{II}. Договор об аренде в большинстве случаев заключается каждый раз только на один год, хотя правительством разрешена аренда на срок до 6 лет. «Сначала выколотить что-то из арендованной земли, а что будет дальше — посмотрим», — таково сегодняшнее отношение арендаторов. Это явление подтверждают все советские исследователи^{III}.

^I Брике. См.: «На аграрном фронте», № 7, 1927 г.

^{II} «На аграрном фронте», № 5, 1927 г.; Ключев. См.: «Беднота», 25.05.27 г.

^{III} Яковлев. См.: «Большевик», № 15—16, 1927 г.

Условия аренды «стали по сравнению с дореволюционным временем значительно хуже». Об этом говорят как все статистические данные, так и отдельные свидетельства^I. Большинство арендных договоров свидетельствуют о том, что «бедняк ничего не выиграл от земельного передела»^{II}.

По действующим в Советском Союзе положениям, налог на аренду должен платить *арендатор*; на деле же «в подавляющем большинстве случаев его платит *сдающий в аренду*, что означает взваливание налогового бремени на плечи бедняков; особенно часто это происходит с незаявленными арендными договорами». Это явление отмечается в проверках, проведенных Рабоче-крестьянской инспекцией^{III}.

Торговля и ростовщичество

Образование капитала происходит в деревне и на путях торговли. Еще в 1926 году Осовский сообщал: «В наших условиях доход от торгового капитала (в частной розничной торговле) местами более чем *десятикратно* превышает прибыли промышленных предприятий. Разумеется, ни банки, ни сберегательные кассы и кредитные товарищества не могут платить проценты выше среднего процента от прибыли промышленных предприятий. И когда крестьянин откладывает в заначку несколько десятков рублей, перед ним встает вопрос, отнести эти деньги в сберкассу либо кредитное товарищество за 6—8% годовых или поехать в город и привезти оттуда для соседей промышленные товары, на которых при их продаже он тотчас же заработает до 50 процентов; и тут — будь то середняк или крупный крестьянин — большинство выбирает последнее. Для иного образа действия у него просто отсутствует мотивация...»^{IV}

Кулаки занимаются еще и ростовщичеством. Коновалов среди прочего пишет: «Ростовщичество возникает

^I «На аграрном фронте», № 6, 1927 г.

^{II} «Правда», № 183 от 28.08.27 г. Данные корреспондентской сети Народного комиссариата сельского хозяйства.

^{III} «Большевик», № 15, 1927 г.

^{IV} «Большевик», № 7—8, 1926 г.

и расцветает не только из-за недостаточного снабжения... производственными кредитами, но и в результате плохой организации и недостаточного охвата различных отраслей сельского хозяйства и товарного производства кооперативами и кредитными организациями»^I. Автор приводит яркие примеры ростовщичества; например, «при погашении долга в сумме 3200 рублей» некоторыми хозяйствами «было выплачено 9230 рублей одних только процентов». «Подобная процентная ставка напоминает средневековье», — замечает Коновалов.

Зерновые запасы

Естественный рост зажиточных крестьянских хозяйств, конечно, предполагает определенное накопление капитала.

Более одной четверти свободных избытков зерна — это 28,8% всей зерновой продукции, поступающей на рынок, — сосредоточено в руках зажиточных крестьян^{II}. Общий доход сильного хозяйства зажиточного крестьянина достигает, по подсчетам Ларина, примерно 3000 рублей, это в 38,5 раза больше общего дохода бедного крестьянина^{III}.

Чтобы избежать преследований со стороны Советской власти, зажиточный крестьянин приспособливается к коммунистическим условиям жизни и старается как можно меньше выделяться из своего окружения; нередко выдает себя за бедняка или за рабочего; но чаще всего он старается выдать себя за середняка. Несмотря на это над ним, как дамоклов меч, постоянно висит опасность насильственного обобществления (называемого «раскулачиванием»). Каждый раз, когда Советская власть при добывании зерновых запасов обращается к методам «военного коммунизма», первыми, разумеется, страдают богатые хозяйства. Так, например, на заседании ВУЦИКа (Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета) народный комиссар Украины Шлихтер отрапортовал, что за один год «на 1 января

^I «На аграрном фронте», № 1, 1928 г.

^{II} Лосицкий. «Распределение крестьянских запасов».

^{III} «На аграрном фронте», № 4, 1927 г.

1928 года обобществлено уже 15 726 га кулацких земель^I. Одновременно газета «Известия» сообщила, что по приказу того же народного комиссара Шлихтера в течение трех предшествующих месяцев брошено в тюрьмы около 4000 кулаков, их запасы зерна конфискованы, а земля экспроприирована для распределения среди деревенской бедноты.

Хозяйства середняков

Коммунистическая партия считает середняка «центральной фигурой в российском сельском хозяйстве»; она говорит о «массовости середняка» и ставит вопрос о его отношении к рабочему классу «в сердцевину всех вопросов»^{II}.

По результатам последней большой переписи населения в Советском государстве, там проживает 76,7 миллиона середняков; это составляет 68,6% всего крестьянского населения^{III}. Если же взять «контрольные цифры» Госплана за 1927—1928 гг.^{IV}, в которых все сельское население поделено на *пять* социальных групп, — пролетарскую (наемные рабочие), полупролетарскую (деревенская беднота), середняков, деревенских предпринимателей и мелких капиталистов, — то, как это сформулировал Молотов на заседаниях XV съезда партии, «центральная фигура в сельском хозяйстве становится едва заметной»^V. Видя, что этими результатами он опровергает утверждения партии о «массовости середняка», Молотов, чтобы выпутаться из неловкого положения, был вынужден опорочить это деление как «слишком профессорское» и просто причислить группу предпринимателей к середнякам.

По одному этому уже видно, каким неопределенным смыслом пытаются наделить коммунисты понятие «середняк». По официально признанному руководящему определению Ленина, середняк — это крестьянин, чьи средства производства *соответствуют объему собствен-*

^I «Правда», 21.03.28 г.

^{II} «Известия», 04.11.27 г.

^{III} «Правда», № 255, 1927 г.

^{IV} Крупное статистическое обозрение высших советских учреждений планового хозяйства.

^V «Беднота», 24.12.27 г.

ного производства, при этом производство по-прежнему осуществляется собственными силами крестьянской семьи и ни под каким видом не допускает эксплуатации чужого труда. Тем не менее многие советские экономисты утверждают, что «середняк — самая пестрая и противоречивая фигура среди крестьянства» (Кретов, Крицман, Молотов).

Если понятие «середняк» так неопределенно толкуется даже руководящим слоем Коммунистической партии, то на местах оно толкуется совершенно произвольно и отягощается внутренними противоречиями. Особенно произвольное толкование понятия «середняк» наблюдается в деревнях во время выборов в Советы, при распределении налогового бремени и при раскладе нормы сдачи зерна в условиях чрезвычайных мер. Сообщения из деревень постоянно указывают на различного рода «передержки». «Достаточно одному середняку жить лишь малую толику лучше других середняков, как его сразу же шельмуют кулаком и лишают права участвовать в выборах»^I. Если же мы вспомним о безысходной нищете бедняцких хозяйств, о которых коммунистический экономист Брике метко замечает: «даже вопреки своему отчаянному, каторжному труду они обречены на гибель»^{II}, — то на мрачном фоне «этих нищенских хозяйств» *любое мало-мальски упорядоченное хозяйство* видится в таком ослепительном свете, что местные советские власти без тени сомнения ментально регистрируют его как *кулацкое хозяйство*. Тут не принимается во внимание ни личная предприимчивость владельца, ни возможные благоприятствующие обстоятельства, ни усердный труд крестьянина, ни размер его семьи...

Экономические процессы в хозяйствах середняков

На XV съезде партии (1927 г.) ЦК Коммунистической партии констатировал: 1) «при диктатуре пролетариата деревенская беднота имеет постоянные возможности роста и перехода в средние категории кре-

^I «Беднота», 06.02.27 г.

^{II} «На аграрном фронте», № 7, 1927 г., стр. 137.

стьянства»; 2) «растет хозяйственное благосостояние масс середняков».

Цифровые данные для усиления этих утверждений об укреплении «хозяйств середняков» собраны советскими экономистами. Эти цифры показывают, что во всем СССР в течение одного 1924 года «расстались с землей 15% бедняцких хозяйств», однако взамен в среднем 31,3% этих хозяйств, т. е. вдвое больше, перешли в более высокие хозяйственные группы.

Можно было бы оспаривать эти цифры, если бы не следующие соображения.

Если одна треть, т. е. 9—10 млн. бедняцких хозяйств, и вправду доросла до середняцких хозяйств, то следовало бы, по меньшей мере, соответственно увеличиться запасам инвентаря. В действительности же выясняется, что число безлошадных хозяйств за тот же период уменьшилось лишь на 0,8%¹.

Но и это незначительное уменьшение безлошадных хозяйств еще никак не доказывает, что процесс дальнейшего обнищания бедняцких хозяйств замедлился или даже вовсе прекратился. Темпы пролетаризации этих хозяйств лишь *маскируются* приведенными цифрами, ибо эти цифры даются и толкуются без учета сильного сокращения числа бедняцких хозяйств.

Если же мы еще учтем, что в 1925 году была разрешена сдача пахотных земель в аренду, то станет совершенно ясно, что бедные крестьяне, стоит им только из-за недостатка инвентаря сдать свой земельный участок в аренду, сразу же причисляются к «ненуждающимся», т. е. к середнякам: ибо *сдача земли в аренду* совершенно абстрактно считается коммунистами *признаком благосостояния*.

Тезис ЦК партии, по которому «более значительная часть деревенских бедняков доросла до середняков», опровергается, кроме того, специальными исследованиями в отдельных частях Советской России.

Ведь имеются данные по некоторым областям Советской России, по которым можно было бы судить и о

¹ «На аграрном фронте», № 11—12, 1927 г., стр. 28, 30.

других и согласно которым число безлошадных хозяйств в Советском Союзе, начиная с 1917 года и по 1926 год включительно, увеличилось на 5,5%. Исследования еще в одной области показывают увеличение в полтора раза (с 24,5% до 36,6%) числа безлошадных хозяйств в течение *только одного года*^I.

Такое же стремительное развитие бедняцких хозяйств можно наблюдать и по *сокращению инвентаря*, под которым зачастую следует понимать только один простой плуг. Так, число сельскохозяйственных орудий и машин в бедняцких хозяйствах, по результатам одного специального исследования, за два года сократилось наполовину^{II}.

Все эти данные опровергают утверждение о мнимых «возможностях вращивания деревенской бедноты в средние крестьянские слои».

Попробуем теперь проверить надежность второго тезиса Центрального Комитета. Этот второй тезис гласит: «Растет хозяйственное благосостояние масс середняков».

При проверке этого утверждения мы прежде всего должны иметь в виду, что эти так называемые «массы середняков» ни в коем случае не представляют собой хозяйственно однородного образования. Здесь едва ли можно говорить о «переходных ступенях», будь то «вниз, к слою деревенской бедноты, или вверх, к слою кулаков», ибо на самом деле «середняцкая масса» *большей* частью состоит из владельцев таких же нищенских хозяйств, каковыми являются бедняцкие хозяйства, а *меньшей* — из относительно зажиточных крестьян. У одних наблюдается продолжающееся обнищание, у других — или застой в развитии, или подъем в направлении явно кулацкого хозяйства.

К подобным выводам, — которые полностью опровергают коммунистический тезис об экономическом подъеме в развитии середняков в целом, — мы приходим, анализируя цифровые данные о дифференциации сельского населения с точки зрения сельскохозяйствен-

^I «На аграрном фронте», № 6, 1927 г., статья Брике.

^{II} Сафаров. См.: «Большевик», № 15—16, 1927 г.

ного инвентаря, представленные Центральным статистическим управлением (ЦСУ)^I.

По этим данным выходит, что к *средняцким хозяйствам* причислены даже предприятия *без плуга* и с *недостаточным числом лошадей*. Но ведь это — хозяйства, в которых царит явное несоответствие между средствами производства и посеваемыми землями. Можем ли мы на этом основании согласиться с тем, что на территории центрального сельскохозяйственного района существует «масса середняков», если 73 из 100 этих середняцких предприятий *не имеют даже одного плуга*?

Положение в Сибири, на первый взгляд, лучше. Там нет плуга лишь в 11 из 100 хозяйств. Вместе с тем «масса середняков» составляет там лишь 26,8% всех крестьян; остальные 70% причислены к деревенской бедноте.

Очень похожую картину встречаем мы и на Северном Кавказе; небольшая «масса» (37,2%) официально причислена к середнякам, однако *больше половины* из них — *бесплужные хозяйства*.

Что касается вопроса, насколько хорошо середняцкие предприятия снабжены живой тягловой силой, то мы узнаем из уст советского экономиста Хоменко, что «огромное количество хозяйств» на Украине «вынуждено арендовать необходимую живую тягловую силу»^{II}.

Вследствие чрезвычайно неравномерного хозяйственного состояния середняцких хозяйств среди них наблюдается двойное развитие. Одна их часть все более нищает, другая экономически крепнет, причем восходящая группа значительно меньше нисходящей.

Наше утверждение о том, что большая часть середняцких хозяйств по своему благосостоянию *почти не отличается от бедняцких хозяйств*, находит подтверждение и в докладе Молотова на XV съезде партии (1927 г.). Полемизируя с оппозицией, Молотов ссылается на доклад комитета Совнаркома, в котором, как он выразился, «присутствуют три знаменательные цифры, а именно: о годовых доходах деревенской бедноты, крестьян-середняков и наемных рабочих». Выясняется, что

^I Либкинд. См.: «На аграрном фронте», № 8—9, 1927 г.

^{II} «На аграрном фронте», № 8—9, 1927 г., стр. 192.

годовой подушный доход бедняка «составляет 78 рублей, батрака — 81 рубль и середняка — 92 рубля». Тем самым хозяйственно процветающий крестьянин-середняк богаче бедняка на 1 рубль 16 копеек в месяц^I.

В конце своего доклада Молотов признает, что «в настоящее время экономическими преимуществами в деревне обладают зажиточные кулацкие элементы, в то время как основная масса середняков и деревенской бедноты экономически находится в безвыходном положении»^{II}.

Из «массы середняков», к которым в Советском Союзе официально принадлежат 68% хозяйств, следовало бы соответственно исключить и причислить к группе сельской бедноты всех тех, кто по недостатку инвентаря «находится в безвыходном положении». Однако, по расчетам коммунистов, в таком положении находилось более половины хозяйств середняков; тем самым в «массе середняков» остались бы всего 20—25% всех крестьянских подворий. Эти хозяйства пока еще обладали достаточным инвентарем и потому были хозяйственно «независимыми». Тут на самом деле наблюдается хозяйственное стремление вперед.

Спрашивается только, могут ли эти середняки быть основой для «социалистического строительства», соответствуют ли они и вправду идеалу середняка, которому прежде всего заказано эксплуатировать чужой труд и чьи средства производства не должны превышать потребностей его собственного предприятия, чтобы он не имел возможности путем найма и аренды откладывать излишки, которые в дальнейшем «превращаются в капитал»?...

Если мы присмотримся внимательно, то увидим, что того середняка, которого мы имеем в виду, вообще ни в чем не отличить от кулака.

В хозяйствах середняков занято около 40% сезонных рабочих^{III}. Их средства производства, точнее, число сельскохозяйственных орудий, превышают потребности

^I Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 1091.

^{II} Ср. также «Бедноту», 22.12.27 г.

^{III} Ларин. См.: «На аграрном фронте», № 4—5, 1927 г.

собственного хозяйства. По материалам Сибирькрайкома, в собственности середняков находятся 37,1% всех сложных сельскохозяйственных орудий^I; ту же картину мы находим и на Кавказе^{II}.

Несмотря на то что сложные сельскохозяйственные орудия рентабельны лишь при сравнительно больших посевных площадях, например, молотилка только при 50—70 десятинах, — их используют, по данным Либкинда, «и в хозяйствах с 6 десятинами посевных земель», т. е. в хозяйствах, официально считающихся «хозяйствами середняков»^{III}.

Гайстер замечает, что зажиточные крестьяне стремятся по возможности уменьшить свои посевные земли, чтобы их не причислили к «кулакам»; одновременно они стараются приобрести сельскохозяйственные орудия, чтобы сдавать их в аренду^{IV}. Это то же самое явление, которое мы наблюдали и в хозяйствах крупных крестьян.

Те крестьяне-середняки, которые располагают сельскохозяйственными орудиями и батраками, имеют возможность увеличивать свои посевные площади и делают это, но преимущественно на арендованной земле, чтобы их не причислили к крупным крестьянам и таковыми не считали. При приросте посевных площадей на *собственных* землях это наверняка бы случилось.

Сама советская печать вынуждена признаться: «Аренда земли некоторыми середняками носит характер предпринимательской, капиталистической аренды»^V.

Во всех подобных «хозяйствах середняков», конечно же, имеются определенные излишки зерна, которые можно выбрасывать на рынок и превращать в капитал. По исследованиям Лосицкого, наибольшие запасы излишков зерна сосредоточены в руках таких середняков. Мы находим, таким образом, у этой, меньшей части

^I «Большевик», № 15—16, 1927 г., статья Сафарова.

^{II} Либкинд. См.: «На аграрном фронте», № 8—9, 1927 г.

^{III} Там же.

^{IV} «На аграрном фронте», № 10, 1927 г.

^V Асиян. См.: «Правда», № 133, 1927 г.; Клюев. См.: «На аграрном фронте», № 5, 1927 г.

хозяйств середняков, по большевистской терминологии, все *«социально-антагонистические признаки»*. Поэтому подобные «крестьяне-середняки» рассматриваются Советской властью *практически как классовые враги, так она с ними и обходится*.

Это пришлось констатировать и Рыкову на собрании актива московской партийной организации 13 июля 1928 года. Он сказал: «Интересы середняков в ряде случаев сильно пострадали, когда чрезвычайные меры, направленные против кулаков и спекулянтов при выколачивании зерна, *практически должны были распространиться и на середняков*». Факта «распространения на середняков» нельзя отрицать, заявил Рыков и под конец сообщил, что, по данным одного из районных судов (Тюмень), 63% ото всех осужденных по § 107 — *были середняками*. § 107 предусматривает наказание за спекуляцию зерном, т. е. продажу зерна в частные руки по рыночным ценам вместо цен, предписанных в государственных пунктах сбора зерна. Цены в свободной торговле были в три-четыре раза выше цен, установленных государством^I. Так, государственная цена за пуд^{II} пшеницы в городе Симферополе составляла 1 руб. 35 коп., а в частной торговле — от 6 руб. 80 коп. до 7 руб. 60 коп. и т. д.

И вот коммунисты занимались поисками выхода из этого тупика. Молотов причислял к «крестьянам-середнякам» всю «предпринимательски» ориентированную часть деревенского населения; Либкинд ввел в классификацию крестьян новую группу — «зажиточные». При сборе налогов, выколачивании зерна и новых выборах этих «зажиточных» и «предпринимателей» *причисляли к кулакам*, к врагам «социалистического строительства»; в борьбе с оппозицией и на публичных митингах «рабоче-крестьянской власти» эти группы *причисляли к «середнякам»*. Однако при помощи этих «диалектических методов» настоящий «середняк» все еще не становится тем полусоциалистически приверженным «середняком», которого так хотят получить коммунисты.

^I Курбатов. См.: «На аграрном фронте», № 5, 1929 г., стр. 81.

^{II} Один пуд — 16,4 килограмма.

Резюме

Что же представляет собой на самом деле «центральная фигура советского сельского хозяйства»?

На основе нашего анализа коммунистических источников (поскольку они описывают разные слои советской деревни), мы утверждаем, что до большой коллективизации вообще не существовало «массы середняков», ибо в сельском хозяйстве не существовало самой фигуры «середняка».

«Середняк», т. е., по большевистскому определению, крестьянин, «чьи средства производства соответствуют объему его собственного хозяйства и который также не эксплуатирует чужого труда», — *чисто абстрактное понятие* и «голая формула».

Так же, как искусственно придумано доньше неизвестное в русском языке слово «середняк», теоретически придуман и ирреален и смысл, вкладываемый в это слово. В схему этого пустого представления коммунистическая власть насильственно втиснула всю жизнь советской деревни.

На самом деле крестьянство в Советском Союзе делится на две неравные половины. Первая часть, *почти две трети*, — деревенская беднота, вторая, *одна треть*, — более или менее продуктивные хозяйства с тонким верхним слоем из зажиточных крестьян. *Крестьянин, обладающий средним благосостоянием, уже имеет, с точки зрения коммунистической доктрины, все признаки кулака; Советская власть и относится к нему на практике как к таковому.*

Хозяйственная экспансия при существующих условиях для деревенского бедняка невозможна уже по одному тому, что для этого не имеется достаточного количества свободной пахотной земли; однако для него так же невозможно более интенсивное хозяйствование, ибо здесь идет речь об огромном количестве «мелких и мельчайших» хозяйственных единиц, чей годовой доход колеблется всего лишь от 78 до 92 рублей. Под гнетом налогов число таких хозяйств продолжает расти, этот гнет принуждает «середняков» и далее делить свои хозяйства, чтобы уйти от налогов. При росте количества мелких хозяйств соответственно падает и их рента-

бельность. Наконец часть бедняцких хозяйств прекращает свое существование и «отказывается от земли»; бывший деревенский бедняк отправляется на поиски работы в город или становится пролетаризированным сельскохозяйственным рабочим, число которых по этой причине быстро увеличивается. Другая часть крестьян с их «безнадежными» хозяйствами — по словам председателя Академии наук Карпинского — «неизбежно превращается» «в своего рода карликовых хозяев, которые лишь с трудом влчат свое существование, превращается в нищих, которые хотя биологически и способны к воспроизведению, но сидят как совершенные «пауперы»-импотенты в своих крохотных гнездах-ячейках»^I. Эти карликовые хозяйства, разумеется, не в состоянии выбросить на рынок какие-то излишки зерна; напротив, они задолго до следующего урожая вынуждены покупать себе зерно. На производительных территориях России имеется 36% подобных хозяйств; кроме того, еще 27% всех бедняцких хозяйств в лучшем случае в состоянии удовлетворить свои насущные потребности в питании^{II}.

Почти две трети крестьянского населения, исчисляющегося миллионами, ощущают себя доведенными до нищенского уровня и живут в ничтожном «равенстве», и только одна треть имеет шанс постепенно выкарабкаться из этого состояния. Если использовать коммунистические определения, то хозяйства этой трети принадлежат к типу «зажиточных», «предприимчивых» кулаков. Однако хозяева этих подворий утратили характер прежних российских крупных крестьян, которые связывали свое благосостояние с обладанием пахотной землей. «Земля как таковая для них более не самоцель, как это было прежде», — подтверждают советские экономисты. Это изменение отметил также «всероссийский староста» Калинин. Он говорит: «Крестьянин перестал ухаживать за посевами с такой любовью, как прежде. Он теперь не слишком интересуется состоянием зимних и поливкой летних хлебов. Хуже сделалась и обработка пашни...» Почему?

^I Ср. Марецкого: «Правда» от 30.06.28 г.

^{II} Ср. у Лосицкого, *opus cit.*

Своей аграрной и налоговой политикой, обобществлением и экспроприацией Советская власть привила крестьянину определенную *осторожность в отношении обработки сельскохозяйственных угодий*. Она плодит лишь ненависть бедных к «кулакам»; своей налоговой политикой она «печется» о каждом зажиточном крестьянине, препятствует его подъему и расцвету его хозяйства и старается всеми средствами выдавить его в группу наполовину разочарованных «середняков».

Кулак обороняется

Богатый крестьянин обороняется от этого. Он хозяйствует с постоянной бесконечной осторожностью, он сдерживает свою предприимчивость и незаметно приспособляется к беспросветной серости своего окружения. Все его имущество, да и его жизнь постоянно находятся в опасности. По этой причине, ища вознаграждения за огромную ненадежность и риск, он стремится получить очень высокую прибыль, невозможную в нормальных условиях. Если ему и вправду удастся разбогатеть, он становится похожим на азартного игрока. Он старается умело использовать все «социалистические реформы» в своих интересах: он стремится втереться в органы управления нижних ступеней; он стремится воспользоваться кредитами кооперативных товариществ; он торгует из-под полы и ссужает деньгами; он приобретает неживой инвентарь для сдачи его в аренду; он увеличивает свои посевы на взятых в аренду землях; он даже пытается создавать дутые коллективы и таким образом получать те преимущества, которые предоставляют коллективам.

Верхний крестьянский слой, т. е. и чуть более зажиточный крестьянин, проявляет в этой борьбе невероятную сноровку и выносливость. Крестьянин борется не на жизнь, а на смерть; он, кажется, понял всю трагическую серьезность своего положения: он понял, что советская власть хочет согнуть его в бараний рог и делает и будет делать все, чтобы его экспроприировать. *Налоговая политика* уже дает ему в этом отношении полную ясность¹. Та же тенденция господствует и в

¹ См. раздел «Судьба русских крестьян».

ценовой политике: ведь коммунистическое правительство платит крестьянину за зерно лишь 40—50% его цены на мировом рынке^I; эта цена, по свидетельству тогдашнего руководителя Госплана В. Громана, *не покрывает даже затрат на производство*, в то время как крестьянину приходится платить за товары низкого качества, произведенные «социалистической промышленностью», цены, по очень осторожным оценкам советского экономиста Базарова, на 100% превышающие розничные цены довоенного времени^{II}. Последние годы приносили верхнему крестьянскому слою все новые тяготы и затруднения. Так, закон от 28 июня 1929 года давал собраниям сельской общины право принимать решения о заготовках зерна, которое должно было поставлять «все село», и выколачивать установленное количество из зажиточных крестьян; крестьянина, который не выполнит это распоряжение сельского совета, наказывают денежными штрафами, тюрьмой, экспроприацией и ссылкой. Тем самым верхний слой крестьянства отдается на откуп произволу сельских коммунистических ячеек и так называемых «комбедов». Так с каждым годом давление увеличивалось. В противоположность этому вовсе не многочисленным коллективным предприятиям выделены лучшие участки земли; им предоставлены кредиты; им обещали преимущества в налогообложении; их снабдили сельскохозяйственными орудиями, пообещали трактора и т. д.

Так «готовилось» новое, великолепно задуманное наступление коллективизации на все крестьянство в целом^{III}. Коммунисты направляли хозяйственную дифференциацию класса крестьян таким образом, чтобы большинство единоличных хозяйств обнищали и впали в отчаяние и только меньшинство могло продолжать борьбу за существование. Значительно обострилась эта борьба уже в 1928 году. «В последнее время», сообщала советская печать, значительно увеличивается число слу-

^I См. признание в «Вестнике финансов», № 9, 1927 г.

^{II} «Экономическое обозрение», № 4, 1927 г.

^{III} Просто признано Сталиным. См. его речь в «Правде» от 29 июня 1930 г.

чаев убийств членов коммунистических ячеек, Советов, сельскохозяйственных кооперативов и различных «общественных активистов»^I. Еще более выросла волна преследований «рабочих корреспондентов»^{II}, и борьба приняла в последнее время ожесточенный характер^{III}. «За последний год в результате поджогов» (1927 г.) «только в РСФСР произошло 25 000 случаев убытка от пожара»^{IV}. Заместитель народного комиссара финансов Фрумкин кратко обобщил настроения крестьянства в письме, которое было прочитано Сталиным в ЦК партии: «За исключением ничтожной части бедняков деревня настроена по отношению к нам враждебно»^V.

В противоположность этому настроение коммунистического лагеря лучше всего характеризуется словами Сталина: «Крестьянское сельское хозяйство — колония для эксплуатации пролетарского государства»^{VI}.

Коллективизация

Вот такая общественная и политическая атмосфера царил в стране, когда летом 1929 года началась большая коллективизация сельского хозяйства^{VII}. Совершенно ясно, что коллективизация, которой была начата программа пятилетнего плана в области сельского хозяйства, должна была стать основополагающей в процессе сельскохозяйственной дифференциации крестьянства. Новая бурная экспроприация ставила своей задачей не только «ограничить и вытеснить кулаков», но и «ликвидировать кулака как класс на основе сплошной коллективизации...»^{VIII}. Иными словами, *экономически*

^I «Известия», 30.10.28 г.

^{II} См. раздел «Система террора».

^{III} «Правда», 30.08.28 г.

^{IV} «Беднота», № 2969, 1928 г.

^V «Известия», 24.11.28 г.

^{VI} «Красная газета», 06.11.26 г.

^{VII} См. разделы «Судьба русского крестьянина» и «Немецкие колонисты».

^{VIII} Это основной партийный лозунг. См., например, «Правду» от 15.05.30 г., передовую статью; ср. у Яковлева: «Правда», 19 мая 1930 г. Ср. в речи Калинина: «Мы уничтожим прежнее крестьянство как класс...» («Правда», 23 июля 1930 г.).

искоренить верхний слой крестьянства и загнать нижние слои крестьянства, а по возможности все оставшееся крестьянство^I, в колхозы. Таким образом, следовало в бешеном темпе усилить уже существующую дифференциацию крестьян и обрушить трагические последствия этого процесса — растущее обнищание масс — на «коммунистический сектор» сельского хозяйства.

Чтобы верно показать новый поворот крестьянской дифференциации, нам прежде всего надо установить, что эта коллективизация *не* представляла собой *добровольного* или спонтанного движения крестьян, а *была* проведена *насильственно сверху*.

Принцип добровольности

Здесь уже потому нельзя говорить о какой-либо «добровольности», что вдосталь описанная нами сельскохозяйственная политика Советского правительства не оставила никакого пространства для *свободной воли*, т. е. самопроизвольного и беспрепятственного проявления крестьянского инстинкта. Над крестьянином и его здоровой инициативой с самого начала довлел фискальный, административный, политический и религиозный пресс: буржуазная форма хозяйства была сделана для него затруднительной или вовсе *невозможной*; *единственным выходом* для него осталась социалистическая реформа. Эта политика господствовала несколько лет и принесла самые тяжкие результаты. И тут началось наступление коллективизации^{II}.

Принялись за дело в соответствии с широко задуманным и разработанным планом^{III}. Говорилось: «По всему фронту началось социалистическое наступление на капиталистические элементы»^{IV}. По подлинным данным коммунистов, которые, хотя и поздно, но зато подробно описали все наступление, — а принцип добровольности при записи в коллективные предприятия не

^I Ср., например, лозунг на Кубани: «К 1 мая (1930 г.) — ни единой межи, ни единого индивидуального хозяйства». («Известия», 11.01.30 г.) и тому подобное.

^{II} См. раздел «Судьба русского крестьянина».

^{III} Ср., например, «Экономическое обозрение», № 7, стр. 6—7.

^{IV} Логинов. См.: «Правда», 07.05.30 г.

соблюдался»^I. Случалось, что голосования не проводилось вообще; были другие случаи, когда голосование «проходило под давлением»: колхоз считался созданным при 20 голосах «за», 18 голосах «против» и 160 воздержавшихся^{II} или при 13 голосах «за» и 400 воздержавшихся^{III}. Маленькие диктаторы — «уполномоченные» — старались упростить дело^{IV}: например, крестьянам предлагались две бумаги, одна означала вступление в колхоз, другая — ссылку в Сибирь^V. Крестьяне были поставлены перед выбором: присоединиться к коллективизации или стать экспропрированными^{VI}. Там и тут объявлялось: «Тот, кто запишется в колхоз, считается сторонником Советской власти, а кто нет, — тот объявляет себя противником Советской власти; но все равно вас всех запишут; мы все равно экспроприруем ваши земли, а потом запишем вас...»^{VII} и т. д. Также грозили высоким налогообложением, исключением из потребительского товарищества и т. д.^{VIII}

Все средства были хороши для того, чтобы «быстрым галопом загнать всю деревню в социализм»^{IX}. Дошло даже до того, что по поводу создания колхоза не проводили ни обсуждения, ни голосования; каждый, кто отводил свою лошадь на предписанное ветеринарное освидетельствование, считался «добровольным» членом колхоза^X. Короче, стремились к тому, чтобы провести коллективизацию одним махом, «в ударном порядке»...^{XI} И это давление исходило не от рядовых коммунистов, а

^I См. статью Сталина «Ответ товарищам колхозникам». Отдельно напечатана как приложение к газете «Пролетарий». Ответ на второй вопрос. Пункт 1.

^{II} «Правда», 25 мая 1930 г., статья Панферова.

^{III} «Правда», 20 марта 1930 г.

^{IV} См., например, у Тайца: «Правда», 21 мая 1930 г.

^V «Правда», 17 марта 1930 г.; ср. «Известия», 24 марта 1930 г.

^{VI} «Правда», 12, 14, 21 марта 1930 г. и т. д.

^{VII} «Правда», 15 марта 1930 г.

^{VIII} «Правда», 4 июня 1930 г.

^{IX} Там же.

^X «Правда», 16 мая 1930 г.

^{XI} Третьяков. См.: «Правда», 14 мая 1930 г.

от верхних слоев партии^I. Определенно высказался по этому поводу Калинин, отметив, что «большевистское понимание добровольности предполагает и включает в себя «общественное давление»^{II}.

Наступление и натиск

Идея и задача коллективизации понимались уполномоченными членами партии как необходимость проведения в кратчайший срок возможно более радикальной экспроприации крестьянства и возможно более полного обобществления всего сельского хозяйства^{III}. Зачастую по этой причине экспроприровалась и обобществлялась вся собственность крестьян: лошади, коровы, мелкая живность, куры, корма, инвентарь, орудия труда, швейные машины...^{IV} «Обобществлены» были лошади и ружья даже у кочевников-казахов^V в Средней Азии; попробовали просто переселить их из кочевых кибиток в небольшие домики и построить для них коммунистическую столовую: и это было частью коллективизации. Однако казахи разрушили дома, распустили колхоз, забрали своих лошадей и вернулись в свои кибитки...^{VI}

В этой лихорадочной спешке вовсе не подумали о том, чтобы придать новым коллективным хозяйствам какую-то определенную форму, юридическое обоснование и внутреннюю организацию^{VII}. На бумаге^{VIII} создавались большие, даже огромные хозяйства, которые охватывали несколько десятков тысяч гектаров,

^I См., к примеру, «Правду», 22 мая 1930 г.; другие данные в разделе «Судьба русского крестьянина».

^{II} См. его речь в «Правде» от 23 июля 1930 г.

^{III} Характерно следующее описание: Председатель: «Сколько членов ты привлек в колхоз?» — Член правления деревни: «Трех». — Председатель: «Секретарь! Запиши! Он пойдет под суд!» («Правда», 14 мая 1930 г.)

^{IV} Ср., к примеру, «Правду» за 1930 г.: от 13 мая, 19 мая, 23 июня и т. д.

^V *Казахи* — кочевой народ тюркско-татарского происхождения, нельзя путать с оседлыми *казаками* и их территориальными военными организациями (разных национальностей).

^{VI} «Правда», 13 мая 1930 г. Рассказано Броварским.

^{VII} «Правда», 16 и 30 мая 1930 г. и т. д.

^{VIII} Например, «Правда» от 13 мая 1930 г.: «Бумажные колхозы».

оставались «нежизнеспособными»^I и очень скоро разрушались^{II}. Коллективизированный скот и корма были сразу же отобраны у крестьян и объединены: «Скот был помещен в плохо оборудованные хлева в таком количестве, что коровам ночью негде было прилечь, скот и птица попеременно, и ужасающий уход и отношение...»^{III} Подвергнутый безобразному отношению скот подыхал массами; «если же лошадь подохнет, — говаривали вожаки коллективных предприятий, — то пусть идет к черту, ведь она принадлежит не тебе, а колхозу...»^{IV} Крестьянам это было известно заранее; они с самого начала были убеждены в том, «что обобществленные лошади погибнут»^V. В советских газетах часто встречаются издевательские статьи, в которых описываются драматические сцены: видно, как крестьяне не хотят отдавать своих лошадей или силой забирают их обратно; видно, как бегают по деревне женщины в слезах, с ребенком на руках и лошадью на привязи и пытаются сопротивляться; видно, как целая меннонитская⁷⁵ деревня гонит обратно из степи обобществленных лошадей и приковывает их цепями, чтобы предотвратить коллективный труд...^{VI} Однако того крестьянина, который собственноручно забрал обратно свою обобществленную лошадь, отправляли в суд как «вора», и он получал до полутора лет тюрьмы или до одного года принудительных работ^{VII}.

Короче, говоря словами Калинина, «люди буквально переворачиваются с ног на голову»^{VIII}.

Жертвы

В этом великом процессе коллективизации было экспроприровано и «ликвидировано» наиболее зажи-

^I Яковлев. См.: «Правда», 19 мая 1930 г.

^{II} Логинов. См.: «Правда» от 7 мая 1930 г.

^{III} Тайц. См.: «Правда», 21 мая 1930 г.

^{IV} Беликов. См.: «Правда», 30 мая 1930 г.

^V «Правда», 14 мая 1930 г.

^{VI} См. подлинные описания: «Правда» от 14 и 29 мая 1930 г.

^{VII} Лебедев. См.: «Правда», 16 мая 1930 г.; ср. «Правду» от 23 июля.

^{VIII} «Правда», 23 июля 1930 г.

точное крестьянство (мнимые кулаки). На самом деле эта экспроприация коснулась не только зажиточных крестьян, но и середняков, и даже бедняков; «кулаком» или «подкулачником» считался каждый, кто не хотел сдавать зерно; каждый, кто выступал против коллективизации; каждый, кого по доносу обвинили в частной торговле; и каждый был экспроприрован^I. Это мероприятие было направлено против «непокорных», которых требовалось «устранить»^{II}. Сама экспроприация называлась уродливым словом «раскулачивание». Как отмечал один коммунист, «раскулачивание из эпохи гражданской войны было вновь призвано в жизнь»^{III}.

Самими коммунистами признавалось, что были экспропрированы многочисленные *середняки*^{IV}. Та же участь во многих случаях постигла и *небогатых* крестьян, ибо середняк, который был экспроприрован с помощью бедняков, жаждал мести и старался, со своей стороны, донести на них; коммунисты же (которых позднее за это называли «перегибщиками») шли им в этом навстречу^V. У одной бедной женщины («беднячки») коммунисты экспроприовали все сено и пропили его; она вчинила им иск и получила в ответ: «Мы тебя раскулачили»^{VI}. Тут причислили к кулакам и экспроприовали непокорного сельского учителя^{VII}; там — «эксплуататора», чье преступление состояло в том, что ему, вследствие тяжелой болезни жены, пришлось нанять прислугу для ухода за маленьким ребенком^{VIII} и т. д.

^I Специально введено в обиход новое уродливое слово «подкулачник».

^{II} Тайц. См.: «Правда», 21 мая 1930 г.

^{III} Колесников. См.: «Правда», 27 июня 1930 г.

^{IV} Сталин. Ответ товарищам колхозникам. Ответ второй; Яковлев. См.: «Правда», 19 мая 1930 г.; ср. «Правда» от 13, 21, 24 мая 1930 г. и т. д.

^V Тайц. См.: «Правда», 21 мая 1930 г.

^{VI} Сообщение деревенского корреспондента. См.: «Правда», 27 мая 1930 г.

^{VII} «Правда», 21 мая 1930 г.

^{VIII} «Правда», 14 мая 1930 г.

Крестьяне старались спрятать зерно — в хлев, на чердак, в мусор, в солому; или закопать его в землю — тогда ямы называли «зерновой могилой», и их коммунисты усердно разыскивали: они расхаживали по двору и тыкали в землю палками с металлическими наконечниками; в местах, где земля казалась рыхлой, принимались копать^I. Крестьяне же доносили друг на друга, и это еще более подогревало взаимную ненависть. Распродавали с молотка имущество отсталых или злостных укрывателей зерна, вне зависимости от того, относятся они к группе кулаков или бедняков^{II}. Экспроприированных выбрасывали на улицу с женой и детьми в том, что на них было: они просто получали нищенскую клюку, если уж им посчастливилось избежать ареста, судебного приговора или ссылки^{III}.

Примечательно, что эту экспроприацию (по примеру первых революционных лет) часто рассматривали как *перераспределение имущества*. В лучшем случае экспроприированное кулацкое имущество считалось «основой для коллективизации» и предоставлялось коллективным хозяйствам^{IV}. В худшем случае его просто распределяли.

Число

Сложно назвать точное число экспроприированных и порушенных крестьянских хозяйств. Были районы, где коммунисты постарались экспроприировать до 10% крестьян^V. Число выселенных в некоторых местностях достигало всего 4,5%, что составляло, например, в двух крупных казацких станицах на Кубани около 300 индивидуальных хозяйств^{VI}. В указе Центрального Комитета от

^I Ср. «Экономическая жизнь», 19 ноября 1929 г.

^{II} Ср. «Экономическая жизнь», 24 ноября 1929 г.

^{III} См. книгу «Смертный путь немцев» в серии «Книга бедствий» изд-ва «Эккарт», № 1—2, стр. 92—107, глава IX: «Ликвидация кулачества. Подлинные описания из писем экспроприированных немецких колонистов». См. также бюллетень проф. Прокоповича: февраль 1930 г., № 76, стр. 11.

^{IV} «Правда», 26 мая 1930 г., статья Поповой; см. также у Ковалева: «Правда», 11 мая 1930 г. и др.

^V Старо-Юрьевск. См.: «Правда», 6 мая 1930 г.

^{VI} «Правда», 20 июня 1930 г., статья Кушнева.

15 марта 1930 года число ликвидированных хозяйств оценивалось в 10—15%. Милютин, один из коммунистических руководителей, пишет о тех местностях, где было обобществлено до 40% всех крестьянских хозяйств... Вследствие этого нам кажется в высшей степени трезвым и наиболее вероятным подсчет великолепного специалиста профессора Б. Бруцкуса, согласно ему только в местах «сплошной коллективизации» было разрушено не менее 600 тысяч крестьянских хозяйств^I.

То тут, то там крестьяне пробовали предупредить экспроприацию: тот, кто относил себя к «безнадежным», продавал часть своего имущества или все имущество и отправлялся в город либо в малонаселенные места: он «сам раскулачивал себя», чтобы спасти хотя бы что-то^{II} и начать на новом месте новую жизнь. Подобная ликвидация собственного имущества практиковалось и теми, кто оставался на прежнем месте и был записан в колхоз. Живой и неживой инвентарь продавали; коров, овец и свиней забивали, поедали или везли на рынок^{III}. «Рынок переполнен лошадьми, коровами, живой и забитой птицей, лошадиной сбруей и иными хозяйственными принадлежностями. Возвратясь с рынка домой, крестьяне давали согласие на вступление в коммуну. С собой в колхоз они приводили измученную клячу и мешок для получения причитавшегося им продовольственного пайка»^{IV}. Лошадь можно было купить всего за 5 рублей^V. Вновь ожил народный обычай военной поры, по которому «ничто не должно было попасть в руки врага». 16 января 1930 года было издано распоряжение с целью положить этому конец. Но оно не помогло. В итоге за один-единственный хозяйственный год страна потеряла 23% рогатого скота и более 40% свиней... В одной

^I См. «Германская экономика» («Deutsche Volkswirt»), 22 августа и 10 октября 1930 г.

^{II} Ср. «Правда», 19, 26 января 1930 г. и др.

^{III} Ср. «Правда», 18 января 1930 г.; 7 мая, 21 мая, 2 июня 1930 г.; «Экономическая жизнь», 30 октября 1929 г. и т. д.

^{IV} «Правда», 4 июня 1930 г. Описание деревенского корреспондента.

^V См. у Прокоповича: Бюллетень № 76, стр. 28.

только Украине в 1929 году отмечается сокращение поголовья скота на 16%^I.

Вступающие в колхоз

Крестьянин в принципе враждебно настроен по отношению к колхозу. Ему противна и ненавистна вся коллективизация в целом. Приверженный частной собственности, он вовсе не хочет отказываться от частного хозяйства; он воспринимает принудительную коллективизацию как грабеж и разрушение. Он также вовсе не верит в экономический успех коллективизации: «Мы только погибнем с вашими колхозами»^{II}. Вследствие этого он ненавидит и презирает коммунистических чиновников, которые его «коллективизируют»: «Эй, ты пришел, чтобы принудить нас работать?! Подвесил ли ты пушку к поясу? А какой у тебя месячный оклад? Сто двадцать? А нам не удастся заработать даже двадцати! Тебе легко говорить! Ты горожанин! Что ты понимаешь в наших деревенских делах?»^{III} и т. д.

И тем не менее они дают записывать себя в колхозы. По какой причине? Во-первых, потому, что их *частное хозяйство ослаблено* и по-прежнему находится под угрозой. А коллективные хозяйства обещают значительные поправки. Хозяйственно ослабленный крестьянин без инвентаря и тягла не может надеяться на то, что пробьется самостоятельно: в коллективном хозяйстве он ищет несколько более благоприятную *исходную точку*. По сообщениям коммунистического аграрного института, в коллективные хозяйства в 1928 году были записаны около 70,9% отдельных хозяйств без пахотной земли, 47,3% безлошадных крестьянских хозяйств и 70,1% хозяйств без коров. Основной контингент более сложных колхозов (артель, коммуна) образуется, как видим, из деревенской бедноты. Эта деревенская беднота хотела бы, чтобы *государство* и так называемый «социалистический сектор» *обеспечивали и кормили*

^I Речь Сталина. См.: «Правда», 29 июня 1930 г. Речь Косиора. См.: «Правда», 2 июня 1930 г.

^{II} «Правда», 14 мая 1930 г.

^{III} «Правда», 14 мая 1930 г. Ср. «Экономическая жизнь», 5 сентября 1930 г.

ее¹. Наряду с этим остается надежда — воспользоваться коллективным хозяйством как местом, которому оказывается всяческая помощь, встать на ноги, затем со всем накопленным и припасенным *из него выйти* и вновь создать собственное хозяйство. Крестьяне записываются в колхоз лишь в надежде вновь из него выйти. Это отмечается и в специальной аграрной коммунистической литературе: зачастую коллективы представляют собой не что иное, как «проходной двор» — в него входят и выходят для того, чтобы скопить определенное минимальное количество и опять начать вести индивидуальное хозяйство^{II}. В этом контексте находят свое объяснение и многочисленные примеры так называемых «липовых коллективов»: объединяется группа крестьян, создает коллектив, берет себе удачно расположенный и культивированный участок земли и отгораживается от своего окружения, чтобы не принимать новых членов и использовать благоприятные обстоятельства в своих интересах^{III}. К этому, последнему, способу особенно охотно прибегают середняки и «кулаки»: так они, ко всему прочему, пытаются скрыть свое имущество и уйти от грозившей экспроприации^{IV}.

Уже по одному этому можно легко проследить полную картину новой ступени дифференциации крестьян.

Большая раздвоенность

После большой экспроприации и коллективизации 1929—1930 годов весь класс крестьянства в Советской стране разделился на две крупные, но по своему социальному составу *нестабильные* группы: на «коллекти-

^I Ср. «Правда», 18.01.30 г.

^{II} См. «Правду» от 12.07.30 г., речь Яковлева; «Достижения и трудности колхозного строительства» Гайстера (Москва, 1929); проф. Прокопович. Бюллетень, № 73, стр. 8, 11; ср. «Правду» от 12.05.30 г. Народный комиссар Яковлев указывает еще на следующие причины выхода: выходят насильственно загнанные, разочарованные неорганизованностью в колхозах и поддавшиеся кулацкой агитации («Правда», 12.07.30 г.).

^{III} Имя таким примерам — легион; см., например, «Правда», 12 и 22 мая, а также 29 июля 1930 г.

^{IV} «Правда», 21 мая 1930 г. и др.

визированных» (колхозники) и свободно хозяйствующих крестьян (единоличники). Это — два враждующих лагеря, с враждой и ненавистью противостоящих друг другу^I. Ненависть так велика, что люди не здороваются друг с другом и не дают друг другу прикурить^{II}; «вон идет единоличник, у-у-у, змей!»^{III}.

Или: «Вы единоличники, а значит, наши враги и враги советского правительства!»^{IV} Колхозник травит свободного крестьянина^V; свободный крестьянин определяет свое собственное состояние теми же словами, которыми он определял отмену крепостного права — «воля», «на воле», — и со своей стороны травит колхозника^{VI}.

Эта ненависть возникает прежде всего из той агрессивной позиции, которую коллективное хозяйство занимает по отношению к единоличнику. Оно старается отнять у него лучшие земли — огороды и пастбища^{VII}; старается также сократить его надел и тем самым расширить свои владения: то тут, то там читаешь о грандиозных планах сноса целых деревень и выселения всех свободных крестьян^{VIII} и т. п. Коллективным хозяйствам, руководимым Коммунистической партией и настроенным на земельный грабеж, действительно удается значительно увеличить (из расчета на душу) обеспечение земель *записанных в колхозы* крестьян^{IX}. Большею частью также «прижимают», т. е. обделяют и совершенно несправедливо обходятся, выходящих из колхоза крестьян^X. Свободные крестьяне на это агрессивное отношение, естественно, отвечают ожесточенной борьбой.

^I «Правда», 8, 22 мая 1930 г.

^{II} «Правда», 25.06.30 г.

^{III} «Правда», 20.06.30 г.

^{IV} «Социалистическое земледелие», 16 октября 1930 г.

^V Яковлев. См.: «Правда», 19 мая и 12 июля 1930 г.

^{VI} «Экономическая жизнь», 23 августа 1930 г.

^{VII} «Правда», 22, 28 мая 1930 г.

^{VIII} См. «Правду» за 22 мая 1930 г., статья Никулихина.

^{IX} По некоторым данным, даже вдвое. Шацкий. См.: «Правда», 30 июня 1930 г.

^X См., например, «Правда», 22, 24, 27 мая 1930 г. и т. д.

Отъявленными врагами «колхозов» считаются в особенности бабы, частные торговцы, мнимые «кулаки», а также священники, сектанты, сельские учителя и все, у кого отобрали политические избирательные права и право на получение продовольственных карточек («лишенцы», «лишенные прав»)¹. Против колхозов чаще всего выдвигаются три основные причины: во-первых, отмена права частной собственности и индивидуального хозяйства; во-вторых, бесхозяйственность, которая царит и всегда будет царить в коллективных хозяйствах; и в-третьих, безбожие, которое проповедают проводящие коллективизацию коммунисты и которое навязывается насильственно («печать Антихриста»)². Особенно поучительно также отметить, что коммунисты на селе (члены партии из крестьян) редко и крайне неохотно вступают в колхозы, напротив, они держатся за свое частное хозяйство и не принуждаются высшими партийными инстанциями к вступлению в колхозы, ведь по отношению к ним рекомендуется соблюдать «осторожность»!³

Разумеется, большая масса крестьян-колхозников всегда готова выйти из коллективных хозяйств: весной, когда только-только появляется первая зелень и у крестьянина отпадает нужда в получении коллективного корма для своей лошади и коровы, он уже желает выйти из колхоза^{IV}; если он не вышел еще тогда, если принял участие в коллективных посевных работах, он старается разделить посевные площади (подушно и соответственно проделанной работе) и увезти свой урожай к себе домой^V. Но и во время посевной крестьяне «толпами» выходят из коллективных хозяйств^{VI}. Кре-

¹ См. «Правда», 7,14, 21 мая 1930 г. и т. д.

² См. в особенности доклад Третьякова: «Правда», 14 мая 1930 г. Ср. «Социалистическое земледелие», 7 ноября 1930 г.

³ См., например, «Правда» от 19 июня 1930 г.; см. особо «За крупные колхозы»: «Материалы I-го Всероссийского совещания крупных колхозов» (1929 г., стр. 373—377).

^{IV} «Правда», 30 мая 1930 г.

^V «Правда», 23, 30 мая 1930 г. и т. д.

^{VI} «Правда», 16 мая 1930 г.

стьянин предпочитает волю, будь она зачастую даже (нищетой на воле)^I. Ему по-прежнему противны коммунистическая казарма, так называемое «администрирование» коммунистов в колхозах и новое крепостничество. Более всего крестьянину хочется насильственно разрушить^{II} колхозы или поджечь и сжечь их дотла. Его лозунг говорит: «Если дело в добровольности, то колхозы нам вовсе не нужны!»^{III}

Свободные крестьяне

Если мы стараемся описать отдельные группы крестьянства и начинаем это со *свободной* половины крестьянского моря, то нам необходимо отметить следующее.

Бедняк

Было бы неверным представлять себе, что все бедные крестьяне (бедняки) жаждут вступить в колхоз. Их принуждают к этому лишь жестокая нужда и коммунистический гнет. Соответственно значительная часть бедных крестьян до сих пор не охвачена коллективизацией^{IV}. Народный комиссар сельского хозяйства Яковлев прямо признается в применении принуждения и насилия в период большой коллективизации также в отношении бедняков со стороны «перегибающих палку» партийцев^V. «Бедняки, — говорится в одной статье, — против коллективизации»^{VI}. Бедняк, читаем мы в другом описании, вовсе не хочет записываться в колхозы: «*чем меньше он имеет, тем больше боится потерять то, что имеет*»^{VII}. «Бедняки еще более середняков испортили все дело» (коллективизации)^{VIII}. «Бедняки и середняки в своей массе цепляются за землю, они вступают в борьбу

^I См. о выходе бедняков: «Социалистическое земледелие», 16 сентября 1930 г.

^{II} Ср., например, «Правда», 28 мая, 4, 23 июля 1930 г.

^{III} Цитируется народным комиссаром Яковлевым на заседаниях XVI съезда партии. «Правда», 10 июля 1930 г.

^{IV} «Социалистическое земледелие», 15 октября 1930 г.

^V «Правда», 19 мая 1930 г.

^{VI} «Правда», 26 мая 1930 г.

^{VII} Третьяков. См.: «Правда», 14 мая 1930 г.

^{VIII} Попова. См.: «Правда», 26 мая 1930 г.

за землю, они стараются увеличить свои посевные площади», — так решительно и обобщающе высказывается один коммунист^I. Так обстоит дело и в действительности. После всего того, что он пережил, перетерпел и перестрадал, сельский бедняк все же мечтает о своем частном единоличном хозяйстве и воспринимает коллективизацию как что-то противоестественное и ставящее все с ног на голову. «Ты думаешь, нам легко? — рассказывает коллективизированный бедняк-крестьянин вопрошающему коммунисту. — О, как же нам тяжело! Эта коллективизация, — ох, какую же тяжесть она нам принесла!.. Как же нелегко так себя переломать и настроиться по-новому... Ты бы посмотрел на меня полгода назад; вот как я выглядел, — рассказчик показывает прежний мощный объем своего тела, — прошло всего полгода, а я высох и отошал... А почему?.. Все это сделали заботы»^{II}.

Середняк

Что касается *середняков*, то установлено, что массу середняков экспроприировали и насильственно выселили; установлено также, что так называемое «исправление перегибов» проводилось чрезвычайно медленно и неохотно; что «восстановленные» хозяйства середняков имели гораздо худшие земельные угодья, и полную плату за утраченное они не получили. Давление продолжалось и после коллективизации; середняка стремились ущемить даже в снабжении его продовольственными товарами: если у него две коровы, то он получает из кооперативного магазина лишь половину ему причитающегося, а то и вовсе ничего (если товаров на всех не хватает)^{III}. Положение этого среднего слоя сделалось теперь совершенно губительным: к уже имевшимся трудностям прибавились новые потери времен коллективизации; и ввиду того, что верхний слой крестьянства сильно поредел, следующая волна экспроприации коснется середняков. «Если пересаживать дерево три раза подряд, то страдают корни и ничего хорошего не полу-

^I «Правда», 22 мая 1930 г.

^{II} «Правда», 20 июня 1930 г.

^{III} Например, «Правда», 22 мая 1930 г.

чится», — заявил один середняк еще в марте 1930 года^I; *ненадежность, давление, угроза, частичная экспроприация* — все это называется коммунистами политикой *добровольной коллективизации*, и эта политика окончательно разоряет середняка. Последующие месяцы докажут и подтвердят это статистикой.

После всего этого совершенно невозможно провести какую-то разделительную линию между середняком и кулаком: ибо остатки бывших кулаков сделались теперь середняками, и на любого середняка можно по своему усмотрению навесить ярлык кулака. Если по этой причине коммунисты и теперь еще с гневным пафосом говорят о кулаках и выслеживают их, чтобы экспроприровать и т. д., — то это просто касается *каждого крестьянина как такового, если тому не удастся скрыть свою приверженность частной собственности и частному хозяйству*. На селе все сильнее разгорается борьба между коммунизмом и частной собственностью, и все, что делает и чего добивается крестьянин в этой борьбе, приписывается коммунистами кулаку и кулацкой политике. Нередко даже кажется, что коммунист с его манией преследования имеет дело с «вездесущим врагом» — все портящим и губящим «кулаком», которого необходимо полностью уничтожить, но который все еще не уничтожен.

Кулак

Согласно коммунистическим сообщениям, кулак все еще жив и ведет чрезвычайно хитрую и упорную борьбу. Его главная задача — подчинить своему влиянию середняка^{II} и всеми окольными путями, особенно через женщин, вести обширную вредительскую работу^{III}. Он то пытается создавать липовые коллективы и использо-

^I «Правда», 16.03.30 г., статья Преображенского.

^{II} «Правда», 15 мая 1930 г.

^{III} «Правда», 1930 г.: 26 мая; 23 июня; 1 июля (речь Кагановича); 16 июля; 29 июля; 3 октября («Кулак пытается развалить рабочую дисциплину в колхозах»); 4 октября. Далее см.: «Экономическая жизнь», 2 августа (Харьков); 20 сентября 1930 г.; «Социалистическое земледелие», 15 октября; 23 октября 1930 г. (статья Зорькина).

вать их^I; то стремится пробраться в настоящие колхозы, чтобы взорвать их изнутри^{II}; то ведет упорную пропаганду против заготовки зерна^{III} и вообще против вступления в колхоз: «не давайте себя закабалить!»^{IV} Он старается побудить колхозников к выходу из колхоза, говоря примерно так: «забирай все из колхоза и растаскивай все по домам!»^V; но это ему не всегда удается. Еще он пытается их терроризировать: он убивает «активных» коммунистов; он устраивает поджоги в колхозах; он распространяет тревожные слухи^{VI}. Коммунистов кулаки ругают и забрасывают камнями; мажут им двери дегтем^{VII}. Кулаки обирают урожай с колхозных посевов^{VIII}; намеренно портят семена и инвентарь^{IX}. Кулаки тайно заседают ночами, чтобы организовать свое выступление^X. Когда же их берут за горло, они пытаются спрятать свое добро или злобно уничтожают собственный скот и корма^{XI}... и т. д.

Этот кулацкий террор влияет на остальное крестьянство. Уже отмечаются случаи, когда сельские чиновники-коммунисты не только не экспроприируют кулаков, но прямо отрицают их существование: «В нашей

^I «Правда», 4 июня 1930 г.

^{II} «Экономическая жизнь», 20 сентября 1930 г.; «Социалистическое земледелие», 3, 23 октября 1930 г. (статья Зорькина).

^{III} «Правда», 4 июля 1930 г.; «Экономическая жизнь», 20 сентября 1930 г.

^{IV} Например, «Правда», 15, 22, 26 мая и т. д. 1930 г.

^V «Правда», 23 мая, 4, 13, 15, 21, 29 июля 1930 г.

^{VI} Ср. «Правда», 20 января, 13, 22 мая, 2, 3, 29 июня, 7, 15, 16, 18 июля, 1 октября 1930 г. Статья Шейна. См.: «Социалистическое земледелие», 15 октября 1930 г.

^{VII} «Правда», 15 мая 1930 г.

^{VIII} «Правда», 10 июля 1930 г.

^{IX} «Правда», 22 июня, 15 мая 1930 г.

^X «Правда», 21 мая 1930 г.

^{XI} «Правда», 15 мая 1930 г. Ср.: «Никогда до сих пор кулаки так не старались спрятать облагаемые налогом объекты» («Экономическая жизнь», 3, 4 августа 1930 г.).

деревне кулаков вовсе нет!»^I Партийные решения, ввиду такого положения, направлены на то, чтобы еще в 1930—1931 годах отыскать и экспроприировать все оставшиеся кулацкие хозяйства на 100%^{II}; но в колхозы их нельзя принимать ни в коем случае^{III}. Кстати, точно установлено, что во многих местах зажиточные крестьяне и вправду искоренены. Но так как давление сверху не ослабевает, то в деревне ищут козла отпущения... и экспроприируют *середняков*: «ведь должны же мы найти кого-то в деревне для индивидуального обложения налогом»... Или: «кулаки теперь раскулачены; теперь некого облагать индивидуальным налогом»^{IV}.

Коллективизированные крестьяне

Соответственно следовало бы предположить, что количество кулаков в колхозах, по сравнению с их кажущимся политическим и экономическим влиянием, должно значительно уменьшиться. Ввиду этого колхозы должны были бы состоять всего из трех социальных слоев: *сельскохозяйственных рабочих, бедняков и середняков*, что не защищает их жизнь от острой социальной дифференциации и внутренней борьбы^V.

Бедняк

Даже *крестьяне-бедняки* в колхозах распадаются на две неравные группы. Те немногие из них, которые взяли служить коммунистам и были назначены ими «руководителями» хозяйств (в основном пролетарии), — скоро «заражаются чисто коммунистическим производ-

^I «Правда», 22, 26 мая 1930 г. и т. д. «Экономическая жизнь», 4, 22 августа 1930 г. «Социалистическое земледелие», 23 октября 1930 г.

^{II} Например, Косиор. См.: «Правда», 2 июня 1930 г.

^{III} Сталин. См.: «Экономическая жизнь», 29 декабря 1929 г. См. «Справочник крупного коллективного хозяйства» на немецком языке, изданный «Союзом колхозных хозяйств немцев Поволжья» (1930 г., стр. 44).

^{IV} «Правда», 10 июля 1930 г.; «Экономическая жизнь», 3 августа, 22 августа 1930 г..

^V Ср. «Правда», 23 июня 1930 г.; см. особо описание Третьякова в «Правде» от 29 мая 1930 г.

ственным энтузиазмом»^I, и их охватывает экстаз управления. Они проводят заседания, стараются решать все бюрократически, практикуют высокомерную манеру командования^{II} и искренне ненавидимы остальными. Это так называемые «активные товарищи». Эти «активные товарищи» управляют по своему усмотрению, покрикивают^{III} и угрожают^{IV}; есть также сообщения о случаях, когда они стреляли из револьвера по мнимым лентяям^V. Остальная же масса крестьян-бедняков подавлена и расстроена; она держится «пассивно», не работает вовсе или делает это неохотно^{VI} и с ненавистью и завистью глядит на самоуверенную, но довольно неумелую активность коммунистов-руководителей. Бедняк чувствует себя как после кораблекрушения, при котором он не смог спасти *ничего*, кроме самой жизни. Он кажется себе опустившимся до уровня поденщика или батрака, и демагогические заверения коммунистов в том, что он теперь в колхозе «хозяин», очень мало его трогают^{VII}. Ведь он утратил все опоры своего частного хозяйства; в большинстве случаев он вступил в колхоз без лошади и без коровы; он не имеет права что-либо требовать; напротив, он должен двадцать раз попросить и поклоняться, прежде чем приобрести что-то для своей часто многочисленной семьи. Его сегодняшняя участь — безнадежная зависимость и безнадежная кабала. Отсюда и его зависть и ненависть ко всем, кому живется лучше.

^I «Правда», 8 мая 1930 г.

^{II} «Правда», 23 июня 1930 г.

^{III} Третьяков. См.: «Правда», 29 мая 1930 г.

^{IV} «Правда», 14 мая 1930 г.: «будем жечь каленым железом».

^V «Правда», 29 мая 1930 г.

^{VI} «Правда», 8 апреля 1930 г.; 8 мая; «Известия», 6 мая 1930 г.; «Правда», 8 июля 1930 г.

^{VII} См. например, формулировку руководящего коммуниста Юркина (председатель «Колхоз-центра»): «Колхозник забыл, что он хозяин коллективного хозяйства, и думает, что заботиться о последнем должно одно лишь правление» («Известия», 15 апреля 1930 г.).

Середняк

Скептически и враждебно настроен в колхозах и *середняк*. Он отличается от бедняков тем, что, *во-первых*, сумел сохранить свою корову, а может быть, и мелкую живность; *во-вторых*, тем, что его так называемый «вклад» в коллективное хозяйство (тягловая сила, инвентарь, также и деньги) дает ему определенную безопасность и, по его мнению, позволяет предъявлять определенные правовые претензии. Он «имеет право высказывать свое мнение» и пытается это делать; ему хочется применить свой хозяйственный опыт, критикуя недостатки и давая добрые советы. Но это ему не удается: коммунисты и бедняки характеризуют его как антиклассового и по своему мировоззрению опасного мужика и отодвигают в сторону^I. Для того чтобы ему позволили принимать участие в решениях и управлении, у него все еще *слишком много частной собственности*. Если он еще при вступлении в колхоз надеялся сохранить и сберечь остатки своего личного имущества, используя в то же время в своих интересах колхозные обстоятельства и не содействуя добросовестно колхозу, то теперь он видит, что отстранен от дел, и чувствует себя оскорбленным.

Крестьяне, члены коллективных хозяйств, совершенно не болеют душой за «коллективное». Их главной заботой остается «самоснабжение»^{II}. Все они остаются «мелкими собственниками», и это определяет их повседневные заботы^{III}. Когда они работают *на себя*, то работают хорошо — гораздо лучше, чем на коллективных работах; экономить и накапливать они хотят лишь в интересах собственного хозяйства — «в индивидуальном секторе» колхоза^{IV}. Но и тут они проявляют осторожность: середняку в колхозе нельзя оставлять себе слишком много, все «лишнее» (например, вторую корову, плуг) сразу же коллективизируют. Поэтому он считает себя экономически зажатым; здоровое устройство соб-

^I «Правда», 19, 21 мая, особенно 12 июля 1930 г.

^{II} «Правда», 7 мая 1930 г.

^{III} «Правда», 7, 9 мая и т. д. 1930 г.

^{IV} «Правда», 9 мая 1930 г.

ственного хозяйства прекращается^I, и он жаждет вернуться назад, к своей частнохозяйственной свободе.

Все это показывает, что жизнь коллективных хозяйств наполнена внутренними трудностями и разногласиями. Нелегко решаются даже исключительно организационные вопросы.

Три главные формы

Коммунисты различают три главные формы коллективизации. Самая простая и легкая — «Товарищество по совместной обработке земли» (ТОЗ). При этой форме все имущество остается в частном владении крестьян; заключается лишь договор о совместной обработке земли; сохраняются межи; нет «неделимого фонда»: коллективизируется лишь посевная земля. Самая радикальная форма — «коммуна», которая осуществляет полную коллективизацию «всех отраслей хозяйства, потребления и образа жизни», — или, как выражаются сами крестьяне, в коммуне «нет собственной пищи»^{II}, здесь «все спят под одним одеялом». Самая распространенная и также довольно радикальная форма^{III} — «сельскохозяйственная артель»^{IV}: межи запахивают, и все поля сливаются в «единый земельный массив»; обобществляются: весь рабочий и племенной скот, животные-производители, инвентарь, семенной запас, корма, все необходимые хозяйственные постройки... Кроме того, есть еще довольно высокий вступительный взнос и «неделимый фонд», в который при вступлении «отписываются» еще 25—30% от стоимости каждого коллективизированного хозяйства. Лишь оставшаяся часть отдельного имущества записывается как «пай» данного крестьянина. По истечении хозяйственного года артель покрывает «из полученных доходов» расходы и все издержки по содержанию нетрудоспособных членов артели; она списывает

^I «Правда», 8 мая 1930 г.

^{II} «Правда», 14 мая 1930 г.

^{III} На самом деле разница между артелью и коммуной едва заметна. Так, отмечается, что артели часто очень похожи на коммуны. См.: «Правда», 21 мая 1930 г.

^{IV} См. «Образцовый устав» отдельным изданием; или уже названный выше «Справочник».

с баланса суммы (10—30%) в неделимый фонд и (5—15%) в «другие фонды» и покрывает расходы по оплате труда. Кроме того, надо по твердой цене поставить государству примерно 25—30% «общего количества продукции, рассчитанного по среднему урожаю»^I. Эти доли вообще указываются как *минимум*; уже есть области, где колхозы должны отдавать 33—35% своего валового дохода (Украина, Северный Кавказ) и где государственный аппарат претендует на то, чтобы отобрать остальные «излишки». Эти «претензии» увенчались успехом: в начале ноября 1930 г. советские газеты сообщали о коллективных хозяйствах, выполнивших свою долю «на 200 и более процентов...»^{II}.

Кстати, артелью управляет правление, «избираемое» общим собранием. Основные задачи артели — «расширение посевных площадей» и увеличение производства. Никто из членов артели не может отказаться от порученной ему работы. Нарушения дисциплины наказываются.

Совершенно ясно, что члены артели не получают много на свой пай, особенно если учитывать низкие государственные цены и крупные «списания». снабжение членов артели остается принципиально проблематичным также потому, что выполнить свой долг по снабжению могут только всё обобществляющие коммуны, а артели «на самом деле» «уже с этой осени не гарантируют *прожиточного минимума*, это для них совершенно неразрешимая проблема»^{III}.

Внутренние трудности

И вот получилось, что и организация, и управление артели находятся на очень низком уровне. Ведь они создавались, как откровенно отмечает народный комиссар Яковлев, без всякой «материальной и организаторской подготовки»^{IV}. Соответственно «слаба» и «прими-

^I «Правда», 23 июня 1930 г. Указы от 13 апреля и 13 мая 1930 г. См. «Образцовый устав артели».

^{II} См. речь Микояна: «Правда», 29 июля 1930 г.; особо «Экономическая жизнь», 5 ноября 1930 г.

^{III} Тайц. См.: «Правда», 21 мая 1930 г.

^{IV} См. доклад Яковлева: «Правда», 19 мая 1930 г.

тивна» и организация колхозов^I. Нет экономической «базы»^{II}. Сверху поступает поток «директив» и «решений» на 40—70 страницах^{III}. Все необходимо «обговаривать». Уставы обсуждаются на собраниях с 8 часов утра до полуночи, три дня подряд, 114 выступающих^{IV}. Повсеместно растет новый «сельскохозяйственный бюрократизм»; увеличивается число членов партии, работающих в правлении^V. Бюрократ-аграрий — это уже само по себе явление: «в грязных сапогах, русской рубашке, незнающий, едва умеющий писать, тупоумный»^{VI}, он старается все запечатлеть на бумаге. Подражая городским советским бюрократам, он составляет анкеты: о «меню» в колхозе, о наличии ванн для мытья, об употреблении зубочисток^{VII} (sic!) и т. п.

Колхозы плохо обеспечены инвентарем и в особенности сельскохозяйственной техникой. Нередко имеется лишь объединенный инвентарь из крестьянских хозяйств^{VIII}. Государственные запасы сельскохозяйственной техники большей частью остаются лежать на государственных складах^{IX}; переданная колхозам техника — плохого качества и ее состояние постоянно ухудшается^X. В колхозах также чрезвычайно неумело обращаются с техникой — нелегко определить, из невежества или намеренно, однако повреждения и износ машин представляют печальную картину^{XI}.

^I «Правда», 6, 21, 30 мая, 2 октября 1930 г.

^{II} «Правда», 8 мая 1930 г.

^{III} «Правда», 24 мая 1930 г., статья Гана «Колхозы совсем тонут в море бумажного управления»; «Правда», 23 июля 1930 г. Ср. «Социалистическое земледелие», 14 октября 1930 г.

^{IV} «Правда», 20 июня 1930 г.

^V «Правда», 10 июля 1930 г.

^{VI} Описание, сделанное видным коммунистом Кольцовым. См.: «Правда», 18 июня 1930 г.

^{VII} Там же.

^{VIII} Доклад Яковлева. См.: «Правда», 19 мая 1930 г.

^{IX} «Социалистическое земледелие», 22 апреля 1930 г.

^X Ср. «Правда», 19, 21 апреля, 20 мая, 16 июля 1930 г.; «Социалистическое земледелие», 9, 12, 22 апреля 1930 г.

^{XI} «Социалистическое земледелие» 12 апреля 1930 г.; «Правда», 30 мая, 1 октября 1930 г.; «Труд», 20 июня 1930 г.

В колхозах в целом царит полная бесхозяйственность. Правление не пользуется авторитетом; крестьяне на собраниях высказывают резкую и справедливую критику, и все идет наперекосяк^I. Совсем отсутствует рабочая дисциплина: нередко работа не выполняется вовсе, потому что не явились крестьяне^{II}; бывает, что не появляются вовсе 70% крестьян^{III}; чаще всего они приходят с часовым или двухчасовым опозданием; или только к обеду^{IV}. У них совершенно «отсутствует интерес» к работе^V. Если они работают, то работают плохо, не жалеют коллективизированной скотины^{VI} и никак этого не скрывают: «Хозяева-то теперь мы, для чего же перетруждаться?»^{VII} или: «Чего? Нам еще работать на этих людей?! На новых господ!»^{VIII}

Соответственно в лагере коммунистов все громче раздаются голоса, требующие установить в колхозах строгую рабочую дисциплину по примеру промышленных предприятий^{IX}.

Проблема заработной платы

Вообще коллективизированные крестьяне единодушны в том, что не хотят ни обслуживать «обобществленный сектор» в колхозах, ни радеть о нем; всякий желает приобрести какую-то выгоду для себя; никто не хочет быть обделенным. О «неделимом фонде» заботятся одни коммунисты; крестьян он интересует

^I «Правда», 12, 28 мая 1930 г.

^{II} «Правда», 21 мая 1930 г. Ср. особенно описание Заславского в «Правде» от 1 октября 1930 г.: «стало уже обычным», что коллективизированный крестьянин спокойно воспринимает поручение выйти на работу и обещает явиться, а на следующее утро «очень спокойно», «не сказав никому ни слова», «занимается собственными делами»...

^{III} «Правда», 25 мая, 8 июля 1930 г.

^{IV} «Правда», 25, 30 мая 1930 г.

^V «Правда», 6 мая 1930 г.

^{VI} «Правда», 7 мая 1930 г.

^{VII} «Правда», 29 мая 1930 г.

^{VIII} «Правда», 25 мая, 16 июля 1930 г.

^{IX} «Экономическая жизнь», 6 и 12 декабря 1929 г.; «Правда», 9 мая 1930 г.

мало^I. Единодушие отсутствует у коллективизированных крестьян, когда дело доходит до выплаты заработной платы, распределения кормов для необобществленных коров, подсчета проделанной работы и дележа остатка урожая, исходя из проделанной работы или количества членов семьи. Тогда проявляются *социальные противоречия*: ведь само собой разумеется, что богатый середняк подчеркивает значимость своего «пая»^{II}; а бедняк — в противоположность этому — проделанную работу; отец многодетного семейства — число всех, кого ему надо прокормить^{III}; тот, у кого старые и больные родители, настаивает на обеспечении безработных и т. д. и т. п.^{IV} Социальные противоречия часто выявляют жесткую классовую борьбу внутри хозяйств. Однако они тотчас же отступают на второй план, если надо завязать собственные потребности членов колхоза и как можно более уменьшить государственные поставки по твердым ценам.

Этот процесс социальной дифференциации не завершен ни в колхозах, ни среди свободных крестьян. Напротив: с одной стороны, он продолжается сам по себе, с другой — подгоняется коммунистами.

Весна 1930 года принесла крестьянам новую волну налогообложения, экспроприации и коллективизации, которая пронеслась не так бурно, как в 1929 году, но преследовала принципиально *ту же цель* и шла *теми же путями*. В основе нового наступления лежат точно такие же разработанные планы и «категорические» распоряжения — где, сколько крестьянских подворий и к како-

^I «Правда», 10 июля 1930 г.; «Социалистическое земледелие», 9 октября 1930 г., статья Гея.

^{II} Ср. «Правда», 10 июля 1930 г.

^{III} У коммунистов этот принцип распределения «на душу» или «по количеству едоков» («едок», «едоцкое распределение») называется «кулацким принципом». См., например, «Социалистическое земледелие», 12 ноября 1930 г.

^{IV} См. об этом в «Правде» от 9, 25, 27 мая, 18, 23 июня, 27 июля, 2 октября и т. д. 1930 г. См. также «Экономическую жизнь» от 3 августа 1930 г.; «Социалистическое земледелие» от 9 октября 1930 г.

му сроку следует коллективизировать^I. Читаешь, например, решения партийной конференции, в соответствии с которыми в течение осени и зимы в одной слабо коллективизированной местности надо коллективизировать по меньшей мере 30% крестьянских хозяйств^{II}. Есть также области, в которых новая коллективизация распланирована точно по месяцам; например, на Нижней Волге должны быть коллективизированы к 1 декабря 70% крестьянских хозяйств, к 1 января — 85%, к началу весенней посевной кампании — 100%^{III} и т. д. Объявляется: «главная задача партийных организаций» на данный момент заключается в том, чтобы «организовать и возглавить новый подъем коллективизации»^{IV}. При этом с самого начала объявляется, что любое отставание от предписанной нормы будет считаться «правооппортунистическими настроениями» данных членов партии^V, а это уже само по себе связано с возможным партийным взысканием. Из коммунистов образуют «инициативные крестьянские группы», которые разъезжают вокруг и создают новые колхозы^{VI}. Часто дают следующие объяснения: «невозможно выполнить план коллективизации без оказания соответствующего «административного давления» на середняков...»^{VII}; или: «государство организует колхозы для возможно большего производства зерна; это главная задача; улучшение жизни колхозного крестьянства — задача второстепенная...»^{VIII} Новый поход начался наступлением по всей линии, и уже приходят желанные сообщения.

Параллельно с коллективизацией, разумеется, происходит налогообложение мнимых «кулаков». У них вновь

^I «Правда», 2 октября 1930 г., сообщение с Северного Кавказа.

^{II} В Вязьме. См. «Правда», 5 октября 1930 г.

^{III} «Правда», 4 октября 1930 г., статья Ставнева.

^{IV} «Правда», 3 октября 1930 г., передовица.

^V Сообщение из Центрально-Черноземной области. См.: «Правда», 3 октября 1930 г.

^{VI} Например, «Правда», 5 октября 1930 г.

^{VII} Статья Богачева. См.: «Правда», 5 октября 1930 г.

^{VIII} Статья Ману. См.: «Правда», 3 октября 1930 г.

следует отобрать все «излишки зерна»^I. Должно произойти усиление удара: кулака и зажиточного крестьянина необходимо «крепко обобрать»^{II}. У середняка надо отобрать *только на 15% больше*, чем в прошлом году^{III}; но остатки зажиточных крестьян нужно окончательно разорить. Соответственно есть области, где ставки так называемого «единого сельскохозяйственного налога» *повышены по сравнению с прошлогодними на 1100 процентов*^{IV}. Вновь читаешь в советских газетах, что «самораскладку» деревенской общины разрешается проводить «по ее собственной инициативе» или также *без ее собственной инициативы*^V. Газеты не перестают помещать предупреждения о необходимости «энергично» разыскивать и отбирать «скрытые объекты налогообложения»^{VI}; заставлять крестьян и колхозы незамедлительно обмолотить зерно^{VII} и т. д. Крестьян, пытающихся «уклониться» и не отдающих свое зерно, как и год назад, выбрасывают из домов на улицу и конфискуют все их имущество^{VIII}.

И все же эта экспроприация происходит не так, как год назад. После разочаровывающего поворота во взглядах партийного центра кажется, что коммунистические чиновники на селе утратили свою уверенность и свою ударную силу. На каждом шагу встречаешь в советских газетах предупреждения и упреки, невозможные еще год назад: коллективизация проводится вяло^{IX}, нерешительно и с промедлением; местные советские чиновники

^I «Социалистическое земледелие», 10 октября 1930 г.

^{II} «Социалистическое земледелие», 2 октября 1930 г.

^{III} «Экономическая жизнь», 10 августа 1930 г.

^{IV} Там же.

^V «Экономическая жизнь», 21 августа 1930 г.

^{VI} Например, «Экономическая жизнь», 10, 22 августа и т. д. 1930 г.

^{VII} Ср. «Экономическая жизнь», 3, 4, 23 августа, 17 сентября 1930 г.

^{VIII} Ср., например, сообщение из Одессы: «Экономическая жизнь», 3 сентября 1930 г.

^{IX} Статья Берковича. См.: «Социалистическое земледелие», 5 октября, 1930 г.

отклоняют планы центра по заготовкам зерна, как «слишком завышенные»^I; коммунисты боятся наложить на кулаков высокие и жестокие квоты^{II} и т. д. Более того, сообщается, что в коллективных хозяйствах коммунисты «добиваются собственного снабжения» и позволяют крестьянам продавать коллективный урожай зерна на свободном рынке по высоким ценам^{III}. Соответственно тому на свободном рынке растет спекуляция зерном: кулаки тайком скупают зерно у коллективных хозяйств^{IV}; сельские советы помогают им в этой «нелегальной» деятельности^V; вся Нижневолжская территория занимается обширной спекуляцией зерном и ночами повсюду слышен скрип проезжающих «левых» (т. е. незаконных) телег с зерном^{VI}. Наконец крупный чиновник из комиссариата сельского хозяйства сообщает о том, что «отдельные коммунисты крепко-накрепко срослись с кулачеством»^{VII} и что из этого не получится ничего хорошего.

Ввиду этого следовало бы предположить, что на селе происходят не только новые процессы дифференциации, но и намечаются новые процессы интеграции. Ведь все крестьяне — «свободные», «коллективизированные» и настроенные «прокоммунистически» — в целом остаются просто *крестьянами* и рано или поздно после краткой или продолжительной борьбы и страданий вновь обретут себя и смирятся.

Коммунисты также будут вряд ли правы, считая коллективизированное крестьянство своей подлинной и верной опорой на селе^{VIII}. Крестьяне коллективизиру-

^I «Социалистическое земледелие», 30 октября 1930 г., статья Нарановича; также 6 ноября.

^{II} «Социалистическое земледелие», 24 октября 1930 г.

^{III} «Социалистическое земледелие», 23 октября 1930 г. (статья Зорькина). «Экономическая жизнь», 27 августа 1930 г.

^{IV} Там же.

^V «Экономическая жизнь», 27 августа 1930 г. Сообщение из Херсона.

^{VI} «Экономическая жизнь», 27 августа 1930 г.

^{VII} Юркин. См.: «Социалистическое земледелие», 6 ноября 1930 г.

^{VIII} Яковлев. См.: «Правда», 19 июня 1930 г.

ванных хозяйств прежде всего остаются *крестьянами* и никогда не расстанутся со своим *крестьянским мировоззрением*. Пусть пройдут еще годы; пусть все они из разных соображений запишутся в Коммунистическую партию^I — они все равно не сделаются пролетариями^{II} и также не станут поклоняться коммунизму. Они *никогда не примирятся* с экспроприацией и коллективизацией; они также никогда не забудут «невероятные личные страдания, причиненные им в результате экспроприации и коллективизации»^{III}, и всегда будут надеяться на новый лозунг: «свободное хозяйство на собственной земле» — и прислушиваться.

А. фон Бунге

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ В РОССИИ

Первые немцы в России

Немцы поселились в России очень давно. Еще в средние века в Россию приехало много немецких ремесленников, врачей, аптекарей, техников, сельских хозяев и т. д., искавших лучшее применение своим знаниям и более легкую жизнь. Это была довольно значительная по численности группа. Во многих русских городах имелись улицы, называвшиеся «немецкими», что указывает на происхождение их обитателей. Еще до Петра Великого в Москве существовала целая часть города, носившая название «Немецкая слобода».

Возникновение немецкой колонии

Обычно этим немцам удавалось неплохо устроиться в России. Они занимали хорошие, часто первые посты, быстро ассимилировались, нередко сохраняли из всего немецкого лишь свое имя, становились настоящими русскими и русскими патриотами. Появление в России первых немецких колонистов относится к гораздо более позднему периоду. Перед царицей Екатериной II стояла

^I «Правда», 23 июня 1930 г.

^{II} «Правда», 25 июня 1930 г.

^{III} Подлинное выражение Калинина. См.: «Правда», 23 июля 1930 г.

задача освоения обширных и пустынных земель в южной России. Попытка поселить там русских крестьян из центральных областей не принесла успеха. Русские поселенцы не могли там прижиться и при малейшей возможности возвращались в родные места. 4 декабря 1762 года Екатерина II издала манифест, в котором предложила желающим западным европейцам, за исключением евреев, поселиться в степных областях России. Так как этот манифест не увенчался успехом, 22 июля 1763 года был издан новый, который обещал поселенцам большие привилегии: свободное исповедание религии на все времена, освобождение от поборов и налогов на длительный срок (в деревне — до 30 лет), освобождение от военной службы, предоставление квартир на один год, самоуправление для колоний поселенцев, дозволение возвратиться в свою страну при условии сдачи ничтожной части нажитого имущества и т. д.

Время очень благоприятствовало этому призыву. Только что закончилась Семилетняя война. Было много солдат, отпущенных с воинской службы, много обедневших людей, много неудачников, которые стремились к перемене жизни и с радостью приняли призыв царицы. Вначале выехали представители разных социальных слоев и сословий, среди них граф Дёнхоф и один из фон Гольштейнов. Всего тогда в Поволжье приехало через Любек примерно 27 000 человек. Количественно это было самое большое переселение немецких колонистов в Россию. В конце века за ними последовало около 10 000 нижнегерманских меннонитов, а несколько лет спустя — швабские сепаратисты, которые поселились в безлюдных степях Новороссии и на Кавказе¹. Прибывшие получили от правительства по 30 десятин земли на каждую семью, конкретно — 25 десятин посевных земель и пастбищ и 5 десятин для двора и места молотбы. Отведенная им земля была тщательно подобрана и разумно парцелляризована².

¹ Георг Лейббрандт. Переселение из Швабии в Россию в 1816—1823 годах; Адольф Эрт. Меннонитство в России.

² Альфред Ширмер. История и развитие немецких крестьянских колоний в русских черноморских провинциях, стр. 8.

Надзор за поселением осуществляла созданная в 1763 году канцелярия по опеке в Санкт-Петербурге — ведомство, по рангу соответствующее министерству. Обязанности и свободы поселенцев были письменно установлены в соответствии с манифестами 1762 года царицы Екатерины II и 20 февраля 1804 года царя Александра I и вошли в особый свод законов. По этому своду законов колонисты получали права гражданства во всей России. На основе этих гражданских прав им разрешалось заниматься торговлей, вступать в цеха, устраивать по своему усмотрению рынки и ярмарки и осуществлять имущественно-правовые действия. Им разрешалась также перемена сословия. Сто с лишним лет спустя, 4 июля 1871 года, закон о колонистах, а также канцелярия по опеке были отменены, а с 1874 года поселенцы подпадали под действие закона о воинской службе, причем из военнообязанных меннонитов образовали замкнутые воинские подразделения, подчинявшиеся воинской дисциплине и жившие в казармах. Под руководством соответствующего районного лесника эти подразделения занимались различными лесными работами. Меннонитская конфессия принималась во внимание и в военное время: они работали в военных канцеляриях или на этапной службе¹.

Колонисты нашли в России новую родину, которая гостеприимно приняла их и предоставила им свободный доступ к своим природным богатствам. Благодаря бережливости, выносливости и прилежанию, а также относительно большим техническим знаниям немецкие колонисты к концу XIX века стали самым обеспеченным слоем русского крестьянства. В течение 150 лет небольшое число переселившихся в Россию колонистов постепенно увеличивалось (в процессе естественного продолжения рода) и к началу первой мировой войны достигло 200 000 человек, что составляло около 1,5% всего крестьянского населения в России. Заселенные ими первоначально территории на западе и на юге страны уже давно стали для них тесными. То тут, то там

¹ Адольф Эрт. Меннонитство в России.

возникали новые немецкие колонии, особенно в Поволжье, в Крыму, Туркестане, на Урале, на Украине и, наконец, в Сибири, где в последнее время они стали играть все большую роль в хозяйственной и политической жизни. Там их число очень скоро увеличилось до 80 000¹. В последние предвоенные годы немецкие владения в одной только южной России оценивались в 4—5 миллионов десятин.

Жизнь колонистов

Жизнь колонистов во всех этих местах была более или менее одинакова. Немецкие колонии остались как бы *отдельными островами в море русской жизни*. Русское правительство предоставило им определенную автономию и прежде всего разрешило их крестьянское общинное управление. В каждой деревне имелось колонистское ведомство со старостой и деревенскими писцами, там регулярно проходили собрания общины. В большинстве колоний значительным влиянием пользовался совет старейшин деревни. В 1871 году самоопределение в общинах было оставлено колонистам лишь в той ограниченной форме, в какой оно существовало в русских общинах. Отношение к русским соседям было корректным. Но большего сближения не произошло. В городах часто заключались смешанные браки, в деревнях же они были очень редкими. Колонисты остались чистыми немцами. Образованная верхушка владела русским языком, крестьяне же до 90-х годов чаще всего говорили на своем швабском, пфальцском или гессенском диалекте. «Поражает, насколько верны остались колонисты своему родному диалекту. С той же верностью они сохранили немецкую национальную одежду и старые народные обычаи»^{II}.

Многие сохранили память о родине и в наименованиях (Нассау, Гейдельберг, Вормс, Шпейер и т. д.). Свидетельством германской принадлежности стали больницы, сиротские дома и прибежища для бедных,

^I Юлиус Хеннинг (член биржевого комитета в Омске). Доклад, прочитанный в Берлине в 1919 г., стр. 6.

^{II} Альберт Ширмер. История и развитие немецких крестьянских колоний..., стр. 14.

страхование от пожара и потребительские союзы, сберкассы и школы. «Школы являлись по большей части образцовыми учреждениями, их посещение, в общем, было регулярным и хорошим»^I.

Школы немецких колонистов долгое время оставались чисто немецкими: они были главным образом церковными. Хотя в 1890-х годах эти школы подчинялись русским инспекторам народных училищ, но учительствовали в них исключительно сыновья колонистов, целиком сохранившие свою германскую сущность^{II}.

Как хорошо в этих школах было поставлено обучение немецкому языку, видно уже по тому, что живущие в Германии немцы, которые недавно беседовали с выехавшими из Советской России колонистами, восхищались чистым немецким языком этих людей. «Русский акцент заметен лишь у самых молодых, — пишет обозреватель газеты «Фоссише цайтунг», — у тех, кому не довелось учиться в старой довоенной школе»^{III}.

По данным народной переписи 1897 года, 74,9% немецких переселенцев-меннонитов из провинций Причерноморья обоих полов умели читать и писать на родном языке. Все меннониты мужского пола старше девяти лет имели начальное образование, в то время как лишь примерно 90% женщин умели читать и писать^{IV}.

Наряду с этими народными школами и известными гимназиями в Петербурге и Москве у немцев были реальные училища в Одессе, Бердянске, Феодосии, Таганроге, Нойфройдентале, гимназия в Джанкое, женская гимназия в Ландау, торговое училище в Хальбштадте и сельскохозяйственная школа в Ойгенфельде^V. В последние предвоенные годы колонисты начали играть определенную роль и в общественной жизни России, особенно в Сибири и Поволжье. Так, на последних довоенных выборах в городскую думу города Славгорода

^I Фон Бренхольм. Немецкие крестьянские колонии в Южной России, стр. 3.

^{II} Альберт Ширмер. Opus cit., стр. 26.

^{III} «Фоссише цайтунг», № 522, 5 ноября 1929 г.

^{IV} Адольф Эрт. Меннонитство в России.

^V Альберт Ширмер. Opus cit., стр. 28.

(в окрестностях Барнаула в Сибири), вокруг которого поселилось несколько тысяч немцев, городскими депутатами было избрано столько немцев, что они составили большинство в думе. Поучительно отметить, что первая группа покинувших в 1929 году страну колонистов приехала как раз из Славгорода.

Так же, как свой диалект и свои древние обычаи, колонисты сохранили и свою веру. Во всех крупных колониях имелись церкви; в небольших деревнях — по крайней мере молитвенный зал в здании школы или в деревенской канцелярии. В каждом евангелистском доме имелись Библия, Катехизис и сборник псалмов, а также портреты Лютера и Меланхтона.

Экономическое положение колонистов, в общем, было очень хорошим. Большинство занималось земледелием. Примерно 80% всех немцев, живущих в России, были заняты в сельском хозяйстве^I. В хозяйственной жизни колонисты добились очень многого. Их поселения процветали. Средний размер одного подворья в черноморских провинциях в большинстве случаев равнялся 100 га. Имения менее 60 га считались маленькими. Еще до войны были не редкостью состояния в несколько сотен тысяч рублей. Немецкие колонисты содержали также большое количество скота. Крестьянин обычно имел 10—12 лошадей, почти все прекрасной породы; они были гордостью хозяина. У крупного крестьянина не были редкостью 30—50 лошадей, среди них часто великолепные племенные^{II}.

Заслуживают внимания и успехи колонистов в промышленности. В черноморских провинциях появились крупные паровые мельницы и пивоварни. У меннонитов на реке Молочная были и машиностроительные заводы. По части ремесел особенно ценились среди колонистов каретники. В Поволжье пользовались известностью знаменитые немецкие огромные паровые мельницы колонистов, игравшие важную роль не только в экономи-

^I Архив внутренней колонизации, том 8, стр. 199. Это процентное соотношение в целом соответствует общему профессиональному распределению в России.

^{II} А. Ширмер. *Opus cit.*, стр. 22.

ческой жизни немецких поселений, но и во всей Российской империи. В последние довоенные годы на этих мельницах перерабатывалось по 8,5 млн. центнеров зерна в год. Восемь миллионов центнеров иловатой глины отправлялось отсюда по водному пути на мировой рынок. Весь мир знал «сарпинку», хлопчатобумажную ткань, которую производили только в колониях. Особенно хорошо была развита промышленность в колонии Бальцер в Саратовской губернии, где проживало 17 000 человек. Она экспортировала огромное количество тканых изделий; за счет этого жили около 50 000 человек. Колония Катариненштадт была известна литьем железных изделий и производством машин.

После многих лет тяжелой колонизаторской работы хорошо жилось немцам и в Сибири. «По истечении примерно 10—15 лет немецкие колонисты в Сибири приобрели довольно приличные состояния»^I.

Так, перед началом мировой войны деревни немецких колонистов в целом представляли собой картину экономического прогресса, большого благосостояния и хорошо сохранных родных обычаев. «Немцы в России обладают вдвое большим состоянием, чем их русские соседи»^{II}.

Добрая земля во многих случаях обеспечила колонистам беззаботное существование. Целые поколения жили в условиях, когда их личная и хозяйственная свобода в основном никем не ограничивалась.

Колонисты и война

Колонисты были в основном довольны своей судьбой. В 1912—1914 годах в руководящих кругах колонистов живо обсуждалось и готовилось празднование 150-летия колоний в Поволжье. Война резко оборвала эти планы.

Эпоха войны вообще не то время, когда отношения между народами складываются нормально; это относится не только к народам, воюющим друг с другом, но и к национальным меньшинствам внутри страны, если они находятся в кровном родстве с другой воюющей нацией. Большая мировая война породила немало таких трагиче-

^I Юлиус Хеннинг. *Opus cit.*, стр. 4.

^{II} Петер Зиннер. *Немец в Поволжье*, стр. 7.

ских ситуаций: положение итальянцев и чехов в Австрии, французов в Эльзасе и Лотарингии, немцев в России и в Соединенных Штатах было шекотливым и тяжелым и давало достаточно поводов для *безвинных страданий*. Война пробуждает повсюду не только напряженную осторожность и беспочвенные подозрения, но и прямое чувство шовинизма. Однако было бы в высшей степени несправедливо, если бы народы приписывали друг другу болезненные настроения этой эпохи и позволили такой вражде нарушать взаимные отношения в их нормальном духовном и созидательном хозяйственном развитии...

К тому же военное озлобление в России все же не смогло ослабить узы прежнего доверия. Так, например, одного немецкого колониста во время войны беспрепятственно выбрали председателем саратовской биржи; «пожалуй, единственный случай во всем враждебном Германии мире», — замечает пастор Шлойнинг^I.

Революция

После войны произошла революция, и тут начался смертный путь колонистов^{II}. «Настоящее несчастье началось лишь с революцией, — писал 19 ноября 1921 года один из немецких колонистов в газете «Кёльнише цайтунг», — изнуряющий яд большевизма проник и к нам. Обыски, выселение из собственных домов, разграбление и беспощадные расстрелы были в порядке вещей. Население становилось все беднее». Немецким колонистам Поволжья пришлось в 1920—1921 годах испытать ужасный голод. «За последние восемь месяцев 200 000 из 500 000 приволжских колонистов были вычеркнуты из жизни», — писала газета «Хаймкер» («Возвращение домой») 15 октября 1921 года. С дальнейшим укреплением власти коммунистов немецкие колонисты получили права «культурной автономии». В январе 1925 года была даже создана Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья, которая состояла из нескольких районов Самарской и Саратовской

^I Шлойнинг. Немецкие колонии в Поволжье, стр. 4.

^{II} Ср. д-р Нойзац и Д. Эрка. Смертный путь немцев.

губерний, занимала около 27 400 кв. километров и имела население в 572 000 человек. По официальным данным народной переписи от 17.12.26 г., примерно 67% населения в республике было немецким, 20% русским, 12% украинским, а остаток приходился на представителей других национальностей. Эта республика административно делилась на 12 кантонов и управлялась центральным исполнительным комитетом. Столицей республики считался Покровск. Официальным языком центральных и местных органов управления был немецкий. Языком приказов в немецких полках территориальных войск Красной Армии был немецкий. Преподавание в школах велось исключительно на немецком языке.

С тех пор об этой национальной автономной республике и о процветании «освобожденных от царского угнетения» немцев много говорили и писали. Эту республику (по докладам советских ведомств) «посетили бесчисленные иностранные делегации», «чтобы увидеть собственными глазами, что было создано правительством рабочих и крестьян для блага страны»^I. Кое-кто из этих гостей покинул республику немцев Поволжья, убежденный в том, что Советское правительство и Коммунистическая партия «предоставили» всем народам Союза «безграничные хозяйственные и культурные возможности»^{II}.

Успехи

Однако эти высокопарные слова очень мало соответствовали данным официального доклада, опубликованного 29 апреля 1928 года в № 16—17 газеты «Власть Советов». Хотя в этом докладе Курца много говорилось об «успехах в экономике» вообще, самому Курцу пришлось признать, что положение в сельском хозяйстве, которое играет ведущую роль в экономической жизни республики Поволжья и производство в котором в 1927 году в денежном выражении составляло 83 млн. рублей (в то время как промышленное производство —

^I Доклад народного комиссара Курца в апреле 1928 года.

^{II} Там же. См. раздел «Национальная политика» в данной книге.

лишь 41 млн.), далеко не так блестяще, как это утверждают местные газеты. Общее поголовье тяглового скота 11 января 1928 года достигало только 53% довоенного; число лошадей — всего лишь 46%. В то же время 39% крестьян вообще не располагало тягловой силой. 27% имело лишь одну лошадь. Крестьяне были очень плохо обеспечены сельскохозяйственными орудиями. На каждые 100 крестьянских хозяйств приходилось всего 55 плугов, 4 сеялки, 54 бороны и т. д. Это число, как неоднократно подчеркивает Курц, совершенно недостаточно.

Возделанные поля, до войны занимавшие 1 300 000 га, составляли к 1 января 1928 года лишь 1 036 000 га, или 80% прежних площадей.

Промышленность также была далека от довоенного уровня; особенно отстает столь важная деревообрабатывающая и деревоперерабатывающая промышленность, которая составляет всего лишь 35% от прежнего уровня. Главной бедой Курц называет катастрофическое положение в обеспечении жильем. Среднее количество жилой площади во всех городах республики Поволжья составляет 4,5 кв. м. на человека. Полностью разрушены водопровод, канализация и мостовые.

Говоря об успехах в области культуры, Курц подчеркивает, что по грамотности населения, особенно среди женщин, республика Поволжья занимает первое место в СССР. Осталось неясным, не принадлежит ли это достижение довоенному времени. Но ему пришлось признать, что в школьном обучении ощущается большой недостаток учителей, школьных зданий и учебников. Ему пришлось также признать, что процент школьников, охваченных обязательным обучением, до войны был гораздо выше, чем теперь. Около 30% детей остаются вне школьного обучения и есть еще 35 000 неграмотных.

Таким, по данным высшего советского ведомства, было положение немецких колонистов в республике Поволжья — этой «образцовой земле» СССР, — в 1927 году. Всем известно, что экономическая ситуация в СССР, так же как и культурная, с тех пор намного ухудшилась.

В «Берлинер бёрзенцайтунг» («Берлинская биржевая газета») от 20 октября 1927 года внимательный наблюда-

тель писал о положении немецких колонистов следующее: «Немецкие колонии находятся в стесненном положении. Коммунистическая пропаганда, внутренняя раздвоенность между зажиточными крестьянами и бедняками, отмена прежнего общинного строя с его укоренившимися традициями и обычаями, угроза семейной жизни со стороны коммунистических молодежных организаций и, наконец, изолированность колоний от внешнего мира — все это подрывает хозяйственные и нравственные основы немецких колоний. Особую опасность представляет подселение в немецкие деревни чужеродных элементов. *Правительство Советов означает в конечном итоге тяжкую угрозу для немецкой нации.* Существуют немецкие школы, охватывающие примерно 60% всех детей школьного возраста; но учителя *обязаны вести коммунистическую пропаганду.* Существует немецкая печать — много газет во всех крупных городах, но *все они чисто коммунистические.* Религия есть частное дело, но *религиозное обучение преследуется по уголовному законодательству.* В результате — культурный регресс крестьянских масс, облегчающий дело национального и нравственного разрушения. *Денационализация добивается успехов».*

Вопреки описанному печальному положению немецкие колонисты годами стремились найти приемлемое решение своих проблем и взаимопонимание с идеями нового государства; они не проводили контрреволюционной политики и не старались сделать коммунистов своими врагами. Они, скорее, пробовали приспособиться к обстоятельствам... И несмотря на это в конце концов им пришлось обратиться в бегство, потому что они, как порядочные и работающие люди, смогли нажить состояние и достичь благополучия, что давало им возможность достойно, по-человечески существовать и получать надежные доходы. *Однако процветающее и зажиточное частное хозяйство для коммунистов принципиально нежелательно.*

Экспроприация и коллективизация

Участь немецких колонистов — это общая участь русских крестьян. Преследование колонистов надо

рассматривать и понимать как «нормальное следствие» всей систематической политики экспроприации, разрушения и обобществления, проводимой коммунистами; эту политику называют сегодня сталинской политикой; на самом деле она непрерывно проводилась Лениным и после Ленина и теперь приняла лишь более острый характер. Цель этой политики, как известно, — *«добровольное вступление крестьян в земледельческие коллективы»*.

Многих немецких колонистов, как и всех усердных и умелых крестьян, причислили к «кулакам» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Прежде всего, как и все зажиточные крестьяне, они стали жертвами новой методы выколачивания зерна. Это выколачивание зерна производится следующим образом: представитель районного исполнительного комитета после секретного совещания с местной группой «бедняков» (бедных крестьян) предписывает каждому зажиточному крестьянскому хозяйству поставку произвольно определенного им количества зерна, что должно произойти в короткое время. Если она будет осуществлена полностью и в срок, то это считается доказательством того, что расклад был слишком низким. Тогда производится дополнительное обложение продуктовым налогом, а иногда обложение происходит и в третий раз. Урожай при этом всегда завышается, поэтому налоговое обложение глубоко затрагивает собственные потребности крестьянской семьи. Подобная перегрузка, естественно, действует уничтожающе. Называют следующие факты: например, небольшую немецкую колонию из 30 подворий в Славгороде, урожай в которой достигал примерно 1500 пудов, сначала обязали сдать 2093 пуда, а затем еще 1000 пудов. С одного крестьянина, собравшего с 22,5 десятины 288 пудов, требовали 657 пудов зерна; затем ему надо было еще уплатить 584 рубля налогов, хотя его семья состояла из девяти человек. Один крестьянин в Крыму, имевший полугодовалого ребенка, чтобы освободить от хозяйства свою жену, держал в течение нескольких месяцев служанку. С этой поры его причислили к кулакам и обложили сельскохозяйственным налогом в

533,5 рубля^I. Хотя его урожай составил всего 910 пудов, он должен был сдать в августе 599, в сентябре 100 и в октябре еще 220 пудов зерна. Если крестьянин не уплатит наложенную сумму или не сдаст определенное количество зерна, то все его подворье и все его имущество будут взяты в залог и проданы с молотка. О том, что это значит на деле, видно из следующего. На подобных аукционах в Крыму за коров и лошадей платили по 3 рубля, за стулья по 5 копеек, за софу 50 копеек и т. д. В последнее время в Сибири жилой дом, крытый жостью, был продан за 42 копейки. Изгнанным владельцам не оставляют ничего, кроме того, что на них надето. Приютивший их подвергает себя угрозе разделить их участь. Все эти примеры взяты из рассказов самих колонистов; их вполне достаточно^{II}.

На немецких крестьян, как и на русских, нападают и по другому поводу — по поводу веры. Религиозные преследования все более усиливаются и становятся все изощренней. Колонисты рассказывают, что пасторы лишены всех прав и им не разрешают собирать церковные сборы. Для того чтобы поехать из одной деревни в другую, в «деревню-филиал», и прочесть там проповедь, им приходится каждый раз испрашивать разрешения в районном центре. Эта мера практически прекращает богослужения в соседней деревне. В последнее время многие церкви закрывают, они приходят в упадок или их превращают в «музеи» либо склады, что, как известно, ежедневно происходит и с православными церквями. Для немецких крестьян это было чересчур. Они надеялись на свою прежнюю родину и пустились в бегство. Но спастись удалось лишь ничтожному меньшинству — едва ли 0,5% всех русских немцев. А остальным 99,5% советское правительство насилем и принуждением преградило путь на свободу.

^I См. у проф. Ауагена: Восточная Европа, том XI, 1929 г. Аналогичный случай можно найти в «Правде» от 14 мая 1930 г., рассказано Третьяковым.

^{II} См. в газете «Франкфуртер цайтунг» от 11 мая 1929 г. подлинные рассказы немецких беженцев.

Коммунисты старались представить все переселение как бегство кулаков. Однако этим утверждениям противоречат удостоверенные советскими ведомствами списки желающих уехать. Так, мы находим в этих списках, что в одной группе из 178 семей находились лишь 10 зажиточных крестьян, но зато 69 середняков, 92 бедных крестьянина и даже 7 батраков (наемных рабочих). В другом списке мы находим вообще 13 середняков, 18 бедных крестьян и 3 наемных рабочих¹. О настроениях беженцев, пожалуй, лучше всего скажет тот факт, что сразу же после перехода латвийской границы колонисты выясняли у местных властей, разрешено ли им совместное пение церковных хоралов, так как в России это строго запрещено.

Смертный путь

Судьба этих групп беженцев, утративших все, кроме могил своих предков, весьма печальна. Но еще хуже пришлось большой массе колонистов, которые вынуждены были остаться в Советской России. Они стали жертвами коллективизации и «раскулачивания». Более 30 000 были арестованы вместе с женами и детьми, согнаны в огромные транспортные колонны и в закрытых вагонах для перевозки скота отправлены в Сибирь, Архангельск, Вологду и на Урал, поездки эти длились много недель². Там несчастных запихнули в полуразвалившиеся монастыри и покосившиеся бараки. Мужчин отделили и погнали дальше, в северные леса, на принудительные работы. Женщин и детей оставили голодать в грязи и холоде. За короткое время много тысяч немецких детей погибло от непривычных мук ссылки. Большое количество женщин заставили работать на государственных фабриках, где они выполняли работу заключенных. Ужасная участь ссыльных должна была наконец-то превратить упрямых крестьян в покорных холопов, исполняющих на экспроприированных и кол-

¹ «Франкфуртер цайтунг» от 11 мая 1929 г.

² Ср. «Смертный путь немцев. Подлинные документы хозяйственного, культурного и духовного уничтожения немецкой нации в Советском Союзе». Составили и обработали д-р Х. Нойзац и Д. Эрка. Изд-во «Эккарт», 1930 г.

лективизированных полях под коммунистическим руководством подневольную работу.

Тем самым окончательно решена судьба немецких поселений в Советской России, хотя борьба еще не доведена до конца.

Экспроприация, пролетаризация, обобществление — так называется великое хождение по мукам всех крестьян, а значит и крестьян немецкого происхождения в Советской России; и как последний этап — *ссылка и принудительные работы* на государственных предприятиях. Один иностранец видел, как мимо пронеслись эти поезда с мучениками. «Спасите! Спасите нас!» — глухо и страшно доносилось из запертых грузовых вагонов, увозивших лучших и самых работающих крестьян России в заледневшие болота приполярных областей. Ему казалось, что он переживает наяву видение из дантова ада...

Это хождение по мукам смогут реально проследить и объективно описать будущие историки России и Германии.

Д-р В. Г е ф д и н г⁷⁶

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ, ВАЛЮТА И КРЕДИТ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Своеобразие

К исследованию финансового хозяйства, валютной и кредитной системы в Советской России можно подходить с двух разных сторон. Первая состояла бы в исследовании формального устройства этого сектора советского хозяйства. Она показала бы, что финансовая и валютная система Советской России обладает большим *внешним* сходством с системой «капиталистических» стран. В планах бюджета Советского Союза, подобно названным странам, находишь такие статьи дохода, как налог с дохода, налог с потребления и даже эмиссия внутренних займов, в качестве значительной и год от года растущей статьи дохода. Доход по этой статье достиг таких цифровых показателей, что министрам финансов других государств, озабоченных тем, как покрыть дефицит своих бюджетов, остается лишь глядеть на него

с удивлением и завистью. Уставы Государственного банка Советского Союза также во многом сходны с уставами национальных банков европейских государств. Так, например, купюры, выпускаемые в обращение Государственным банком, в значительной части (75%) покрываются «векселями». Регулярно попадающие в печать балансы других советских государственных банков (как известно, в Советской России *нет ни одного частного банка*) формально (т. е. по приведенным позициям) во все не отличаются или отличаются чрезвычайно мало от баланса какого-либо частного немецкого банка.

Однако подобный формальный подход непременно увязнет во внешних формах финансовой и денежной системы и не даст возможности увидеть глубинные связи^I. Так как описание внешнего устройства этой системы было бы невозможно уже по причине отведенного здесь для этого места^{II}, в дальнейшем будет принята попытка выделить лишь такие признаки финансовой системы Советской России, которыми она принципиально *отличается* от «капиталистических» государств. Однако эта задача становится еще важнее оттого, что, возможно, ни в какой другой области советского хозяйства, кроме этой, нет такого большого различия между «видимостью» и «реальностью». Школьным примером являются в этой связи государственные «займы» Советского Союза, с которыми мы в дальнейшем познакомимся ближе.

^I Примером недостаточности такого формального подхода можно назвать труд проф. Кучинского «Советские займы» (Берлин, 1927 г.), в котором подробно и систематически представлены внешние условия советских займов и не затрагивается их принципиальное отличие от займов в обычном смысле.

^{II} О внешнем устройстве финансовой и денежной системы Советского Союза пишет на немецком языке проф. Пауль Хензель (Налоговая система Советской России, Берлин, 1926 г.; Финансовая и налоговая конституция Союза Советских Социалистических Республик, Йена, «Фишер», 1928 г.), а также д-р Лео Юровский (Валютные проблемы Советской России, Берлин, «Прагер», 1925 г.).

Три периода

Внешнее развитие советско-русского финансового дела за 13 лет, прошедших после большевистского переворота, можно разделить на три периода, которые, в общем, соответствуют трем фазам внешней экономической политики коммунистического правительства России.

Первый период — с ноября 1917 до начала 1921 года — отмечается попыткой немедленно ввести и построить коммунистический экономический строй и — как следствие этого — полным крахом самой экономики, который проявился в нашей области в полном распаде валюты, а также в «отмирании» денежных налогов (следствие физического разрушения как налоговых «объектов», так и налоговых «субъектов»). Кстати, этот процесс вполне соответствовал доктрине Коммунистической партии; учил же тогда автор «Азбуки коммунизма» Бухарин: «Деньги потеряют свое значение сразу же после начала коммунистической революции»^I. С другой стороны — внутри огосударствленной экономики для особой «государственной экономики» в обычном смысле, т. е. и для «государственных финансов», не было места.

Совершенно последовательным было поэтому своеобразное объяснение, которым тогдашний народный комиссар финансов Крестинский открыл в 1918 году I Всероссийский съезд Советов народного хозяйства:

«В социалистическом обществе не должно быть никаких финансов. Поэтому прошу меня извинить за существование финансов, а также за мое собственное выступление»^{II}.

Этот период распада, в котором, вопреки теории «отмирания денег», эмиссия бумажных денег стала почти единственным источником государственных дохо-

^I См.: Бухарин. Экономика переходного времени, Москва, 1920 г., на русском

^{II} См.: Сокольников. Задачи финансовой политики, Москва, 1922 г., на русском На немецком языке этот период описан д-ром В. Гессеном: Государственный бюджет Советской России, Берлин, 1925 г. (Институт Восточной Европы в Бреслау).

дов, завершился декретом от 3 февраля 1921 года о принципиальной отмене всех денежных налогов¹.

Второй период — с 1921 по примерно 1924—1925 год — можно в связи с провозглашением НЭПа (новой экономической политики) назвать периодом финансовой «реституции», так как была предпринята попытка, формально вернувшись к прошлому, построить новую налоговую систему, которая должна была предоставить Советскому государству необходимые средства. При этом налоги, которыми прежде пренебрегали, были не только «реституированы», но и распространились на соль, текстильную продукцию, калоши и т. д. Был снова введен и отмененный в 1914 году налог на винокурение и продажу спиртных напитков. Налоги на доходы и ремесла легли финансовым бременем на частную экономику, и прежде всего на торговлю, вновь оживившуюся при НЭПе.

Третий период — с 1925 года по сегодня — (после тактического отступления и передышки НЭПа) отмечается *новым коммунистическим наступлением*. Снова уничтожают эфемерные частноэкономические образования НЭПа, а с ними исчезает и основа прямого налогового обложения доходов (исключая сельское хозяйство). Непрерывное расширение «обобщественного сектора» народного хозяйства — в промышленности, сельском хозяйстве и торговле — за счет «частнохозяйственного сектора» коренным образом меняют значение и структуру всего «финансового хозяйства» в узком смысле.

Две функции государственного бюджета

Финансовое хозяйство в «капиталистических» странах противостоит массе *частных хозяйств*. Общественные потребности государства покрываются благодаря взимаемым с частных хозяйств налогам с доходов и прибыли, а также благодаря другим

¹ Ср. циркуляр комиссариата финансов от 9 февраля 1921 года «О прекращении взимания всех государственных и местных налогов». См.: *Хензель*. Налоговая система Советской России, стр. 10.

поступлениям. *Государственные* предприятия (железная дорога, промышленные предприятия) играют подчиненную роль.

Позиция государственного бюджета в Советской России принципиально иная. *Государственные финансы* в узком смысле слова, какими они отражаются в ежегодных бюджетных планах Советского Союза, представляют собой лишь *меньшую* часть обобществленного хозяйства в широком смысле слова; они подчинены «обобществленному сектору» всей экономики. Несмотря на то что почта, железная дорога и еще несколько категорий прежних государственных земель (государственное лесное хозяйство) в результате лишенной всякой логики традиции вместе с их общим оборотом появляются как в графе доходы, так и в графе расходы советского бюджета. Однако другая, преобладающая часть огосударствленной экономики, вся промышленность, государственные банки, монополизированная внешняя торговля, внутренняя торговля и государственные сельские хозяйства появляются в госбюджете лишь тогда, когда они передают в центральную государственную кассу свои излишки или получают из нее дотации.

Советский бюджет имеет, таким образом, двойную функцию:

1. Получение средств через налоговое обложение частного хозяйства — в виде еще не коллективизированных крестьянских хозяйств, а также от рабочих и служащих (в форме косвенных налогов).

2. Концентрация и распределение излишков, которые могут приносить отдельные отрасли государственной экономики.

Согласно этому растущему обобществлению всей экономики, с ростом «огосударствленного» сектора за счет частновладельческого, вторая функция приобретает все большее значение.

Из того факта, что госбюджет в узком смысле слова образует в Советском Союзе лишь часть «обобществленного» сектора всей экономики, возникают важные последствия.

Налог и цены

Коммунистическое государство, будучи монопольным владельцем национализированной промышленности, имеет возможность мобилизовать колоссальные средства, необходимые для покрытия общественных нужд и осуществления планов индустриализации и обобществления не только через механизм *налога*, но и через механизм *цены*. Накопление содержащейся в ценах на продукцию национализированной промышленности и намеренно завышаемой монопольной прибыли, т. е. накопление «через механизм цены», должно, как подробно описывается в другом месте¹, обеспечить финансовую основу для осуществления «пятилетнего плана».

Отсюда следует далее, что *налог* в большинстве случаев представляет лишь *меньшую часть* того бремени, которым в Советском государстве облагаются экономика, а через это и население; оно совершенно уступает по своему значению тому бремени, которое возникает из «механизма цен». В результате этого, с одной стороны, стирается грань между налогом на потребление, акцизом, и с другой — *взвинченной монопольной ценой*, установленной государством. Налог на потребление составляет только одну, иногда лишь меньшую часть поборов, которые вынуждено платить население в виде монопольных цен. Советское государство всегда имеет полную свободу востребования как через повышение *налога на потребление*, так и через повышение *продажной цены*; вся разница заключается в том, что в первом случае выручка течет в финансовые кассы государства прямо, а во втором — косвенно (через *чистую прибыль промышленности*, отчисляемую центральным финансовым управлением).

Отсюда возникает дальнейшее чрезвычайно важное практическое следствие, которое никогда не следует оставлять без внимания при исследовании финансов в Советском Союзе и при оценке текущих сообщений

¹ См. раздел «Пятилетка и ее предпосылки».

финансово-экономического характера, а именно, что любые сравнения налогового бремени российского населения при таком положении вещей (будь то обращение к российскому прошлому или к европейскому настоящему) абсолютно беспредметны, они даже вводят в заблуждение, так как именно бремя формального налогового аппарата в Советской России представляет собой *лишь одну часть* всего бремени, большая часть которого перетекает в кассы государства через *механизм цен*.

Поэтому совершенно логично, когда некоторые финансовые специалисты в Советской России требуют отмены акцизов в госбюджете и их появления в «генеральном акцизе», который уже заложен в цены монопольной государственной промышленности. Таким же логичным кажется и требование отказа от произвольного двойного деления, с одной стороны, на собственно госбюджет и, с другой — на «финансовый план» национализированной промышленности (так называемый «промфинплан») и замены их на единый финансовый план («финплан»), охватывающий весь огосударствленный сектор народного хозяйства, который должен включать и «план кредитования».

Механизм цен

Недавно известный специалист по финансам профессор Юровский предпринял в советской литературе интересную попытку, имеющую целью установить, какую часть всех доходов огосударствленного сектора советской экономики составляют поступления, полученные при помощи *механизма цен*, а также из того бремени, которое представляют для населения налоги и другие прямые и «добровольные» (советские займы!) платы. Эти подсчеты, относящиеся к 1928/29 и 1929/30 финансовым годам (проект бюджета), дают следующую картину¹:

¹ См. статью проф. Юровского «Единый финансовый план и контрольные цифры на 1929/30 год» в органе комиссариата финансов «Вестник финансов» за август 1929 г., стр. 13, на русском.

МИР ПЕРЕД ПРОПАСТЬЮ

	1928/29		1929/30	
	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%
Накопляемые средства в форме товарных цен	8 540,0	74,5	10 805,3	77,66
Накопляемые средства в форме принудительных или добровольных взносов населения	1 965,3	17,15	2 283,7	16,41
Прибыль от эмиссии банкнот и бумажных денег	200,0	1,74	230,0	1,65
Остальные источники дохода	757,4	6,61	595,0	4,28
Общие доходы обобщественного сектора	11 462,7	100,0	13 914,0	100,0

Юровский присовокупляет к этой таблице следующие замечания:

«По своему значению как средство накопления цена превышает не только всякое другое отдельно взятое средство, но и все другие средства вместе взятые. В 1929/30 по сравнению с 1928/29 годом это значение было еще повышено, что кажется вполне естественным, если учесть, что цели пятилетнего плана в области финансов заключаются в том, чтобы путем замедленного снижения продажной цены и при возможно более интенсивном снижении себестоимости гарантировать часть этих огромных средств, необходимых для проведения запланированных новых капитальных вложений, обобщественному сектору».

Как совершенно ясно видно из приведенной выше подборки, *собственное налоговое бремя русского населения представляет собой лишь малую часть того общего бремени, которое будет возложено на него для осуществления плана коммунистической индустриализации страны.* Этот факт делает совершенно иллюзорными какие-либо сравнения налогового бремени (в узком смысле слова) в Советской России с таковым в других странах или в прежней России.

Огромное различие «реальности» и «видимости» по отношению к государственным финансам Советского Союза, а также необходимость постоянно держать в уме принципиальное отличие нынешней финансовой системы от всех предыдущих образцов и привычных представлений лучше всего можно изложить на примере функции и механизма внутренних *советских займов*.

Займы

После аннулирования займов бывшей российской империи прибыль, вырученная от размещения новых, введенных советским правительством внутренних займов, появляется в госбюжете Советского Союза в 1923 году. С тех пор значение этой статьи доходов год от года увеличивается. К 1 октября 1928 года новый государственный долг Советского Союза достигает 1152 млн. рублей. Госбюджет на 1928/29 год предусматривал доход от внутренних займов уже в солидной сумме в 900 млн. рублей. Осенью 1929 года был выпущен 3-й заем для индустриализации в сумме 750 млн. рублей (1,5 млрд. немецких марок) и в течение всего нескольких месяцев был «успешно» размещен. В то время как европейские министры финансов испытывают величайшие трудности при размещении займов, составляющих всего четверть выше приведенной суммы, подобный заем как бы «играючи» размещают в стране, где давно искоренены «капиталисты» и где для широких масс трудящихся из-за экспроприаторского налогообложения сделано невозможным сбережение даже самых ничтожных денежных сумм... Одно лишь это противопоставление уже показывает, что займы в Советской России — это *особая статья*. Чтобы понять этот парадокс, на самом деле нужно вспомнить те *методы*, которые применялись в Советском Союзе для размещения займов. Вначале эти займы были исключительно *принудительными*, в большинстве случаев были рассчитаны для размещения среди крестьян и частично, соответственно времени, имели натурально-экономический характер («зерновые займы»). Однако доходность принудительных займов постоянно снижалась, потому что правительству — во избежание полного обесценивания *отвергаемых* населением облига-

ций — приходилось «поддерживать» курс скупкой части займа и тратить на это все большие суммы. И вот Советское правительство торжественно объявило, что в будущем оно станет выпускать исключительно добровольные займы и что оно отказывается от всякого принуждения в размещении таковых. В результате новые *добровольные займы* почти не находили покупателей среди населения и их удалось разместить лишь потому, что государственным промышленным и торговым предприятиям, а также банкам, *было предписано* вложить свои резервы и другие свободные средства в государственные займы. Несмотря на весь арифметический «успех», размещение советских займов на этой основе означает не приток новых средств из «частнохозяйственного» сектора, а лишь перераспределение средств «общественного сектора» между его отдельными частями. Когда общее положение советских финансов становилось из-за этого все напряженней, надо было искать новые средства для размещения облигаций советских займов все же среди самого населения, среди рабочих и крестьян.

Добровольная подписка

Новая политика в этой области заключалась в том, что хотя формально займы и оставались «добровольными», — для того, чтобы заставить широкие массы населения подписаться на советские займы, были применены все огромные *политические* и особенно *экономические средства принуждения* коммунистического государства. Так как экономической власти Советского государства как единственного монопольного работодателя беспомощно противостоят прежде всего рабочие, то теперь советские займы в своей значительно большей части размещают среди масс городских рабочих. Так как, с другой стороны, крестьяне более независимы от Советского государства в экономическом отношении, то до сих пор, вопреки величайшим усилиям, предпринимаемым комиссариатом финансов, к подписке на советские займы не удается привлечь достойное упоминания число крестьян.

На практике все это происходит таким образом, что по предложению коммунистической «ячейки» отдельного завода рабочие на собрании, созванном специально по этому поводу, «единогласно» решают подписаться на данный заем в размере, примерно равном месячной зарплате. «Нет» здесь, разумеется, не бывает, и соответствующие суммы вычитаются руководством завода ежемесячно при выплате зарплаты. Так и результаты подписки на советские займы показывают, что они на 90% или более размещаются путем «коллективной подписки», в то время как суммы «индивидуальной подписки» в большинстве случаев очень малы и вдобавок всегда меньше запланированного (ибо в основе подписки на займы примечательным образом также лежат твердые планы!), а с течением времени показывают тенденцию к уменьшению. Так, официальный еженедельник комиссариата финансов некоторое время тому назад писал об «индивидуальной» подписке на второй индустриальный заем следующее: «Очень плохо обстоят дела с индивидуальной продажей займа. В Москве продано за наличные и в рассрочку всего на 8,3 млн. рублей». (Общая сумма займа составила 500 млн. рублей.) «Если подумать о том, что при выпуске первого индустриального займа мы тем не менее получили от индивидуальных подписчиков в Москве 32 млн. рублей, то положение надо признать неудовлетворительным. Так же обстоят дела и в Ленинграде, и, по-видимому, во всем СССР»¹.

Что касается размещения 90% сумм займа фактически по принудительной подписке со стороны рабочих масс, то в торжественных речах советских вождей, как правило, указывается на то, что в основе блестящих успехов подписки лежит «революционный героизм» рабочих, которые готовы пожертвовать Советскому государству *двенадцатую часть* своего годового заработка, а в некоторых случаях и более того. Официальная профессиональная финансовая печать, напротив, с достой-

¹ См. статью Г. Вульфа «Поменьше оптимизма»: «Финансы и народное хозяйство», 1928 г., № 41, стр. 9, на русском.

ной всяческой похвалы откровенностью указывает на то, что советские займы принципиально и фактически мало в чем отличаются от налогов^I: «Размещение займов в той форме, в какой это происходит сейчас, идет по плану, при котором участники *не могут уклониться* или, во всяком случае, не уклоняются от подписки... Хотя в распределении займа и налога есть различия, но принципы распределения и того и другого, по существу, одни и те же».

Крестьянин и рабочий

Между тем как механизм выпуска советских займов, благодаря экономическому господству правительства над получающими заработок, действует довольно «беспрепятственно», советскому правительству до сих пор не удалось принудить к подписке на заем крестьян, которые — чисто объективно — скорее, чем промышленные рабочие, могут обладать свободными средствами. 200 млн. рублей из общей суммы уже упомянутого третьего индустриального займа в 750 млн. рублей должны были быть размещены в деревне. Однако разместить среди крестьян удалось лишь 30% предусмотренной суммы^{II}.

Здесь получается странная картина: успешное размещение займов в деревне находится в обратной связи к благосостоянию крестьян в данной местности^{III}, что, вероятно, можно объяснить так: чем независимей крестьяне в экономическом отношении, тем лучше они могут противостоять давлению со стороны советских органов. Между тем от бедных крестьян, которые зависят от кредитов, льготной поставки инвентаря и семян, нередко требуют «ответной услуги», приглашая их подписаться на советские займы.

Поэтому итог нынешнему положению очень метко подводит известный эксперт советского правительства, говоря следующее: «В городах у нас есть твердый кон-

^I См. статью Юровского «К теории и истории наших государственных займов»: «Вестник финансов», январь 1929 г., стр. 20, на русском.

^{II} См. «Экономическая жизнь» от 20 сентября 1929 г.

^{III} См. «Известия» от 17 сентября 1929 г.

тингент людей, которые покупают облигации займов, однако нет никого, кто оставляет у себя купленные облигации; в деревне у нас нет ни тех, ни других»^I.

Вышеприведенные слова содержат в себе намек на появление советско-русского «государственного кредита», который мы еще упомянем. Советское государство вынуждает рабочих приобретать облигации займов. Однако, так как все еще нет окончательного отказа от фикции «добровольности», то после того, как рабочим вручены облигации, им трудно помешать за бесценнок отделаться от них. И опять, чтобы предотвратить полное их обесценивание, вызванное так называемым «отбросом», правительству пришлось скупать определенное количество облигаций, что, конечно, сильно повредило финансовому результату всей операции. В «пятилетнем плане» заранее учтено то обстоятельство, что не менее 35% проданных облигаций еще в том же году вернется в кассы комиссариата финансов. Но и здесь сумели выпутаться из этих «неурядиц». Путем того же «свободного принятия решений», как и при подписке на сами займы, коллективами целых предприятий принимаются решения, по которым рабочие обязуются передавать свои облигации в распоряжение специальных «доверенных лиц». Эта мера должна была поставить дальнейшее распоряжение рабочего приобретенными облигациями под ведомственный контроль.

Опыт, приобретенный советским правительством в связи с последним крупным внутренним займом «Пятилетку в 4 года», показал, что, в то время как продажа облигаций займа испытанным способом рабочим и служащим государственных предприятий проходит более или менее «беспрепятственно», размещение займа в деревне постоянно наталкивается на сильное сопротивление. Так, к сентябрю 1930 года, когда продажа облигаций займа в городах уже закончилась, в деревне было размещено лишь 27,8% от предусмотренного планом^{II}.

^I Ср. Наглер в «Вестнике финансов», март 1929 г., стр. 3.

^{II} См.: «Правда» от 28 сентября 1930 г.

Ничто не определяет лучше подлинный характер советских займов, чем то обстоятельство, что предусматриваемый «пятилетним планом» на ближайшие годы годовой доход от займов рассматривается как некая *функция ежемесячного фонда заработной платы в промышленности*^I. Иными словами, надо требовать с рабочих, чтобы они *постоянно*, каждый год подписывались на советские займы в сумме своего месячного заработка. Здесь «займы» Советского Союза неприкрыто выступают тем, чем они и являются в действительности — т. е. *дополнительным налогом* в сумме, по меньшей мере, 8% от доходов русского рабочего.

Бремя

Несколько более подробно рассмотренный здесь пример с советскими налогами, вероятно, смог в достаточной мере показать, что глубоко заблуждается тот, кто некритично применяет привычные для него понятия финансовой экономики — будь то налог, заем или что-либо еще, — к условиям нынешней России. За одними и теми же словами (часто в «частноэкономической» оболочке — например, советские банки!) при внимательном рассмотрении находишь факты и условия, которые принципиально отличаются от таковых в «капиталистических странах».

Так, и жертвы, и бремя, возложенные на русский народ, которые должны служить проведению и финансированию коммунистического эксперимента, нельзя измерить соотношением суммы госбюджета и народных доходов, а можно лишь той частью этих доходов, которую забирает себе весь «*обобществленный сектор*». По «пятилетнему плану», цифры которого мы здесь приводим, никоим образом не ручаясь за их правильность, «*обобществленный сектор*» забирает себе в 1928/29 году 42% *народного дохода*; в конце пятилетки эта цифра увеличится до 48%^{II}.

^I См. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», на русском. Издан Госпланом (Государственная комиссия по плановому хозяйству), Москва, 1929 г., т. II, ч. 2, стр. 346.

^{II} См. «Пятилетний план...», т. I, стр. 106.

Кредитная система

Так же, как и в финансовой системе, существует «относительность» применительно к условиям советско-русской валютной и кредитной системы. И здесь названия, заимствованные из принципиально отличной, организованной на основе частного хозяйства системы (банк, купюра, кредит, вексель), применяются к условиям, в которых отсутствуют предпосылки для правильного функционирования. Поясним сказанное примером. По уставам советского государственного банка, как это и принято в национальных банках других стран, покрытием некоторой части выпущенных банкнот (до 75%) должны служить первоклассные краткосрочные векселя. Если же такой гарантией в советском государственном банке служат векселя *государственных предприятий* — т. е. *только* государственных предприятий, — то эти векселя есть нечто иное, чем те векселя, которыми оперируют национальные банки Европы и Центральной Америки. Ибо, во-первых, при предоставлении Госбанком кредита государственной промышленности отсутствует надежный и объективный масштаб ее кредитоспособности и ее потребности в кредите и, во-вторых, что еще более важно, становится *невозможным* в случае необходимости *ultima ratio*⁷⁷ всякого предоставления кредита — *исполнение наказания должника*, потому что государственный трест или подобное ему государственное предприятие в Советской России нельзя заложить, ведь ликвидацией данного задолжавшего предприятия государство накажет лишь самого себя. И вот в начале 1930 года советское правительство сделало отсюда логический вывод, едва ли не совершенно исключив из деловых отношений отдельных органов экономики вексельные кредиты.

С 1924 года Советский Союз имеет «твердую» валюту, состоящую из купюр червонцев, которые выпускаются в обращение Госбанком, и из кассовых чеков, которые издаются комиссариатом финансов.

Валюта

Червонцы соотнесены с прежним золотым рублем (100 рублей равняются 216 маркам) таким образом, что

один червонец в номинале соответствует 10 прежним золотым рублям. Обеспечение купюр в червонцах должно, по меньшей мере, на 25% состоять из золота, платины (ныне серебра), а также из купюр и векселей в иностранной валюте, а на 75% из краткосрочных векселей, которые, как уже упоминалось, являются исключительно векселями государственных предприятий, т. е. самого государства.

Кассовые чеки комиссариата финансов, для которых не предусмотрено особого обеспечения, изначально не должны были превышать половины купюр червонцев, находящихся в данное время в обращении. Под давлением финансовых трудностей эти установления ослабели, между тем как высшая норма кассовых чеков сначала (август 1928 года) была поднята до 75%, а позднее (сентябрь 1930 года) до 100% купюр червонцев, находящихся в обращении¹.

В последнее время советское правительство обильно пользовалось этими, также формально расширенными, эмиссионными возможностями, тем более что растущие финансовые трудности при осуществлении пятилетнего плана оставили ему только эту *единственную возможность*. Новая эмиссия кассовых чеков лишь за два последних месяца — июль и август 1930 г., — данные по которым уже наличествуют, составила 408 млн. рублей, наряду с новой эмиссией червонцев в сумме 316 млн. рублей, таким образом, прирост всего оборота бумажных денег за два месяца составил 20% (общий денежный оборот Советского Союза достиг первого сентября 1930 г. 4234 млн. рублей). И золотое и платиновое обеспечение находящихся в обороте бумажных денег — совместно для купюр в червонцах и кассовых чеков — соответственно понизилось, также по официальным советским данным, на 12%.

¹ Хорошее описание нынешних валютных условий в Советской России на немецком языке можно найти в статье Пауля Чеховича «Валютная и ценовая система Советского Союза» в «Виртшафтсдинст» («Служба экономики»), Гамбург, от 12 апреля 1929 г., выпуск 15.

Инфляция

Это усиленное использование печатных станков в течение 1930 года привело также к *открытому* взрыву инфляции в Советской России. Обычные инфляционные явления в советском хозяйстве хотя и затушеваны отсутствием свободного рынка и свободного ценообразования, однако в летние и осенние месяцы 1930 года наблюдалось типичное проявление инфляции, а именно — внезапное исчезновение из оборота серебряных денег, за которым последовали массовые расстрелы советских граждан — частных и советских чиновников, которых обвинили в «укрывательстве» серебряных монет и др.

Разумеется, невозможно точно установить, насколько соответствуют действительности советские ведомственные данные о запасах обеспечения. За отсутствием подлинных данных приходится приводить оценку немецкого наблюдателя, который так высказывается об этом в своем отчете о последней поездке на учебу в Москву:

«Обеспечение рубля ослабело. Показания убытков Госбанка кажутся вводящими в заблуждение, потому что благородные металлы и запасы благородных валют просто заложены или перезаложены... Обеспеченность советского рубля, банкнот и формально необеспеченных чеков государственной казны, вместе взятых, как мне известно, составляет около 8 процентов»¹.

Поддержание курса червонца на прежнем золотом паритете не соответствует его покупательной способности (сравнительно с товарными ценами) и поддерживается искусственно целым рядом мероприятий, достаточно средств и возможностей для которых предоставляет *обладание всей внешней торговлей* со стороны Советского Союза, благодаря системе монополии внешней торговли, а также *регулированию цен на все промышленные продукты*. Официально установленный курс рубля-червонца не существует ни на одной иностранной бирже. В очень ограниченном частном обороте на иностранных площадях рубль-червонец продают за полови-

¹ См. статью Адольфа Грабовского «Русский экономический кризис» в «Немецкой экономике», № 40, 5 июля 1929 г.

ну номинальной цены. Официально установленный московскими банками и ведомствами курс червонца-рубля на основе золотого паритета не представляет собой «обменного курса» в обычном понимании, это всего лишь курс для расчетов советских банков и советских предприятий между собой. Изоляция червонца-рубля от любых контактов с внешним миром подчеркивается и поддерживается еще и тем, что запрещен не только вывоз, но и ввоз советских купюр из-за границы (распоряжение от 21 марта 1928 года).

Червонец, чья покупательная способность, сравнительно с торговыми ценами, составляет едва ли не *пятую часть* его номинальной цены, тем самым ведет искусственное существование, изолированное от влияния мировых экономических отношений, в теплице коммунистического планового хозяйства. Поэтому его судьба на веки вечные связана с последним.

Д-р А. М е л к и х⁷⁸

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

I. Русская промышленность до войны и воздействие на нее войны, революции и «военного коммунизма»

Подъем довоенной русской промышленности

В последние годы перед мировой войной Россия переживала великолепный подъем в экономике. Четыре богатых урожая в 1909, 1910, 1912 и 1913 годах позволили за пять лет, с 1909 по 1913 год, повысить экспорт зерна по сравнению с предшествующими пятью годами — 1904—1909 — на 826,2 млн. пудов, что принесло на 1075,6 млн. рублей больше прибыли. Вся русская промышленность получила вследствие этого решительный и благотворный толчок и твердую основу на пути развития царской России. Благодаря избытку и дешевизне денег в стране, что создавало условия для их инвестирования, появилась возможность обходиться без иностранного капитала. Это стало отличительным признаком довоенного строительства от промышленного подъема в

1890-х годах, который был вызван почти исключительно притоком иностранного капитала. По подсчетам очень компетентного банкира (Х. Эпштейна), средства предприятий русского народного хозяйства возросли в период с 1909 по 1913 год на 2238 млн. рублей. Чтобы по достоинству оценить значение этого огромного притока капитала в русскую экономику, достаточно, по мнению того же специалиста, отметить, что «калифорнийские и австралийские золотые прииски, вызвавшие в свое время полный переворот в мировой экономике, в течение трех лет после их открытия, с 1851 по 1853 год, принесли золота лишь на сумму в 560 млн. золотых рублей, т. е. в четыре раза менее прироста наших промышленных капиталов в 1909—1912 годах»^I.

Дальнейшим следствием этого чрезвычайного увеличения капитала был совершенно невероятный подъем промышленного строительства. Определенное представление о нем может дать сравнение общего числа акционерных обществ, созданных в 1910—1913 годах, с общим числом подобных обществ, начавших свою деятельность в предыдущие периоды — 1905—1909, 1900—1904 и 1895—1899 годы. За пять лет, с 1895 по 1899 год, образовалось всего 862 общества, или примерно по 172 общества в год; соответствующий общий рост в последующие пятилетия, о которых идет речь (1900—1904 и 1905—1909), выражается цифрами 375 и 400; в то время как за четыре года, с 1910 по 1913 год, было образовано 712 новых акционерных обществ, или по 178 в среднем за год^{II}.

Рука об руку со строительством новых промышленных предприятий шла техническая реорганизация заводов и фабрик: повышение мощности двигателей, замена паровых машин — там, где это было возможно и экономически выгодно — двигателями внутреннего сгорания

^I См.: проф. С. Первухин. Экономическая конъюнктура, стр. 189, на русском.

^{II} Подборка проф. С. Первухина (там же). См. объяснительную памятную записку русского царского министра финансов к проекту госбюджета на 1914 год, ч. II, стр. 51, на русском.

или электромоторами, скорое вытеснение процесса сварки в железодельательном производстве процессом литья, бессемеровской стали — мартеновской и тому подобное. Все это подтверждает технический прогресс русской промышленности в последние предвоенные годы. Что касается количественного доказательства ее успехов, то оно видно из следующей краткой, но впечатляющей таблицы.

**Средние показатели годовой добычи и производства
(в млн. пудов):**

	каменный уголь	железная руда	чугун	литье стали
1901—1903	218,0	55,3	33,3	29,0
1906—1910	302,4	66,0	34,9	35,2
1911—1913	649,3	167,9	84,2	69,4

В конечном итоге текстильная промышленность была единственной отраслью промышленного производства, которой пришлось преодолевать некоторые трудности при сбыте своей продукции, они особенно сильно проявились в период 1911—1912 годов; но эти трудности вовсе не свидетельствовали об истощении покупательной способности, они показывали лишь определенную хозяйственную подвижку внутри сельского населения. Ведь в связи с земельной реформой Столыпина и уже описанным приростом капитала русское крестьянство усиленно занялось строительством и тратило всякий излишек денежных средств на покупку хозяйственного инвентаря, всячески экономя на приобретении чисто потребительских товаров¹. Все это, вне всякого сомнения, готовило новый, еще более решительный подъем русского народного хозяйства.

Воздействие войны на русскую промышленность

Первые годы войны не задержали течение этого процесса, однако радикальным образом изменили все направление развития русского народного хозяйства. Прежде всего здесь сыграли большую роль военные потребности государства, распространявшиеся не только

¹ С. Первухин. *Opus cit.*, стр. 188, примеч. 2.

на продукцию тяжелой промышленности, но и на потребительские товары, такие, как текстиль, продовольствие и т. д. Появление невероятного войска, которое достигло на конец 1916 года численности в 14 290 000 человек, требовало огромного количества одежды и продовольствия. Достаточно сказать, что, например, годовое потребление мяса в царской армии было запланировано в количестве более 4 млн. пудов, что составляло более 60% общего потребления мяса в России; что государственные поставки текстильной промышленности охватывали 70—80% всего производства текстиля, так что для частного потребления оставалось не более 20—30%. Среди штатского населения царила несомненная склонность к повышению спроса.

Этой тенденции способствовало, с одной стороны, прекращение продажи алкогольных напитков, с другой, выплата так называемых «пайков» (деньги для поддержки) семьям призванных на военную службу.

Прекращение продажи водки в любом отношении оказало благотворное воздействие на русскую народную экономику, и вовсе не только потому, что на руках у населения остались огромные средства (позднее значительная часть этих средств была уничтожена выпуском бумажных денег и другими мерами), а скорее потому, что оно поощряло рост производительности труда, уменьшение пропуска работы, пожаров, несчастных случаев и т. д. Особенно благотворное влияние эта мера оказала на благосостояние сельского населения. Но еще большее значение для него имела выплата только что упомянутых «пайков» семьям военнослужащих. По подсчетам проф. С. А. Первухина, лишь в течение 1914—1915 годов (с августа по июнь) сельское население получило, таким образом, — даже при учете падающего курса рубля — около 270 млн. золотых рублей. Значительно возросли материальные источники помощи крестьянам также в процессе перераспределения народного дохода между городом и деревней в пользу последней: во-первых, вследствие сравнительно большого роста цен на сельскохозяйственные продукты; и во-вторых, в результате растущих отдач и денежной эмиссии, основное бремя которых пришлось на город-

ское население¹. В связи с концентрацией значительных денежных сумм в руках сельского населения значительно вырос также его спрос на всевозможные промышленные изделия. Однако особенно важно отметить растущий спрос на сельскохозяйственную технику, скот и вообще на все, что тем или иным образом связано с улучшением хозяйствования на земле. Благодаря этим обстоятельствам первые военные годы, по-видимому, не давали повода пугаться глубоких разрушительных последствий войны. Однако уже появлялись тревожные признаки наступающего распада хозяйственного организма страны. В дальнейшем с продолжением войны эти сначала малозаметные трудности превратились в угрожающие факторы, которые в совокупности оказались губительными не для одной только русской промышленности, а для всего государственного организма. Под влиянием этих *затруднений*, а также в результате мобилизаций, и главным образом мобилизации 1916 года, на которую мы должны обратить особое внимание читателя, резко уменьшилось количество рабочих рук; также вследствие сокращения рабочей силы, замены мужской рабочей силы женской, снижения дисциплины и целого ряда иных обстоятельств, среди которых не последнюю роль играла политическая агитация, снизилась производительность труда.

Вмешательство правительства

При оценке условий, в которых работала промышленность России во время войны, надо отметить еще один фактор — значительное вмешательство правительства в экономическую жизнь страны вообще и особенно в жизнь промышленности. Регулирование производства, потребления и цен, целый ряд ограничений для предпринимателей и других участников экономической жизни, для выходцев из воюющих с Россией государств, — оказали на все экономическое развитие Российской империи вредное воздействие. Эти меры в высшей степени подготовили почву для *той* системы и *той* политики в управлении экономикой, которая была введена советским правительством и названа им «военным комму-

¹ Проф. С. Первухин. *Opus cit.*, стр. 213—217.

низмом». Среди прочего можно определенно сказать, что практика назначения правительственных инспекторов на предприятия, принадлежащие гражданам государств, воюющих с Россией, послужила коммунистическому правительству в первые месяцы его существования примером для того, чтобы с этой поры назначать «комиссаров» на *все* поголовно предприятия и во *все* не отмененные им институты.

Воздействие революции и ее коммунистического углубления

Но ни война сама по себе, ни неудачные меры правительства военного времени не воздействовали на народное хозяйство так уничтожающе, как революция и особенно ее «углубление», осуществленное коммунистами и продлившееся до весны 1921 года. О *хаосе*, возникшем в промышленности в результате захвата рабочими заводов и фабрик (захват, начавшийся уже летом 1917 года, позднее был санкционирован декретом об экспроприации от 28 июня 1918 года под названием «национализация промышленности»), свидетельствует не кто иной, как народный комиссар труда Шляпников.

Еще в ноябре 1919 года он отмечает, что «тяжелое положение, в котором находится русская промышленность, вызвано прежде всего недисциплинированностью и отсутствием порядка на предприятиях. Заводские комитеты, созданные для наведения порядка на заводах и фабриках, не выполнили своей миссии. В противоположность этому они устраняли последние остатки дисциплины и наряду с этим подчищали заводской инвентарь»¹.

Напрасно старается советское правительство взять руководство предприятиями в свои руки и привести производство в порядок. Ни роспуск заводских комитетов, ни милитаризация заводов и фабрик, ни различные меры по стимуляции рабочих к продуктивному труду, ни даже введение трудовой обязанности (декрет от 5 февраля 1920 года) промышленность спасти не могут. Трудности со снабжением продовольствием, появившиеся не только в результате гражданской войны и национализа-

¹ См. «Экономическую жизнь» от 19 ноября 1919 г.

ции земли и торговли, но в еще большей степени вследствие отсутствия готовых изделий и обесценивания денег (обесценивания, к которому советское правительство стремилось сознательно), и одновременное регулирование продажи продовольственных товаров вызвали бегство значительной части рабочих в деревню — им было нужно свободное и дешевое пропитание. Другая часть рабочих предпочла сделаться «мешочниками», это означает, что они, порою с риском для жизни, доставляли продовольствие контрабандой из деревни в город. А те рабочие, которые по разным причинам оставались на предприятиях, постоянно использовали заводское оборудование и материалы для изготовления предметов, находивших большой спрос у советских людей, но не имеющих ничего общего с обычной продукцией данного заводского предприятия. Так, на крупных металлургических заводах сильно развилось изготовление «зажигалок», имеющих надежный спрос из-за недостатка спичек. На предприятиях всей производящей и обрабатывающей промышленности России в 1921 году по всем этим причинам осталось, по подсчетам советских экспертов, всего 1 152 200 человек вместо 3,024 миллиона, насчитывавшихся в 1917 году. По данным Ленина, вся промышленность производила не более шести процентов довоенного производства.

Но этими цифрами не исчерпываются результаты господства Советской власти в тот период, который впоследствии был назван «периодом военного коммунизма». Однако особенно характерно для «национализированной» советской промышленности этого периода то, что она как исключительно и несомненно «дефицитное хозяйство» составляла статью пассива в советском бюджете и годами (1919—1922 гг.) «покрывала» этот дефицит «из переданного ей (после национализации) капитала»¹. Таким образом, она подпитывалась за счет унаследованного от «буржуазной» эпохи капитала и существовала за счет источника из опороченного прошлого. Об этом свидетельствует также один

¹ См.: Эм. Квининг. Очерки промышленного развития Советского Союза в 1917—1918 годах, стр. 133, на русском.

из выдающихся советских финансистов А. Шторн. Это было убыточное хозяйство, которому тем не менее надо было фиксировать «доходы»; это была обобществленная промышленность, которой удавалось превращать на бумаге дефицит в «активную статью» госбюджета; насколько велико значение этих мнимых доходов для советских финансов, например, видно уже из того, что в бюджете на 1919 год 68% его активов составляли доходы из ВСНХ (Высший совет народного хозяйства, которому подчинялась национализированная промышленность) и из Наркомпрода (Народного комиссариата продовольствия)¹. Советское правительство вплоть до НЭПа питалось и существовало главным образом за счет ценностей, накопленных прежде буржуазией.

II. Советская промышленность во время НЭПа и ее организация

После того как советское правительство «всерьез и надолго» провозгласило «новую экономическую политику», оно сделало главной целью ее *восстановление* русского народного хозяйства вообще и российской промышленности в особенности. Путь, избранный для восстановления народного хозяйства, был простейшим и самым естественным. Это был путь *частнохозяйственной самостоятельности*. Разумеется, этот путь не являлся эволюцией коммунистической теории. Это было просто поспешное отступление с позиций, как казалось, завоеванных коммунизмом, под прикрытием буржуазных принципов. Период «военного коммунизма» принес полное и последовательное отрицание всякой экономической самостоятельности и самодеятельности. Он строился на принципе полной и исключительной монополизации, единой централизованной экономики. Здесь не было свободного рынка; сбыт и купля были заменены снабжением и распределением по распоряжению и в соответствии с ордером. Экономической «производительности» не придавалось ни малейшего значения; *госбюджет* (если здесь вообще можно говорить о бюд-

¹ См.: Эм. Квининг. *Opus cit.*, стр. 134.

жете) строился на принципе наличных выплат и покрывался в значительной части, как уже сказано, за счет ранее накопленного, а в остальном за счет экспроприации населения в буквальном смысле слова или путем усиленной эмиссии бумажных денег. Лозунг «Грабь награбленное», с помощью которого Ленин перевел на доступный массам язык марксистскую «экспроприацию экспроприаторов», был действительно ведущим фундаментальным принципом первого и, как его теперь называют, «героического» периода господства советской власти. Разумеется, всякая собственность в этот период в случае необходимости именовалась «воровством».

«Новая экономическая политика» 1921—1923 годов хотела принципиально стоять в стороне от этих методов «военного коммунизма». Экономическая самостоятельность казалась тогда вождям пролетариата единственным средством, которое, пожалуй, еще могло спасти положение. Отводя для себя лишь так называемые «командные высоты» и утверждаясь на них, они отводили «частнохозяйственному элементу» определенную, ограниченную и подконтрольную свободу. Настоящему коммунисту полагалось теперь, по завету Ленина, «учиться торговать». «Капитальное образование» для дальнейшего социалистического строительства стало лейтмотивом деятельности всех советских предприятий, которые (за исключением немногих предприятий тяжелой промышленности) были предоставлены самим себе и уже вследствие этого обстоятельства испытывали *необузданное стремление к объединению в группы* для сбыта собственной продукции и самоснабжения необходимыми товарами и продовольствием. Лишь позднее советское правительство обратило внимание на эту самоуправную самоорганизацию полуосвобожденных предприятий и постепенно старалось регулировать их существование и деятельность, но сначала в соответствии с совершенно общими и расплывчатыми директивами. Распоряжением Совета по труду и обороне (СТО) от 12 августа 1921 года «О мерах по восстановлению крупной промышленности и содействия производству» признавалось лишь в форме руководящего принципа, что «крупнейшие технически

вооруженные, целесообразно организованные и соответственно расположенные предприятия одной отрасли могут на основе доходно-экономического хозяйственно-го расчета сливаться в особые объединения».

И только в сентябре 1922 года было опубликовано распоряжение ВСНХ «Образцовый порядок для объединений», причем этим объединениям впервые было присвоено официальное название «тресты».

К январю 1923 года по материалам источников, представленных XII съезду Коммунистической партии, существовало всего 459 трестов, которые охватывали 4426 заводов с 818 790 рабочими, причем в это число не входили каменноугольные и нефтяные объединения. С учетом слияния и в этих областях промышленности число трестов достигало от 465 до 470 с числом рабочих более 1 млн. человек¹. Хорошая половина (47%) этих трестов состояла из совершенно незначительных предприятий со средним числом от 38 рабочих на одно предприятие до 221 рабочего на один трест. Предприятия сливались совершенно беспланово и бессмысленно и на каждом шагу образовывали объединения, так как они, предоставленные собственной судьбе, ощущали потребность в каком-то руководстве или присмотре и надеялись найти их у отдельных особенно энергичных правлений того или другого соседнего предприятия. В большинстве случаев личности-вожди и становились во главе организаций. Так как в начале 1923 года почти вся промышленность, поскольку она вышла в работоспособном состоянии из военно-коммунистической разрухи, оказалась объединенной в тресты, советское правительство нашло своевременным определить суть «объединений предприятий», допущенных к участию в советской хозяйственной жизни.

Декрет от 19 апреля 1923 года

Декретом от 10 апреля 1923 года «О государственных промышленных предприятиях (трестах), осуществляющих свою деятельность на основе коммерческого расчета» и

¹ См. «Вопросы промышленности и торговли» — материалы к XII съезду партии.

дополнением к этому декрету от 17 июня того же года «О трестах местного значения» тресты определялись как: «государственные промышленные предприятия, которым государство предоставляет самостоятельность в проведении операций в соответствии с утвержденными уставами и которые работают на основе доходно-хозяйственного расчета с целью получения прибыли».

Таким образом, так называемые «тресты» должны были стать *своеобразной формой управления национализированной промышленностью*, где принципы государственного суверенитета странно перемешаны с основами частнохозяйственной деятельности. Это были принципиально *государственные ведомства*; во главе их соответственно стояли сплошь известные коммунисты, приверженные коммунистической программе и оставшиеся в подчинении Центрального Комитета и Политбюро. Этим коммунистическим ведомствам не только предоставили право, но и возложили на них обязанность — использовать все возможности и преимущества частного предпринимателя и торговца. Появившееся позднее распоряжение председателя ВСНХ¹ Третьякова, вызвавшее большую растерянность в рядах самой Коммунистической партии и приведшее к оживленному обсуждению, со всей определенностью разъясняло: «За основной принцип управления принимается прибыль хозяйственной единицы, т. е. треста, и с учетом доходности будет осуществляться управление всей деятельностью трестов и оцениваться деятельность трестов».

Результаты первых лет НЭПа

Возможность достижения прибылей из торгового оборота на свободном и в период «военного коммунизма» изголодавшемся рынке оказалась таким мощным стимулом для активизации деятельности советских промышленных предприятий, что в течение кратчайшего времени удалось значительно повысить производительность

¹ См.: А. Гинсбург-Наумольд. Законы о трестах, синдикатах и органах регулирования промышленности, приказ от 16 июня 1923 г., стр. 3, на русском.

промышленности. Но за этот успех пришлось заплатить дорогой ценой. В результате малой производительности труда и высокой стоимости организации и сбыта себестоимость промышленной продукции оказалось столь высока, что рынок отказался оплачивать продажные цены, рассчитанные на этой основе. Для получения текущих средств советским предприятиям пришлось сбывать свою продукцию по ценам ниже себестоимости. Это вело лишь к дальнейшему «разбазариванию» сырьевых ресурсов. По расчетам специального журнала^I, рабочие средства промышленности в 1921 году составили 500 млн. золотых рублей; на второй год НЭПа эта сумма снизилась до 250 млн. золотых рублей. Тогдашний председатель Совета народных комиссаров Рыков описывал весь трагизм положения, создавшегося в итоге первого года НЭПа, следующим образом^{II}:

«Если задать вопрос, за чей счет выросло производство за время «новой экономической политики», то все расследования в области нашей промышленности и все данные, полученные из разных источников, подтверждают вывод о том, что рост производства произошел за счет дальнейшего истощения наших экономических ресурсов».

Однако «разбазаривание» сырьевых ресурсов и растрачивание основного капитала были не единственными обстоятельствами, осложнявшими задачу восстановления промышленности. В экономической жизни страны проступили еще более тревожные и, по мнению руководителей советской экономической политики, более угрожающие моменты. Повышение цен на промышленные изделия и понижение цен на сельскохозяйственные продукты (так называемые «ножницы») чрезвычайно сузило емкость сельского рынка и представляло угрозу для денежного оборота и валюты. В связи с удорожанием изделий советской промышленности крестьянская кустарная промышленность в нескольких областях достигла таких больших успехов, что советская промышленность не могла более с ней конкурировать. Наконец

^I «Экономическая жизнь», № 251, 1922 г.

^{II} «Экономическая жизнь», № 221, 1922 г.

деятельность частных предпринимателей-промышленников и частных торговых посредников, которые умели значительно дешевле работать, чем государственные советские организации, начала принимать такие размеры, что советское правительство, несмотря на обладание «командными высотами», поняло, что ему грозит опасность «затопления частнохозяйственным элементом».

Под впечатлением всех этих обстоятельств советское правительство вновь предприняло попытку взять на себя руководство всей хозяйственной жизнью страны и произвести это главным образом на путях промышленного производства. Уже декрет от 10 апреля 1923 года, который установил правоспособность советских трестов и до известной степени регламентировал их деятельность, немного урезал их самостоятельность. Предпринятая на основе указа ревизия советских трестов в связи с их разделением на союзные тресты, тресты «федеративных республик», областные и районные тресты чрезвычайно усилила власть Высшего совета народного хозяйства, и в особенности потому, что юридическое признание трестов, т. е. подтверждение их уставов Советом труда и обороны (для союзных трестов) и, следовательно, предоставление им разрешения на дальнейшую деятельность, может произойти лишь по заключению Высшего совета народного хозяйства.

Однако особое значение имело стремление советского правительства вновь подчинить своему руководству промышленность, и главным образом хозяйственные союзы государственной промышленности, — в области политики цен и организации сбыта. Не ограничиваясь работой «комиссии по внутренней торговле» (декрет от 17 июня 1923 года), за которой было признано право устанавливать цены и даже принудительно распределять часть трестовой продукции и которая позднее получила название «комиссариат внутренней торговли», созданием синдикатов или заключением между ними договоров (конвенций), советское правительство предприняло унификацию торговой деятельности трестов.

Синдикаты и конвенции

Официально эти синдикаты и конвенции выдавали за вполне «добровольные» объединения и договорен-

ности трестов между собой с целью устранения нездоровой конкуренции. Но по своей сути они с самого начала были *принудительными объединениями*¹, которые преследовали цель не только торгового регулирования трестов в соответствии с намерениями советского правительства, но и влияния на выпуск их продукции. Последнее было достигнуто регламентацией видов заготавливаемого сырья и материалов, необходимых трестам, установлением общего объема данной продукции и приведением производственных программ в соответствие с потребностями рынка.

Генеральные и типовые соглашения и система предварительных заказов

Кстати, потребности рынка были в августе 1925 года заменены договоренностью между ВСНХ СССР (Высший совет народного хозяйства) и Центросоюзом (Центральный совет кооперации) по системе *генеральных и типовых соглашений*, которые заключались отдельными синдикатами и крупнейшими монопольными трестами (например, резиновым или сахарным) с руководством центральных потребительских кооперативных союзов, потребителями и покупателями промышленных товаров. Дальнейшим развитием этой системы стала практика *«предварительных заказов»*, к которой 1 января 1928 года прибегла сначала текстильная промышленность, а за ней и другие отрасли.

Госплан

Эти мероприятия, полностью подчинявшие советские тресты руководству центральных органов и почти исключавшие возможность их непосредственных контактов с рынком, увенчались усилением значения и интенсивным участием Госплана (Государственной плановой комиссии), который был учрежден еще в марте 1921 года для исполнения весьма скромной задачи управления *«параллелизмом и несогласованиями»*, а

¹ См. статью проф. А. Венедиктова «Правовая природа государственных предприятий»: «Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института», Ленинград, 1928 г., стр. 33.

теперь получил задание по выработке *«единого и общегосударственного народнохозяйственного плана»*.

Так НЭП, исходивший из экономической самостоятельности промышленных предприятий и решительно осуждавший централизацию их руководства («главизм»), вновь попал в обстановку отрицания этой самостоятельности и восстановления централизма.

Указ о трестах от 29 июня 1927 года

В указе о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 года^I, который заменил первоначальную «регламентацию трестов» от 30 июня 1923 года, их *зависимость от центральных органов* трактовались совершенно однозначно, а именно определением, что тресты «находятся под руководством одного названного в уставах государственного ведомства» и работают «в соответствии с плановыми заданиями, утвержденными названными ведомствами» (пункт 2). И не мы, а очень объективный советский исследователь вынес осторожную оценку, что «у треста наших дней... на первый план выступает не его экономическая и правовая самостоятельность как организации, участвующей в частнохозяйственном обороте, а его *государственный характер* как органа, выполняющего плановые задания государства»^{II}. Самостоятельность в управлении, одобренная для трестов в вышеприведенном распоряжении от 29 июня 1927 года (пункт 2), ввиду планово-хозяйственного руководства во всех отраслях хозяйственной жизни и ведомственного регулирования цен и рынка, разумеется, остается лишь пустыми словами. Такими же пустыми словами остается и самостоятельность директоров в управлении подчиненными им заводами и фабриками, провозглашенная во многих пунктах указа. Между тем эта «самостоятельность» вызвала жестокую борьбу в рядах самой Коммунистической партии.

Бюрократизм и его последствия

Но процесс новой централизации в управлении промышленностью на этом не остановился. В то время

^I См. «Собрание законов и распоряжений СССР», № 39, от 13 июля 1927 г.

^{II} Проф. А. Венедиктов. *Opus cit.*, стр. 38.

как советское правительство определило, что синдикация постепенно лишает тресты тех функций, ради которых она была проведена, и сделала их теперь почти совсем ненужными и лишними, — оно уже задумало передачу синдикатам всего управления промышленностью. Тем самым последние кажутся лишь вариацией тех «главков» (главных управлений отдельными отраслями промышленности) — и уже становятся ими, — о которых при появлении НЭПа сами коммунисты отзывались с уничижительной усмешкой. Это подтверждает также орган берлинского торгового представительства^I.

«Монополизация снабжения и сбыта важнейших отраслей промышленности непосредственно столкнула синдикаты с нуждами и потребностями промышленности и позволила им верно оценить реальные возможности промышленного развития. Таким образом, синдикаты шаг за шагом овладели теми функциями, которые предназначались Главным комитетам внутри Высшего совета народного хозяйства (главки), которые, однако, не имея достаточно связей с экономической жизнью промышленности, не могли исполнять их в полной мере».

Естественным следствием этой централизации явилось, разумеется, усиление влияния ужасающе необразованных советских бюрократов и советского бюрократизма, под чьим управлением, по свидетельству руководителя Рабоче-крестьянской инспекции Орджоникидзе, «самым спасительным средством считается бумага» и «работа» перерождается в такие странности, что «человек ведет переписку с самим собой», в то время как предприятия вынуждены задействовать специальный персонал, чтобы «отбрехаться» ото всех требований, анкет, обращений и иных направляемых им письменных запросов^{II}.

^I См. статью Р. Андерса «Организация управления промышленностью»: «Народное хозяйство Союза Советских Социалистических Республик», № 17—18, 1929 г., стр. 21.

^{II} См.: «Экономическая жизнь», № 290 от 15.12.26 г. См. статью «Коммунизм как власть чиновников» в данной книге.

III. Результаты советского господства в промышленности

Восстановление промышленности

Основной задачей, которую ставило перед собой советское правительство при объявлении НЭПа, было восстановление разрушенного народного хозяйства. Однако особое значение при осуществлении социалистического строительства оно придавало восстановлению промышленности, так как, по мнению советских теоретиков, «промышленность идет во главе развития производительных сил — промышленность *двигает и подгоняет* развитие производства всех отраслей народного хозяйства»^I. Посмотрим же, как это у него получилось. Но прежде всего установим, что надо понимать под словом «восстановление». Мы предполагаем, что восстановление промышленности происходит в том случае, если вновь достигнуты не только *количество и качество* продукции, но и весь *аппарат производства* возведен на такую высоту, что *фабричная цена* в какой-то мере соответствует прежней (при этом, конечно, учитываются изменение денежного курса и стоимости сырья).

Индикаторы качества

Прежде всего примем за *признак восстановления* промышленности *качество товарного производства*, этим признаком обычно оперируют руководители советского хозяйства. «*Процесс восстановления*» в промышленности, по их утверждениям, завершен уже в 1925—1926 году^{II}, и с того времени начался «*процесс перестройки*», который позволит советскому хозяйству не только догнать, но и перегнать передовые капиталистические страны^{III}.

Утверждение, что советская промышленность уже в 1925—1926 году достигла довоенного уровня, неверно. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно бегло про-

^I Статья А. Эйхенвальда. См.: «Советская экономика: экономика и экономическая политика СССР», с предисловием Н. Бухарина, 1927 г., стр. 38, на русском.

^{II} См. там же, стр. 52.

^{III} См. статью В. А. Базарова «О методологии при проектировании перспективных планов»: «Плановое хозяйство», № 7, июль 1926 г.

смотреть таблицы, приведенные в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР» на 1926—1927 год (стр. 320): из них видно, что уровня 1913 года не достигла ни одна отрасль промышленности. Это не требует других доказательств. И вот советская статистика утверждает, что *в настоящее время* «перестроенная» коммунистическая промышленность во многих (если не во всех) отраслях сильно превысила прежний уровень. Так, например, добыча каменного угля, составлявшая в 1913 году 29 055 000 тонн, в 1927—1928 хозяйственном году составила около 36 300 000 тонн, в 1928—1929 году — около 39 658 000 тонн, а в последнем, 1929—1930 хозяйственном году — целых 46 651 000 тонн. Добыча нефти составляла в 1913 году примерно 9 194 000 тонн и якобы выросла в 1928—1929 году до 13 547 000 тонн, а в 1929—1930 году до 17 066 000 тонн. Производство хлопчатобумажных тканей составляло в 1913 году примерно 2 238 000 метров и якобы достигло в 1928—1929 году около 2 826 000 метров, в 1929—1930 году — около 2 353 000 метров^I. С другой стороны — добыча железной руды и производство чугуна почти достигли довоенного уровня (1913 г.) только в 1929—1930 году^{II}.

Насколько достоверна эта статистика и насколько осторожно следует на нее опираться, показывает то обстоятельство, что *цифры производства и добычи за те же годы одно и то же ведомство приводит разные*. Так, например, добыча нефти в 1925—1926 году определена в «Контрольных цифрах» Госплана за 1926—1927 год в 8 290 000 тонн, а в тех же «Контрольных цифрах» за

^I Цифры за 1913 год взяты из «Контрольных цифр народного хозяйства СССР» за 1926—1927 г., стр. 320. Цифры за 1927—1928 г. мы найдем в той же подборке на 1928—1929 г., стр. 466. Цифры за 1928—1929 и 1929—1930 годы взяты из статьи Ф. Пузанова «Работа промышленности во втором году пятилетки по предварительным данным» и т. д. в газете «За индустриализацию», 1 октября 1930 г.

^{II} Добыча железной руды в 1913 г. — около 9 230 000 тонн; в 1927—1928 году лишь около 5 826 000 тонн; в 1928—1929 году — около 7 100 000 тонн; (ожидаемая добыча) в 1929—1930 году — около 10 700 000 тонн. (Проект «Контрольных цифр», стр. 432—433.)

1928—1929 год в 8 486 000 тонн; добыча железной руды рассчитана в «Контрольных цифрах» на 1926—1927 год в 3 513 000 тонн, а в «Контрольных цифрах» за 1928—1929 год 3 317 000 тонн и т. д. Мало этого, даже цифры 1913 года, с которыми сравнивают теперешнее производство, рассчитаны советскими статистиками для России в ее нынешних границах, по-видимому, далеко не безупречно, что признал советский статистик Громан, которого теперь лишили поста и арестовали после включения учреждений советской статистики в состав Госплана¹. Но самое главное заключается в том, что цифры 1913 года ни в коем случае не характерны для очень многих отраслей промышленности, которые испытали особый рост и особый подъем лишь в годы войны. Укажем, например, на добычу нефти, достигшую своего максимума в 1916 году (9,9 млн. тонн), на переработку хлопка, которая в 1916 году на 4,3 млн. пудов (70 400 тонн) превысила объемы 1913 года². Далее, целый ряд заводов в России был создан в связи с потребностями войны; сюда относится производство высококачественных красок, переработка побочных продуктов коксования, производство целого ряда химических продуктов, электротехнических приборов, медицинских инструментов и целого ряда других производств, заслугу в становлении которых советские вожди часто приписывают себе.

Высказанные соображения заставляют с большой осторожностью подходить к статистическим данным, которые опубликованы советским правительством и должны показать успехи советской промышленности, тем более что проведенная недавно реформа советской статистики повлекла за собой уничтожение Центрального статистического управления (ЦСУ) как самостоятельного ведомства и его включение в состав Госплана. После этого ко всем данным, публикуемым Советской властью, будут относиться еще более недоверчиво, чем прежде. Но даже если отбросить необходимую осторож-

¹ См.: А. Югов. Народное хозяйство Советской России и его проблемы, стр. 23, на русском.

² Цифры взяты из книги проф. Первухина «Экономическая конъюнктура», стр. 221 (таблица).

ность, количественные успехи советского хозяйства все не будут неожиданными для того, кто захотел бы сравнить их (при этом не только в количественном отношении) с промышленным развитием бывшей, буржуазной, России; пусть он только учтет, что бывшей России приходилось не восстанавливать, а *строить заново*, и что Советы при восстановлении могли большей частью использовать уже созданный капитал (здания, технику и т. д.).

Кстати, количественные успехи советской промышленности теряют всякое значение, если только подойти к ним с точки зрения качества.

Качество продукции

Это происходит прежде всего за счет исключительно падения качества изделий, что нередко допускают вполне сознательно (например, поредение тканей). Советская печать обычно бывает переполнена указаниями и жалобами по поводу отвратительного качества изделий современной советской промышленности. «Нас губят не налоги и не цены на технику, а качество фабричной продукции, — пишет сельский корреспондент в газету «Правда». — Старые станки служили 15 лет, новые служат лишь один год. Прежде коса служила 5 лет, теперь каждый год приходится покупать три новых, и ни одна из них не косит. Раньше точило для кос использовалось в течение двух лет, теперь требуется 3—5 точил за один сенокос. Таковы же молотки для отбивки кос, ножи, замки, топоры — короче, абсолютно все. Откалывается эмаль с кастрюль, протекает посуда, да и сковороды тоже. Вот что нас губит»^I.

Запасные части к швейным машинам, выпускаемым тульскими заводами, настолько плохи, что из 4800 гидравлических шпинделей, которые поставяет фабрика «Знамя труда»^{II}, *через год* остаются в рабочем состоянии лишь 856, в то время как обычная продолжительность

^I См. газету «Правда» от 9 июля 1926 г. Цитирую по книге Кондурушкина «Частный капитал перед советским судом», 1927 г., стр. 165, на русском.

^{II} См. «Экономическая жизнь», № 18 от 22.01.29 г., статья «Недочеты текстильного машиностроения».

работы шпинделей составляет 20 месяцев. Резиновые плащи советского производства с пропиткой выдерживают вместо трех по норме лишь 1—1,5 сезона^I.

Не без юмора жалуются крестьяне на недолгую носку купленных по дорогой цене пиджаков: «в этом пиджаке нельзя голосовать — лопаются рукава». Как соотносится снижение качества советско-российских промышленных изделий и увеличение количества продукции, показывает следующий подсчет советского эксперта. В 1913 году на нынешней территории СССР производилось 28 млн. пар галош, а в 1928—1929 году — 41,5 млн. пар, т. е. на 48% больше. Только вот жизнь галош в довоенное время составляла 8—9 месяцев, в то время как теперешние галоши изнашиваются уже за 4—5 месяцев. И вот советский исследователь делает соответствующую «поправку на качество» и приходит к совершенно верному выводу, что «нынешнее производство галош, учитывая их (уменьшившуюся) носкость, отстает от довоенного на 26%»^{II}.

Этот вывод более или менее применим по отношению к почти всем изделиям советской промышленности. Особенно важно отметить, что «снижение качества» ведет к обыкновенному обману потребителя в виде обсчета и обвеса. Так, по данным того же исследователя, с ленинградской спичечной фабрики непрерывно поступают коробки, в которых спичек на 4—15% меньше положенного количества. На входящих в синдикаты государственных табачных фабриках выпускают пачки махорки (низший сорт табака), недовес которых в ряде случаев составляет до 20,6% и т. д.

«Проблема качества» в жизни советского гражданина приобрела такую остроту, что в октябре 1930 года советское правительство сочло необходимым созвать особую «Всесоюзную конференцию по улучшению качества производства товаров массового потребления»

^I См. «Известия текстильной промышленности и торговли», № 10, октябрь 1929 г., стр. 14.

^{II} См. статью Ю. С. Каганова «Качество товаров массового потребления» в журнале «Экономическое обозрение», № 10, октябрь 1929 г., стр. 29, 32, 34.

(ср. «Экономическая жизнь», № 190 от 12.10.30 г.), участники которой сообщили друг другу массу еще более интересных фактов и подсчетов, но не смогли найти хоть каких-то резервов для «улучшения качества». Так, например, представитель Центросоюза (Центральный союз потребительской кооперации) товарищ Питерский свидетельствовал о «прогрессирующем падении качества хлопчатобумажных тканей с 1925 года». Брак, со слов того же Питерского, к началу хозяйственного 1929—1930 года колебался между 40 и 68%, а на одной фабрике достигал даже 92%. Конференция пришла к выводу, что хотя «стандарт» (т. е. образец товара или его точное описание, соответствующее всем установленным требованиям) можно рассматривать как «мощное и самое действенное средство в борьбе за повышение качества», однако в областях, «для которых стандарты качества уже установлены, следует отдавать предпочтение количеству перед качеством». Советским правительством были установлены 1958 стандартов со сроком ввода в действие с 1 октября 1930 года. Только вот введенные в действие стандарты не доходили до рабочих масс, не содержали ясных определений качества продукции, а вместо этого были напичканы совершенно излишними и смешными фразами типа: «женская юбка должна служить для защиты женщины от влияния климатических условий» (sic!).

Цена по себестоимости и цена по износу

Низкое качество советских промышленных изделий идет рука об руку с исключительно высокой себестоимостью их производства и еще более высокими продажными ценами. Приведем лишь несколько цифр. Так, например, производственная цена хлопчатобумажных изделий в 1927—1928 году превышала цену 1913 года в 1,77 раза, льняных тканей — в 1,92 раза и шерстяных изделий (грубое сукно) — в 2,72 раза¹. Себестоимость одной тонны донецкого угля составляла в 1927—1928 году 10 руб. 63 коп., в то время как довоенная себестои-

¹ См. статью Е. Л. Любинского в «Известиях текстильной промышленности и торговли», № 7—8, июнь—август 1929 г., стр. 5.

мость равнялась лишь 5 руб. 86 коп.; себестоимость одной тонны железной руды Южно-Российского треста (ЮРТ) достигала в 1927—1928 году — 394 руб. 92 коп., а в 1913 году она равнялась 277 руб. 76 коп. и т. д.^I

«В области уменьшения себестоимости промышленностью предприняты пока лишь первые и чрезвычайно незначительные шаги», скромно отмечается в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР за 1928—1929 хозяйственный год». *Это означает, что и в отношении стоимости производства советская промышленность еще далеко не достигла довоенного уровня.* Здесь следует еще отметить, что очень часто новые, технически более совершенные заводы и фабрики выпускают значительно более дорогостоящую продукцию, чем заводы и фабрики старой постройки, при этом они сильно превышают расчеты по смете. Так, Гороблагодатский завод поделочных камней на Урале поставил на седьмой месяц работы агломерат по себестоимости 33 руб. 80 коп. вместо 6 руб. 90 коп. по смете; новый кузнечный завод по производству кос в Златоусте делает косы по 1 руб. — 1 руб. 10 коп., в то время как артинская мастерская изготавливает их по цене в 35—40 коп.; Сязский целлюлозный завод делает целлюлозу по цене несравненно более высокой, чем старый Каменский завод и т. д. и т. п.^{II} *И еще более характерно, что частным предприятиям удастся производить продукцию дешевле, чем государственными советским заводам и фабрикам, несмотря на то что первые обложены более высокими поборами и вынуждены платить рабочим повышенную заработную плату*^{III}. Советским предприятиям не могут помочь ни новации, ни усовершенствования. «Во всех цехах ЮРТа (Южно-Российского треста) значительно расширилось механическое бурение, было увеличено число компрессоров, а уж количество молотов выросло с 600 до 1320, т. е. на 112%. Приводится в порядок энергетическое хозяйство.

^I См. статью Ю. Молчанова в «Экономическом обозрении», № 4, апрель 1929 г., стр. 81.

^{II} См. приведенную статью С. Молчанова, стр. 96.

^{III} См. статью Л. Логвиновича в «Торгово-промышленной газете», № 276 от 2 декабря 1927 г.

И наконец-то создана новая электростанция...», — сообщает наблюдательный «выездной корреспондент» «Экономической жизни». «Но общая картина все же остается неизменной. Суть ее выражает окончательный и неизбежный результат — цеха вынуждены отдавать руду по ценам ниже себестоимости; ведь если они продадут ее хотя бы по себестоимости, даже не получая прибыли, она будет недоступна потребителю и не сможет использоваться для производства чугуна»^I.

Причины высоких издержек производства

Стоит особо остановиться на вопросе высоких издержек производства изделий государственной советской промышленности. Какие причины лежат в его основе? Внимательный советско-российский исследователь, занимающийся этой проблемой не первый год, указывает на то^{II}, что «азбука экономики промышленного предприятия ставит снижение себестоимости в зависимость от следующих условий:

1. От наилучшего использования технического оборудования, которое автоматически снижает грубые издержки.
2. От максимальной бережливости в расходовании материальных средств производства — сырья, материалов, горючего и т. д.
3. От наилучшего применения рабочей силы.
4. От максимального снижения общих издержек как на производстве, так и в управлении промышленным предприятием.

Как соблюдается эта «азбука экономики» в советской практике?

Не подвергая подробной проверке выводы С. Молчанова, мы хотим только указать на некоторые приведенные им особенно интересные примеры.

Простои на заводах и фабриках

«Одной из очень существенных причин, снижающих продуктивность техники, — говорит он, — следует при-

^I См.: «Экономическая жизнь», № 7 от 28 марта 1929 г., статья Иловлева «В криворожских шахтах».

^{II} См. приведенную статью С. Молчанова, стр. 88—97. См. также его книгу «Издержки производства в промышленности СССР», Москва, 1926 г.

знать простои, происходящие то из-за недостатка материалов, энергии и т. д., то из-за износа технических средств, небрежности в работе, отсутствия рабочей дисциплины, хулиганства рабочих и повреждения ими машин и др. Насколько существенны потери, возникающие вследствие этих простоев, можно судить на примере треста Югосталь, в котором простои на отдельных предприятиях составляют 41,28% всего рабочего времени (завод Сталина); но в среднем в 1927—1928 году такие праздники в тресте составили 29,55% рабочего времени. Из 530 тяжелых врубковых машин, имевшихся на 1 октября 1928 года в тресте «Донуголь», работали всего 381, т. е. 72%, а из 177 легких врубковых машин — 80, т. е. 45%. «Общее количество рабочих дней, потерянных в связи с простоями в промышленности, достигло в 1927—1928 году, — заключает С. Молчанов, — 3,7 млн.; причем не было произведено продукции на 63 млн. рублей и за несделанную работу (не считая других потерь) было выплачено 10,1 млн. рублей».

Отсюда видно, что требуемая «азбукой промышленной экономики» максимальная бережливость в расходовании материальных средств производства — сырья, материалов, горючего и т. д., очевидно, не слишком часто практикуется советской промышленностью.

Брак на производстве

Брак чаще всего объясняется халатностью рабочих, их низкой квалификацией (о которой мы еще будем говорить), низким качеством сырья и материалов и т. д. В результате всего этого процент брака на производстве невероятно высок. Так, по наблюдениям Уральской комиссии, «из двух тонн металла, выходящего из марте-новских печей, примерно одна тонна возвращается обратно в печь *в виде любого вида отбросов и брака*». Притом почти нигде не причисляются к браку изделия, становящиеся годными или изделиями второго класса после дополнительной переработки. Издержки, возникающие от этой необходимой дополнительной переработки, не засчитываются. И даже при этом *засчитываемый* брак обычно составляет 10—15 и более процентов. Разумеется, трудно определить, насколько высок процент неподсчитанного брака, так как во

многих случаях отсутствует соответствующий фабричный контроль. Лишь отсутствием такого контроля или халатностью можно объяснить, по мнению С. Молчанова, *типичный* для очень многих предприятий случай, который наблюдала Харьковская комиссия при приемке сельскохозяйственной техники: «Машина или ее части проходят все стадии обработки, а на последней выясняется, что она никуда не годится из-за изъянов в дереве».

Неверное использование рабочей силы

Однако все эти недостатки производства бледнеют перед *недостаточным* и *неправильным*, как выражается советский ученый, *использованием рабочей силы*. Можно даже сказать, что в большинстве случаев причина этих недостатков заключается в неумелом обращении с рабочей силой: «неудовлетворительны применяемые системы оплаты», ибо они, во-первых, содействуют увеличению простоев, которые оплачиваются как сделанная работа, и, во-вторых, увеличению брака, который также оплачивается полностью. «Страшным злом оборачивается для производства непрекращающаяся текучка в рабочих коллективах, во многих случаях достигающая 80—100 и более процентов». При такой «миграции» рабочих, в большинстве случаев вызванной жилищными трудностями, плохим продовольственным снабжением или более высоким уровнем заработной платы на соседних предприятиях, нередко становится невозможным ввод любых технических усовершенствований на производстве. Еще сильнее сказывается недостаток квалифицированных людей, способных управлять производством на основе новейших технических методов.

Постоянно возникает необходимость доверять руководство таким служащим, которым никогда в жизни не приходилось видеть данное техническое оборудование. Не удивительно, что в таких условиях метод рационализации на заводах и фабриках, применяемый ныне в Советском Союзе и во всем мире, «в конечном итоге ведет не к удешевлению, а к удорожанию производства», что «необдуманные и скоропалительные новшества в действительности» оказываются «не усовершенствованиями,

а техническим регрессом производства»^I. «Новейшее оснащение 1928 года, — сообщает К. Ольберг^{II} по поводу нового технического оборудования на фабрике «Красный текстильщик», — спустя шесть месяцев после его установки все еще «проверяется» и, между прочим, работает хуже, чем старый парк машин». В советской практике очень много подобных примеров. Стоит заметить, что хотя для неудач с техническим усовершенствованием в советской промышленности и существует множество причин, однако, пожалуй, вовсе не последнюю роль играют недостаточная образованность самих директоров заводов и фабрик, их техническая безграмотность, недостаточное обучение рабочих и недостаток у них подобающей дисциплины. Комитеты ВСНХ, перед сокращением рабочего дня проверявшие на предприятиях использование рабочего времени, нашли, что *«восьмичасовой рабочий день, как правило, — фикция; что вследствие шатания по помещениям фабрики, курения, преждевременного прекращения работы и т. д. он на 20% и более используется не полностью»*^{III}. Вполне возможно, что это обстоятельство сыграло определенную роль в принятии советским правительством решения о введении семичасового рабочего дня^{IV} и непрерывной рабочей недели»^V.

Семичасовой рабочий день и непрерывная рабочая неделя

Вероятно, обе эти меры до известной степени помогут уменьшению количества безработных. Но вряд ли они помогут хоть мало-мальски снизить себестоимость продукции советской промышленности и улучшить ее качество. Уже одного того, что эти меры вовлекают в производство новые слои рабочих, которые большей частью не только едва обладают знанием техники, но и

^I См.: «Экономическая жизнь», № 20 от 24 января 1928 г.

^{II} См.: «Экономическая жизнь», № 74 от 31 марта 1929 г.

^{III} См. приведенную статью С. Молчанова, стр. 94.

^{IV} См. «Собрание законов СССР 1929 года», № 61, стр. 613 (Решение ЦИК и СНК СССР от 2 января 1929 г. и Постановление ЦИК СССР от 15 октября 1929 г.).

^V См.: «Известия», № 257 от 5 ноября 1929 г. (Распоряжение СНК РСФСР о переходе на непрерывную рабочую неделю).

не имеют привычки работать, да и плохо дисциплинированы, — достаточно, чтобы разбить все надежды советского правительства на снижение себестоимости продукции в той степени, в какой это происходит в нормальных условиях в связи с увеличением производства^I. По крайней мере такие малообнадлежающие результаты принесла попытка введения семичасового рабочего дня, которая уже два года осуществляется в текстильной промышленности. Как отмечает уважаемый специалист в этой отрасли^{II}, приток новой рабочей силы, «которая до этого не варилась в пролетарском котле», повлек за собой падение рабочей дисциплины, что выразилось в увеличении числа преднамеренных прогулов, появлении на работе в нетрезвом состоянии, скандалах и грубых оскорблениях отдельных рабочих и технического персонала, сюда же следует причислить и случаи избиения последних».

Проект замены технических чиновников квалифицированными рабочими

Не сможет стать подспорьем в снижении себестоимости и повышении качества и перемещение квалифицированных рабочих на более высокие технические посты, планируемое в связи с нехваткой технического персонала для осуществления непрерывной рабочей недели^{III}. По всей вероятности, это лишь увеличит ряды недостаточно подготовленных и не обладающих достаточным авторитетом руководителей.

Интересно еще отметить, что при описании преимуществ непрерывной рабочей недели советский хозяйственник прежде всего подчеркивает ее благотворное влияние на производительность труда, качество, ускоре-

^I Наблюдавшееся до сей поры незначительное снижение себестоимости промышленной продукции произошло, по заявлению С. Молчанова, лишь благодаря *твердой стоимости*, которая, из расчета на единицу продукции, снижается при расширении производства.

^{II} См. статью Еремина в «Известиях текстильной промышленности и торговли», март, № 3, 1929 г., стр. 5.

^{III} См. Отчетный доклад о заседании комиссии Рудзутака в «Известиях», № 257 от 5 ноября 1929 г.

ние выпуска и удешевление продукции, а затем все же считает своим долгом указать, что непрерывная рабочая неделя, как «любое сильное лекарство», должна применяться осторожно и хорошо продумываться. «Между тем, — замечает он, — опыт целого ряда переведенных на непрерывную работу предприятий показывает, что, в соответствии со склонностью отдельных предприятий двигаться по линии наименьшего сопротивления, перевод на непрерывную работу вызовет такое сверхплановое привлечение и наем рабочих, которые угрожают свести на нет весь действительный успех нового регулирования работы»^I.

Социалистическое соревнование

Несколько лет назад советское правительство избрало панацею против всех нынешних и будущих зол в виде так называемого «социалистического соревнования». «Успехи социалистического соревнования можно подсчитать не только по процентному увеличению производительности труда и по росту, о котором капиталисты не могут и мечтать», — восторженно восклицает один из бардов Советской власти... Все это основывается «на любви к творческому социалистическому созиданию, на страсти к построению такого общества, в котором людей, не желающих трудиться, будут показывать в зоологическом саду как удивительных представителей буржуазного общества»^{II}. Однако, по-видимому, в «Рабоче-крестьянской России» намного меньше «любви к творческому социалистическому созиданию», чем официальных призывов к соревнованию. Так, например, в результате «социалистического соревнования», на которое текстильная фабрика «Пролетарская победа» вызвала другую текстильную фабрику, отмечалось: «ухудшение качества продукции, снижение рядности товара, безобразное обращение с сырьем и неприкосновенность премиального фонда, так как не нашлось никого, кого

^I Ср. статью Н. Подорольского «Непрерывное производство в промышленности СССР» в «Экономическом обозрении», 1929 г., № 10, стр. 28.

^{II} См. статью Д. Заславского «Новый стимул» в «Правде», № 287 от 7 декабря 1929 г.

стоило бы премировать»^I. Этот пример вовсе не единичен, он также не самый плохой. Но порою это «социалистическое соревнование» принимает совершенно непредвиденные и опасные формы, свидетельствующие о явно враждебном отношении рабочих к этому новому средству повышения производительности их труда. «Я разбил станок и призываю других последовать моему примеру», — пишет рабочий на поломанном им станке. «Открываем соревнование в разбивании станков!» — пишет другой^{II}.

Одного этого примера достаточно, чтобы представить себе, какие результаты может показать «социалистическое соревнование», проводимое по указанию коммунистических вождей.

Ликвидация соревнования с границей

Чтобы сделать из всего сказанного окончательный вывод, нам нужно кратко затронуть еще два важных вопроса. Во-первых, мы хотели бы заметить, что перечень причин высокой себестоимости и плохого качества советских изделий был бы далеко не полным без упоминания еще одной, к тому же стоящей в числе основных. Мы имеем в виду *полное исключение соревнования с границей, что было достигнуто с помощью монополизации внешней торговли и других средств и позволило держать рыночные цены на очень высоком уровне*. Приведем несколько примеров: чугун 1 октября 1927 года в Дюссельдорфе стоил 36,14 руб. за тонну, в Москве — 63 руб.; прокат («опорные балки») в Дюссельдорфе — 59,07 руб., в Москве — 127 руб.; хлопчатобумажная пряжа в Штутгарте (№ 36 за 1 кг) — 178,8 коп., в Москве (№ 32, без акциза) — 216,5 коп.; грубая хлопчатобумажная ткань в Аугсбурге — 23,5 коп. за квадратный метр, в Москве — 48,30 коп. и т. д.^{III} Такой высокий уровень цен на советскую продукцию по сравнению с рынками

^I См. «Известия текстильной промышленности и торговли», № 9, сентябрь 1929 г., стр. 23.

^{II} См. статью Б. Галина «Переход» в «Правде», № 285 от 5 декабря 1929 г.

^{III} См. статью Н. Жуковского «Товарные цены на мировом рынке» в «Социалистическом хозяйстве», выпуск 1, 1928 г.

других стран ведет, по признанию самих советских функционеров, к «монополистическому загниванию» в советской промышленности^I, к известному «квиетизму»⁷⁹ ее руководителей, которым не грозит никакая частнохозяйственная конкуренция и у которых отсутствует стимул для снижения себестоимости.

Рентабельность советской промышленности

Среди других вопросов, на которые мы должны обратить внимание читателя, — *рентабельность государственной советской промышленности и взаимозависимость рентабельности и госбюджета*. Понятия «рентабельность» и «доход» по целому ряду причин, на которых мы здесь не можем остановиться из-за недостатка места, в советской экономике, конечно, совершенно относительны и обусловлены; как установила Рабочекрестьянская инспекция^{II}, расчеты промышленных доходов, предоставляемые различными советскими управленческими ведомствами, нередко расходятся на довольно крупные суммы. Но и после этой оговорки мы должны отметить, что невзирая на исключительно высокие продажные цены на советские изделия доходность советской промышленности в целом настолько незначительна, что постоянно требует притока значительных средств со стороны^{III}. Проф. Л. Кафенхауз, который изучал вопрос образования капитала в советской промышленности, определил доходы последней на 1 октября 1927 года в сумме, составляющей 8,71% от основного капитала, при этом он не учитывал налоговые платежи. Если же подсчитать и эти отчисления, то выясняется, что чистый доход промышленности, поскольку она подчинена ВСНХ, составляет всего лишь 3,7% от основного капитала. Эта рентабельность падает главным образом на отрасли легкой, преимущественно текстильной промышленности, чьи доходы составляют 51% чистой прибыли всей государственной промышленности, а из

^I См. статью Ю. Г. Туровского в «Экономическом обозрении», № 9, сентябрь 1929 г.

^{II} См.: «Экономическая жизнь», № 290 от 15 декабря 1926 г.

^{III} См. статью проф. Л. Кафенхауза в журнале «Социалистическое хозяйство», выпуск 2, 1929 г., стр. 119.

отраслей тяжелой промышленности — на электротехническую и нефтяную^I. Общая прибыль легкой промышленности, без учета отчислений государству, на 1 октября 1927 года составляла 13,7% от основного капитала, а прибыль тяжелой промышленности — лишь 3,4%. Несмотря на это «собственного капиталобразования всех видов» даже в легкой промышленности «едва хватает на то, чтобы покрыть финансовые потребности легкой промышленности в целом», — констатирует профессор Кафенхауз^{II}. Тем менее его хватает в тяжелой промышленности, где есть отрасли с прибылью в 0,6% от основного капитала, как, например, силикатная или деревообрабатывающая и деревоперерабатывающая промышленность, которые завершили указанный период с убытком в 25% от основного капитала.

«Одно из характерных свойств народного хозяйства, — как считает профессор Л. Кафенхауз^{III}, — заключается в том, что это убыточное в частнохозяйственном смысле хозяйство не препятствует в народнохозяйственном смысле ни росту производства, ни накоплению капитала». *Но, по нашему мнению, как раз эта характерная черта больше всего и поощряет высокие издержки советского производства и «монополистическое загнивание» государственной советской промышленности*, так как она лишает убыточные отрасли всякого стимула преодолеть убыточность и в то же время влечет за собой необходимость поддерживать высокий уровень цен в тех отраслях хозяйства, которые должны покрывать убытки. Не касаясь подробно методов, которыми достигается «распределение» средств среди отдельных отраслей советского хозяйства, мы приводим лишь краткую таблицу, которая поможет нам составить представление о том, что отдает советская промышленность в госбюджет и что она из него получает^{IV}.

^I См.: «Социалистическое хозяйство», вып. 2, 1929 г., стр. 118.

^{II} См. там же, стр. 112.

^{III} См. там же, стр. 96.

^{IV} Из «Контрольных цифр народного хозяйства» за 1928—1929 г., стр. 516—517, таблица XVI-9, на русском.

Промышленность и госбюджет

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Подчиненная ВСНХ промышленность (без энерго- строительства и транспорта)			(контрольные цифры) млн. руб.	
Получено из госбюджета	341,1	531,5	664,1	850,0 ^I
Отдано в госбюджет	258,6	425,1	448,0	536,5
Сальдо в пользу промышленности	82,5	106,4	216,1	313,5

Таким образом, советская промышленность в первые 4 года «перестроечного периода» получила из госбюджета на 728,5 млн. рублей больше, чем дала в него сама. В действительности расходы на промышленность *значительно выше* приведенной суммы, потому что в господствующих советских условиях стало привычным, что возвратные ссуды становятся невозвратными^{II}, а банковские кредиты превращаются в «бюджетные субсидии», как и сами банки — в «организации бюджетного типа»^{III}.

Оправдала ли советская промышленность подобные огромные затраты, тяжким бременем ложащиеся на все народное хозяйство? Каждый, кто внимательно следил за нашим описанием, без сомнения, даст на это лишь один ответ: нет, она их не оправдала!

Она их не оправдала, ибо с позиции здорового народного хозяйства советская промышленность и поныне довольно далека от того уровня, на котором когда-то находилась промышленность дореволюционной России.

^I По данным «Контрольных цифр за 1929—1930 г.» финансирование промышленности из госбюджета выражалось цифрой 934 млн. руб., между тем как отчисления в пользу государства составляли 474 млн. руб. Тем самым сальдо возросло до 460 млн. руб. в пользу промышленности (ср. «Контрольные цифры народного хозяйства СССР за 1929—1930 хозяйственный год», стр. 102).

^{II} См. статью Е. Бунакова «Обеспечение промышленности кредитами»: «Статистическое обозрение», вып. 1, 1928 г.

^{III} «Контрольные цифры народного хозяйства СССР за 1928—1929 г.», стр. 32.

Д-р В. Г е ф д и н г

ПОДЪЕМ И КОНЕЦ ЧАСТНОЙ ТОРГОВЛИ**Первый эксперимент**

Коммунистическая партия, пришедшая к власти в России в результате переворота в ноябре 1917 года, предприняла в 1918—1921 годах попытку штурмом добиться своей цели — коммунизма и сделать это в отсталой аграрной стране, силы которой уже были сильно подорваны невыносимым бременем трехлетней войны.

Попытка не удалась и привела к полной разрухе в промышленности и невероятному спаду сельскохозяйственного производства. Она разорвала все нити, связывавшие между собой экономику различных частей огромной страны. Она разрушила чувствительный механизм торговли, кредитов и денег и тем самым парализовала товарообмен, «кровообращение» сложного организма современного народного хозяйства.

Весной 1921 года Россия переживала такую хозяйственную катастрофу, какой не знает новая история. После того (конец 1920 г.) как коммунистическое правительство победило своих врагов в гражданской войне, в марте 1921 года в Кронштадте началось восстание матросов, этой «лейб-гвардии» большевизма. Примечательным образом одним из главных требований составших было «Восстановление свободной торговли». Ленин понял серьезность этого предупреждения, прозвучавшего из рядов собственного окружения, и резко повернул руль управления. 17 марта 1921 года, когда в Кронштадте еще звучала пушечная канонада, появился первый декрет коммунистического правительства, который заменил беспардонно проводившуюся до сей поры продразверстку, целью которой была полная экспроприация излишков зерна у крестьянских хозяйств, натуральным налогом. Принципиально новым и «ниспровергающим» в этом мероприятии было то, что за крестьянами признавалось право свободной продажи на рынке излишков зерна, могущих остаться после уплаты продовольственного налога. За этим первым декретом в течение 1921 года последовал целый ряд мер, призна-

вавших за частной торговлей некое право на существование и постепенно предоставлявших ей дальнейшую возможность деятельности.

НЭП

Так была введена в действие «новая экономическая политика» коммунистического правительства, известная далеко за пределами России под названием НЭП (по начальным буквам — новая экономическая политика).

Казалось, страна глубоко вздохнула после экономического паралича и навязанной ей в прошлые годы экономической бездеятельности. Повсюду всколыхнулась новая жизнь: крестьяне увеличивали свои посевные площади и вновь начинали работать на рынок; в городах везде появлялись новые торговые фирмы; из темных укромных углов, в которых они хранились, неожиданно всплыло множество старых запасов товаров; с помощью заново возникшего частного торгового аппарата вновь активно заработал товарообмен между городом и деревней. Действительно, казалось, что на руинах «военного коммунизма» расцветет новая жизнь.

Несмотря на то что освобождение хозяйственных сил не распространялось на национализированную промышленность и она за редким исключением оставалась подвластной государственной стратегии или в собственности государства, и здесь методы управления довольно существенно изменились в смысле *децентрализации* и большей свободы ответственных руководителей предприятий. Результатом был постепенный подъем производства и в этой области. И здесь заметно увеличился темп хозяйственной деятельности.

Это новое оживление частной торговли теперь толкалось многими участниками НЭПа в самой стране и некоторыми буржуазными наблюдателями за пределами России как отправная точка решающей «эволюции» советского режима и изменения воззрений ведущих коммунистов в направлении общего восстановления свободной экономики и частной собственности.

В первые годы НЭПа и вправду стали появляться признаки того, что быстро крепнущие элементы частного хозяйства внутри и около «обобщественного сектора»

советско-российской экономики угрожают превратиться в серьезную опасность для последнего. Но еще важнее было, пожалуй, появление социальных элементов и профессиональных групп, которые, будучи независимыми от коммунистического государства, могли представлять серьезную угрозу для большевистской диктатуры.

Никто не понял надвигающуюся угрозу скорее, чем сами коммунистические вожди. И сразу же со стороны коммунистического государства началось контрнаступление против оживившихся элементов частной экономики. Но то, что в первые годы коммунизма можно было захватить как бы кавалерийским наскоком, теперь пытались достичь упорным и систематическим сражением в позиционной борьбе¹.

Теперь и «оптимистам», верившим в ненасильственное превращение коммунистических вождей в мирных «буржуа» и коммунистического государства в буржуазное правовое государство, пришлось понять, что слова о тактическом маневре, которыми Ленин обосновывал перед своей свитой необходимость введения НЭПа, были не пустой фразой, предназначенной «подсластить» отступление, а горькой правдой. Ленин тогда заявил: «Теперь мы отступаем, но мы отступаем для того, чтобы взять после этого отступления лучший разбег и тогда прыжком вырваться вперед. Проводя «новую экономическую политику», мы отступили

¹ К сожалению, в рамках этой работы невозможно даже в общих чертах описать интересный процесс воскрешения частной торговли и следовавшей затем ее гибели. Характерно, что коммунисты, хорошо осознавая поджидающую их здесь опасность, с исключительным вниманием наблюдали и изучали этот процесс. Итоги этого исследования обобщены в следующих трудах: 1. Сборник «Частный капитал в народном хозяйстве СССР», Москва, 1927 г., на русском. 2. Сборник «Частная торговля в СССР», Москва, 1927 г., на русском. 3. М. Жирмунский. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР, Москва, 1927 г., на русском. Много чрезвычайно интересных материалов содержится в книге известного коммуниста Ларина «Частный капитал в СССР», Москва, 1927 г.

только с этим условием... чтобы затем вновь начать твердое наступление»^I.

Контрнаступление

Провозглашенное контрнаступление на восставшую к новой жизни частную торговлю действительно началось уже в начале 1924 года. В противоположность периоду штурма и натиска коммунизма частная торговля теперь была не просто запрещена; скорее, самыми разными и самыми утонченными методами, эвфемистично названными советским правительством «средствами экономического регулирования», у частного торговца была *фактически отнята* возможность осуществления его деятельности. Если отвлечься от невыносимого затягивания налоговых тисков, то это удушение частной торговли было, так сказать, достигнуто автоматически: запретом на продажу частной торговле изделий государственной промышленности и их продажу через частную торговлю; запретом на перевозку частных товаров по железной дороге; отказом сдачи в аренду частным фирмам деловых ресторанов в национализированных и муниципализированных зданиях или требованием от них невероятно высокой арендной платы, запретом на предоставление частной торговле кредита и т. д.

Несмотря на то что частный торговец с мужеством отчаяния боролся за свое с таким трудом восстановленное существование, справиться с этим изнурительным процессом он оказался бессилён. В этой неравной борьбе с экономически всемогущим коммунистическим государством он был вынужден объявить себя побежденным. С каждым годом разбухают «списки потерь» частной торговли. В одном только 1926—1927 году были вынуждены самоликвидироваться 102 898 частных торговых фирм^{II}.

Удушение частной торговли

Мы не можем проследить здесь процесс подавления частной торговли во всех подробностях и должны огра-

^I Ленин. Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 2, стр. 103, на русском.

^{II} См. «Экономическую жизнь» от 20 марта 1928 г.

ничиться констатацией того факта, что в 1927—1928 году доля частной торговли в обороте оптовой торговли Советского Союза сократилась до 1,4% и что борьбу на уничтожение здесь можно рассматривать как завершенную. Напротив, доля частной торговли в обороте розничной торговли в том же году все еще составляла 24% (против примерно 50% в годы расцвета НЭПа), что объясняется тем, что мелкие торговцы и коробейники в деревне лучше выдерживали придирки советских органов^I. И все же и здесь доля вымирающей частной торговли сокращается год от года, и советские экономисты рассчитывают на то, что в текущем году (1929—1930) им удастся снизить долю частного капитала в розничной торговле до 10,7% общего объема^{II}. «Пятилетний план» предусматривает завершение этого процесса уничтожения частной торговли и полную победу «социалистического сектора» в области частной торговли в 1932—1933 году.

Аппарат государственной торговли

В течение последних четырех лет (особенно с началом курса на ликвидацию НЭПа) так называемая политика «анти-НЭПа», усиленно проводившаяся примерно с 1927 года, привела к свертыванию частной торговли, оживившейся в 1921—1924 годах, до ее сегодняшнего незначительного уровня. Одновременно был вызван к жизни колоссальный государственный аппарат торговли, которому надлежало заполнить вакуум, возникший в связи с исчезновением частной торговли.

Не имеет смысла останавливаться на вопросе, исполнил ли заново созданный аппарат эту задачу на самом деле, смогли ли при его посредничестве обслуживать производителей и потребителей в нынешней России лучше или хотя бы так же хорошо, как это было в прежней России при режиме частной собственности и как это происходит сегодня в капиталистических странах. Подобное исследование интересно больше с общей

^I См. «Советскую торговлю» (орган комиссариата торговли) № 40 за 1928 г.

^{II} См. «Советскую торговлю» № 38 за 1929 г.

точки зрения: ведь известно, что коммунистическая доктрина всегда резко критиковала частнохозяйственную организацию торговли за ее «анархистский» характер и утверждала, что в народнохозяйственном отношении она представляла собой недопустимое разбазаривание средств и труда. Плановый охват всей торговли, как проповедовало и проповедует до сегодняшнего дня это учение, даст большую экономию средств, прежде всего за счет того, что путь товара от производителя до потребителя должен значительно сократиться в результате «рационализации» всего аппарата торговли.

В действительности при рассмотрении под этим углом зрения развития и организации государственной торговли и «кооперативных товариществ», с учетом того, как это освещается в советской экономической печати, возникает следующая картина.

Коммунистическое распределение товаров

Распределение предназначенных для продажи потребительских товаров происходит таким образом, что компетентными московскими ведомствами разрабатываются обширные «планы поставки» на определенные отрезки времени (год, квартал, месяц). По этим планам регулируется географическое распределение имеющихся товарных запасов с целью заменить «анархистское» распределение частной торговли «научной» системой (sic!). В основу разработки этих планов кладутся чрезвычайно сложные расчеты, которые исходят из цифр потребления, объема урожаев и т. д. данного района или данного города.

Однако опыт, полученный при использовании этой системы, показал, что она не в состоянии заменить прежнюю чутко реагирующую частную торговлю, покоящуюся на десятилетиями проверенном опыте. Задача, которую та выполняла, можно сказать, «автоматически», здесь решается в недостаточной степени и с невероятными трениями. По результатам опроса, проведенного советским правительством в 1926 году, лишь около *половины* товаров, отправляемых по московским планам, сразу попадает туда, где в них есть потребность и существует платежеспособный

спрос^I. И это притом, что потребитель — неважно, крестьянин или рабочий — по причине хронического товарного голода, царящего в Советской России, вовсе не избалован (готов купить все что угодно) и неприхотлив; чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, он чаще всего вынужден покупать то, что ему попадется. Вторая половина этих распределенных «по плану» товаров должна по многу раз путешествовать из одного места в другое, прежде чем попадет к настоящему потребителю. Так, например, 4 090 000 пудов, примерно половина из отправленных в течение определенного времени 7 916 000 пудов хлопчатобумажных товаров, были из первого места назначения переотправлены в другие места. Не удивительно, что окончательное, действительное распределение товарной массы по отдельным территориям Советской России очень сильно разнится с первоначальными «планами отправки». Так, по другому источнику, на самом деле выполнение этих планов имело отклонения от предписанного распределения от — 52% до + 226%; иными словами, в то время как некоторые территории получали лишь около половины предназначенных им товаров, другие имели двойное от запланированного количество^{II}.

Эти данные и описания относятся к 1927 году. Разные меры, принятые Советским правительством, возможно, могли немного улучшить *техническое* выполнение планов отправки. Но что положение *существенно* не изменилось, что нынешнее «плановое» распределение предназначенных для торговли товаров не выдерживает сравнения с «анархистской» частной торговлей, в 1929 году в который раз наглядно подтвердил официальный экономический орган^{III} в передовой статье с примечательным названием «Товары движутся в тумане»: «Товарная масса, с чрезвычайной медлительностью

^I Данные этой анкеты опубликованы в официальной московской «Торгово-промышленной газете» от 29 декабря 1926 г.

^{II} См. статью Норовчатова «Результаты регулирования рынка готовых товаров» в «Советской торговле» (орган комиссариата торговли), № 43, 1927 г., стр. 22, на русском.

^{III} См. «Экономическую жизнь» от 11 мая 1929 г.

проделывающая путь от промышленности до потребителя, *передвигается, как в густом тумане*: будет ли получен товар или нет, когда он придет, что придет, в каком количестве и т. д., — никогда и никому в аппарате торговли не известно. Этот туман еще более сгущается в результате необыкновенно сложной системы расчетов».

Достаточно взглянуть на заголовки ряда статей и заметок, появившихся в том же номере московской «Экономической газеты» (от 11 мая) и освещающих организацию государственной и государственно-кооперативной торговли, чтобы узнать, что в течение последних десяти лет здесь ничего принципиально не изменилось. Заголовки гласят: «Безумная централизация», «Монополистическое разьедание аппарата закупщиков», «Бюрократические перегибы в практике нашей кооперации» и т. д.

Промежуточные ступени в государственной торговле

Похоже обстоят дела и в отношении другого много преимуществ коммунистической национализации торговли. Это преимущество должно заключаться в *сокращении того пути*, который проделывают товары от производителя к потребителю. Сокращение должно достигаться за счет устранения той ненужной промежуточной торговли, которая, по коммунистическому учению, излишне удорожает товары в частной торговле. Как бы парадоксально это ни звучало, но советско-русский опыт доказал прямо противоположное: за счет охвата государством всего торгового аппарата этот путь *не сокращается*, а напротив, — *значительно удлиняется*.

Известный русский коммунист Ларин дает в своей уже упомянутой книге сравнительную картину, которая своей наглядностью не оставляет желать ничего лучшего¹.

Ларин берет в качестве примера сначала то, что происходит при закупке хлопка-сырца русскими прядильными фабриками. До большевистского переворота крупные московские прядильные фабрики (причем Ларин специально ссылается на предприятия известного мо-

¹ Ср. сборник «Частный капитализм в СССР», стр. 177, на русском.

сковского промышленника Коновалова) делали свои закупки прямо в Туркестане, откуда, как известно, приходит более половины хлопка, перерабатываемого в России. Хлопок они закупали там у мелких торговцев (скупщиков) и по железной дороге привозили на фабрики. И дело было сделано.

В противоположность этому Ларин описывает тот путь, который хлопку приходится проделывать теперь, прежде чем он достигает прядильной фабрики: «Теперь местные «торги» (государственные торговые конторы), «хлопкомы» (хлопковые комитеты) и другие государственные органы покупают хлопок-сырец у частных торговцев или непосредственно у крестьян. Перекупает хлопок у этих местных государственных органов Главхлопок (Главный комитет по хлопку в Москве). Далее последний продает хлопок Текстильсиндикату (государственная торговая организация). Текстильсиндикат, в свою очередь, продает его отдельным государственным текстильным трестам, которые, наконец, передают хлопок для переработки отдельным фабрикам». Тот же процесс, по Ларину, разыгрывается и с углем, железной рудой и т. д. «Внутри самой государственной промышленности в результате происходит ряд последовательных продаж одного и того же сырья, пока оно, наконец, в форме готового продукта не пустится в путешествие от фабрики к потребителю».

И это путешествие, по описанию Ларина, превращалось в буквальном смысле в хождение по мукам: «Государственная фабрика поставляет свои изделия тресту. Этот продает их синдикату, последний — опять Центросоюзу (Центральный орган коммунистической кооперации). Центросоюз продает товар районному союзу, этот — союзу губернии, этот — краевому союзу и, наконец, этот — потребительской кооперации. Под конец товар из кооперации попадает к потребителю.

Ларин делает из этих наблюдений сам собой напрашивающийся вывод, что на пути от производителя к потребителю товар «при частной торговле минует меньшее число промежуточных ступеней, чем при нашей национализированной промышленности».

Что мы здесь имеем дело не с субъективно окрашенными или политически заостренными высказываниями коммунистов, склонных к «самокритике», следует из того, что эти факты в полном объеме подтверждаются ведомственной советской статистикой. Она не только констатирует, что число промежуточных ступеней, которые предстоит миновать товару на его пути, выше у государственной, чем у частной торговли, но — и это особенно интересно — что данный коэффициент проявляется в течение лет *тенденцию к росту*¹.

Затраты торговли

Так же неудовлетворителен и опыт советского торгового аппарата в отношении мнимой *большой дешевизны* и *более низких затрат* государственной торговли сравнительно с дорогой и страдающей затратной разрозненностью частной торговлей.

В своем докладе о «Товарном итоге и ценовой политике» известный коммунистический экономист Соколовский указывал на то, что во время войны наценка розничной торговли на все товары (на оптовые цены) в российской частной торговле для покрытия собственных затрат и получения прибыли равнялась в среднем 20%, эта наценка ныне составляет 64%. «Торговые затраты, таким образом, в три раза выше довоенных»^{II}.

Учитывая, что в то время, к которому относится утверждение Соколовского (1927 год), общая стоимость произведенных потребительских товаров советско-российской промышленности, если брать за основу фабричные цены, составляла примерно 8 млрд. рублей и что наценка для потребителя вместо прежних 20% составляла теперь 64% от этих цен, то неизбежно возникает значительная *избыточная нагрузка на потребление*. Эта избыточная нагрузка на одни только промышленные товары равняется, по сравнению с «анархистской» и «дорогой» частной торговлей, 3,2 млрд. рублей.

¹ См. статью Кактина «От торговли к плановому распределению» в «Экономическом обозрении» за октябрь 1927 г., стр. 198—199, на русском.

^{II} По сообщению «Экономической жизни» от 2 января 1927 г.

Небезынтересно услышать по этому поводу весомую оценку Феликса Дзержинского. Наряду с должностью начальника ЧК он в последние годы жизни, как известно, занимал пост председателя Высшего совета народного хозяйства Советского Союза. На пленарном заседании Центрального Комитета коммунистических профсоюзов, состоявшемся 9 декабря 1925 года в Москве, Дзержинский заявил: «Процентная наценка наших торговых организаций непомерно высока. За последнее время аппарат торговых посредников так распух, что он заглатывает наши готовые товары в огромных количествах. Путь, который приходится проделывать одному аршину ситца от производителя до потребителя, выливается в стоимость еще 0,9 аршина». Тем самым Дзержинский подтвердил, что наценка государственного аппарата торговли составляет 90%.

Обслуживание клиентов

Чтобы закончить эту краткую характеристику организации государственной торговли, мы приведем еще несколько фактов и оценок ведущих коммунистов по поводу того, в какой мере — по выражению, бытующему ныне в практике торговли, — эта организация способна обеспечить *лучшее «обслуживание клиентов»*, чем буржуазная частная торговля. Следует особо подчеркнуть, что здесь не существует принципиальной разницы между государственными торговыми организациями в узком смысле слова и советско-российскими «кооперациями», в которых полностью господствуют государство и коммунистическая партия. Зарубежная пропаганда с пристрастием акцентирует внимание на высоких и быстро увеличивающихся показателях числа членов и растущих объемах производственной и потребительской кооперации в Советской России. В действительности же отсюда можно сделать так же мало выводов в пользу Советского Союза, как и из того факта, что почти 100% российских рабочих — члены коммунистических профсоюзов. И членство это принудительно, и идея кооперации не вызывает восхищения: российского рабочего или крестьянина заставляет вступать в потребительскую кооперацию, в «кооперативы» то же самое прямое или косвенное (экономическое) принуждение. Аналогия

дополняется еще и тем, что в России не существует иных, кроме признанных и патронируемых государством, коммунистических профсоюзов, не существует и свободная кооперация.

Настоятельная нужда в большинстве товаров — будь то текстиль, обувь или сельскохозяйственная техника — и невозможность приобрести их иначе, как только через признанные государством кооперативы, вынуждает российского крестьянина или рабочего становиться членом союзов, занимающих монопольное положение в снабжении товарами. По своей глубокой сущности коммунистический кооператив — это не что иное, как часть, как колесо гигантского и неповоротливого бюрократического торгового аппарата коммунистического государства.

Подлинные оценки

Характер коммунистической кооперации метко описывал некоторое время назад ведущий московский печатный экономический орган: «При очень крупных оборотах кооперации кооперативная самодеятельность населения у нас ничтожна»^I. Тот же орган по другому поводу пишет: «В наших кооперативах, как правило, есть чиновники и, с другой стороны, масса членов, но совершенно отсутствуют приводные ремни, любые связующие звенья между управленцами и массами»^{II}.

Руководителей кооперативов к тому же, кажется, мало заботит что-то иное, кроме финансовых результатов подчиненных им товариществ: порою представляется, что в своей деятельности они руководствуются довольно «частнособственническими» мотивами. В любом случае характерно, что в советской печати не утихают жалобы на «корыстолюбие» (!) кооперации.

Не кто иной, как нынешний народный комиссар торговли Микоян, которому подчинена и вся кооперация в Советском Союзе, на совещании 1 февраля 1927 года по вопросу о снижении товарных цен дал коммунистическим кооперативам следующую жесткую оценку: «В области кооперации перед нами ныне стоят следующие

^I См.: «Экономическая жизнь» от 22 сентября 1926 г.

^{II} См.: «Экономическая жизнь» от 5 февраля 1927 г.

задачи: нам надо заглушить корыстолюбие кооперативов, снизить затраты на их деятельность, рационализировать товарооборот и положить конец тем финансовым прибылям, источником которых является не сама работа, а *сознательное снижение жизненного уровня рабочих масс*»^I.

То, что кооперация в Советском Союзе своими внешними успехами и удивительно высокими для европейских условий цифрами роста обязана всего лишь своему монопольному положению, обеспеченному ей коммунистическим государством, а ни в коем случае не лучшему и более дешевому обслуживанию потребителей, выражено в следующих интересных словах предшественника Микояна на посту народного комиссара торговли главы Госбанка СССР Шеймана (позднее попавшего в опалу и сбежавшего): «Лишь перманентный товарный голод и особое покровительство со стороны государства дают кооперативам возможность успешно конкурировать с частной торговлей. Если товарный дефицит будет преодолен, то кооперативы, если их положение останется таким же, как теперь, будут совсем не в состоянии конкурировать с частным капиталом и подвергнутся угрозе полного вытеснения с рынка»^{II}.

Это пессимистическое предсказание Шеймана по поводу будущего коммунистической кооперации исходило, в соответствии с политикой Коммунистической партии в 1925 году, из вероятности равноправной конкуренции кооперативов с частной торговлей. Между тем курс вновь сильно изменился, и удушение частной торговли можно теперь считать фактически завершенным. Монопольное положение кооперативных товариществ было необычайно укреплено продовольственным кризисом, уже превратившимся в хронический, и очередным введением продовольственных карточек (в форме кооперативных «книжечек с ордерами, дающими право на покупку товара»).

^I По отчету «Экономической газеты» от 2 февраля 1927 г.

^{II} См.: «Экономическая жизнь» от 1 октября 1925 г.

В своей основополагающей речи на пленуме XVI съезда партии в 1930 году Сталин высказался о советской внутренней торговле следующим образом. Советскому правительству больше не удастся далее повышать реальную заработную плату, и «виноват в этом бюрократизм нашего аппарата снабжения вообще и *бюрократизм наших потребительских товариществ в частности*. По данным Госплана, в 1929—1930 году национализированный сектор охватывал во внутренней торговле — *99% оптовой и 89% розничной торговли*. Это значит, что кооперация подавляет частный сектор и *становится монополистом* в области торговли. Разумеется, это хорошо. *Но плохо, что эта монополия в ряде случаев наносит вред потребителю*. А именно выясняется, что несмотря на свое монопольное положение в области торговли потребительские товарищества предпочитают снабжать рабочих более «доходным» товаром, который приносит доход им (текстильные товары и т. д.), и избегают снабжать его менее «доходным» товаром, в котором, однако, больше нуждается рабочий (продукты сельского хозяйства). Это вынуждает рабочего покрывать до 25% своих потребностей в сельскохозяйственных продуктах на частном рынке и платить гораздо дороже... И получается, что в этом случае кооперация действует не как часть социалистического сектора, а как *собственный сектор, отравленный определенным «нэпманским» духом*. Спрашивается только, *какую пользу приносит такая кооперация* и какую выгоду получают рабочие от ее монополии, если она не решает задачу действительного повышения реальной заработной платы?»¹

¹ См.: «Экономическая жизнь» от 2 февраля 1927 г. В 1929—1930 гг. участились жалобы на все ухудшающееся качество хлеба, изготовленного на кооперативных «хлебных фабриках». Так, например, из Донецкого края: «Недопустимо плохое качество хлеба все еще стоит на повестке дня. За последний месяц край посетили не менее десяти комиссий. Все они выработывали новые методы выпечки хлеба, но ничего не изменилось. Рабочие, как и прежде, получают кислый и мокрый хлеб» («Экономическая жизнь» от 17 мая 1929 г.). Ср. в «Труде» за 5 сентября 1930 г. сообщение о хлебе с гвоздями, мусором, кожаными подметками и камнями и т. д.

Этот доклад настолько ясен и исчерпывающ, что не нуждается в комментариях^I.

Чтобы дополнить сделанные ведущими русскими коммунистами оценки существенных признаков советско-русской кооперации «голосом из народа», приведем следующее описание коммунистической кооперации, принадлежащее рабочему «пролетарских заводов» в Ленинграде. По его словам, практике коммунистической кооперации в Советском Союзе присущи следующие характерные черты: «Собственные наценки до 30% на самые ходовые товары; продажа гнилой селедки, купленной у частного торговца; обвешивание покупателей с помощью фальшивых гирь; отсутствие достаточного ассортимента продаваемых товаров; плохое качество хлеба...»^{II}

Тот факт, что общее положение с «обслуживанием клиентов», что должен был обеспечивать новый аппарат государственной торговли, следует, по мнению ведущих коммунистических кругов, и теперь (1929—1930 год) рассматривать как неудовлетворительное и что этот аппарат не смог заполнить брешь, образованную разрушением частной торговли, подтверждается следующей обобщенной картиной в ведущей московской экономической газете:

«Надо со всей решительностью сказать, что сложившееся здесь положение (распределение продуктов среди населения) ни в коем случае не может быть признано удовлетворительным. Напротив, многочисленными фактами доказано, что условия в этой области в высшей степени неудовлетворительны. Организации по закупке и распределению еще не научились соотносить свою работу с потребностями и интересами потребителей. Население все еще получает товары плохого качества и по чрезвычайно высоким ценам. Сеть государственных и кооперативных магазинов очень плохо приспособлена к служению интересам покупателей. Кооперативы все еще не всегда своевременно и в доста-

^I См. текст в «Правде» за 29 июня 1930 г., стр. 3, глава 6.

^{II} Ср. разделы «Коммунизм как господство чиновников» и «Положение рабочих» в настоящем сборнике.

точной степени заменяют вытесненного со своих позиций частного торговца. Очень часто мы сталкиваемся с «кооперативными пустынями» (т. е. территориями, которые после исчезновения частного торговца не обслуживаются и кооперативным аппаратом. — *Автор*). «Ужасающе обслуживание покупателей в кооперативных лавках и магазинах. Длинные очереди у магазинов свидетельствуют о неразворотливости кооперативов в сфере обслуживания покупателей. К тому же следовало бы «изобрести» такие товары, в которых не было бы никаких недостатков... Из Ростова на Дону сообщают, что обслуживание потребителей в кооперативах в последнее время заметно ухудшилось... Из некоторых магазинов совсем исчезла соль, несмотря на то что она в огромных запасах хранится на центральных складах»¹.

Резюме

Обобщая эти описания, взятые из советской печати и высказываний ведущих коммунистов, можно сказать, что коммунистический государственный торговый аппарат отличают следующие признаки:

1. Планомерное географическое распределение потребительских товаров по особым централизованным «планам поставок» не является гарантией того, что товары попадут туда, где их купят.

2. Путь от производителя к потребителю сделался не короче, а длиннее; число промежуточных ступеней значительно увеличилось.

3. Торговые затраты коммунистического аппарата торговли во много раз превышают таковые прежней частной торговли.

4. Вся организация торговли, и особенно коммунистическая кооперация, отличается как в количественном, так и в качественном отношении решительным ухудшением «обслуживания покупателя».

Второй эксперимент

Однако значение кратко очерченных здесь событий выходит далеко за рамки *формальной победы некачественного, но защищенного своим монопольным положением комму-*

¹ См.: «Экономическая жизнь» от 6 сентября 1929 г.

нистического торгового аппарата. Процесс, начавшийся с отменой НЭПа, проникает значительно глубже. Коммунистическое государство вынужденно возвращается к эксперименту 1918—1920 годов. Все больше признаков того, что товарное распределение в форме свободной купли и продажи должно по определенным статьям потребления замениться *распределением в натуре.* Введение в городах *карточек* не только на продовольственные товары, но и на текстильные товары, мыло и т. д. и начатая в 1929-м и продолженная в 1930 году принудительная коллективизация крестьянских хозяйств с применением методов конфискации зерна, заимствованных из эпохи «военного коммунизма»¹, — это есть начало процесса, глубокий смысл которого заключается в том, что эксперимент по «сотрудничеству» обобществленной экономики и неких частнохозяйственных элементов пришел к концу. Все эти явления свидетельствуют: вожди коммунизма считают, что вслед за передышкой НЭПа пришло время введения «стопроцентного» коммунизма. Не случайно вновь на повестке дня стоят давно заглушенные, но хорошо известные по 1918—1920 годам дискуссии об «отмирании денег»...

Кровообращение НЭПа кончилось. Началась новая глава большого коммунистического эксперимента.

Д-р В. Г е ф д и н г

МОНОПОЛИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Внешняя торговля как командная высота

В то время как политика коммунистического правительства в сфере внутренней торговли России за последние 13 лет, как и политика в различных других областях экономики, подвергалась всяческому колебаниям, принцип монополии внешней торговли со време-

¹ См. разделы «Судьба русских крестьян», «Хозяйственная дифференциация класса крестьян» и «Немецкие колонисты в России» в этом сборнике.

ни его провозглашения 18 апреля 1918 года оставался неизменным. Внешняя торговля огромной империи с населением в 150 млн. человек во всех своих деталях подчинена всеохватывающему регулированию со стороны центральной власти. Ведь если отвлечься от нескольких незначительных исключений в общем обороте внешней торговли Советского Союза, вся внешняя торговля течет по каналам гигантского государственного торгового аппарата. Этот аппарат в России состоит из Народного комиссариата внешней торговли (Наркомторг)^I и ряда государственных торговых организаций, а за рубежом — из советских торговых представительств, по тактическим причинам в ряде стран принявших правовую форму обычных акционерных обществ, акции которых на 100% находятся во владении различных советских органов (как, например, корпорация Амторг в Нью-Йорке). О размерах этих ведомств можно составить себе представление по тому, что, например, стоимость содержания берлинского торгового представительства с его огромным чиновничьим аппаратом, по официальным советским данным, еще недавно составляла не менее 15 млн. немецких марок в год^{II}. Коммунистическая партия в России всегда видела в монополии внешней торговли одну из основных опор, или — по выражению, постоянно встречающемуся в советской печати, — «командную высоту», с которой полагалось охватывать всю российскую экономику, и прежде всего 25 млн. крестьянских хозяйств, контролировать ее, господствовать в ней и ставить ее на службу «социалистическому сектору» Советского Союза.

В речах ведущих коммунистов и в советской печати бесчисленное количество раз отмечалось и повторялось, что монополия внешней торговли представляет собой

^I Ранее самостоятельные народные комиссариаты внешней и внутренней торговли в 1926 году были слиты в единый комиссариат торговли.

^{II} См. труд «Торговые связи СССР с Германией», выпущенный по инициативе Берлинского советского торгового представительства, с комментариями д-ра Рудольфа Андерса (Берлин, 1928, стр. 97).

краеугольный камень нынешней политической и экономической системы, который ни в коем случае не может быть изменен. При этом всегда указывалось на то, что система полной государственной монополии внешней торговли не может быть заменена никакой таможенной защитой, как бы сильна она ни была, и что лишь эта мощная преграда может защитить национализированную советскую промышленность от конкуренции капиталистических стран. Вряд ли существует хоть одна советская книга по вопросам монополии внешней торговли, и лишь один из текстов Ленина открывает их обсуждение: «В эпоху империализма и невероятной разницы между бедными и сверхбогатыми странами ни одна таможенная политика не будет достаточно действенной. В этих условиях каждая богатая промышленная страна может свести таможенную защиту на нет. Для этого ей надо лишь давать премию за экспорт тех товаров, на которые мы ввели таможенные пошлины. Денег на это у каждого индустриального государства больше, чем достаточно, и таким путем оно может просто разрушить нашу промышленность»¹.

Похоже, хотя и не в такой наивной форме, как в приведенных словах Ленина, обосновывается необходимость монополии внешней торговли для Советского Союза в другой книге, опубликованной комиссариатом торговли в Москве к десятилетнему юбилею образования СССР: «Так как в мире существуют только две различные экономические системы — капиталистическая и социалистическая, а также ввиду того, что повсюду, кроме Советского Союза, господствует капитализм, советская система как экономически независимая система может существовать только под защитой монополии внешней торговли. XIV партийная конференция подтвердила неприкосновенность монополии внешней торговли, так как она видит в ней предпосылку для наших экономических отношений с капиталистическими странами и для развития нашей деятельности в направлении, наиболее соответствующем одной из главных

¹ «Энциклопедия советского импорта», Москва, комиссариат торговли, 1929 г., т. 1, ч. 1.

задач социалистического строительства. Система свободной внешней торговли, или система, при которой ввоз и вывоз осуществляется по лицензиям, несовместима с социалистической экономикой в период капитализма, особенно в такое время, когда СССР находится в окружении капиталистических государств.

Государственная плановая экономика неосуществима при свободном ввозе и вывозе товаров; восстановление советской промышленности было бы в этих условиях невозможно или, по крайней мере, сильно затруднено»¹.

Надо признать правоту этих высказываний, поскольку при общеизвестных высоких издержках производства национализированной советской промышленности и хроническом товарном голоде, который страна переживает вот уже 12 лет, ни одна таможенная пошлина не оказалась бы столь высока, чтобы сдержать приток чужеземных товаров. Основы советской системы потрясло бы и установление прямых связей русского крестьянства с иностранными импортерами и экспортерами, поскольку эта система заключается в экономическом надувательстве индивидуалистически хозяйствующей деревни в пользу коммунистического государства.

Или, иными словами: социалистическая (или государственно-капиталистическая) экономическая система в Советской России способна существовать лишь при условии, что она развивается и сохраняется в изоляции от своего «капиталистического окружения», которую может обеспечить лишь система полной монополии внешней торговли. И в самом деле, в то время как экономическая политика советского правительства за прошедшие годы во многих областях двигалась зигзагами, принцип внешнеторговой монополии внутри Коммунистической партии, ибо она одна имеет здесь право голоса, никогда не подвергался атакам или нападкам. У внешней торговли Советской России никогда не было своего НЭПа (так называемой «новой экономической

¹ «Внешняя торговля Советского Союза за 10 лет», Москва, 1928 г., стр. 7, на русском. См. также статью нынешнего народного комиссара торговли Микояна «Монополия внешней торговли и импорт в СССР» в «Энциклопедии советского импорта».

политики»). Ничего не меняют в общем положении и те немногие исключения, согласно которым персидским, афганским и китайским торговцам на восточно-азиатской границе в определенной степени дано право прямого ввоза и вывоза, а также аналогичные привилегии для немногих иностранных концессионеров.

Развитие внешней торговли

В узких рамках этой статьи невозможно, да и не особенно интересно, вдаваться в подробности организационного устройства внешнеторговой монополии Советского Союза. Куда важнее вопрос, как повлияла эта система на подлинное развитие российской внешней торговли за последние 8 лет, которые прошли после отмены прежними союзниками в 1920 году блокады Советской России и возобновления торговых отношений с окружающими капиталистическими странами.

Что касается данных о развитии советской внешней торговли, то они представлены следующими цифрами¹:

Экономические годы (начиная с 1 окт.)	Вывоз	Ввоз	Итог
	(в млн. руб.)		
1924/25	578	723	-145
1925/26	703	756	- 53
1926/27	807	714	+ 93
1927/28	788	946	-158
1928/29	890	837	+ 54
1929/30 (9 мес.)	726	802	- 76

Почти сразу после окончания мировой войны и большевистского переворота общий экспорт России достиг небывалого спада и в 1920—1921 году снизился до 10 млн. руб., т. е. до 0,6% от экспорта 1913 года. В последующие годы внешнеторговый оборот постепенно повышался, и повышался в той мере, в какой из-за послаблений, принесенных НЭПом (новой экономической политикой), вновь оживало частнохозяйственное производство российского крестьянина, создавая товар для вывоза и тем самым повышая емкость рынка Советской

¹ «Советская торговля» (орган комиссариата торговли), № 1, стр. 12—14.

России для иностранных товаров. Несмотря на это оживление, вывоз за 1926—1927 год составил, по подсчетам народного комиссара торговли Микояна^I, только 766 млн. руб., что равняется 555 млн. руб. в довоенных ценах и составляет 42,6% довоенного вывоза.

В сравнении с развитием важнейших отраслей сельскохозяйственного и промышленного производства за тот же отрезок времени это отставание внешней торговли Советского Союза можно лишь в малой части отнести на счет послевоенного территориального уменьшения России. На ныне потерянные территории, по расчетам Микояна, в 1913 году приходилось около 15% всего внешнеторгового оборота бывшей Российской империи (что, кажется, уже учитывает вышеприведенное сравнение). Отсутствуют документы, по которым можно точно проверить правильность этих подсчетов; однако приведенные проценты примерно соответствуют действительному соотношению.

Другую возможность для сравнения дает стоимость вывоза на душу населения, которая, по расчетам одного советского экономиста, составляла в 1913 г. 8,3 руб., а в 1927—1928 году — лишь 3,3 руб.^{II}

В любом случае из этого сопоставления однозначно вытекает следующее: во-первых, *ныне советский экспорт составляет едва более половины довоенного российского экспорта*; и, во-вторых, *экспорт последних лет показывает тенденцию к стабилизации на этом низком уровне*.

Доля России в мировой торговле

Доля России в мировых экономических связях при нынешней системе сильно снизилась, что мы кратко проиллюстрируем следующими цифрами.

Как свидетельствует большая таблица по внешней торговле и итоговым платежам всех стран мира, опубликованная в 1927 году секретариатом Лиги Наций в связи с Всемирной экономической конференцией в Женеве, доля России в мировой торговле в 1913 году составила 3,9%,

^I «Правда» от 3 ноября 1927 г.

^{II} См. статью М. Кауфмана «Внешняя торговля и народное хозяйство в 1927/28 году» в «Экономическом обозрении», март 1929 г., стр. 105, на русском.

причем по показателям своего внешнеторгового оборота Россия занимала шестое место среди других государств.

В 1925 году, т. е. через восемь лет после коммунистической революции и через пять лет после отмены блокады, эта доля составляла лишь 1,06% мировой торговли, при этом Советская Россия занимала 23-е место, прямо вслед за маленькой Данией и Швейцарией и непосредственно рядом с Республикой Кубой.

Советские статистики рассчитали долю России в мировой торговле в 1926 году в размере 1,14%^I. Другой советский источник оценивает эту долю в 1927—1928 году в 1,68%^{II}. Поскольку, как уже упоминалось, снижение торгового оборота, вызванное уменьшением территории прежней Российской империи, не может превышать 15%, то сокращение российской внешней торговли примерно с 4% до 1,68% мирового торгового оборота вызвано другими причинами.

Причины падения экспорта

В чем же *причины невероятного спада* в российской внешней торговле вообще и российском вывозе в частности? Как, далее, объяснить бросающийся в глаза факт, что после относительно скорой реабилитации в 1922—1926 годах внешняя торговля Советской России в последующие годы проявляет определенный застой, в котором повинно и полное исчезновение из экспорта зерна?

Сначала этот спад был, конечно, частично обусловлен разрушениями, возникшими в результате войны и революции. Тяжкий удар — путем национализации всей частной земельной собственности — нанесла экспортной способности России аграрная революция, полностью разрушившая крупное и среднее сельскохозяйственное производство. Ведь Россия, как уже подробно рассмотрено ранее в этой книге, была чисто крестьянской страной, в которой почти 80% всех посевных земель принадлежало крестьянам. Однако эти миллионы крестьянских хозяйств в большей своей части трудились для обеспечения собственных потребностей, и количество

^I «Советская торговля», № 43, 1927 г.

^{II} Кауфман в «Экономическом обозрении», март 1929 г., стр. 102.

зерна и других продуктов, которые они могли отдать на рынок и на экспорт, было ограничено. Крупные и средние сельскохозяйственные предприятия, напротив, поставляли, в особенности на экспорт, их подавляющую часть.

Среди самой крестьянской массы от измельчения хозяйств и общей «нивелировки по нисходящей» больше всего пострадали как раз те крестьянские хозяйства, которые все же были в состоянии поставлять свои излишки на рынок. Лучше всего характеризует этот процесс факт раздела и увеличения общего числа крестьянских дворов за одно десятилетие с 18 до 27 млн., причем, как ни оценивай его социальные выгоды или невыгоды с точки зрения продуктивности российского сельского хозяйства и способности страны к экспорту, это означало резкое ухудшение. Интересно, что данное утверждение сделано на двенадцатом году после большевистского переворота председателем Центрального Исполнительного Комитета Советского Союза Калининым в его речи в Иваново-Вознесенске. Кстати, российская Коммунистическая партия, уяснив для себя, что без крупного производства как в зерновом, так и в животноводческом хозяйстве, в России не обойтись не только для сохранения экспорта, но и для пропитания городов, сделала из этого практические выводы. С присущей ей энергией, затрачивая огромные средства, она приступила к созданию государственных зерновых хозяйств, «зерновых фабрик», как их с пристрастием называли в советской печати. Сегодня еще совершенно неясно, в какой мере огромные государственные зерновые фермы смогут поставлять зерно на экспорт. Тот факт, что осенью 1930 года (кстати, *при строжайшем рациионировании потребления в самой стране*) зерновые поставки были возобновлены, сам по себе еще ничего не значит, так как летом 1930 года создались необыкновенно благоприятные климатические условия.

Однако спад сельскохозяйственного и общего российского экспорта ни в коем случае нельзя свести к одной только ликвидации частного землевладения и социальному перераспределению в крестьянских хозяйствах России. Ибо спад в вывозе зерна (не говоря уже о его теперешней полной убыли) значительно пре-

восходил прежнюю долю крупных и средних землевладений в российском экспорте. И еще: спад экспорта таких исключительно крестьянских продуктов, как лен и яйца, еще больше, чем экспорт зерна. В связи с этим заметно, что производство некоторых экспортных товаров в последние годы значительно выросло. Несмотря на это, экспорт далеко отстает от довоенной нормы. Так, например, посевные площади подо льном превысили довоенный уровень (но этого не произошло с урожайностью!); и все же экспорт льна (с учетом территориальных изменений) равняется едва ли 20% довоенного экспорта.

Итак, причина заметного расхождения между восстановленным производством и вывозом, ныне незначительным и сдерживаемым в росте, заключается, таким образом не или не только в недостаточном производстве данных товаров. Главную причину такого состояния, скорее, надо искать в том, что российский крестьянин в широчайшем масштабе вернулся к *натуральному хозяйству* и дает на рынок лишь относительно малую часть своей продукции.

Мы можем здесь кратко перечислить лишь основные причины этой натурально-хозяйственной реакции российского сельского хозяйства, этого самоотстранения российских крестьян от рынка. На первом месте — чрезмерно высокие цены на изделия национализированной промышленности, не представлявшие для крестьян никакого стимула к увеличению производства тех продуктов своего хозяйства, которые имели хождение на рынке, или не побуждавшие их к продаже большего количества этой продукции. Далее — провозглашенное в 1927 и в 1929 году и рьяно осуществляемое «наступление на кулака»¹, которое проводится средствами налоговой и аграрной политики, а также жестокой экспроприацией всех излишков зерна у богатых крестьян, и беспощадно разрушает еще имеющиеся в деревне хозяйства с излишками. Введение хлебных карточек в стране, которая ранее была житницей Европы, лучше всего показывает, куда ведет эта политика.

¹ См. соответствующий анализ в разделе Критского.

Особое значение для обсуждаемой здесь темы имеет третья причина. «Наркомторг» и остальные торговые организации, торгующие экспортными товарами по ценам мирового рынка, пользуются своим монопольным положением, чтобы *снизить цену, выплачиваемую производителю*, что для них еще нужнее, ибо торговые издержки тяжеловесного бюрократического советского аппарата во много раз превосходят таковые прежней частной торговли. Возьмем лишь несколько цифр из того обилия материала, который советская литература и советская печать публикуют по этому вопросу.

По данным Кауфмана, который слышет в России одним из лучших знатоков советской внешней торговли, соотношение всех торговых издержек (включая плату за провоз) и средних цен данного товара в месте покупки (т. е. цены, выплачиваемой производителю) можно выразить в следующих цифрах¹. *Торговые издержки* составляют следующий процент производственной цены:

	До войны	1925/26 г.
Зерно	37,1%	69,6%
Масло	16,5%	36,8%
Яйца	36,5%	74,6%
Лен	12,0%	44,5%

При таких высоких торговых издержках, у отдельных товаров превышающих довоенные в три и даже более раза, не стоит удивляться тому, что, несмотря на низкие покупные цены, выплачиваемые производителю, большая часть нынешнего вывоза производится с убытками, о чем мы еще будем говорить. Здесь стоит еще заметить, что несмотря на снижение издержек, достигнутое в отдельных областях в 1926 году, описанное положение принципиально осталось таким же. Низкие цены на

¹ Полную подборку материалов на тему «торговые издержки монополии внешней торговли и рентабельность вывоза Советской России» можно найти в статье С. Кона «Внешнеторговые отношения СССР за последние годы» в VIII выпуске журнала «Русский экономический сборник», издаваемый профессором Прокоповичем в Праге, на стр. 122—149, на русском.

продовольствие и сырье, которые устанавливает производителю коммунистическое государство, полностью используя свое господствующее положение, как монополиста внешней торговли, и поныне — одна из причин, заставляющая крестьян отворачиваться от рынка и, например, скармливать свиньям русскую пшеницу, славящуюся своим качеством во всем мире, вместо того, чтобы сдавать ее по грошовым ценам Советскому государству¹.

Убыточный экспорт

Несмотря на то что коммунистическое правительство бесцеремонно использует свое монопольное положение для установления цен производителя, вывоз нередко завершается убытками. Нерентабельность целых отраслей советского экспорта стала постоянным признаком этой торговли. История и сегодняшняя практика внешней торговли в других странах могут поведать о случаях, когда отдельные фирмы, но особенно промышленные картели и тресты, экспортируют по «бросовым ценам», ценам ниже внутренних цен в стране (что, кстати, *само по себе* еще не говорит о том, что это убыточные цены). Но чтобы *долговременно и, можно сказать, систематически заниматься количественно нерентабельным экспортом*, это для частной фирмы или частного концерна — дело невозможное. Этот странный факт находит, тем не менее, свое объяснение в существующей в Советской России экономической системе. Одна из глубоких причин этого явления — *низкая покупательная способность рубля-червонца на российском внутреннем рынке, не соотносимая с искусственно поддерживаемым золотым паритетом*. Не касаясь других, также важных факторов, здесь надо только указать, что Советское правительство заинтересовано прежде всего в *поддержании запаса валюты*, которая ему так срочно нужна; какие убытки ему при этом приходится терпеть в бумажных рублях, имеет для него второстепенное значение. Этот механизм действует до тех пор, пока налогами и иными средствами не собрана денежная сумма, необходимая для покрытия недостатка.

¹ «Экономическая жизнь», 28 июня 1929 г.

Полные данные о величине убытков по экспорту отсутствуют. Поэтому приходится довольствоваться сведениями, которые все же время от времени просачиваются в советскую печать.

Так, в последние годы неоднократно указывалось на то, что зерно, яйца, лен, масло и дерево экспортируются с убытками. В одном из отчетов Рабоче-крестьянской инспекции о выполнении планов по экспорту и импорту за 1925—1926 год среди прочего говорится: «Экспорт в 1925—1926 хозяйственном году по главным экспортным товарам в общем был нерентабелен. Некоторые статьи экспорта продавались с убытками»¹.

Мы случайно оказались в состоянии привести заключительные цифры за 1926—1927 год. В книге известного русского коммуниста Ларина (Лурье) «Частный капитал в СССР» (Москва, 1927 г.) содержатся данные Народного комиссариата финансов об итогах внешней торговли за 1926—1927 год. Так как эти цифры в советской печати нигде более не обнародованы, следует предположить, что они ускользнули от внимания партийного цензора. При общем вывозе на сумму в 770 млн. руб., говорится здесь, с убытком были вывезены товары стоимостью в 345 млн. руб. (44% всего экспорта). Из них товары на сумму в 235 млн. руб. были вывезены «с большими убытками».

Советский демпинг

В 1929 и 1930 годах бросовый экспорт советского правительства сенсационно вырос. Он включает как продовольственные товары и сырье, так и — что особенно бросается в глаза — готовые изделия советской промышленности, например, текстиль, обувь, галоши, резиновые шины, мыло, спички и т. д. При этом видно, что продолжительное время ни одна страна не может воздержаться от определения своей позиции по отношению к этому так называемому «советскому демпингу».

Некоторые страны уже приняли соответствующие меры в форме защитной монополии, как это сделала Германия для ограждения себя от наводнения советско-

¹ «Экономическая жизнь», 1 сентября 1929 г.

российскими спичками; в форме запрета на ввоз или введения принудительных лицензий на импорт товаров советско-российского происхождения, как это сделали осенью 1930 года Франция, Бельгия, Венгрия и Румыния, и, наконец, в форме попыток применения к товарам из Советского Союза (дерево в Соединенных Штатах) общих положений таможенных законов о запрете на ввоз товаров, изготовленных на принудительных работах.

На осеннем заседании Лиги Наций в Женеве в 1930 году было даже предложено организовать совместную акцию государств, входящих в Лигу Наций, направленную на защиту от советского демпинга. Но предложение не нашло единодушной поддержки. Этот случай вновь показал, что *соперничество капиталистических государств между собой* — к тому же еще более обостряющееся в период тяжелой экономической депрессии — *составляет один из крупнейших козырей московских коммунистов против буржуазного мира.*

Однако для того, чтобы подобные отдельные или совместные акции против советского демпинга поразили корень зла и позволили верно оценить грозящую опасность, надо распознать и верно понять специфику советского демпинга по сравнению с тем же явлением в капиталистических странах, а также возможности для такого бросового экспорта, которые заключены в структуре и организации советского хозяйства в целом.

В отношении «советского демпинга» надо особо предостеречь от некритичного переноса понятий и технических терминов свободной капиталистической экономики на условия коммунистической советской экономики.

Демпинг, каким он обычно является в практике капиталистических трестов и синдикатов Европы и Америки, т. е. экспорт по ценам ниже внутренних, а иногда и ниже производственных затрат, осуществляется с целью сбыть за границей по низким ценам излишки производства, лучше использовать промышленные мощности и таким способом понизить «твердые» затраты предпринимателя на единицу продукта и повысить его рентабельность. В этом состоит также и естественная ограниченность капиталистического демпинга. Капита-

листоческий трест не будет «продавать по бросовым ценам» те товары, которые можно сбывать по более высоким ценам внутри страны, так же как он будет придерживаться за границей демпинга таких размеров, в которых учитывается рентабельность всего предприятия или отрасли промышленности (в случае, если это синдикат).

В противоположность этому у бросового экспорта, осуществляемого Советским правительством, нет ни одного из этих ограничений. Во-первых, экспортируются товары, *в которых ощущается огромный недостаток внутри самой страны* и которые даже строжайшим образом ратионируются правительством. Во-вторых, вопрос *убытков*, приходящихся на отдельный товар или группу товаров, *здесь вторичен*. Скорее, советское правительство как хозяин централизованной национализированной экономики находится в «счастлимом положении», когда оно *может* позволить себе *ведение всего экспорта себе в убыток*, поскольку этот убыток возмещается в другом месте внутри советской экономики, будь то налоги или повышенные внутренние цены монополистической государственной промышленности. Советское правительство, таким образом, не знает естественных экономических преград, препятствующих капиталистическому демпингу; у него в этом отношении *возможности почти не ограничены*, особенно если вспомнить, что оно имеет в своем распоряжении самые большие политические и, прежде всего, экономические средства, которые когда-либо имело какое-либо правительство.

Мотивы демпинга

Спрашивая о мотивах советского демпинга, осуществляемого с такими финансовыми жертвами и при предательстве важнейших нужд закабаленного населения, понимаешь, что до сих пор речь шла об исключительном *демпинге валюты*, т. е. это было вызвано горькой и растущей *финансовой нуждой советского правительства* — необходимостью *во что бы то ни стало достать иностранную валюту для оплаты ввоза*. Стремление с помощью дезорганизации капиталистической экономики *породить безработицу, тревогу и, как следствие этого, распространение коммунизма* играло до сих пор, по сравнению с этим главным финансовым мотивом

вом, второстепенную роль. Но это совсем *не* говорит о том, что у коммунистов в России нет такого намерения и что они не прибегли бы к этому средству в большей мере, если бы это позволила им собственная экономическая и финансовая нужда. Они никогда не скрывали того, что одной из конечных целей пятилетнего плана было не только «обретение» советской экономикой «самостоятельности», но и экономический подрыв капиталистического мира. Даже частичный успех в осуществлении плана индустриализации, проведенной с технической и финансовой помощью зарубежных стран, представляет с этой точки зрения большую угрозу для капиталистического окружения. Исходя из накопленного до сей поры опыта, кажется вполне вероятным, что новые заводы и фабрики могут быть использованы для наводнения иностранных рынков дешевыми товарами и одновременно — поддержания низкого уровня потребления российского народа.

В этих условиях было бы большой ошибкой недооценивать всю проблему советского демпинга, ссылаясь на то, что отсталая советская промышленность, вопреки всем мнимым успехам пятилетнего плана, никогда не сможет конкурировать с сильной промышленностью Европы и Америки. Это было бы совершенно верно лишь в том случае, если бы этот конкурент действовал по нормальным экономическим правилам. Но этого нет. *Техническое укрепление советской промышленности с иностранной помощью дает коммунистам в России неслыханные средства насилия*, которые они со всей присущей им беспощадностью бесспорно применяют в борьбе с враждебным и расколотым изнутри буржуазным миром.

Как ввоз, так и вывоз Советского Союза демонстрируют такие структурные изменения в его развитии, на которых еще надо остановиться, потому что они — следствие своеобразного экономического состояния этой страны, и особенно монополии внешней торговли, и потому что они определенным образом влияют на экономические отношения Советского Союза с государствами его капиталистического окружения.

Структурные изменения в советском вывозе

Прежде всего следует указать на тенденцию в *структуре советского вывоза*, которую часто отмечают в СССР и которая заключается в том, что доля сельскохозяйственной продукции в общем объеме вывоза постепенно сокращается в пользу медленно, но постоянно растущей доли промышленного экспорта.

Эта структурная перемена советского экспорта видна из следующих цифр, которые дают картину и довоенного времени (средние величины на 1909—1913 гг.):

	Сельскохозяйственный экспорт		Промышленный экспорт	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%
1909/13	1050	70	451	30
1924/25	312	54	266	46
1925/26	405	58	298	42
1926/27	446	55	361	45
1927/28	360	45	428	55
1928/29	346	39	544	61

При поверхностном взгляде склоняешься к тому, чтобы увидеть в этом явлении абсолютного и относительного увеличения промышленного экспорта результат растущей «коммунистической индустриализации» Советской России. В действительности же это не столько воздействие положительного факта индустриализации, сколько *последствие полной несостоятельности вывоза зерна* и спада в различных других ветвях сельскохозяйственного экспорта. Это обстоятельство представляет серьезную опасность для уже сделавшегося хроническим пассивного торгового баланса Советского Союза и такого же сомнительного положения валюты-червонца, которая из-за сокращения золотого запаса и вновь наступившей сильной инфляции доставляет вождям советской экономики серьезное беспокойство. Вывоз, кроме того, нельзя застопорить более чем на определенную величину без того, чтобы не поставить под угрозу уже начатое строительство новых заводов и фабрик (которые

¹ «Советская торговля», № 1, 1930 г., стр. 12—14.

должны быть оснащены иностранными станками), и без того, чтобы из-за нехватки импортных материалов не сокращать производство и еще более не увеличить миллионную массу безработных.

В этих условиях у советского правительства не остается иной возможности, как *всеми средствами форсировать вывоз* именно *промышленных изделий*. Если отвлечься от митингов и разглагольствований советских вождей, рассчитанных на «галерку», то, например, и серьезная московская экономическая печать также вовсе не оспаривает того, что этот экспорт *происходит за счет нужд внутреннего рынка* и поэтому его менее всего можно считать влиянием успешной «индустриализации» России.

Так, например, пишет в ведомственном московском органе «Экономической газете» некто Шушков: «Нельзя забывать, что большинство позиций нашего промышленного экспорта — товары, которые могут с успехом потребляться в стране. Когда мы форсируем их вывоз, это происходит по тем же соображениям, по которым мы в прошлом году форсировали экспорт масла, яиц и других продовольственных товаров. Результатом является странная разница между нынешним уровнем индустриализации страны и структурой нашего экспорта»¹.

Много пишет советская и иностранная печать о развитии вывоза нефти и нефтепродуктов из Советского Союза. Но увеличение этого вывоза, втрое превысившего довоенный, — не только результат того, что для развития этой, в первую очередь, «валютотворящей» промышленности, не останавливаются ни перед какими расходами, но и того, что вывоз происходит за счет снабжения внутреннего рынка самым необходимым. На одном из заседаний президиума государственной планово-экономической комиссии в начале сентября 1929 года указывалось на то, что в результате форсированного вывоза исчерпаны все запасы керосина внутри страны. При этом надо учитывать, что керосин

¹ См. статью «Мобилизация промышленности для экспорта» в «Экономическом обозрении», сентябрь 1928 г., стр. 68—69, на русском.

представляет собой народное средство освещения для четырех пятых российского населения.

В обрисованных выше в общих чертах структурных изменениях советско-российского экспорта за последние годы речь идет не просто о частичной замене сельскохозяйственного вывоза на промышленный, но о гораздо более глубоких переменах, которые имеют решающее значение для дальнейшего развития всего советского хозяйства.

Государственная организация торговли до сих пор черпала нужные ей экспортные материалы в значительной части из «частнохозяйственного сектора», и прежде всего из крестьянского хозяйства. Полученные таким образом материалы или выручка от продажи таковых за границей использовались в интересах «социалистического сектора». Принципиально важным в развитии внешней торговли в Советском Союзе является то, что вследствие прогрессирующего удушения частного хозяйства (и в особенности производящих излишки крестьянских хозяйств), которое происходит с новой и удвоенной энергией, этот «источник экспорта» иссяк. Хотя и есть продукты, но у коммунистического государства недостает средств — будь то свободная торговля или насилие, — чтобы ими завладеть. Государство вынуждено искать материал для экспорта там, где советское правительство непосредственно распоряжается товарами, т. е. *в национализированной промышленности.*

Новое сенсационное появление советского правительства на мировом рынке как экспортера зерна осенью 1930 года не представляет собой радикального изменения в этом отношении. Вопреки тому, что советское правительство теперь экспортирует еще и зерно, которое производится на его собственных предприятиях (совхозы) или в коллективах, находящихся под его непосредственным контролем (колхозы). Этот вывоз, кстати, не достигший цифр, вначале распространенных за рубежом, и вряд ли могущий долго продержаться, стал возможным, во-первых, вследствие исключительно благоприятных погодных условий летом 1930 года и, во-вторых, происходит при таком снижении внутреннего потребления, которое едва ли терпимо в течение про-

должительного времени даже в Советском Союзе. Имеющиеся на октябрь 1930 года официальные цифры — как о неудовлетворительном ходе заготовки зерна, так и о *резком спаде зимней посевной кампании*, — дают основания для большого скепсиса по поводу возможности продолжительного возобновления экспорта зерна из России при нынешней системе хозяйства.

Измененная структура ввоза

Рассматривая структурные сдвиги в *советском импорте* при нынешней системе, необходимо и здесь отметить важное изменение.

До войны (1911—1913 гг.) русский импорт на 44% состоял из предметов потребления — продовольственных продуктов и готовых изделий, и на 56% из так называемого «производственного импорта», т. е. промышленного сырья и станков¹.

При нынешней системе это соотношение кардинально изменилось. Изменение было обусловлено политикой советского правительства, которое, когда встал вопрос об ускорении индустриализации России и ликвидации зависимости от империалистических государств, не остановили ни лишения, ни голод населения. В соответствии с этой политикой ввоз все более ограничивается импортом промышленного сырья и машин.

Самостийная блокада

Особенно усилилась эта тенденция в последние несколько лет. Если в 1925—1926 году на производственный импорт еще приходилось 78,6% всего объема ввозимых товаров, то в следующем году эта доля выросла до 89%. Параллельно происходит ограничение или, вернее, прекращение импорта всех предметов общего потребления, будь то промышленные изделия или продовольственные товары, такие, как рис, чай, лимоны и т. д., ставшие недопустимой роскошью в коммунистическом государстве. Как далеко заходит эта «самоблокада» советской страны — ибо трудно назвать это состояние как-нибудь иначе, — можно проиллюстрировать на примере.

¹ См. статью С. Кауфмана в «Плановом хозяйстве», апрель 1929 г., стр. 78, на русском.

Ввоз всех готовых изделий, за исключением станков, аппаратов и инструментов, в 1926—1927 году был снижен жесточайшими ограничениями плана по импорту до уровня в 19 млн. руб., т. е. до 2,7% общего объема ввоза. Всего 19 млн. руб. в год на промышленные товары, такие, как текстиль, обувь, металлические изделия и др., при численности населения в 150 млн. человек, — эта норма в достаточной степени характеризует ту меру жертв, которая возложена на народ в интересах ускоренной индустриализации страны.

Как ни оценивай долгосрочную перспективу политики индустриализации, в любом случае бесспорно: политика полного эмбарго на ввоз готовых изделий для непосредственного потребления при царящем в стране товарном голоде приведет лишь к тому, что у крестьян и в дальнейшем не будет никакого интереса трудиться на рынок, а значит, и на экспорт, и вследствие этого такая политика *не содействует экспорту, а препятствует ему.*

Станки на свалку

С точки зрения дальнейшего развития экономики Советской России, значительный интерес, несомненно, представляет проблема использования и применения станков, на которых все более концентрируется советский импорт. И странам, которые — частично в кредит — поставляют эти станки, небезразлично, будут ли с их помощью производиться новые ценности, которые повысят покупательную способность населения, или эти станки заржавеют и будут проданы как устаревшее железо. Как бы невероятно это ни звучало, доклады Рабоче-крестьянской инспекции снова и снова указывают на то, что большая часть ввезенных станков (пожалуй, более трех четвертей их привезены из Германии) *не находит себе применения и ржавеет на складах.* Этот факт можно отнести на счет следующих обстоятельств. В то самое время, когда делаются заказы на изготовление станков в других странах и там приступают к их выполнению, компетентные ведомства изменяют и переделывают строительные проекты предприятий, для которых станки предназначены. После завершения строительства предприятий заказанные для них ранее станки не находят более применения.

Особенно поучительны в этом отношении отчеты ревизий о новом строительстве на двух крупнейших металлургических заводах старой России — Коломенском и заводе «Красный Профинтерн» (бывший Брянский завод)¹.

Об использовании на Коломенском заводе ввезенных из-за рубежа станков говорится следующее: «Изо всех иностранных станков общей стоимостью в 1 660 000 руб., которые получены заводом, установлены станки стоимостью лишь около 1 млн. руб. Часть инструментальных станков уже более двух с половиной лет стоит без применения на складе, так как они в свое время были заказаны для другого производства и частично вообще не были затребованы заводами».

Похоже обстоит дело и на «Красном Профинтерне»: «Ввезенные из-за рубежа станки были заказаны еще в то время, когда не была утверждена программа строительства. В результате большая часть ввезенных станков оказалась «лишней». Из полученных заводами в 1926—1927 и 1927—1928 годах 288 станков общей стоимостью в 1 656 000 рублей, 136 станков стоимостью в 575 000 руб. не были использованы, 9 станков стоимостью в 31 600 руб. установлены, но не работают. Более или менее нормально работают 143 единицы стоимостью в 1 088 700 руб. Таким образом, на производстве применяются лишь 63% (по стоимости) ввезенных машин».

Речь здесь никоим образом не идет об исключениях. Количество примеров можно по желанию увеличить. Что условия кардинально не изменились и за последние два года, вытекает из дальнейших сообщений советской печати². И здесь можно считать установленным, что очень значительная часть станков, поставленных иностранной промышленностью, при существующей систе-

¹ «Экономическая жизнь», 22 февраля 1929 г.

² Председатель Высшего совета народного хозяйства Куйбышев издал 6 сентября 1929 года циркуляр, в котором еще раз обличает неудовлетворительное состояние в этой области. Ввезенные на миллионы рублей иностранные станки все еще не находят применения на советских предприятиях. См.: «Экономическая жизнь» от 19 сентября 1929 г. и т. д.

ме по различным причинам не находит применения в тех целях, для которых они предназначались, — и не по злой воле отдельных лиц, а лишь по *общей беспхозяйственности и бесплановости «коммунистической плановой экономики»*.

Торговые договоры

В данном контексте можно лишь затронуть вопрос о правовой основе, на которой покоятся торговые отношения Советского Союза с капиталистическими странами. Эти отношения основываются на торговых договорах, заключенных с 1920 года разными государствами с Советским Союзом. В выпущенном Народным комиссариатом торговли печатном труде об импортной торговле Советского Союза содержится список 53 торговых договоров, заключенных с иностранными государствами с 1921 по 1928 год¹. Между Германской империей и СССР действует и поныне правовой и экономический договор, заключенный 12 октября 1925 года.

Для всех этих договоров вообще действителен принцип, по которому иностранные торговые партнеры Советского Союза признают его монополию на внешнюю торговлю, а торговые представительства — единственными полномочными (частично пользующимися правом экстерриториальности) представителями этой монополии. В остальном эти торговые договоры мало в чем или вовсе не отличаются от обычного содержания нынешних торговых договоров с их взаимным предоставлением наибольшего благоприятствования, таможенных концессий и т. д.

Но уже за короткий срок действия этих договоров стало ясно, что применение норм, доказавших свою эффективность в отношениях между партнерами с одинаковым «капиталистическим» экономическим устрой-

¹ См. работу Зонненштраль-Пискорского «Торгово-политические обоснования международных договоров в Советском Союзе» в «Энциклопедии советского импорта», стр. 59—83, на русском. См. также работу Б. Штейна «Торговая политика и торговые договоры Советской России с 1917 по 1922 г.». Москва, 1923 г., на русском.

ством, в данном случае, при различии внешнеторговых систем, оказывается невыгодным для контрагентов Советского Союза.

Что дает, например, капиталистическому партнеру предоставляемый ему Советским Союзом статус наибольшего благоприятствования, если в условиях режима монополии внешней торговли, как это происходит в Советской России, при распределении заграничных заказов нормальные торговые представления не играют решающей роли? Известно, что руководители советской торговли ловко используют в этом случае замаскированный *подкуп* и *запугивание* своих контрагентов. Под «подкупом» здесь понимается то, что с помощью исключительного предпочтения, отдаваемого промышленности и экспортной торговле определенной страны, предпринимается попытка создать в этой стране благоприятное общественное мнение в отношении Советского Союза, чтобы использовать это мнение в определенных политических целях. Примером может служить заметное предпочтение, отдаваемое Америке в заказах на промышленное оборудование в последние годы. Правда, желаемые политические результаты до сих пор отсутствуют.

Такую же сомнительную ценность представляют для капиталистических контрагентов Советского Союза какие-либо концессии таможенного характера, так как очень высокие таможенные пошлины в СССР наряду с системой централизованных закупок имеют второстепенное значение для направления и объема ввозимой торговли. 7 марта 1924 года Италия и СССР заключили торговый договор, который среди прочего предусматривал значительное снижение Советской Россией таможенных пошлин на лимоны и апельсины. Большому удовлетворению итальянского общественного мнения по поводу этого «выгодного» торгового договора вскоре суждено было смениться таким же большим разочарованием, когда выяснилось, что советское правительство вовсе не собирается делать заказы на ввоз апельсинов и лимонов, так как в стране коммунизма эти продукты считаются «недопустимой роскошью».

Не удивительно, что практическое воплощение договора 1925 года не удовлетворяло и экономические круги

в Германии (хотя здесь и поныне до таможенной конвенции с СССР дело не дошло). Не далее как год назад, 12 октября 1929 года, в связи с четвертой годовщиной договора, немецкая пресса без различия партийного направления отметила «явную разницу» между смыслом договора и подлинными отношениями между Германией и Советской Россией¹.

Во всяком случае, монополия внешней торговли в руках коммунистического правительства представляет собой сильное оружие как *против собственного населения*, так и *против так называемых капиталистических государств*. Ведь несмотря на сильное абсолютное снижение российского импорта по сравнению с довоенным временем, советские торговые представительства за границей представляют концентрированную покупательную способность страны с населением более 150 млн. человек, а по некоторым позициям являются крупнейшими импортерами и заказчиками на мировом рынке. С большим тактическим хитроумием они сумели воспользоваться этой властью, чтобы *использовать друг против друга* не только капиталистические государства, но и промышленников и торговцев внутри отдельных государств.

Торговые представительства как центры пропаганды

Тот факт, что привилегированные и частично пользующиеся правом экстерриториальности торговые представительства за рубежом постоянно используются в целях политической пропаганды, всегда отрицает и советское правительство, и советская печать. Однако здесь, оставив в стороне известные материалы, найденные при обыске в «Аркосе» (советское торговое представительство в Лондоне) и опубликованные правительством Англии, достаточно указать на два сообщения, появившиеся примерно в то же время в немецкой печати.

Газета «Дойче альгемайне цайтунг» сообщала 11 мая 1929 года из Каира: «Русскому торговому представителю

¹ Статья «Россия и мы» в газете «Берлинер тагеблат» (утренний выпуск), 12 октября 1929 г. Газета «Берлинер бёрзен-цайтунг» в статье «Юбилей германско-русского баланса», датированной тем же числом, отмечала, что «существует большая разница между договорными и подлинными отношениями».

Васильеву, чье прошение о продлении срока пребывания было отклонено египетским министерством, предложено покинуть Египет. Высылке Васильева предшествовала высылка его помощника. Оба заверяли правительство Египта, что занимаются закупкой хлопка по заданию советского правительства. Когда позднее выяснилось, что «русские» не имеют представления о торговле хлопком и используют свою торговую деятельность лишь как прикрытие для пропагандистской работы, последовала их высылка».

А 15 мая 1929 года газета «Берлинер тагеблат» (вечерний выпуск) опубликовала сообщение собственного корреспондента из Вены: «В понедельник здесь арестованы четыре венгерских коммуниста, приехавших в Вену полгода назад. Они, как в свое время Бела Кун⁸⁰, содержали здесь контору, формально служившую торговым делам, а на деле — коммунистической пропаганде. Из бумаг, конфискованных в этой конторе, следует, что они состояли в переписке с Белой Куном и представляли собой звено связи между коммунистами в Венгрии и в Москве». Дальнейшие примеры излишни.

Резюме

Подводя итог, можно сказать, что внешнеторговая монополия как существенная и неотъемлемая составная часть экономической системы советского государства в наибольшей степени виновна в отсталости российской внешней торговли, и прежде всего в крахе экспорта зерна и превращении этой прежней житницы Европы в страну продовольственных карточек и ввоза зерна. *Подрывая свободное развитие мощных производительных сил России*, она препятствует естественному развитию страны и превращению ее в естественную территорию сбыта с высочайшей покупательной способностью для европейской, и прежде всего германской промышленности. Покупательная способность огромной империи, хотя и сильно урезанная, но сконцентрированная в монополии внешней торговли, обеспечивает *такую силу*, которую правящая в России партия умело применяет в своих интересах, используя своих капиталистических агентов и контрагентов друг против друга. Эта тактика должна служить дроблению интересов и сил противников

«замкнутого коммунистического экономического фронта», это борьба, которая, с одной стороны, постоянно ведется в ущерб русской экономике, а с другой — в ущерб стремящейся к новым рынкам сбыта европейской промышленности.

Д-р В. Гефдинг

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН И УСЛОВИЯ ЕГО ВЫПОЛНЕНИЯ

Цель

«Пятилетний план развития производительных сил СССР на пути энергичной индустриализации и последовательного укрепления социалистических элементов экономики ставит перед собой огромную задачу — в течение ближайших лет *догнать и перегнать* по уровню развитые капиталистические страны; тем самым укрепится победа социалистической системы хозяйства в ее исторической борьбе с капитализмом... Эта задача принуждает нас к тому, чтобы, опираясь на огромные экономические подсобные средства нашей страны, на преимущества организованного планового хозяйства и технические достижения всего мира, взять такой темп экономического развития, какой не имеют и не могут иметь страны современного капитализма».

Эти слова, эта смелая постановка цели предваряют обоснование пятилетнего плана в четырехтомнике Госплана — Государственного комитета планового хозяйства¹.

Пятилетний план возник в итоге многолетней работы всех органов экономики Советского Союза. Его одобрили и приняли в его нынешней форме на XVI конференции Компартии и съезда депутатов. Во второй раз была предпринята попытка регулирования и направления всей экономической жизни огромной страны по плану, определенному центром. Коммунисты возлагают свои надежды, во-первых, на природные богатства России;

¹ См. «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР». Издано Госпланом, Москва, 1929, т. 1, стр. 13, на русском. В дальнейшем цитируется как «Пятилетний план».

во-вторых, на централизацию всех средств экономики в руках центральной власти; и в-третьих, на свою железную волю и на решимость беспощадного применения всех средств для осуществления плана.

Пятилетка, которую имеет в виду план, охватывает 1928/29—1932/33 годы, причем каждый хозяйственный год начинается с 1 октября. К тому времени, когда пишутся эти строки, уже истекли два первых года пятилетки.

Мы имеем здесь дело в основном с экономическим прогнозом, т. е., в конечном итоге, с «пророчеством». Поэтому рассмотрение этого плана в труде, который принципиально занимается лишь фактами, описывает и критически анализирует лишь опыт коммунизма в различных областях политики, экономики и культуры, кажется мало уместным. И тем не менее трудно не говорить о пятилетнем плане, ведь он составляет основу нынешней экономической политики советского правительства. Но это не означает, что мы, по примеру авторов пятилетнего плана, собираемся встать на «зыбкую почву» «пророчеств» и оценивать его с точки зрения осуществимости и неосуществимости. Скорее, мы хотим ограничить нашу задачу тем, чтобы после краткого изложения основного содержания плана отметить условия его выполнения, а далее исследовать, насколько за первые два года, т. е. за закончившиеся 1 октября 1930 года хозяйственные 1928/29 и 1929/30 годы, эти условия действительно оправдались.

Темп

Пятилетний план, согласно приведенным еще в начале словам, осуществляется под знаком ускоренной индустриализации России. Необходимо в кратчайшее время «догнать и перегнать» капиталистические страны; коммунистическая индустриализация должна превзойти европейский, да что там, — даже американский темп развития экономики. В цифрах это означает, что производство «планируемой», т. е. подчиненной Высшему совету народного хозяйства СССР промышленности должно быть увеличено в стоимостном выражении с 10 909 млн. руб. в 1927—1928 до 30 447 млн. руб. в 1932—1933 году; иными словами, оно должно *утроиться* в течение пяти лет. Показатель годового прироста по-

степенно увеличивается с 21,4% до 25,2% (в завершающем году пятилетки). Примечательно, что росту сельскохозяйственной продукции полагается идти значительно медленнее: он увеличивается с 16 659 млн. руб. в первом году до 25 806 млн. руб. в последнем году — повышение в целом «только» на 54,9%.

То есть темп прироста *наполовину медленнее*, чем темп промышленного производства. Таким образом, доля обеих отраслей производства в общенародном доходе за пятилетку смещается *в пользу промышленности*. Доля промышленности увеличивается с 31,6% до 34,2%, доля сельского хозяйства падает с 45,8% до 38,7%. Вопреки этому доля сельского хозяйства преобладает и в конце всего периода.

Это огромное повышение производства должно произойти благодаря таким же огромным капитальным вложениям советского государства в промышленность, сельское хозяйство и транспорт. Общая сумма этих вложений составляет, по пятилетнему плану, 64 601 млн. руб., около 20 млрд. из которых предназначается для промышленности (включая электрификацию).

Рука об руку с абсолютным приростом производства ускоренным темпом должен идти процесс обобществления; обобществленный сектор народного хозяйства должен расширяться за счет «частнохозяйственного» сектора. Доля первого в валовой продукции в течение пятилетки повышается с 45,9% до 66,5%, при параллельном снижении доли последнего с 54,1% до 35,5%. Особое внимание придается расширению обобществленного сектора в земледелии, созданию для городского коммунизма собственной сельскохозяйственной основы и освобождению советского государства от строптивного крестьянина, приверженного своему индивидуализму и частному хозяйству. Сумма в 2 млрд. руб. должна быть вложена в совхозы (государственные хозяйства) и колхозы (коллективные сельские хозяйства). Авторы плана в его первоначальном варианте рассчитывали на то, что сельскохозяйственный социалистический сектор в конце пятилетки будет давать 15% валовой продукции и 25% продукции, предназначенной для рынка.

Мы не хотим исследовать здесь административно-технические условия пятилетнего плана, т. е. выяснять, в какой мере *аппарат управления* советской промышленности способен решить эти огромные задачи, для которых нет технического прообраза ни в европейской, ни даже в американской промышленности^I; однако мы несколько подробнее займемся вопросом, из каких источников поступят 60 млрд. руб., которые будут представлять стоимость предусмотренных капиталовложений.

«Финансовый маневр»

Сначала следует указать, из каких источников *не* будут предоставлены эти огромные средства. В условиях уже проведенной и строго охраняемой социальной нивелировки населения «по нисходящей» в Советском Союзе отсутствует свободное накопление частного капитала, которым финансируется обновление и расширение аппарата производства во всех «капиталистических» странах. Далее, несмотря на сильное напряжение советского бюджета, всех налоговых сборов и принципиально уравниваемых с ними доходов от советских займов^{II} не хватит, чтобы собрать гигантскую сумму для капиталовложений в пятилетний план.

Остается лишь *один* источник, т. е. средства *самой промышленности*. Опираясь на свои «командные высоты» — национальную промышленность, монополию внешней торговли, кредитную и транспортную монополию, — советское государство в состоянии аккумулировать огромные средства через *механизм цен*. Эта «аккумуляция через механизм цен» представляет основу основ, ключ ко всему плану. Его осуществление базируется на следующих условиях:

1. максимальном снижении издержек производства в советской промышленности — снижение за пятилетку в среднем по всей промышленности должно достичь 35%;

^I Подлинный материал для оценки этого вопроса читатель найдет в данной книге в разделе «Коммунизм как господство чиновников».

^{II} См. мой раздел «Государственные финансы, валюта и кредит в Советской России».

2. на относительно замедленном снижении продажных цен.

С помощью этого «финансового маневра», как он назван в пятилетнем плане^I, должен быть достигнут большой «разрыв», используя выражение авторов плана, между *себестоимостью* и *продажными ценами*. Прибыль, получаемая от этого «разрыва», преобладающую часть которой коммунистическое государство хочет использовать для капитальных вложений, образует *важнейшее финансовое условие выполнения плана*. Таким образом, снижение издержек производства, которое должно произойти вследствие технического прогресса и растущей производительности труда, не пойдет на пользу потребителям в форме удешевления продажных цен, как это в большинстве случаев в результате *конкуренции* автоматически произошло бы в основанном на частной собственности народном хозяйстве, но будет использовано коммунистическим государством в своих целях, для увеличения *монопольной прибыли*. Итак, в конечном итоге финансовый замысел пятилетнего плана рассчитан на то, чтобы «через механизм цен» *привлечь к финансированию всего плана* и соответственно эксплуатировать *частнохозяйственный сектор советской экономики*, т. е. в первую очередь крестьян.

Недостаточно и того, что в количественном отношении производство вырастет. Сам по себе этот рост возможен лишь при определенных финансовых условиях, важнейшее из которых (господствующее во всем плане) — снижение себестоимости на 35%. В обосновании пятилетнего плана особый упор делается на то, что успех этого смелого «финансового маневра» целиком зависит от того, произойдет ли снижение себестоимости *в предусмотренные сроки*^{II}. Ибо при общей большой напряженности плана и его показателей упущенное за год вряд ли можно будет наверстать в оставшиеся годы. Решающее значение этого момента повторно подчеркивается финансовыми экспертами советского правительства. «Прорыв на этой линии (снижения себестоимости. — Автор)

^I «Пятилетний план», т. II, ч. 2, стр. 315.

^{II} «Пятилетний план», т. II, ч. 2, стр. 321.

может повлечь за собой крах всего финансового плана», — пишет профессор М. Боголепов.

«Прорывы»

Вслед за кратким описанием предпосылок пятилетнего плана надо теперь по имеющимся советским ведомственным данным проверить, в какой степени достигнуты различные количественные и качественные показатели плана за два первых года его осуществления.

Создается впечатление, что наибольшие успехи достигнуты в чисто *количественном расширении производства*. По предварительным итогам результатов первых двух лет, опубликованным в газете Высшего совета народного хозяйства СССР¹, общий количественный прирост промышленного производства в Советской России за 1928—1929 год составляет 24%, а за 1929—1930 год — 24,2% (и то и другое по сравнению с предыдущим годом). Хотя последняя цифра на 5% отстает от плановой цифры на второй год, составляющей 30,8%, все же этот прирост, по сравнению с нормальными показателями роста в капиталистической промышленности Европы и даже Америки, настолько велик, что представляется необходимым более пристальный анализ. Сначала следует подчеркнуть, что каковы бы ни были оценки достоверности и надежности советских ведомственных статистических данных в общем, их качество за оба последних года *бесспорно сильно снизилось*. Однако даже оставаясь на почве статистических и иных данных самого советского правительства, можно привести много доказательств того, что кажущиеся количественные успехи пятилетнего плана по крайней мере не перевешивают невыполнения его качественных показателей.

Для всех целевых установок плана и взглядов его авторов, для их граничащего с монотонией стремления создать прежде всего *гигантскую промышленность средств производства* чрезвычайно характерно, что и наибольшее увеличение отмечается в области производства средств производства. Здесь, например, рост за один лишь второй год якобы составляет 37,7%, по сравнению с запланированными 39,7%; т. е. план выполнен на 98,6%.

¹ «За индустриализацию» от 1 октября 1930 г.

По сравнению с этим увеличение производства *потребительских товаров*, товаров непосредственного потребления, составляет лишь 11,1% по сравнению с плановыми 23,8%. А в отрасли, которая имеет огромное значение для обеспечения населения предметами первой необходимости — в хлопчатобумажной промышленности, — на второй год пятилетки отмечается *падение* на 16,7%, падение по стоимости с 2826 до 2353 млн. руб. Примечательно, что основной причиной этого падения, кажется, был недостаток сырья, наполовину поставляемого отечественным сельским хозяйством, наполовину ввозимого из-за границы. К концу второго года ухудшение положения отмечается и в отдельных отраслях тяжелой промышленности. Особое значение здесь имеет *падение добычи угля* в Донецком бассейне летом и осенью 1930 года. В результате недостаточного снабжения продовольствием и неописуемо скверных жилищных условий шахтеры побежали из шахт. Их, и то в недостаточной мере, заменили «мобилизованными» крестьянами.

Себестоимость

Что же касается качественных показателей пятилетнего плана, то его в течение первых двух лет осуществления постиг величайший «прорыв», как это обычно именуют русские коммунисты на официальных митингах и в своих призывах, в деле *снижения себестоимости* советской промышленности.

В то время как план на второй год предусматривал среднее снижение себестоимости на 11,2%, на деле оно составляло всего 7,1%^I. Итоги развития отдельных особенно важных отраслей промышленности оказались еще более неудовлетворительными. Так, например, снижение по железу и стали составляет всего 3,9%. А по углю Донецкого бассейна, этой российской Рурской области, где в 1930 году условия вообще сильно ухудшились, себестоимость в июле, по сравнению с прошедшим годом, *выросла на 8,9%*^{II}.

«Месяц за месяцем, год за годом нам приходится смотреть на то, как не выполняются качественные пока-

^I «За индустриализацию» от 1 октября 1930 г.

^{II} «Правда» от 12 сентября 1930 г.

затели плана», — писал летом 1930 года орган Высшего совета народного хозяйства Союза^I.

Если же вспомнить о том, какое значение придавали снижению себестоимости авторы пятилетнего плана, не только вообще, но и в течение предусмотренных сроков, то из приведенных цифр прямо вытекает, какие губительные последствия для успеха или неуспеха «финансового маневра» пятилетки должен иметь «прорыв» на этом «участке фронта».

Качество советских товаров

Особенно важно, далее, установить вот еще что: если снижение себестоимости и произошло, то оно большей, если не преобладающей, *частью произошло за счет качества самого товара, которое еще более ухудшилось*^{II}. Ведущий экономический орган правительства Москвы «Экономическая жизнь» почти в каждом номере помещает материалы о продолжающемся снижении качества промышленных изделий, превратившемся в большую беду. Снижение качества, выраженное в процентах *по сравнению с предшествующим годом*, нередко составляет 20—30%, а это свидетельствует о том, что во многих случаях количественное увеличение продукции более чем уравнивается снижением качества и, соответственно, *снижением потребительских качеств и возможностей для сбыта товара*. В этой связи заслуживает внимания неизменно повторяющееся утверждение советской печати, согласно которому *снижение качества* товаров есть *прямое следствие снижения себестоимости*^{III}. Процесс происходит примерно так. Руководитель одного государственного треста получает приказ центрального ведомства, обычно сопровождаемый угрозами наказания в случае невыполнения, за определенный срок снизить на подчиненных ему предприятиях себестоимость на столько-то процентов. Так как такое требование о проведении механического снижения себестоимости «в сред-

^I «За индустриализацию» от 18 июля 1930 г.

^{II} Ср., к примеру, «Труд», 22 ноября 1930 г. Сообщение из Ленинграда.

^{III} «Экономическая жизнь» от 6, 10 и 21 марта, 17 апреля, 22 июня 1929 г.

нем» по объективным причинам чаще всего не выполнимо или выполнимо с трудом, то данные руководители предприятий идут по пути наименьшего сопротивления и добиваются — правда, лишь на бумаге — требуемого снижения производственных издержек, идя на сознательное снижение качества товара или, чтобы добиться требуемого «среднего», сокращают производство, ограничиваясь теми сортами товаров, себестоимость которых относительно невысока, независимо от потребностей рынка. Так, ссылаются на то, что шерстоткацкая фабрика увеличила производство тканей, *не увеличив соответственно расход требуемой для этого шерсти*¹.

То, что в области качества производимых промышленных изделий не произошло решающего поворота к лучшему и на второй год пятилетки, видно из совместного циркуляра, выпущенного в июле 1930 г. главными экономическими ведомствами в Москве, включая центральные профсоюзы. В нем говорится: «Качество промышленных изделий остается *неудовлетворительным*. В ряде промышленных отраслей оно *еще более ухудшилось*. Особенно нетерпимо положение в производстве потребительских товаров. Снижение качества уменьшает срок пользования товаром, что ведет к *обострению имеющегося товарного дефицита* и к *снижению реальной зарплаты рабочих и служащих*»².

Этим среди прочего объясняется та загадка, которая возникает при наблюдении за всеми процессами в советской экономике. Ведь если соответствует действительности тот факт, что рост производства советской промышленности составляет 20% в год (или меньший процент, как это происходит в большинстве отраслей, производящих товары потребления), то почему же получается, что *дефицит всех товаров первой необходимости* — одежды, обуви, мыла и т. д. — не уменьшается, а постоянно увеличивается, что «достижения» коммунистической индустриализации и один из «успехов» пяти-

¹ См. статью С. Первухина «Народное хозяйство СССР в III квартале» в «Экономическом обозрении» за август 1929 г., стр. III, на русском.

² «Экономическая жизнь» от 2 августа 1930 г.

летнего плана для широких масс населения оборачивается тем, что почти все промышленные товары теперь рационированы и их можно купить только по карточкам или «ордерам» (а порою купить и вовсе невозможно!)? Даже если признать в общем и целом данные советской статистики о количестве продукции верными, то причина этого парадокса лежит в описанном ухудшении качества. Если вследствие снижения качества пары галош хватает на шесть месяцев вместо одного года, как это было прежде (это недавно установлено одной правительственной комиссией), то (поскольку речь идет о предметах первой необходимости) придется покупать две пары галош в год. Или, другими словами, увеличение резиновым трестом производства галош на 25%, при снижении качества и носкости товара на 50%, означает вовсе не эффективное увеличение, а напротив, — сравнительное *снижение производства* на те же проценты.

Под конец следует привести еще и важное свидетельство по вопросу снижения качества председателя Высшего совета народного хозяйства СССР Куйбышева. На совместной конференции Совета народного хозяйства и Центрального Комитета профсоюзов, состоявшейся 11 октября 1930 года, он сказал по этому поводу следующее¹: «Тяжелейший прорыв (пятилетнего плана. — *Автор*) — несомненно, недостаточное качество наших изделий. В прошедшем хозяйственном году мы не только не можем отметить успехов в этой области, но у нас *налицо снижение качества всей легкой промышленности*. Падение производства характеризуется невероятными цифрами. За первый квартал прошлого года количество бракованного товара при производстве пряжи в процентном соотношении достигло 16% и увеличилось в третьем квартале до 21%. Потери на фабрике № 9 Московского треста трикотажа (Мострикотаж), связанные с большим количеством бракованного товара, составили в прошлом году 2,5 млн. руб. Общие убытки нашей промышленности из-за высокого процента бракованных товаров составляют сотни миллионов рублей. Плохое качество продукции снижает реальную заработную плату рабочих масс,

¹ «Правда» от 12 октября 1930 г.

обостряет товарный дефицит и замедляет темпы развития нашей индустриализации».

Инвестиции

Так же неудовлетворительно, как с себестоимостью и другими показателями качества, обстоит дело и с объемом запланированных инвестиций и строительством новых производственных мощностей. План по новым денежным вложениям по август 1930 года, т. е. за первые 11 месяцев второго года пятилетки, выполнен, по официальным советским данным, лишь на 52,5% (1765 млн. руб. вместо 3364 млн. руб.). В предварительном отчете за 1929—1930 год, опубликованном 1 октября 1930 года в газете «За индустриализацию», эти проценты за один год внезапно увеличились до 83%. Но каким образом такой гигантский план инвестиций можно было вдруг, за один месяц (сентябрь) выполнить на 30%, понять трудно: представляет одну из многих загадок официальной статистики советского правительства за последние годы.

Инфляция

Важна, далее, констатация того, что несмотря на признанное отставание капиталовложений от расчетных напряженное положение советских финансов в результате осуществления пятилетнего плана невыносимо обострилось. Прежде всего по причине сильного снижения издержек производства и постепенного, «заторможенного» снижения продажных цен *провалился* «финансовый маневр» самофинансирования плана. Советскому правительству в этих условиях не оставалось ничего иного, как прибегнуть к запуску печатного станка, *усиленной эмиссии купюр червонцев* и кассовых чеков, не оставалось ничего иного, как вступить на широкий, но опасный путь *инфляции*.

Эта суровая необходимость полностью подтверждается результатами первых двух лет плана. В статье из газеты комиссариата финансов подводится следующий финансовый итог *первого* года пятилетки: «Текущий год ясно показал, к каким последствиям приводит невыполнение качественных показателей пятилетнего плана; денежная эмиссия в 1928—1929 году вместо запланированного уровня в 200 млн. руб. составила 600 млн.; вместо запроектированной стабильности цен мы имеем их рост; с

повышением номинальной заработной платы не наступит запланированного повышения реальной заработной платы»^I.

Похоже подводит итог первого года другой московский экономический журнал: избыточная эмиссия новых бумажных денег, повышение всех индексов цен^{II}.

Непосредственная связь, существующая между невыполнением плановых показателей качества, с одной стороны, и избыточной эмиссией бумажных денег — с другой, подтверждает и газета «За индустриализацию» (от 24 сентября): «Экономические органы пытаются восполнить недостаток денежных средств из-за невыполнения плановых показателей из кассы Госбанка (Государственный банк Советского Союза. — *Автор*), т. е. в конечном итоге за счет новой денежной эмиссии. В текущем году Госбанку пришлось выделить промышленности кредит в сумме от 500 до 600 млн. руб. сверх плана. Значительная часть этих сумм переводится Госбанком на основании решений правительства, в связи с «прорывами», возникшими в разных отраслях производства».

Особенно интересна, далее, ссылка в статье на то, что многие советские предприятия расходуют предназначенные для новых инвестиций и новостроек средства на покрытие текущего дефицита, который также явился следствием неснижения себестоимости.

Как видно в другом месте^{III}, открытый прорыв инфляции произошел и в конце второго года пятилетки, той инфляции, которая существовала в скрытом, замедленном состоянии уже несколько лет, но ввиду своеобразия советской экономики (*отсутствие свободного рынка и свободного ценообразования*) не могла ранее проявиться в полную силу.

Развал механизма железных дорог

В этой связи необходимо упомянуть еще одно — используя коммунистическое выражение — «узкое место» пятилетнего плана, по поводу которого особенно множатся жалобы советской печати даже в последние меся-

^I См. «Вестник финансов» за август 1929 г., стр. 31.

^{II} См. «Экономическое обозрение» за август 1929 г., стр. 8.

^{III} См. мой раздел «Государственные финансы, валюта и кредит в Советской России».

цы. Это усиливающийся *развал* и *разложение* железных дорог в Советском Союзе. Выражается это не только в том, что сеть железных дорог отстает в своем развитии от неотложных потребностей российского народного хозяйства, но еще и в том, что имеющийся транспортный механизм просто отказывается служить из-за старения паровозного и вагонного парка, а также в разрушении всех железнодорожных служб.

Своим известным кинофильмом «Турксиб», в котором описан якобы ввод в производство (в действительности даже в конце года не законченной) железной дороги, связывающей Туркестан с Сибирью, а также своей умелой пропагандой, коммунисты старались создать видимость того, что развитие российских железных дорог при советском режиме движется семимильными шагами. На деле же рост российской железнодорожной сети за последние 12 лет далеко отстает от годового довоенного прироста, когда особенно энергичное строительство новых железнодорожных линий позволяло ежегодно осваивать большие территории России, придавало быстро расцветающему народному хозяйству России новые силы и было ему подспорьем.

Приводимые ниже трезвые факты призваны показать, как обстоят дела в действительности. Общая протяженность российских железных дорог в 1930 году, даже если причислить сюда еще и Турксиб, который никак нельзя считать завершенным, составляла примерно 79 000 км. Россия в своих нынешних границах имела в 1918 году 72 000 км железных дорог. Таким образом, прирост за последующие 12 лет большевистского режима составляет 7000 км и равен 583 км в год, т. е. годовой прирост в среднем составил 0,8%. Надо еще учитывать, что большие отрезки этих переданных в эксплуатацию новых железных дорог длиной в 7000 км, были близки к завершению еще до и во время войны.

В противоположность этому средний годовой прирост российских железных дорог за последние 20 довоенных лет составлял 5%. Многочисленные частные железнодорожные общества, образованные в 1912—1914 гг., обязались *строить* по 5000 км новых железных дорог в год, что увеличило бы годовой показатель прироста до 7%.

Мало того, строительство железных дорог в этой бедной транспортом стране далеко отстает от прежних темпов строительства и самых неотложных потребностей экономики, существующий транспортный механизм к тому же оказался без присмотра в таких масштабах, что буквально разрушается. «Нехватка локомотивов и их разрушение вследствие недостаточного технического ухода и неудовлетворительного качества приняли в последнее время катастрофические размеры»^I. Неисправный колесный состав приводит, наряду с разложением рабочей дисциплины, к такому увеличению несчастных случаев, что в это едва бы поверили, если бы о том постоянно не сообщала сама советская ведомственная печать. На 100 000 километров пути в последние годы приходилось 5 несчастных случаев, в то время как тот же показатель в западноевропейских странах составляет 0,12^{II}. «Особо нужно отметить, что это число за последние годы непрерывно возрастает». С каким нарастанием происходит разрушение организации и дисциплины, можно увидеть из того, что число несчастных случаев на некоторых железных дорогах увеличилось в шесть раз за месяц»^{III}.

Количество таких данных может быть по желанию увеличено. Однако перечисленных цифр и сведений достаточно, чтобы показать, что механизм железных дорог Советского Союза количественно и качественно не в состоянии выполнять поставленные перед ним нормальные задачи. Еще менее он может справиться с теми колоссальными требованиями, которые ставит перед ним даже частичное выполнение пятилетнего плана.

Пятилетний план и кризис питания

На ниве сельского хозяйства российские коммунисты славны тем, что итоги двух первых лет пятилетки значительно превышают плановые цифры. В тех пределах, когда учитывается не рост производства, а в первую очередь обобществление сельского хозяйства и пролетаризация российских крестьянских масс, итоги и в самом деле грандиозны. Не анализируя критически

^I «Экономическая жизнь» от 25 февраля 1930 г.

^{II} Там же.

^{III} «Экономическая жизнь» от 22 апреля и 28 февраля 1930 г.

соответствующую статистику, которую в этой области следует применять с *особой осторожностью*, можно сказать, что к концу второго года пятилетки процент обобществленных крестьянских хозяйств значительно превышает уровень, запланированный на всю пятилетку (15—20%). В последние два года (1929 и 1930) в деревне шел прежде всего *процесс разрушения*, который далеко превзошел результаты первой русской аграрной революции 1917—1918 гг. В эти годы был уничтожен лучший, самый продуктивный слой русского класса крестьян. Физическое искоренение «кулаков как класса» сделалось высшей целью аграрной политики советского правительства. Более половины российских крестьян были загнаны в коллективные хозяйства (колхозы) и превращены в пролетариев, находившихся в непосредственном подчинении всевластного коммунистического государства; позднее четверть всего крестьянства вышла из колхозов, чтобы заняться восстановлением своих наполовину разрушенных хозяйств. Другие остались в колхозах^I.

Это означает действительный успех коммунистического государства в одном отношении. Названное государство самостоятельно производит значительную часть своей потребности в зерне или получает непосредственную возможность распоряжаться большей частью урожая. Но этот — с точки зрения коммунистического государства — частичный успех в обеспечении зерном был куплен дорогой ценой общего падения продовольственного снабжения, ценой величайшего продовольственного кризиса, воздействие которого несколько ослабело лишь по причине необыкновенно благоприятных условий урожая 1930 года. В ближайшие годы городскому населению угрожает прежде всего большая нехватка мяса и жиров. Прежде чем «добровольно» вступить в большевистские колхозы, доведенные до отчаяния крестьяне забили большое количество скота, чтобы не отдавать его коммунистическому государству. Сталин в своей большой программной речи на XVI съезде партии в июне 1930 года^{II} привел поистине устрашающие цифры. По-

^I См. разделы проф. И. Ильина и Критского в данной книге.

^{II} «Правда», 29 июня 1930 г.

голове рогатого скота российского сельского хозяйства за один год снизилось на 23% и свиней на целых 40%. Это лишь часть той невероятной цены, которую российскому народу пришлось заплатить за «успехи» обобществления в области сельского хозяйства. По мнению самих коммунистов, в ближайшем будущем нет ни малейшей надежды на устранение этих недостатков. Коммунистический специалист по сельскому хозяйству Голендо прямо признается в московских «Известиях»¹, что снабжение населения российских городов продуктами животноводства зимой 1930 года по сравнению с предшествующим годом уменьшится на одну треть.

Это обострение кризиса питания, что надо рассматривать как непосредственный результат осуществления пятилетнего плана в сельском хозяйстве России, начинает теперь неблагоприятно влиять и на промышленное производство. Стоит лишь вспомнить невероятную «миграцию» рабочей силы на советских предприятиях, что является непосредственным следствием кризиса питания. Кроме того, работоспособность рабочих советских заводов и фабрик сильно подрывается нехваткой продуктов питания, содержащих жиры.

Итог

Не предполагая заниматься пророчествами, мы все же не можем обойтись без того, чтобы еще раз не подвести итог бесспорных результатов двух первых лет пятилетки (которые, кстати, в соответствии с лозунгом «Пятилетку в четыре года!», провозглашенным в прошлом году Сталиным, теперь составляют половину всего срока осуществления плана), по отзывам советской печати и советских экономистов:

1. *Количественное увеличение промышленного производства и в особенности средств производства, но, главным образом, за счет одновременного дальнейшего снижения качества производимых товаров.*

2. *Номинальное снижение издержек производства, наполовину отстающее от предписанных показателей.*

3. *Вследствие этого «прорыв» в финансовой основе плана и, как дальнейшее следствие, превращение скры-*

¹ От 8 сентября 1930 г.

той и замедленной *инфляции* в *открытую*, со всеми ее побочными проявлениями.

4. Обострение кризиса питания как прямое следствие частичных «успехов» в обобществлении сельского хозяйства; обострение кризиса на транспорте и особенно на железных дорогах; ухудшившееся обеспечение промышленных рабочих продовольственными товарами сказывается на падении работоспособности последних, а также на сокращении производства в отдельных отраслях промышленности (уголь!).

Такова в общих чертах картина итогов первых двух лет пятилетнего плана.

Проф. И. Ильин

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ

Диктатура пролетариата

Как известно, в Советском Союзе существует «диктатура пролетариата». Во имя пролетариата произвели переворот; во имя него была проведена грандиозная экспроприация и теперь создается коммунистический строй. Соответственно и правительство называется — «рабоче-крестьянским», однако в действительности под ними имеют в виду не всех, а лишь «самых бедных» крестьян, сельский пролетариат. «Рабочий в стране Советских Социалистических Республик — диктатор и хозяин», — пишет Максим Горький^I. Пусть «в мастерской рабочий подчиняется распоряжениям и дисциплине. Но вне мастерской, после сделанной работы, он начинает выполнять свое общественное призвание хозяина в экономике», — торжественно заявляет известный коммунист Гинзбург на заседании V пленума Совета профсоюзов^{II}. По-видимому, рабочие — это те, кто «господствует» в Советской России: их «господство» задумано как классовое господство; их партия должна быть классовой партией^{III}; их государство — классовым государ-

^I «Известия», 18 июля 1929 г.

^{II} См. «Труд» № 227 от 29 ноября 1928 г.

^{III} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 64, на русском и др.

ством. Если предположить, что в Советской России действительно существует «диктатура пролетариата», то ведь придется отметить, что эта диктатура осуществляется незначительным меньшинством населения. В Советском Союзе «пролетариат составляет ничтожное меньшинство населения», — утверждает Ленин; а сами коммунисты напоминают «каплю в море»^I. Отсюда у коммунистов возникает «главная задача» — «привлечь на свою сторону большинство пролетариата»^{II}. Если учесть, что число членов Коммунистической партии только теперь якобы увеличилось до 1,2%, а число служащего пролетариата до 8% общего числа населения^{III}, то легко можно понять, что коммунисты просто остаются зависимыми от пролетариата как своего политического орудия и своего политического резерва. Решительное недовольство рабочего класса со временем может стать опасным для господства коммунистов: экспропрированное большинство народа могло бы в этом случае получить грозящую губительными последствиями поддержку экспроприированного и обобществленного рабочего класса, и положение сделалось бы фатальным.

Уже отсюда легко понять, почему коммунисты так демонстративно обсуждают все проблемы благополучия рабочих и так обходительно обращаются с ними; почему они так нервничают, если что-то важное им не удастся, и почему они стремятся отвести от себя вину за эту неудачу, начинают рассуждать о «заговоре», «саботаже» и тому подобном, а якобы «виновных» сурово наказывают или просто казнят.

Так как же на самом деле живет рабочий класс в Советском государстве?

«Военный коммунизм»

В первый период — период так называемого «военного коммунизма», ему жилось очень плохо. Достаточно отметить, что в начале 1921 года реальная заработная плата рабочего снизилась до 10% довоенной и составля-

^I Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 42, 118, 137, 221; ч. 2, стр. 51.

^{II} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 351.

^{III} См. доклады на XVI съезде партии, июнь—июль 1930 года. См. «Труд» № 227 от 29 ноября 1928 г.

ла 3 руб. 36 коп. в месяц, примерно 23 копейки из которой выплачивалось наличными, а остальное «товарами»^I. Советская промышленность производила тогда лишь 6% довоенного объема продукции^{II}. Промышленный город не мог дать деревне ничего, кроме обесцененных инфляцией бумажных денег; крестьянам нечего было за них дать, и коммунисты были вынуждены вести с крестьянством продовольственную войну; эта продовольственная война мало что приносила; пролетариат голодал и, чтобы как-то прокормиться, бежал в деревню. Москва потеряла в 1918—1920 годах до 45% населения, Петербург — до 71%, Ярославль — 43% и т. д. Сам Ленин так описывал первые четыре года революции: «Диктатура пролетариата возложила на господствующий класс — пролетариат — такие жертвы, такую нужду и такие лишения, каких никогда еще не знала история; и весьма вероятно, что в любой другой стране все будет происходить точно так же»^{III}. «В гражданской войне 1918—1920 гг. больше всего крови пролито пролетариатом»^{IV}. «Он страдал, терпел, мучился и испытывал лишения больше, чем все другие классы»^V. «Люди разбежались от голода, рабочие просто останавливали заводы и фабрики, они были вынуждены оседать в деревне и переставали быть рабочими»^{VI}. «Никогда прежде рабочему классу не приходилось переносить такое недоедание, такой голод, как в первые годы своей диктатуры»^{VII}. «И вот наступили^{VIII} отчаянная нужда, голод и нищенство»^{IX},

^I См. у Струмилина: «Заработная плата и производительность труда в русской промышленности», Москва, 1923 г., на русском.

^{II} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 444; неоднократно повторялось Бухариным и другими руководящими коммунистами.

^{III} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 329.

^{IV} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 212.

^V Там же, стр. 174. Эти «больше» и «больше всего» объективная история, вероятно, не подтвердит.

^{VI} Там же, стр. 128.

^{VII} Там же, стр. 191; см. также стр. 175.

^{VIII} Это относится к зиме 1921/22 г.

^{IX} Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 159.

«невиданное и неслыханное обострение нужды и отчаяния, которые теперь овладели» массами^I и т. д.

Период последовательного коммунизма закончился, таким образом, *распылением и обнищанием пролетариата*. Характерно, что к этой эпохе относятся такие явления обнищания, как, например, миллионы беспризорных детей^{II}, около 75—80% которых являются выходцами из «трудящихся классов»; подобные явления накладывают свой отпечаток на всю революцию. Сделав пролетариат своим орудием, коммунисты попытались быстро провести всеобщую экспроприацию и обобществление; экспроприацию действительно провели, обобществление же провалилось из-за сопротивления крестьян. Были грубо растоптаны основные законы социальной и хозяйственной жизни, и погиб при этой попытке сам пролетариат.

Период НЭПа

Период так называемой «новой экономической политики» (названной по начальным буквам НЭПом) получил это тяжелое наследство, а с ним и задачу — снова собрать и взять на работу пролетариат и по возможности улучшить его положение. Период продлился примерно до 1928 года и теперь сменился второй коммунистической попыткой Сталина (1929—1930 гг.). Само собой разумеется, что советское правительство должно было за эти годы предпринять все усилия, чтобы создать для рабочего класса возможно большее благополучие. Надо, однако, с самого начала констатировать, что с крахом последовательного коммунизма произошел полный провал *бесплатного* коммунистического обеспечения и пропитания пролетариата, что период НЭПа вернул рабочего в первоначальное состояние *наемного рабочего* и он, как настоящий пролетарий, не обладая орудиями производства и будучи экономически парализованным, вынужден был искать себе работодателя, чтобы «уступить» или «продать» ему свою силу и работоспособность. В первые годы НЭПа для пролетария еще существовала возможность наняться куда-то частным образом и использовать принцип конкуренции на рынке труда в своих интере-

^I Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 167.

^{II} См. раздел д-ра Аксенова в настоящей книге.

сах, вопреки советскому государству (хотя и в чрезвычайно ограниченном объеме). Но постепенно предоставленное частной инициативе свободное пространство сужалось и монополия на предоставление работы все больше закреплялась за государством.

Монополия на предоставление работы и наемники государства

Рабочий становился наемником коммунистического партийного государства. Условия работы и заработной платы теперь предписывались ему диктаторски и монополично. И вот он оказывается без защиты и без надежд. Нет более свободных профсоюзов, ибо красные «профсоюзы» — лишь ветви коммунистического бюрократического государственного аппарата. Полностью подавлена социал-демократическая рабочая партия, существующая нелегально. Эту картину дополняет партийная монополия на печать и подавление частной торговли. Рабочий отдан на усмотрение делающей ошибки и лишенной способностей советской бюрократии¹. Тем не менее теперь он имеет дело с «самым лучшим» для него правительством, со своим правительством... Поэтому он должен молча или даже с «революционным пафосом» нести и выносить возложенные на него жертвы и бремя. Теперь окончательно наступил конец «требованиям», «распределению по труду» и тому подобному. Разрешено заниматься только «самокритикой», однако острие этой «самокритики» нельзя направлять против руководства Коммунистической партии: в противном случае это сразу же заклеят как «оппозицию» или «оппортунизм», подвергнут поруганию и уничтожению. «Господствующему» пролетариату следует жить, думать и чувствовать по предписанному образцу; ему не разрешается придерживаться ни патриотических, ни социал-демократических, ни «оппозиционных коммунистических» воззрений. Рабочему следует принимать все, что ему предписано: упразднение семьи, отмену религиозных праздников, закрытие церквей, ликвидацию пособия по безработице, ночную работу на предприятиях, так называемую «свободную» подписку на госзаймы, а возможно, и

¹ См. раздел «Коммунизм как господство чиновников» в настоящей книге.

экспроприацию и ссылку собственных родителей, которые — не исключено — как неисправимые «кулаки», по своей «крестьянской глупости», старались удержаться на своем частном клочке земли и теперь разделяют судьбу подлежащего уничтожению класса.

И это вовсе не редкость, ведь еще недавно коммунисты установили, что примерно 25% рабочих металлургических и текстильных заводов и фабрик сами владеют землей или являются выходцами из крестьянских семей...^I Поучительно и примечательно также проследить, как, например, простые крестьяне и рабочие, и особенно работницы, выступали на заседаниях Центрального Исполкома СССР против упразднения семьи и соответствующего нового законопроекта и умоляли о поддержке и защите семьи; их выслушивали и давали им уехать домой; после этого закон все же был введен^{II}. Короче — рабочий класс советского государства для Коммунистической партии является политическим инструментом и резервом советской бюрократии; но при монополии на предоставление работы и диктатуре Коммунистической партии он не имеет никакой внешней и внутренней свободы и вместо этого пользуется преимуществами и недостатками коммунистического строя, проникающего все дальше и глубже.

Эти преимущества и недостатки выглядят примерно так.

Номинальная и реальная заработная плата

Прежде всего заработная плата. Номинальная заработная плата (рассчитанная в рублях-червонцах) в течение периода НЭПа равномерно поднималась. В 1928—1929 гг. она в среднем составляла у железнодорожников 75,40 руб., у работников водного транспорта — 82,04 руб. и в среднем в промышленности оставалась ниже этого уровня^{III}. В одной из наиболее высокооплачиваемых отраслей (машиностроение в Москве) ежедневная зар-

^I См.: «Бюллетень статистики труда», № 4, 1930 г.

^{II} Ср. стенографический отчет заседаний в «Сборнике статей и материалов по брачному и семейному праву», редактор — народный комиссар Курский, Москва, 1926 г., на русском; см. также действующий «Кодекс законов о браке, семье и опеке» 1927 г.

^{III} См. орган комиссариата труда «Вопросы труда», № 5, 1930 г.

плата квалифицированного рабочего в 1929 году составляла в среднем 4,75 советского рубля, а неквалифицированного — 3,17 советского рубля^I. В общем, можно уверенно предположить, что теперь номинальная зарплата советских пролетариев увеличилась примерно *вдвое* по сравнению с довоенной (при этом пришлось бы условно уравнивать несоразмерные величины довоенного рубля и рубля-червонца).

Но эту сумму номинальной зарплаты рабочему никогда не выплачивают полностью, так как при выплате всегда имеются вычеты, производимые с «добровольного» согласия, — то под нажимом коммунистической партийной ячейки «единодушно» одобренный государственный заем^{II}, то в помощь забастовщикам в Англии, то на строительство военно-воздушного флота, то на революцию в Китае и т. д. Временами эти вычеты проглатывают до 10% номинальной зарплаты. Зарплата также нередко выплачивается нерегулярно и с опозданием, что при недостатке потребительских товаров, продовольствия и растущих ценах весьма тягостно^{III} и т. д.

Если же, чтобы составить себе хотя бы приблизительное представление о существующей реальной заработной плате, мы возьмем *индекс цен розничной торговли* из подсчетов советского института конъюнктуры^{IV}, то установим, что покупательная способность одного рубля-червонца еще в октябре 1927 года составила около 51,8% своей номинальной стоимости, в сентябре 1928 года снизилась до 50,2%, а в сентябре 1929 года — до 45,9%. Но это относится лишь к так называемому «общему» индексу розничной торговли. Картина меняется, как только мы берем отдельно индекс «*обобщественной*» розничной торговли и частной торговли. Индекс розничной тор-

^I См.: «Бюллетень статистики труда», № 4, 1930 г.

^{II} См. раздел «Государственные финансы, валюта кредит» в настоящей книге. В советской печати отмечают и строго осуждают лишь редкие случаи неподписания, например, «Труд», 7 июля 1930 г.

^{III} Например, в последние месяцы. См.: «Правда», 18 августа 1930 г.; «Украинский пролетарий», 27.06.30 г., 05.07.30 г. и т. д.

^{IV} См.: «Экономическое обозрение», № 8, 1929 г.

говли в обобщественном секторе равнялся в октябре 1927 года — 183, в сентябре 1928 года — 185 и в августе 1929 года — 195 (для промышленных товаров 193, для сельскохозяйственных продуктов 200). В *частной торговле* картина более тяжелая, а именно: в октябре 1927 года — 226, в сентябре 1928 года — 262 и в августе 1929 года — 344 (для промышленных товаров 287 и для сельхозпродуктов 434)...

Цены

Это означает, что рабочий, если он имеет право и может покупать необходимые продукты в государственном магазине¹, в котором только твердые цены, — должен по сравнению с довоенным временем выкладывать почти вдвое или ровно вдвое больше денег. Если же ему приходится покупать только в частной торговле, то его рубль-червонец по своей покупательной способности (еще год назад, в августе 1929 г.) равнялся лишь 35—23 копейкам, т. е. примерно от одной трети до одной четверти довоенной стоимости. «Известия» последнего года (с октября 1929 по октябрь 1930-го) не сообщают о каком-либо повышении номинальной заработной платы; напротив, то тут, то там читаешь о попытках в борьбе за снижение себестоимости в советской промышленности даже несколько снизить номинальную заработную плату. Если «финансовое положение в промышленности» уже в 1928 году было «очень напряженным», то в 1929—1930 году эта напряженность еще усилилась, и едва ли есть надежда или перспектива на возможность дальнейшего повышения номинальной заработной платы. Если оно все же произойдет, то будет иметь значение лишь *инфляционного повышения заработной платы*, которое, как мы знаем, не в состоянии угнаться за покупательной способностью денег и принесет несчастливенному рабочему лишь утешительное разочарование. Уже теперь рабочим придется считаться и бороться с прогрессирующим повышением цен в частной торговле: в августе—сентябре 1930 года объявлены цены на масло, мясо, яйца, и даже на яблоки и хлеб, которые в разных местах превышают довоенные в 8, 10 и 20 раз. Продовольственный кризис,

¹ Магазины так называемой Потребкооперации также государственные.

заставивший правительство ввести нормирование основных продуктов в городах, с тех пор значительно обострился. В июле 1930 года в Москве были среди прочего нормированы следующие продукты: мука, мясо, масло, селедка, сахар, рис, манка, подсолнечное масло, мыло и др.^I Всё — по твердым ценам. Советские газеты полны известиями о трудностях с обеспечением, тревожными статьями об изготовлении разных суррогатов, использовании отходов и т. д. Принесли свои плоды «ликвидация» продуктивного кулацкого хозяйства и «коллективизация» сельского хозяйства. Страна находится в *остром кризисе продовольствия и новой инфляции*, которые не обещают рабочему сословию ничего хорошего: нужда первых лет революции уже стучится в дверь.

Следует еще отметить, что, по очень скромным и оптимистичным расчетам коммунистических руководителей, не менее 15—16% всех своих продуктов^{II} или, по другим расчетам, до 25% потребляемых ими сельскохозяйственных продуктов^{III} рабочие приобретают в частной торговле (это публично признано и Сталиным)^{IV}. Это значит, что обобщественная торговля не справляется с задачей государственного снабжения «господствующего» класса^V. В обобщественной торговле царит или дух вялого бюрократизма, или дух спекуляции, настроенной только на прибыль^{VI}. Он почти монопольно господствует в стране; но нередко «эта монополия наносит ущерб потребителям»^{VII}. И этот ущерб приходится

^I См.: «Известия», 3 июля 1930 г.

^{II} Губерман в «Правде» от 17 мая 1930 г.

^{III} «Правда», 24 июля 1930 г., передовица.

^{IV} Большая речь вождя на заседаниях XVI съезда партии. См. «Правду» от 29 июня 1930 г.: «Рабочие вынуждены удовлетворять около 25% своих потребностей в сельскохозяйственных продуктах на частном рынке и переплачивать за них».

^V Ср. «Правду» за 1930 г.: 17.05, 19.05, 20.05, 24.07, 30.07; речь Микояна, 02.06; речь Косиора и т. д.

^{VI} Сталин: «Социалистический сектор... отравлен нэпманским духом; он избегает снабжения рабочих менее доходным, хотя и более нужным рабочим товаром». См. «Правду» от 29 июня 1930 г. Ср. «Труд», 18 ноября 1930 г.

^{VII} Сталин, там же. Госторговля составляет 99% оптовой и 89% розничной торговли (Сталин).

выносить рабочему: его реальная зарплата далеко отстает от нужного уровня. Или, другими словами, *негодные результаты и работа социалистического аппарата торговли, неудачи государственного снабжения, усиливающаяся инфляция и растущие индексы продовольствия значительно снижают реальную заработную плату рабочих по отношению к довоенному уровню.*

Это падение реальной заработной платы отмечается еще в конце 1928 года^I; с тех пор коммунисты всегда озабочены тем, чтобы доказать себе и рабочим, что реальная заработная плата все же растет и будет уверенно расти и далее. Лишь иногда читаешь кое-где в советской печати более трезвые обзоры, например: «Повышение реальной заработной платы рабочих в 1928—1929 и 1929—1930 годах *на самом деле прекратилось*, а за 1930 год произошло падение реальной заработной платы, главным образом потому, что повысились цены на сельскохозяйственные продукты в частной торговле (мясо, молоко, масло, картофель, овощи). Но потребительская кооперация снабжает этими продуктами центры проживания рабочих, особенно такие, где проживают по десять—двадцать тысяч рабочих, *чрезвычайно плохо*, и продукты совершенно *неудовлетворительного качества*». Абсолютно «ясные директивы XVI партконференции» «до сих пор нами не выполнены» и, «*по-видимому, не будут выполнены и в 1929—1930 году*»^{II}.

Статистика и действительность

Все это, однако, не мешает коммунистам утверждать в своих речах и статьях нечто совсем иное. Еще в 1928 году один из ведущих коммунистов Гинзбург подсчитал, что реальная заработная плата рабочих выросла в этом году до 127% довоенной^{III}. На заседаниях XVI съезда Коммунистической партии (июнь—июль 1930 г.) новый глава Центрального Совета профсоюзов товарищ Шверник докладывал, что реальная заработная плата за последние пять лет (1925—1930 гг.) выросла более чем на 79% и теперь равняется 139% до-

^I См. конъюнктурное обозрение Госплана на 1928 г.

^{II} «Правда», 18 июня 1930 г. Статья Холопова.

^{III} См. «Труд», 24 октября 1928 г.

военной^I. Эти же данные содержатся и в речах Калинина^{II}, и в других основных статьях^{III}.

Кстати, сами коммунисты считаются с *недостоверностью* этих подборок. Так, например, Калинин высказывается следующим образом: «Если учитывать общий дефицит предметов потребления, и особенно сельскохозяйственных продуктов, эти цифры многим могут показаться малоубедительными. В какой же мере удовлетворяются потребности рабочего класса, если не хватает сахара, пшеничной муки, жиров, масла, молока и др.? Ведь у нас нет в достатке ни единого продукта. Чем это можно объяснить?...» «Как возникает эта осязаемая разница между численным выражением размеров заработной платы и явственной картиной реального материального обеспечения? Это получается потому, что меру обеспечения рабочих мы рассчитываем *главным образом по обеспечению рабочей верхушки*»^{IV}.

Дифференциация заработной платы рабочих

Это ценное признание заслуживает внимания, так как в советской стране на самом деле существует дифференциация заработной платы рабочих. В период последовательного коммунизма, когда все должны были демонстрировать верность социальному равенству, коммунисты старались добиться полного нивелирования заработной платы для всех категорий рабочих и служащих, от ночного сторожа до директора завода. Но из этой попытки ничего не вышло; а период НЭПа принес резкую дифференциацию заработной платы рабочих. Возникла резкая разница между зарплатой квалифицированных и неквалифицированных рабочих. По данным прежнего многолетнего председателя Совета профсоюзов Томского, эта разница обострилась до 1:8 и даже до 1:10. В своем докладе Томский упомянул, что эта большая разница в зарплатах вызвала удивление у различных

^I См. «Правду» от 14.07.30 г. Единогласно принятое решение XVI съезда.

^{II} «Правда», 19 июня 1930 г. Речь на заседаниях партконференции Нижневолжской территории.

^{III} Например, «Правда», 24.07.30 г. Передовица.

^{IV} «Правда», 19 июня 1930 г. Курсив автора.

иностранных делегаций, посетивших Советскую Россию. Только в последние годы коммунисты пытались до определенной степени выровнять эту разницу, но многого не добились. Рабочие в столицах и крупных промышленных центрах получают куда большую заработную плату, чем рабочие в провинции^I. Так, например, рабочие Донецкого бассейна получали в 1928 году лишь 79,4% довоенной зарплаты^{II}; металлурги в провинции в том же году лишь 86,5% довоенной зарплаты; а металлурги Урала лишь 54,7%^{III}. Существенна, даже в Москве и т. д.^{IV}, также разница в зарплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Рабочая верхушка, таким образом, обеспечена гораздо лучше, а расчеты реальной заработной платы производятся по их ставкам.

Внимательный анализ коммунистических расчетов реальной заработной платы показывает еще и следующее. Советская статистическая контора исходит из чисто теоретического предположения, что советский рабочий обладает возможностью покупать все продукты в магазинах потребительской кооперации по твердым ценам; таким образом, за меру принципиально берется *показатель социалистической розничной торговли*. Налицо возникновение разницы. И в дальнейшем любое *улучшение на рынке труда* также приписывается реальной заработной плате. Едва начинает увеличиваться спрос и соответственно снижается безработица, как тут же говорят, что тем самым «доходы одной рабочей семьи в среднем повысились на 10—11 рублей»^V. Можно спокойно поставить под сомнение национально-экономическую правильность подобных соображений.

^I См., например, «Правду», № 263, 1927 г.

^{II} «Труд», 20 апреля 1928 г.

^{III} «Труд», 12 января 1928 г.

^{IV} В 1928 г. у промышленных рабочих на предприятиях наемного труда неквалифицированный рабочий получал лишь 59%, а в 1929 г. лишь 66% средней зарплаты квалифицированного рабочего. См. «Бюллетень статистики труда», № 4, 1930 г.

^V Доклад Леонова на II партийной конференции Московской области. «Правда», 20.06.30 г.

Экономика и социальная политика

Сюда добавляются и все *льготы*, которые «предоставляются» в социальной сфере рабочему классу как единственному и привилегированному классу. Так, например, средства, выделенные на *социальное обеспечение* (выплаты членам профсоюзов в случае безработицы, болезни, инвалидности и т. д.), делятся подушно (получается около 10 руб. в месяц) и приписываются к реальной заработной плате, невзирая на то, что работающий не получит этих «10 рублей в месяц», а безработный лишится своего основного содержания^I. То же происходит и с расходами государства на жилищное строительство, уход за больными рабочими на курортах и в санаториях, строительство общественных столовых, на «охрану материнства», на детские приюты и т. д.^{II} Если сложить эти расходы и причислить их к реальной заработной плате (разделив подушно), то получается, что последняя вырастает даже на 167% от довоенных ставок^{III} — в цифровом выражении это просто ошеломляюще...

Для правильной оценки этих статистических операций следовало бы учесть следующее. Принципиально неверно рассчитывать в цифрах и причислять к реальной заработной плате суммы, выделенные в бюджете государства на душу рабочих: ведь в этом случае рассчитанные в рублях-червонцах ставки остаются *номинальными суммами*, а их *реальное влияние на жизнь* становится совершенно проблематичным; однако и этот проблематичный жизненный эффект остается для каждого отдельного рабочего всего лишь возможностью — существуют отдельные местности, слои рабочих и отдельные рабочие, которым *кое-что* перепадает, но есть и широкие массы, которых эта социальная политика *вовсе не затрагивает*. В действительности же создаются многочисленные ведомства и канцелярии для обслуживания

^I Ср. доклад Леонова в «Правде» от 20.06.30 г.; доклад Шверника и «Решения XVI съезда партии» в «Правде» от 14.07.30 г.; также основную речь Сталина в «Правде» от 29 июня 1930 г.

^{II} См.: Сталин в «Правде» от 29 июня 1930 г.; Леонов в «Правде» от 20 июня 1930 г.; Калинин в «Правде» от 19 июня 1930 г.; Шверник в «Правде» от 14 июля 1930 г. и т. д.

^{III} Сталин, Леонов, Калинин, Шверник.

выделенных сумм, которые по-прежнему ориентированы на последовательное *обобществление* и не рассчитаны на *поощрения работников и услуги*. Так, например, с целью постепенного вытеснения и закрытия частных кухонь открывают всё новые общественные столовые; наряду с этим советские газеты полны жалоб на грязь и неустроенность в этих столовых. Пользование домами отдыха и советскими курортами все более становится монополией «рабочего класса»; однако сами эти учреждения опустились до самого низкого уровня: грязь, вонь, клопы, скудное питание, воровство, погоня за наживой и недоступно высокие цены^I... Состояние детских приютов таково, что только от ознакомления с ведомственными отчетами о положении дел в них у известного коммуниста волосы встали дыбом^{II}... И так далее в том же роде

Не существует также никакого сомнения в том, что эта столь демонстративно проводимая *социальная политика*, успехи которой ничтожны, по-прежнему предназначена для того, чтобы латать и прикрывать дыры *экономической политики* в сфере реальной заработной платы. Социальные «привилегии» экономически заносятся на счет «господствующего» класса, считаются «экономическими завоеваниями» и принимаются за таковые. После этого у коммунистических корреспондентов остается лишь одна задача — разъяснять рабочим, *почему им так плохо живется...*

«Миграция» в коллективах

Только представив себе *всю картину в целом* — и в особенности продовольственный кризис, неудачи обобществленной торговли и дифференциацию зарплаты, — можно объяснить постоянно растущую *миграцию в коллективах* на производстве и последние меры, принятые Коммунистической партией против этой «миграции». Поступив на работу, советские пролетарии не живут и не работают спокойно; идут непрекращающиеся, постоянно ширящиеся, беспокойные, вызванные недобольством скитания и поиски. Эти явления уже наблю-

^I См. «Комсомольскую правду» от 29 августа 1930 г.

^{II} Бухарин. См.: Стенографический отчет XIII съезда партии, стр. 545—546.

даются в столицах, но особенно сильны они в провинции. Так, например, число уволившихся и вновь принятых на работу в Москве в первой половине 1928—1929 года составляло около 12%, а в первой половине 1929—1930 года уже около 27%^I. В провинции этот процесс протекает еще острее: например, в Донецком бассейне в первой половине 1929—1930 года насчитывалось 195 000 вновь принятых на работу, а уволилось 167 000^{II}. «Манья ухода с работы, — пишет один коммунистический журнал, — стала теперь не только болезнью отдельных заводов или районов, а и всей промышленности и экономики...»^{III} На Урале отмечаются случаи, когда за 7 месяцев количество уволившихся рабочих достигает 80% всего их числа, за 3 месяца — 44%^{IV}. Советская печать, конечно, пытается установить причины этого явления, которое может привести лишь *ко всеобщей дисквалификации рабочего коллектива, падению производительности заводов и фабрик и качества изделий* и приходит к следующим выводам: виновники этого — «благоприятная конъюнктура на рынке труда в результате сильного снижения безработицы; разная величина зарплаты у рабочих одной и той же профессии и одинаковой квалификации на различных предприятиях; плохие жилищные условия, неудовлетворительное состояние защиты труда на отдельных заводах и фабриках, трудности со снабжением продовольствием» и т. д.^V Короче, чрезмерная индустриализация пятилетки *повышает спрос на рынке труда, однако предлагает такую реальную заработную плату, что рабочие вынуждены постоянно искать лучшие условия*. Более того: продовольственный кризис стал настолько острым, что рабочим все чаще приходится прибегать к спонтанному или полуполюгальному самоснабжению, и в Советской стране вновь появляется «мелкая спекуляция» самоснабженцев-«мешочников», так хорошо знакомых по первым годам революции^{VI}...

^I См.: «Бюллетень статистики труда», № 4, 1930 г.

^{II} См. газету «За индустриализацию», 29.07.30 г.

^{III} «За индустриализацию», 02.08.30 г.

^{IV} «Известия», 18.08.30 г.

^V «За индустриализацию», 29.07.30 г.

^{VI} См., например, «Экономическую жизнь» от 22 августа 1930 г.

Рабочие устраиваются на работу на любое предприятие и стараются приспособиться, но требования на предприятии кажутся им слишком тяжелыми, а снабжение плохим, они начинают искать условия получше и увольняются или просто исчезают. За это советские ведомства называют их «летунами» и «лодырями»^I, хотя в действительности они лишь используют *последнюю буржуазную свободу — свободу поиска работы*. Они пытаются создать замену уничтоженной коммунистами конкуренции в предоставлении работы и как бы используют государственные предприятия, как работодателей, друг против друга. И вот 3 сентября 1930 года появляется указ коммунистического ЦК, а вслед за ним в октябре ряд постановлений, направленных на уничтожение или, по меньшей мере, подавление этой последней свободы. Речь идет о том, чтобы «привязать рабочих к предприятиям»^{II}.

Поддержка безработных

Кстати, последнее постановление непосредственно связано с так называемой «ликвидацией безработицы» и было «декретировано» в то же время (октябрь 1930 г.).

Действительное число безработных в советском государстве *неизвестно*. Не знают его и «регистрационные» советские ведомства — биржи труда, профсоюзы, кассы пособий по безработице. Это незнание проистекает из нескольких причин: во-первых, далеко не вся страна охвачена регистрационными ведомствами; во-вторых, регистрируют вовсе не всякого действительно безработного и ищущего работу; в-третьих, регистрационные ведомства исходят из потребностей *государства-работодателя, а не пролетария, занятого поисками работы*; в-четвертых, эти ведомства работают параллельно и действуют всегда исходя из различных принципов и установок. В Советском Союзе существует *субъективное общественное право* на регистра-

^I См., например, «Известия» от 12 октября 1930 г.: «Довольно поддерживать летунов и лодырей».

^{II} См. газету «За индустриализацию» от 22 октября 1930 г.

цию^I, и тот, кому это право не предоставлено, *не регистрируется* в качестве безработного, хотя он *на деле* является безработным и занят поиском работы. Список регистрируемых безработных расширяется, в него вносятся новые категории в том случае, когда государство нуждается в новых рабочих; если же рабочие ему не нужны, регистрацию вновь ограничивают или прекращают^{II}. В результате в стране существует бесчисленное количество безработных, которых *не регистрируют и не подсчитывают*. Так, например, примечательно, что в 1928 году из деревни в город пришло около 3,9 млн. в поисках работы, в 1929 году таковых было около 4,2 млн.^{III}; легко представить себе, насколько велико стало число этих людей в 1930 году после большой экспроприации крестьян и разрушения сельского хозяйства^{IV}. Число принятых на работу наемных рабочих (занятых физическим трудом) в 1927—1928 году достигло 7 404 000, в 1928—1929-м — 7 758 000, а в 1929—1930-м — 8 533 000 человек^V; т. е. даже завышенная индустриализация не позволяет предприятиям принимать на работу более *полумиллиона* новых работников в год; остальная масса людей остается на рынке труда частично как сезонные рабочие, частично как постоянно ищущие работу. Но к 1 мая 1930 года регистрационные советские ведомства насчитывали лишь 639 500 безработных^{VI}, среди

^I Ср., например, указ ЦК Коммунистической партии от 20 октября 1930 г., пункт 2 о «Категориях трудящихся, которым до сей поры *полагалось право на регистрацию...*» в газете «За индустриализацию» от 22 октября 1930 г. Это право в его историческом развитии должно быть рассмотрено в специальном исследовании, от чего нам, к сожалению, приходится отказаться.

^{II} Ср., например, относительное расширение круга регистрируемых в «Правде» от 11 мая 1930 г.; «За индустриализацию» от 22 октября 1930 г. Это лишь в последние месяцы.

^{III} «Известия», 15 июня 1930 г.

^{IV} Этот приток пролетаризированного и полупролетаризированного деревенского населения был отмечен коммунистами сначала в 1926—1927 году и затем продолжился.

^V Сталин. См. «Правду» от 29 июня 1930 г.

^{VI} Это число отхватывает 26 групп профессий. См. «Статистическое обозрение», июнь 1930 г.

них 297 100, которые в первый раз выступили как безработные. Сталин в июне 1930 года привел цифру примерно в 1 млн. безработных, однако определил состояние и подсчеты в этой области как «большую неразбериху», в которой трудно разобраться...^I На основе дальнейших подлинных сведений^{II} можно вместе с профессором Прокоповичем^{III} установить, что число зарегистрированных безработных в 1927—1929 году в среднем составляло более одной пятой общего числа трудящихся рабочих; что резерв незарегистрированных безработных намного превышает число зарегистрированных; и что лишь 25—30% зарегистрированных безработных получают пособие по безработице^{IV}. И еще одно — то, что основная масса безработных относится к *неквалифицированным* рабочим, в то время как нехватка *квалифицированных* рабочих велика и спрос на них не удовлетворяется^V.

Тем неожиданней, что в октябре 1930 года появился указ партии^{VI} и предписание комиссариата труда^{VII}, которые объявляют о «полной ликвидации безработицы» и в соответствии с которыми просто прекращаются выплаты безработным и принимается большой круг мер для закрепления рабочих на их предприятиях.

Вся работа комиссариата труда и регистрационных ведомств признается «неумелой, бюрократической, неповоротливой и оппортунистической»^{VIII} и отвергается. Списки безработных были основательно проверены и было выяснено, что пособие по безработице получали бесчисленные «мнимые безработные»^{IX},

^I «Попробуйте-ка разобраться в этой неразберихе...» См.: «Правда», 29 июня 1930 г.

^{II} «Статистическое обозрение», № 6 и 12 за 1929 г.

^{III} «Бюллетень экономического кабинета», № 78, апрель 1930 г., стр. 22—26, на русском.

^{IV} В 1928—1929 году лишь 875 000 из 2 912 800. См.: «Статистическое обозрение», № 12, 1929 г., стр. 13, 16, 17.

^V Сталин. См. «Правду» от 29 июня 1930 г.; Леонов. См. «Правду» от 20 июня 1930 г. и др.

^{VI} «За индустриализацию», 22 октября 1930 г.

^{VII} «Известия», 11 октября 1930 г.

^{VIII} «Известия», 20 октября 1930 г.

^{IX} «Известия», 12 октября 1930 г.

«рвачи»^I, «летуны»^{II}, «лодыри»^{III} и «симулянты»^{IV}; таких было несколько сот тысяч^V. Таким образом, зарегистрированная безработица растаяла и исчезла как снежный ком. С октября 1930 года пособие по безработице прекратило свое существование. Ведомства по труду обязывались *назначить на работу без учета профессии* всех безработных, и прежде всего тех, кто до этого имел право на получение пособия по безработице. Безработный не имел права отказываться; он обязан был принять любую определенную ему работу; на вспомоществование он мог рассчитывать лишь при наличии болезни, определенной строжайшим исследованием^{VI}.

Речь шла теперь о том, чтобы власть распоряжалась рынком труда и «планмерно снабжала предприятия рабочей силой»^{VII}. Право на регистрацию теперь несколько расширено: но предложенная работа считается *обязательной*; безработный, отказывающийся от работы, *теряет право на регистрацию*. Каждое предприятие получает предназначенный ему рабочий коллектив; старательные и оседлые рабочие получают привилегии — им теперь обещаны все социально-политические льготы; «летунов» сразу же выселяют из их жилья. Комиссариат труда имеет теперь *право перемещать массы рабочих из одной местности и отрасли в другую*. Кроме того, назначена большая социальная и политическая чистка трудящихся рабочих масс и проводится ревизия категорий оплаты труда на различных предприятиях^{VIII}.

Эти предписания полностью соответствуют идее коммунистического планового хозяйства: руководящий

^I «Известия», 20 октября 1930 г.

^{II} «За индустриализацию», 22 октября 1930 г.; «Известия», 20 октября 1930 г.

^{III} «Известия», 12 октября 1930 г.

^{IV} «За индустриализацию», 22 октября 1930 г. Указ ЦК Коммунистической партии.

^V Там же.

^{VI} Декрет комиссариата труда, введен в действие *посредством телеграфа*. См. «Известия», 11 октября 1930 г.

^{VII} «Известия», 20 октября 1930 г.

^{VIII} Партийный указ от 20 октября 1930 г.; указ Высшего совета народного хозяйства от 18 октября 1930 г.

экономический центр может организовывать и руководить производством в стране лишь в той мере, в какой он властвует над имеющимся запасом рабочей силы.

«Плановое хозяйство немислимо без трудовой повинности», высказывается Троцкий, «фикция свободы труда» должна быть «ликвидирована» и повинность будет «подкреплена реальностью принуждения»; «труд будет милитаризован»^I. И Ленин постановил, что «тунеядцев надо тюрьмой приучать к выполнению трудовой повинности и к самому труду» и что распределение продуктов можно использовать как стимул для большей производительности труда^{II}. Коммунисты всего лишь последовательны в своем стремлении к принудительной организации рынка труда. Кстати, они и здесь, как везде, стремятся продемонстрировать на своих партийных ячейках «добровольное самозакрепление» рабочих на предприятиях^{III}. Между тем совершенно ясно, что принесет рабочим вся эта реформа.

Что же касается остальных революционных завоеваний рабочего класса, то они выглядят примерно так.

Рабочий день

С самого начала, еще в первые годы революции, советское правительство опубликовало декрет, в соответствии с которым для всех рабочих и служащих принципиально закреплялся 8-часовой рабочий день. Для несовершеннолетних (16—17 лет), а также на подземных работах и опасных для жизни производствах предписывался 6-часовой рабочий день. 8-часовой рабочий день был «введен» официально, несмотря на то что эта мера была совершенно не обоснована экономически: ибо, если взять экономическую сторону, сокращение рабочего дня обосновано лишь в том случае, когда от этого не страдает продуктивный труд всего предприятия в общем и, возможно, еще и выигрывает интенсивность труда. Но у трудовой политики коммунистов свои пути: *сначала проводят экономически необоснованные, но психологически эффективные меры*, которые, таким образом,

^I Троцкий. Терроризм и коммунизм, стр. 133 и др., на русском. См. раздел «Цели и надежды» в нашей книге.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 249, 253, 293.

^{III} Партийный указ от 20 октября 1930 г., пункт 10.

относят к «революционным завоеваниям», а затем выдумывают и изобретают новые меры для того, чтобы компенсировать и некоторым образом выровнять неэкономичность и нерентабельность первых. Так и здесь. Номинально был введен 8-часовой рабочий день, а затем разрешили сверхурочные и использовали всевозможные средства, чтобы заставить рабочих каким-то образом наверстать возникшие хозяйственные потери. Например, по сообщениям директора Государственного института защиты труда М. Каплуна, в 1926 году работали сверхурочно около 30% всех рабочих Украины, причем на каждого рабочего пришлось по 28 сверхурочных часов в месяц. В металлургической промышленности в 1928 году сверхурочно работали 17% рабочих, причем на одного рабочего приходилось 40 сверхурочных часов в месяц. По данным Центрального Совета профсоюзов Советского Союза, число сверхурочных составило 2,4% всего рабочего времени. Расследование Рабоче-крестьянской инспекции установило, что допустимая норма сверхурочных не соблюдается и что это происходит в размерах, превышающих законную норму в 5—6 раз^I. Напрасно советские ведомства утверждают, что злоупотребления сверхурочной работой отошли в прошлое и больше не происходят. Еще в апреле 1928 года Лымарев, принадлежащий к коммунистическому руководству, заявил на Пленуме Украинского комитета профсоюза шахтеров: на каждого шахтера на юге России в среднем приходится не менее 85 часов сверхурочных работ в месяц, что при примерно 25 рабочих днях в месяц составляет около 3,5 сверхурочных часа в день^{II}. Через год ведущая коммунистическая экономическая газета констатирует, что, например, на заводе Ильича (трубопрокатный завод) количество сверхурочных за первую половину 1928 года составило около 373 900 часов, а за первые шесть месяцев 1929-го — около 648 900 часов, т. е. выросло на 73,5%^{III}. Другая коммунистическая газета сообщает в 1928 году, что 100 рабочих на Сталинском металлургиче-

^I См. «Труд», 10 июня 1926 г.

^{II} См. «Труд», 14 апреля 1928 г.

^{III} «Экономическая жизнь», 21 июня 1929 г.

ском заводе в Донецком бассейне, занятых на тяжелых погрузочных работах, год за годом работают по 12 часов в день. Под конец газета жаловалась на то, что одно из «главных завоеваний Октябрьской революции» — восьмичасовой рабочий день «попирается» уже семь лет^I. Кстати, легко понять, что заставляет рабочих работать сверхурочно — *неудовлетворительная реальная зарплата*.

Не соблюдается и объявленный шестичасовой рабочий день. Так, в 1929 году мы читаем: «В шахтах не соблюдается шестичасовой рабочий день. Рабочим приходится оставаться в шахте на один-два часа больше. Причина — организационные недостатки^{II}. На заседаниях седьмой сессии железнодорожников говорилось: «Ни на одной из железнодорожных линий не соблюдаются предписания о продолжительности рабочего времени. *Железнодорожников так сильно эксплуатируют, как будто вообще не существует законодательства о труде...*» Не соблюдается и восьмичасовой рабочий день, декретированный для несовершеннолетних в сельском хозяйстве: по данным «Комсомольской правды», в сельском хозяйстве работает примерно 600 000 подростков в возрасте 14—17 лет; из них работает ежедневно по 8 часов лишь 0,8%; 1% работает по 10 часов, 17% работает по 12 часов и 36% — более 12 часов...^{III}

Семь часов работы

В этих рамках было проведено первое сокращение рабочего дня. 15 октября 1927 года, в ознаменование 10-летия Республики Советов, было торжественно провозглашено дальнейшее сокращение рабочего времени, а именно — до 7 часов в день. По этому декрету уже в 1927/28 хозяйственном году на семичасовой рабочий день было переведено 20 текстильных фабрик и 4 фабрики по производству шерсти, с общим числом работающих 115 000 человек. К 1 января 1930 года это коснулось 25%^{IV}, к концу мая — около 32% всех рабо-

^I «Комсомольская правда», 5 января 1928 г.

^{II} «Известия», 20 июня 1929 г.

^{III} Данные, к сожалению, не исчерпывающи. «Комсомольская правда», 27 мая 1929 г.

^{IV} «Правда», 01.05.30 г. Статья Карлика.

чих^I. В августе 1930 года был начат перевод на семичасовой рабочий день Юго-Западной железной дороги^{II}.

Кстати, вскоре оказалось, что эта мера приносит мало пользы рабочим и не способствует продуктивному труду. «Выяснилось, что промышленные предприятия не готовы к переходу. Предприятия, работающие весь день, не могут проветривать помещения и давать остыть станкам, как это было прежде. Вследствие этого ночной смене приходилось работать при повышенной температуре, на некоторых предприятиях доходившей до 40°. Сильно затруднена была также уборка и уход за помещениями и станками, т. к. их зачастую приходилось делать по ночам»^{III}. Наряду с этим многие рабочие-текстильщики, ввиду тяжелых жилищных условий, вынуждены жить в фабричных бараках; из-за этого ночная смена не может спать днем, поскольку в одном помещении нередко вместе живут рабочие разных смен и в бараках весь день царит неразбериха^{IV}. Эти и подобные трудности существуют на промышленных предприятиях сейчас, в 1930 году, как и прежде: «организационно-техническая подготовка» предприятий к семичасовому рабочему дню «совершенно недостаточна»; не осуществлена и соответствующая рационализация; отсутствуют квалифицированные рабочие; новых рабочих недостаточно обучают; не переподготавливается управленческий аппарат; нередко рабочие вынуждены терять по 1,5—2 часа из-за различных организационных недостатков и т. д.^V Примечательно, что еще в 1928 году советские газеты описывали, как введение семичасового рабочего дня неблагоприятно сказывается на здоровье рабочих^{VI}. Народный комиссар труда Шмидт отмечал на пленарных заседаниях центральных профсоюзов, что рабочие к введению семичасового рабочего дня «относятся пассив-

^I См. «Правду» от 24.05.30 г.

^{II} «Известия», 13.08.30 г.

^{III} Статья Рабиновича. См.: «Экономическое обозрение», № 5, 1928 г., стр. 45.

^{IV} См. статью Маркуса в «Большевике», № 8, 1928 г., стр. 48.

^V «Правда», 24 мая 1930 г.

^{VI} «Труд», 19 декабря 1928 г.

но»; а профсоюзная газета «Труд» открыто писала о *недовольстве рабочих и их пассивном противодействии*^I.

Непрерывный рабочий день

Но неэкономичность этих действительно демагогических мер необходимо было, как говорится, наверстать и выровнять иными путями. Организационная и техническая неразбериха, потерянные рабочие часы и т. д. не могут способствовать производительности предприятий; они, напротив, означают новые помехи в осуществлении «пятилетнего плана». Так возникло решение ввести на предприятиях *непрерывный рабочий день и пятичасовую рабочую неделю*. Заводы и фабрики должны были, таким образом, работать непрерывно днем и ночью, а рабочие — получать каждый шестой день выходной, так что шестая часть рабочих предприятия в каждый данный день отдыхает. «Предрассудком» признавался вред ночной работы, и была полностью отменена нерабочая ночь. Необходимо *увеличить производство без новых капиталовложений* и побудить рабочих предпринять дальнейшие значительные усилия для интенсификации труда; наряду с этим принципиально исключить религиозное соблюдение твердо установленного общего для всех воскресенья. Это мероприятие расписывается самими коммунистами как «сокрушительный удар по лености, религиозным предрассудкам и традициям воскресного пьянства и прогуливаемых понедельников»^{II}.

Уже 1 марта 1930 года 60% всего советского рабочего класса, а в тяжелой промышленности даже 71%, работали по системе непрерывного рабочего дня^{III}. Не останавливаясь на крупных организационных и технических трудностях этого перехода, мы тем не менее можем отметить, что это нововведение, во-первых, значительно ухудшило и утяжелило положение рабочих, во-вторых, рабочие на большей части доньше обследованных промышленных предприятий ответили на этот переход огромным повышением числа прогулов (до 170—200%) и, в-третьих, добиться таким путем повышения произ-

^I «Труд», 4 ноября 1928 г.

^{II} См. «Правду» от 01.05.30 г.

^{III} «Правда», 01.05.30 г.; ср. «За индустриализацию», 22.05.30 г.

водительности удастся лишь на наилучшим образом оснащенных предприятиях^I. Рабочий в общем теряет из-за этого по меньшей мере столько, сколько он мог бы приобрести вследствие сокращения рабочего дня... Следует еще добавить, что исторически русские рабочие в довоенное время имели 278 рабочих и 87 выходных дней; после ликвидации коммунистами многих религиозных праздников им полагалось 300 рабочих и 65 выходных; после последней перестройки им останется всего 61 выходной день в году.

Несчастные случаи на производстве

Вся эта картина — не что иное, как безнадежная попытка создать без достаточной *техники*, без достаточных *организационных способностей* и без *квалифицированных рабочих* великолепную промышленность с интенсивным производством. Любой знаток сразу же предположил бы, что небольшим числом несчастных случаев в промышленности в этих условиях дело не ограничится. Так оно и вышло. Статистические данные страховых касс отмечают, что в 1926 году на 1000 рабочих в среднем приходилось 69 несчастных случаев; в 1927 году эта цифра увеличилась до 175, а в 1928-м до 220,8 на тысячу рабочих^{II}. Еще больше несчастных случаев было в металлургической промышленности, их насчитывалось 323,6; а в угледобывающей промышленности даже 369 на 1000^{III}. Газета «Труд» писала в этой связи: «Ежегодно одобряются большие кредиты, но мы все еще далеки от желаемых результатов в этой области». Кстати, другая ведущая газета^{IV} просто признается, что на *заново построенных* заводах и фабриках, которые, казалось бы, должны быть оснащены всеми техническими новинками, все же очень мало делается для охраны труда рабочих. Так, например, на заводе «Коминтерн» в первом полугодии 1929 года зарегистрировано более тысячи несчастных случаев, что в десять раз превосходит их число в предыдущие полгода^V.

^I «За индустриализацию», 22.05.30 г.

^{II} «Труд», 25 августа 1929 г.

^{III} Газета «Советская Сибирь» приводит 27 августа 1930 г. совершенно невероятные данные о несчастных случаях в шахтах.

^{IV} «Вопросы труда», декабрь 1927 г., стр. 7.

^V «Труд», 20 сентября 1929 г.; ср. «Труд», 15 июня 1930 г.

«Защита труда»

«Охрана труда в социалистическом строительстве стоит на самом последнем месте», — утверждает ведущая партийная газета в 1930 году; и после этого в длинной собственной статье описывает действительно ужасающие условия работы на разных предприятиях, ибо «отпущенные денежные средства коммунистическая бюрократия использует на стороне»^I.

Наряду с этим растет и количество профессиональных заболеваний. «Техника на многих предприятиях находится в очень плохом состоянии, — читаем мы в газете «Труд». — В большинстве помещений невероятная грязь и беспорядок. Окна и фонари покрыты толстым слоем пыли и грязи и пропускают очень мало света. Во многих местах отсутствует вентиляция. Пилы, ножи, приводные ремни или вовсе не защищены, или защитные средства отложены. Особенно плохо обстоит дело с защитой труда в Сибири. Помещения совсем нельзя проветривать. Слой пыли, висящий в воздухе, настолько плотен, что рабочие на расстоянии двух шагов не различают друг друга»^{II}. Одна ведущая коммунистическая газета недавно привела диалог двух рабочих: «Стыдно, товарищи... Грязь под станком лежит, как медведь... Мы ухаживаем за станками хуже, чем ухаживают за одноглазой лошадью!» — «За чем там ухаживать, станок принадлежит государству, он не то еще выдержит...»^{III}

При обсуждении проблемы ночной работы года два назад директор Московского государственного института по охране труда товарищ Каплун утверждал, что ночная работа женщин (исключая беременных и кормящих матерей) дело вполне допустимое^{IV}. Тогдашний председатель профсоюзов Томский громко и ясно высказался на сессии по охране труда против «сентиментальности и филантропии» в законодательстве о труде и утверждал, что до сих пор еще никому не удалось убедительно до-

^I «Правда», 30 мая 1930 г.

^{II} О ядовитой пыли на заводах и фабриках см. также «Правда» от 30 мая 1930 г.

^{III} «Правда», 11 мая 1930 г.

^{IV} «Труд», 3 апреля 1928 г.

казать недопустимость ночной работы для женщин^I. На одном из заседаний одного из коммунистических руководителей Кроля спросили, почему же коммунисты не отменяют ночную работу в пекарнях, ведь в других странах они выдвигают соответствующие требования? Он ответил: «Наше требование отмены ночной работы за границей — один из наших революционных лозунгов, провозглашаемый с целью дезорганизации капиталистической экономики. Мы же работаем в интересах всех рабочих и должны учитывать реальные возможности»^{II}.

В последние годы (1929—1930) ночная работа была введена повсеместно («непрерывный рабочий день»).

Жилищный вопрос

Вопрос жилья для рабочих — это особая статья, и, к сожалению, мы здесь не можем его подробно обсудить^{III}. Надо лишь отметить следующее.

Процесс всеобщей пролетаризации в Советском Союзе ведется такими темпами, что число пролетариев, которых следует обеспечить, нарастает, как снежная лавина. Еще пару лет назад, согласно данным советского правительства, насчитывалось до 6 млн. организованных рабочих, а в 1930 году их число выросло уже до 11,5 млн. (профсоюзы)^{IV}. Эти 11,5 млн. зарегистрированных рабочих составляют в настоящее время трудовое ядро советского пролетариата, за которым стоит еще один, не поддающийся подсчетам, пролетарский «резерв» коммунистической промышленности. Невозможно описать, как этот резерв проживает, живет и выживает; в нужде и голоде, подобно беспризорным детям, он должен снабжать сам себя частнохозяйственным образом, и это в стране, где все частное хозяйство систематически удушается. Коммунистическая «жилищная проблема» также затрагивает лишь основное зарегистрированное и трудовое ядро пролетариата, его одного касается и «социалистическое жилищное строительство», осуществляемое советским правительством.

^I «Труд», 11 февраля 1928 г.

^{II} См. «Пищевик», № 1, стр. 49.

^{III} См. раздел д-ра Гефдинга в данной книге.

^{IV} См. «Правду» от 29 июня 1930 г.; по подсчетам Сталина, даже 13 129 000 рабочих.

Этому «социалистическому жилищному строительству», по докладам главных коммунистов, за последние два года выделено 1330 млн. советских рублей^I. При растущем количестве пролетариата и безнадежной бесхозяйственности в советском жилищном строительстве, вероятно, была бы необходима втрое большая сумма, и то не более чем на полгода, ибо через несколько месяцев выяснится, что *снабженческие возможности советского государства не могут угнаться за проводимой в бешеном темпе пролетаризацией страны.*

Жилищная политика и жилая площадь

Вопрос жилых квартир для рабочих в этих условиях остается неразрешимым. Но надо еще учесть, что в течение первых шести лет революции в городах вовсе не велось строительства (а по причине кризиса с топливом разбирались дома, в которых еще прекрасно можно было жить)^{II} и что в 1923—1926 годах на новое строительство было выделено всего 475 млн. рублей^{III}. Еще в 1922 году жилищный кризис был настолько велик, что ему не могло помочь и массовое заселение рабочих в конфискованные дома и квартиры выселенной буржуазии. С тех пор жилая площадь в городах уменьшается (из расчета на душу). В 1929 году она в среднем составляла 5,86 кв. м на человека (в некоторых городах намного меньше). Теперь, на 1930 год, подсчитано, что из всех социальных групп в Советском Союзе (рабочие, служащие, предприниматели и другие) *хуже всего обеспечены жилой площадью рабочие (в среднем 4,91 кв. м на человека против 6,96 в группе служащих)*^{IV}. Это среднее число означает, что многим рабочим (возможно, и большинству) приходится довольствоваться более низкой долей. Это и наблюдается в действительности. В Донецком бассейне *средняя доля* снизилась в 1929 году до 4,75 кв. м. Не редкость такие описания: «Длинный узкий барак. Койки в несколько рядов. На некоторых

^I Доклад Шверника на заседаниях XVI съезда партии. «Правда», 14 июля 1930 г.

^{II} Открыто признается в «Вопросах труда», № 5, 1930 г.

^{III} «Вопросы труда», № 5, 1930 г.

^{IV} «Вопросы труда», № 5, 1930 г.

лежит грязное белье, на других видны лишь черные от угольной пыли доски. Несмотря на сильный мороз, отсутствуют двойные оконные рамы. Койки никогда не пустуют. Они предназначаются для двух смен: по два человека на каждую койку... «Как же вы тут живете?» — в ужасе спрашивают новоприбывшие, которых направляют на такую свободную койку. «Это только сначала кажется трудно, позже привыкаешь ко всему», — отвечают старожилы^I. Эта картина, напоминающая условия ночлежки для нищих, — в стране не исключение, и показывает не самое худшее рабочее жилье. «На фабрике «Вильченск» в Бежецке в одном помещении размером в 3 кв. м живут... 18 человек...»^{II} «Главная беда в жизни рабочего — квартирный вопрос», — высказывается влиятельный коммунист Солец. «В Кольчугине в одном помещении живут до 70 рабочих, поэтому они напиваются, безобразничают и недоступны никакому культурному влиянию»^{III} и т. д. и т. п. Надо еще добавить, что попытка первых лет предоставлять рабочим жилые помещения *бесплатно* экономически уже давно провалилась и что, как подсчитал один социалистический исследователь (Югов)^{IV}, плата советского рабочего за свое жалкое жилье составляет сейчас в среднем 12% его заработной платы (у немецкого рабочего 15—16%).

Здравоохранение

Легко представить себе, как страдает в этих условиях здоровье советского рабочего^V и как сильно влияет это всеобщее нездоровье на настроение рабочих. Советское правительство кое-что предпринимает, чтобы отвести эту угрозу. Достаточно указать на то, что пользование курортами и санаториями все более становится *привилегией пролетариата*. Если, например, в 1928 году рабочие составляли около 23% курортников, то в 1930 году эта цифра увеличилась до

^I «Комсомольская правда», № 86, 14 апреля 1929 г.

^{II} «Труд», № 136, 13 июня 1928 г.

^{III} «Труд», № 178, 2 августа 1928 г.

^{IV} Югов. Народное хозяйство СССР, 1928 г.

^V В отдельных шахтах больны до 10% рабочих. См.: «Советская Сибирь», 27 августа 1930 г.

80%^I; это говорит о том, что «классовым правом пролетариата» не могут пользоваться служащие и инженеры и т. д., а «классовые чувства» комиссариата здравоохранения больше не потерпят подобного злоупотребления^{II}. То же самое справедливо и в отношении санаториев и домов отдыха^{III}. Вполне возможно, не так уж и не прав один проницательный иностранец, который говорил, что советское правительство обращается с рабочими примерно так, как рабочие со своими станками: их оставляют погибать в грязи и перенапряжении, чтобы затем подумать о едва ли возможной починке^{IV}.

Трудовая дисциплина

То, что советским рабочим живется плохо, можно определить и по трудовой дисциплине. После того как в 1922—1927 годах трудовая дисциплина была некоторым образом восстановлена, в 1928 году она вновь стала снижаться. Советские газеты опять начали жаловаться на небрежность, необоснованные прогулы, сидение в курилках и т. д. В 1928 году в промышленности Ленинграда, объединенной в тресты, потери рабочего времени за счет этого достигли 8,2%^V. В том же году во всей промышленности РСФСР зарегистрировано 18 млн. человеко-дней прогулов. На заводах Югостали в первой половине 1929 года зафиксировано примерно 100 000 нарушений трудовой дисциплины. Первый квартал 1928 года на Макеевских заводах принес 394 таких нарушения, а первый квартал 1929 года — уже 820^{VI}. Еще в 1928—1929 годах газеты (например, «Труд»), не переставая, жаловались на самовольные оставления рабочего места, симуляцию нездоровья, оскорбления в адрес надзирающих чиновников, драки, повреждения машин и т. д. Для того чтобы дисциплинировать работу, советскому правительству постоянно приходится придумывать новые ме-

^I «Правда», 10.05.30 г.

^{II} «Комсомольская правда», 4 августа 1930 г.

^{III} «Правда», 10 мая 1930 г.

^{IV} Действительное состояние советских санаториев мною уже описано.

^V «Комсомольская правда», 26 февраля 1929 г.

^{VI} «Труд», 14 апреля 1929 г.

роприятия: то они именуется «социалистическим соревнованием» отдельных предприятий друг с другом и друг против друга^I; то организацией «ударных отрядов» или «рабочих бригад», призванных контролировать отдельные заводы и фабрики и повышать их производительность^{II}; то вдруг читаешь о том, как на предприятия «налетают» детские организации («красные пионеры»)^{III}, перерывают бумаги в правлениях, «контролируют» работу, разоблачают рабочих, «стыдят» их и доносят на них; а в последнее время формируются еще и «батальоны энтузиастов социалистической пятилетки»^{IV} и т. д.

Прогулы

Эти и им подобные мероприятия определенно оказали на рабочих некоторое влияние: внешне контролируемые «необоснованные прогулы» несколько уменьшились^V. Рабочих вынуждают чаще появляться на предприятии и дольше там оставаться. Но не везде: еще в ноябре 1929 года одна из ведущих экономических газет жаловалась на непрекращающееся снижение дисциплины в Московском регионе; при уменьшении «необоснованных» прогулов все более учащаются прогулы «обоснованные»; а всеобщая измученность захватывает уже и «старшее поколение рабочих»^{VI}. Непрестанные стенания по поводу «плохой дисциплины труда» следуют и далее^{VII}; она становится все более «угрожающей», есть предприятия, на которых прогулы ежемесячно увеличиваются на 2% (июнь—август 1930 года)^{VIII}. Недавно было отмечено, что падение дисциплины распространяется и на советские железные дороги^{IX} и т. д. Совершенно ясно, как

^I Ср. «после проведенного самоконтроля соревнование отмерло». См.: «Правда», 5 июля 1930 г.

^{II} Например, «Правда», 31 мая 1930 г.

^{III} См. точное описание в «Правде» от 31 мая 1930 г.

^{IV} «Труд», 22 августа 1930 г.

^V «Бюллетень статистики труда», № 4, 1930 г.

^{VI} «Экономическая жизнь», 15 ноября 1930 г.

^{VII} «Правда», 17 мая 1930 г., статья Губермана; «Правда», 10 июля 1930 г.

^{VIII} «Известия», 10 сентября 1930 г.

^{IX} «Правда», 9 сентября 1930 г.

страдает от этого объем и качество всего производства в Советском Союзе.

Это в достаточной мере показывает настроения внутри рабочего класса Советского Союза.

Выдвиженцы

Рабочий не чувствует своей идентичности с господствующим над ним коммунистическим государством. Он и не может почувствовать этой «идентичности»: у него нет веских причин в нее поверить. Напрасны все уговоры; напрасно Коммунистическая партия старается «выдвигать всё новые тысячи рабочих»^I и бюрократизировать их; «выдвиженцев» в ведомствах принимают неприязненно, потому что они ничего не понимают, очень мало умеют, но зато обладают апломбом; у рабочих они пользуются дурной славой из-за своего прислужничества. Настрой рабочих масс советского государства остается «мелкобуржуазным» уже из-за одного того, что они очень тесно связаны с крестьянским сословием^{II}. Самими коммунистами эта «идеология» описывается следующим образом: «Дом мне — родной, завод мне — посторонний, лишь источник дохода и ничего более»^{III}; или: «Хозяин, приходя домой, сразу видит, где чего не хватает, где надо подмести, где прибраться, кого из служащих заменить. А взятый на работу наемник лишь наемником и остается; кончается его рабочее время — он и доволен, а на остальное ему наплевать. Он не чувствует никакой ответственности перед рабочим классом»^{IV}. Короче, общесобственнические социалистиче-

^I См. раздел «Коммунизм как господство чиновников» в данной книге.

^{II} Так называемые «потомственные пролетарии» составляют в различных отраслях промышленности лишь 30—70% всех рабочих. Ср. Рашин. «Состав фабрично-заводского пролетариата СССР»; «Правда», 11.05.30 г.; 13.07.30 г. и т. д. В интересной статье Карлика читаем: «Рабочий класс комплектуется из крестьянства и мелкой городской буржуазии, и эти слои привносят в него свои неизжитые предрассудки, связанные с частной собственностью; тем самым они поддерживают старое» («Правда», 01.05.30 г.).

^{III} «Правда», 11 мая 1930 г. Статья Кушнера.

^{IV} «Правда», 26 мая 1930 г. Статья Строговой.

ски-коммунистические взгляды остаются совершенно чуждыми рабочему. Хозяйству и собственности нужен владелец, единоличный хозяин; где его нет (например, в коллективной собственности), там все принадлежит *никому и всем*; и там ни хозяйство, ни работу нельзя принимать всерьез.

Воровство

Этим объясняются и многочисленные случаи воровства на предприятиях. «Рабочие обкрадывают свое собственное рабочее государство, — вздыхает одна из ведущих коммунистических газет. — В этом году (1929) на всей территории Советского Союза украдено на многие миллионы. Рабочие об этом молчат и подвергают бойкоту доносчиков, хотя воры — злейшие враги их собственного класса. Воруя всё: ключи, замки, части станков, изделия предприятия» и т. д.^I Одного рабочего поймали за кражей коммутатора; в свою защиту он заявил: «Я уже два года работаю на этом заводе, и я вправе что-то присвоить...»^{II} Борьба с этими кражами дается коммунистам «довольно трудно»: по действующим законам рабочего нельзя привлечь к суду, если стоимость ворованного не превышает 15 рублей. По этой причине рабочие позволяют себе уносить с завода такие изделия и полуфабрикаты, которые недорого стоят по заводским расценкам, но очень дорого ценятся на рынке»^{III}. Это описание дает хорошее представление о правосознании рабочих, размере заработной платы, состоянии внутреннего рынка и тех счетах, которые предъявляет коммунистам «общественное мнение» рабочих.

Разочарование

Рабочее сословие в Советском Союзе переживает по большому счету глубокое разочарование. Совершенно ясно, что оно выстрадало, что выносит сейчас и что ему *еще придется вынести*. Однако до его сознания лишь медленно доходит, чего оно лишилось. Оно видит себя в нужде и не знает, как этому помочь. Оно презирает «ударные бригады», расценивая их как школу

I «Комсомольская правда», 20 июня 1929 г.

II «Экономическая жизнь», 24 июля 1929 г.

III «Экономическая жизнь», 15 ноября 1929 г.

«лодырей»^I. Ему совершенно не симпатична «культурная работа» коммунистов^{II}. Его страдания и недовольство не находят выхода. Оно чувствует себя несчастным и — пьет. На это советская печать жалуется непрерывно. Так, например, подсчитано, что рабочие текстильной фабрики в Коврове пропили в 1928 году примерно 1,5 млн. руб. (90 руб. на душу). В Гусь-Хрустальном (Владимирская губерния) за год пропивают 20% заработной платы. «Нередко девушки не уступают в этом мужчинам», — повествует еще одна ведущая газета^{III}.

Это недовольство рабочих принимало за последние два года и другие формы. Плохо посещаются пресловутые рабочие собрания: все труднее становится собрать на них необходимый кворум. Собрания созываются два-три раза, и все же на них являются лишь 10—15% приглашенных. Отмечают случаи, когда на выборы «фабричного комитета» приходят всего 75 из 550 или только 70 из 800 рабочих^{IV}. Очень плохо посещаются и рабочие клубы. Почему? — «Там скучно, там нечего делать, все стало скучным»^V. «Притащить людей в клуб стоит больших усилий. Если у входа в клуб видны скучающие лица, слоняются люди и подавляют зевки, то можно не сомневаться, что здесь состоится политический доклад»^{VI}. Наряду с этим советские газеты, особенно за 1929—1930 годы, все чаще печатают новости о государственных займах, на которые не подписываются рабочие, о решениях не праздновать определенный революционный праздник (1 мая), о сборе денег на постройку новой церкви и т. д.

В июле 1929 года среди рабочих Глуховской мануфактуры проводился опрос о повышении качества труда.

^I «Правда», 11 мая 1930 г. Кушнер.

^{II} «Наш культурный фронт не пользуется авторитетом ни у рабочих, ни у других организаций»; «настоящего интереса к нашей культурной работе наш рабочий не проявляет». Из речи коммунистки Никитиной. См.: «Правда», 4 мая 1930 г.

^{III} «Комсомольская правда», 6 июля 1929 г.

^{IV} «Труд», 29 марта 1929 г.

^V «Комсомольская правда», 16 января 1929 г.

^{VI} Ленинградская «Красная газета», 8 октября 1928 г. Эти клубы уже отжили свое, и сами коммунистические ведомства их закрывают. См. «Труд», 21 ноября 1930 г.

Среди ответов было много примечательных. Один, например, гласил: «Прочь рабочие организации и заводские комитеты! Тот дурак, ничего не понимающий в жизни, кто выдумал *крестьянина-средняка* и кулака. Мы считаем правильным отдать фабрики назад прежним владельцам и вообще понимающим людям, чтобы рабочим не приходилось вмешиваться в производственные дела!» Другой ответ был еще выразительней: «Убирайтесь к черту! Мы хотим настоящего хозяина, Арсения Морозова! Вы нас совсем разорили! Бесхвостые скоты! Двухногие кобылы!..»¹

В феврале 1930 года одна социал-демократическая газета напечатала письмо социал-демократа из Советской России. Письмо, полное стон и проклятий, описывает положение пролетариата в коммунистическом государстве и определяет настроения коммунистов следующими словами: «Но что *им* все это? Они не подышают — они *лишь надзирают за подыхающими*... А это намного легче».

Когда в 1926 году во время относительного улучшения положения русских рабочих Россию посетил швейцарский социалист Фриц Шнайдер, несколько коммунистически настроенных рабочих задали ему вопрос: «Когда же вы устроите революцию в Швейцарии?» Он ответил: «Как только швейцарским рабочим придется так же вкалывать и жить, как вкалываете и живете вы»^{II}. Этим он хотел показать, насколько невыносима жизнь пролетариата в Советской России. Но страдания и терпение бесправного человека не имеют твердо очерченных, заранее определенных границ; а история жестока.

Таков общий обзор положения рабочих в коммунистическом государстве.

Д-р В. Г е ф д и н г

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Экспроприация

Особое место в эксперименте по экспроприации, который представлен в истории Советской России последними 12 годами, занимает глава о жилищном вопросе, и

^I «Комсомольская правда», 27 июля 1929 г.

^{II} Ф. Шнайдер. Из Ленинграда в Киев, Базель, 1926.

не только по причине тех последствий, которые с самого начала имела для населения русских городов «национализация» всего домовладения, но также из-за тех уроков, которые были преподаны другим странам в ходе осуществления этой части огромного эксперимента. Эти уроки проявились особенно сильно потому, что здесь коммунистические властители имели дело с такой областью, которая — во всяком случае, так казалось на первый взгляд — особенно «хороша» для «отчуждения». Дома существовали, уход за ними казался делом относительно нетрудным — по крайней мере, гораздо более легким, чем хозяйствование на фабрике, — а обновление и расширение домового фонда тогда еще представлялось *сигма posterior*⁸¹. Надо было лишь устранить «капиталистического эксплуататора», в данном случае домовладельца, и объявить дома собственностью государства или общины («муниципализация»).

Имелся еще особый, психологический повод для новых властителей взяться за огромный эксперимент, который осчастливит народ именно с этой стороны: для взбудораженных масс «капиталистическая эксплуатация» нигде более не проявлялась с такой отчетливостью, как в регулярно «возникающей необходимости» внесения домовладельцу платы за проживание. Эта «дань» раздражала массы с их примитивным понятием гораздо больше, чем «прибавочная стоимость», которая была заключена в цене товара и которую следовало еще обосновать теоретически.

С первых дней большевистского переворота коммунисты принялись за «решение жилищного вопроса». Это решение состояло, во-первых, в том, что домовладельцев лишали их «службы», так как у них отнимали всякое право распоряжаться своей собственностью, и, во-вторых, в том, что приступили к радикальному перераспределению имеющейся жилой площади. «Буржуазию» — понятие, оказавшееся чрезвычайно растяжимым — выбросили на улицу, и нередко ей приходилось в течение суток очищать квартиру, причем считалось само собой разумеющимся, что брать с собой не разрешалось ничего из обстановки квартиры — лишь минимум одежды. В лучшем случае право пользователя «буржуазного»

владельца ограничивалось одной-двумя комнатами в собственной квартире.

В освободившиеся таким образом квартиры или комнаты насильственно вселяли непосредственных последователей большевиков, деклассированные элементы из матросов и солдат, а также рабочих с семьями. Что касается последних, то они примечательным образом нередко сопротивлялись предоставляемым им в такой форме «льготам». Ибо в большинстве случаев ни интересам, ни желаниям соответствующей рабочей семьи не отвечал обмен скромной, но удобной одно-двухкомнатной квартиры на теоретически рассчитанную по квадратным метрам площадь, расположенную в углу роскошной виллы прежнего владельца фабрики или директора банка. Кроме того, у рабочих были еще сомнения в долговременности большевистского режима.

20 августа 1918 года советское правительство издает декрет об окончательной отмене частной собственности на землю и дома в городах. За этим декретом последовали распоряжения, которые должны были «увенчать» дело коммунистической революции на этом поприще и освобождали квартиросъемщиков национализированных домов от всякой квартирной платы (Свод законов Советского Союза, тогда РСФСР, 1920 г., № 85, ст. 422 и 1921 г., № 6, ст. 47).

Итак, тем самым *с начала 1921 года* на всей территории бывшей Российской империи *была вообще отменена квартирная плата.*

Катастрофа

Через несколько лет, в течение которых безответственные люди безобразно хозяйничали в чужих домах, а коммунистическая бюрократия демонстрировала свою неспособность, обнаружилось и опасные стороны положения, создавшегося после полной экспроприации домовладельцев и отмены квартирной платы. Осиротевшие дома требовали ухода, надо было вывозить мусор, ремонтировать разрушенный водопровод и т. д.

И к коммунистам, сделавшимся владельцами домов, пришло как бы озарение: как говорилось в одном комментарии 1924 года к закону о жилье, «в новом создавшемся положении *нет*, собственно, *никого*, *кто*

*действительно был бы заинтересован в длительном под-
держании национализированных домов»^I.*

Но коммунистического комментатора особенно удивил тот факт, что это отсутствие заинтересованности в равной мере свойственно не только экспроприированной буржуазии, но также и мнимым пользователям нового порядка — расквартированному в квартирах буржуазии пролетариату: «У гражданских слоев населения укоренилось убеждение, что каждая квартира, как только ее приведут в порядок, может быть отобрана в пользу другого лица или ведомства. Поэтому жильцы, принадлежащие к прежней буржуазии, боятся производить какие-либо ремонтные работы. С другой стороны, подобные работы не проводятся и новыми жильцами из рабочего класса или класса советских чиновников, потому что они *недостаточно уверены* в своем обладании квартирой; скорее, они запускают квартиры, крадут предметы обстановки и т. д.»^{II}

Последствия этой настроенности обитателей домов, сделавшихся «народной собственностью», как она описана в коммунистическом комментарии к жилищному законодательству, естественно, не заставили себя ждать и выразились, как это говорилось в часто встречающихся жалобах компетентных советских органов и советской печати, в *запуске домов и «истощении жилого фонда», что равнозначно «разрушению домов»*. Дальнейшим последствием такого положения стала жилищная нужда в городах, какой не знала история. Это состояние и его последствия подробно и откровенно описаны в советской печати и литературе.

Так, в начале 1928 года на сей счет были опубликованы следующие данные: «Быстро происходит совершенно ненормальный износ домов. Разрушение муниципализированного жилищного фонда (выраженное в стоимости домов), по данным Главного управления коммунального хозяйства, достигло в начале 1927 года в среднем 35%, но в отдельных городах этот процент значительно выше. Так,

^I См. работу И. Кобленца «Жилищное право» (издательство Института советского права), Москва, 1924, стр. 40, на русском. Выделено автором.

^{II} Там же, стр. 42.

например, в Ленинграде, где эта проверка проводилась с особым тщанием, износ муниципальных домов равняется 39,4%, в Костроме — 39,8%, в Новгороде — 40,3% и т. д.»¹

Так как обветшание экспроприированных домов принимало все большие размеры и нужда в жилье — о которой мы еще будем говорить — увеличивалась из года в год, коммунистическое государство было вынуждено начать двойное отступление.

«Отступление»

Во-первых, *были возвращены владельцам самые маленькие дома* (с жилой площадью менее 125 кв. м.), так как обслуживание и ремонт таких домов оказались непосильны для общины, т. е. для местных Советов (декрет от 28 декабря 1921 г.). Число этих денационализированных домов, населенных рабочими, ремесленниками и другими маленькими людьми, особенно велико было в провинции. Ведь здесь имелись города, по немецким понятиям, скорее походившие на деревни. Коммунистическое государство в любом случае, как мы еще увидим, сохраняло в своих руках *более половины* всей городской жилой площади.

Во-вторых, это отступление выразилось также в следующем: чтобы найти средства для ремонта обветшавших домов, *вновь была введена квартирная плата*.

Одновременно советскому правительству пришлось понять, что государство не всегда в состоянии заботиться о содержании национализированных домов с непосредственной помощью так называемых «отделов коммунального хозяйства» городских советов; и вскоре из жильцов каждого дома было образовано своего рода принудительное товарищество, которое сделали ответственным за подобающее управление домами и сбор квартирной платы.

Классовая квартирная плата

Вновь введенная квартирная плата была, однако, неодинаковой для всех групп населения, ибо это была

¹ См. статью Козеренко «Как бороться с грабительским хозяйствованием в жилых домах» в «Экономической жизни» (1928 г., № 6, на русском). Ср. также описания всего этого в «Вопросах труда», 1930 г., № 5.

«классовая квартирная плата», которая различалась по шкале соответственно социальному составу населения. Самая низкая ставка поддерживалась для новых привилегированных слоев населения — рабочих и членов партии. После них шли многочисленные советские чиновники и служащие и, наконец, самые высокие ставки были установлены для «парий» нынешнего общественного строя — торговцев и ремесленников, лиц так называемых свободных профессий и т. д. Внутри этих групп квартирная плата еще различалась по доходу граждан.

Особенно интересны с практической и общей точки зрения результаты введения «классовой квартирной платы», которые не преминули очень быстро проявиться. Как с удивлением отметила советская печать, вскоре выяснилось, что при этом новом порядке *сильнее всех пострадали* как раз *рабочие*, которые теоретически при нынешнем режиме должны были получить наибольшие преимущества.

Чтобы это понять, необходимо учесть, что при «классовых» расчетах квартирной платы рентабельность каждого дома, о которой теперь так или иначе должны были заботиться товарищества по аренде и домоуправления, зависела от того, в каком соотношении среди его обитателей представлены отдельные социальные группы, вносящие различную квартплату. Если жители дома составляли более или менее «равномерную смесь» малооплачиваемых пролетариев с иными, более высокооплачиваемыми элементами, рентабельность дома или, по крайней мере, оплата текущих расходов были до известной степени гарантированы. Но они исключались или, как минимум, оставались под вопросом, как только дом оказывался заселен преимущественно или полностью пролетариями с низкой квартирной платой. И так как домоуправления, даже если они состояли из одних коммунистов, теперь должны были радеть об оплате расходов и отвечали за это, *им приходилось ограждать от вселения слишком большого количества пролетариев.* Неизбежным, но для коммунистов непреднамеренным и совершенно неожиданным следствием этого стал тот факт, что в принципе предпочитаемые пролетарии *постепенно были вытеснены в плохие дома.* Но это произошло только в самые последние годы.

И случилось так, что тем органом, который в данном исключительном случае отразил мнения и чувства широких рабочих масс по отношению к коммунистическому доктринерству и выразил протест *против классовой привилегии пониженной квартплаты*, был Центральный Совет коммунистических профсоюзов. В своем заключении (в марте 1928 г.) Центральный Совет профсоюзов указал на то, что нынешняя система ведет к неравномерной рентабельности отдельных домов, в которых живут низкооплачиваемые рабочие. «Кроме того, — говорится далее в этом заключении, — нынешняя система слишком недостаточно защищает рабочих против вытеснения в худшие дома, так как домоуправления под разными предлогами стараются отделаться от этих невыгодных жильцов. Систему взимания квартирной платы следует отрегулировать таким образом, чтобы все жильцы платили одинаковую квартирную плату, которой бы хватало на покрытие текущих расходов и амортизацию домов»¹.

Таким образом, наученные уму-разуму коммунистическими экспериментами российские рабочие пришли к одобрению довольно «капиталистически» звучащих принципов и стали сами просить об отмене своего «привилегированного» положения.

Кстати, всей новой квартирной платы, «основанной на классовой принадлежности», не хватало на покрытие расходов по управлению домами и их техническому обслуживанию, и разрушение домов продолжалось и далее. «Как известно, взимаемой квартирной платы недостает для покрытия текущих расходов. По данным Главного управления коммунального хозяйства, даже после проведенного в 1926 году повышения квартплаты она составляет примерно лишь половину нужной суммы»². Автор только что процитированной статьи приходит поэтому к выводу, что нет повода полагать, что ликвидирован вопрос об «истощении» жилого фонда.

¹ «ВЦСПС (Центральный Совет профсоюзов. — В. Г.) о квартирной плате». См.: «Труд», 23 марта 1928 г., на русском.

² Козеренко. Ближайшие задачи в области жилищного вопроса. См.: «Экономическая жизнь», 18 января 1928 г., на русском.

Жилая площадь

Как же складываются под влиянием этих факторов жилищные условия в русских городах? Об этом дает интересные сведения квартирная перепись, проведенная 17 декабря 1926 года и охватившая всю территорию Советского Союза¹.

Жилищное законодательство и практика Советского Союза считают 8 кв. м жилой площади на душу населения тем «санитарным» минимумом, который должен быть гарантирован в любом случае. Цифры последней приемки квартир показывают, что эту норму в настоящем и обозримом будущем надо рассматривать как недостижимый идеал.

В целом в городах Советского Союза насчитывается 2 881 931 жилое здание общей площадью в 187 770 100 кв. м, из них заселена жилая площадь в 153 839 300 кв. м. Из общего числа городского населения в 26 310 084 человек, охваченных переписью в 1920 городах Советского Союза, 119 652 человека жили в помещениях, не предназначенных или непригодных для жилья (фабрики, склады и т. д.); 24 488 631 человек остального городского населения жили в обычных квартирах и 1 701 615 — в коммунальных.

По переписи 1926 года жилая площадь, приходящаяся в среднем на одного человека в России, равнялась 5,9 кв. м, т. е. около *трех четвертых* площади в 8 кв. м, которую советское правительство рассматривает как минимальную норму. Эта средняя величина была больше лишь в тех городах, которые в результате большевистского переворота потеряли значительную часть населения и в которых экономическая жизнь вообще замерла. К этой группе относились Санкт-Петербург — Ленинград (бывшая имперская столица!) с 8,7 кв. м, Киев (когда-то цветущий торговый центр) с 7,1 кв. м и

¹ По обобщенному отображению итогов жилищной переписи 1926 г. см. статьи А. Гибшмана «Жилой фонд и жилищные условия наших городов» в «Статистическом обозрении», Москва, июль 1928 г., стр. 76—84; а также И. Выгодского «Жилищный вопрос в зеркале жилищной переписи 1926 г.» в «Экономическом обозрении», Москва, сентябрь 1928 г., стр. 134—147 (обе на русском языке).

Одесса (прежде оживленный морской порт) с 7,4 кв. м на человека. С другой стороны, жилищная нужда была тяжелее всего в центрах управления (Москва и Харьков), которые заполонила новая советская бюрократия. Очень плохо обстояли дела и в средних промышленных городах, таких, как Иваново-Вознесенск, Сормово и др., где жилая площадь составляла примерно 4 кв. м на человека, т. е. *половину* предписанной нормы.

Для жилищной проблемы в нынешних советско-русских условиях вообще характерно, что при подсчетах недостающей жилой площади и обсуждении мероприятий, которые могут этому помочь, оперируют не числом квартир и комнат, как в других странах, а главным образом квадратными метрами. Ведь советский гражданин и в предписаниях, и в ежедневной ведомственной практике, хотя и чисто теоретически, имеет право не на квартиру или комнату, а лишь на жилую площадь, измеряемую *квадратными метрами*.

Но получить верное представление о нужде в жилье в русских городах, являющейся результатом последовательного осуществления коммунистических теорий в жилищном вопросе, можно, применив для определения этой нужды обычную мерку, применяемую и в Германии, а именно: *число семей, приходящихся на одну квартиру*.

В Германии — и не без основания — говорят о горькой нужде в жилье, причем, по данным последней приемки квартир, на 100 имеющихся квартир в Германской империи приходится в среднем 108 семей¹. Иными словами, это означает, что на 100 семей, обладающих собственной квартирой, приходится 8 семей, которые должны мириться с прибежищем в чужой квартире. Если же сравнить эти условия с российскими, то узнаешь, что в Москве на 100 квартир приходится примерно 300 семей. В Петербурге — 250, в Харькове — 200 семей и т. д. Если взять всю Россию, на 100 квартир в среднем приходится 168 семей.

Применяя, далее, к условиям Советской России другую мерку, обычную для европейских стран, т. е. *число проживающих в одной комнате*, получаем для срав-

¹ См. «Хозяйство и статистика», № 16, 1927 г.

нения следующие цифры: Англия — 0,94, Германия — 1,2, Швеция — 1,3, Чехословакия — 1,6, Советская Россия — 2,0. Если верить советско-российскому источнику, из которого заимствована последняя цифра, то лишь в одном европейском государстве, Польше, она превышена: там приходится 2,1 человека на комнату^I. Однако при отдельном рассмотрении маленьких квартир, в одну и две комнаты, коммунистическое государство с 4,1 человека на комнату в первом случае и 2,4 человека во втором опережает все «капиталистические» государства Европы, не исключая Польши^{II}.

Нынешние владельцы

Интересен, далее, вопрос, как после предпринятого советским правительством в 1921 году частичного отступления в области экспроприации городского домовладения распределяются число домов и жилая площадь по отдельным группам — государство, товарищества, частные владельцы. Это показывают следующие цифры:

Владельцы	Число зданий	%	Жилая площадь (тыс. м ²)	%
Государство	512 064	17,7	101 118,9	53,8
Товарищество	11 203	0,4	1 511,9	0,8
Частники	2 358 664	81,9	85 139,3	45,4
Всего	2 881 931	100,0	187 770,1	100,0

На первый взгляд эти цифры могут ошеломить, тем более что 81,9%, или чуть больше *четырех пятых* всех населенных зданий, находятся *в частном владении*. Но, как уже указывалось ранее, это объясняется наличием большого числа маленьких, населенных рабочими, зачастую деревянных домов в русской провинции. Однако распределение жилой площади дает в значительной мере отличающуюся от первой картину. Здесь *более половины* всей жилой площади уже в руках *государства*. А в крупных городах доля государства составляет *более трех четвертых* всей жилой площади.

^I См. статью Р. Зифмана «Жилищные условия на Западе и у нас» в «Статистическом обозрении», Москва, декабрь 1927 г., стр. 88, на русском.

^{II} Там же, стр. 90.

А вопрос с более чем двумя миллионами «частных домов» ясен уже потому, что не менее 567 448 из них «построены из иного материала, чем кирпичи и дерево», другими словами, это *жалкие глинобитные хижины*. Как говорится в уже упомянутом докладе о жилищной переписи 1926 года, «национализированы не только самые большие, но и самые лучшие дома»^I. Те дома, которые в 1921—1923 годах вернулись в руки владельцев, таким образом, — не только *самые маленькие*, но и *худшие*.

Это обозрение было бы неполным, если не упомянуть *еще одну причину нужды в жилье* в русских городах, которую следует в известном смысле отнести к функциям коммунистического государственного и хозяйственного строя. Речь идет о том, что по нормальным европейским представлениям *огромная часть* жилой площади, которой непосредственно распоряжается советское государство, занята бесчисленными огромными конторами и ведомствами и тем самым *изъята из жилого обращения*.

«В период жилищной переписи 1923 года, — читаем мы в одном ведомственном отчете, — состояние было следующим: в среднем *33,8% всей жилой площади в Советском Союзе занимали государственные ведомства*». Ведомствами в Москве изъяты из жилого обращения 17% общего количества национализированных домов и 30% жилых площадей общего использования. А в отдельных провинциальных городах процент национализированных домов, используемых ведомствами, переходил всякие границы. Так, в Воронеже эта цифра составляла 48,7%, в Орле — 52,4%, в Вятке — 56,8% и т. д.

Предпринятое советским правительством по финансовым причинам в 1923—1926 годах сокращение ведомств и их служащих^{II}, не принесло решительных изменений в пользу нуждавшегося в жилье населения. «Несмотря на то что данные жилищных переписей 1925 и 1926 годов трудно сравнивать с данными 1923 года, из

^I См. статью Козеренко «Что принесет нам сокращение управленческого аппарата?» в «Экономической жизни» от 22 января 1928 г., на русском.

^{II} См. раздел «Коммунизм как господство чиновников» в данном сборнике.

них все же явствует, что *и после сокращения 1926 года более трети национализированного жилого фонда по-прежнему занято ведомствами*¹.

Как живет рабочий

Многочисленные наглядные описания рабочих квартир, в огромных количествах публикуемые в советской печати, лучше этих сухих статистических средних цифр поведают нам о тех недостойных человека условиях, в которых доводится жить в особенности рабочим массам. Редкое исключение представляют образцовые квартиры, которые демонстрируют прежде всего иностранным делегациям.

Так, например, орган коммунистических профсоюзов «Труд» от 19 января сообщает, что в рабочем поселке на уральских фабриках в помещении площадью в две квадратных сажени (около 8 кв. м) ютится от 17 до 18 рабочих! «Эта загадка, — пишет газета, — объясняется системой трехсменной работы, т. е. одной кроватью в течение суток последовательно пользуются для сна трое рабочих». В той же газете от 20 января 1928 года находим еще одно описание. Оно касается жутких жилищных условий на крупной стекольной фабрике «Дагестанские огни», *недавно построенной самим же советским правительством* на Северном Кавказе. Особенно интересны замечания, которые коммунистическая газета делает по поводу жилищных условий на вышеупомянутой стекольной фабрике в связи с тем, что большевики в порядке извинения за такие условия особенно охотно — и прежде всего в своей иностранной печатной пропаганде — ссылаются на то, что убогие квартиры представляют «наследие» капиталистической индустрии. «В таких, приводящих в ужас, нечеловеческих условиях живут рабочие фабрики «Дагестанские огни» — фабрики, построенной якобы на основе новейших технических требований».

Неудивительно поэтому, что рабочие в известном по процессу немецких инженеров угольном разрезе в г. Шахты в Южной России с мрачным юмором висель-

¹ «Экономическая жизнь», 22 января 1928 г.

ников характеризовали предоставленные им правительством квартиры словами «могильная норма»^I.

Не менее потрясающее описание жилищных условий на текстильной фабрике, расположенной недалеко от Москвы, корреспондент московской газеты «Комсомольская правда» (от 6 марта 1929 г.) завершает меланхоличным замечанием: «С трудом верится, что такие условия возможны при пролетарской диктатуре и на расстоянии всего 30 км от Москвы... В таких условиях вынужден жить рабочий в своем собственном государстве».

В 1930 году ведущая коммунистическая газета приводит еще одну поучительную подборку^{II}. Она приводит следующую среднюю жилую площадь в квадратных метрах на человека для отдельных групп населения:

В общем по Советскому Союзу	5,86
Рабочие	4,91
Служащие	6,96
Предприниматели	5,46
Иные группы	6,86

Отсюда видно: во-первых, что со времени переписи 1926 года общая средняя норма *не выросла*, а еще немного *уменьшилась* (тогда 5,9 кв. м, сейчас 5,86 кв. м); во-вторых, что *рабочие* по количеству занимаемой жилой площади *находятся в гораздо худшем положении*, чем другие группы населения (4,91 кв. м); в-третьих, что *коммунистическая бюрократия* (группа служащих) сумела обеспечить себе *наибольшую жилую площадь* (6,96 кв. м); в-четвертых, что группе предпринимателей, к которой наиболее пренебрежительно относятся советские ведомства, удалось частнохозяйственным путем раздобыть себе *большую жилую площадь*, чем та, которой располагает «привилегированный» рабочий класс.

^I Дальнейшие описания жилищных условий российских рабочих см. у В. Гефдинга: Российский рабочий под властью коммунистов, Берлин, 1928, на немецком.

^{II} «Вопросы труда», № 5, 1930 г.

Что же предпринято коммунистическим государством за последние годы для оказания помощи в этих ужасающих обстоятельствах?

Жилищное строительство

За последние годы коммунальные ведомства, государство и национализированная промышленность истратили на новое жилищное строительство сотни миллионов рублей. Однако эти новостройки едва ли могли предотвратить дальнейшее уменьшение жилой площади на душу населения, не говоря уже о заметном улучшении жилищных условий. «Средняя норма жилой площади на душу населения, — говорится в последней редакции знаменитого «пятилетнего плана», — за последние годы постоянно снижалась, и только в 1927—1928 году удалось стабилизировать ее на низком уровне. Хотя перераспределение всей городской жилой площади в пользу широких рабочих масс увеличило площадь, приходящуюся на одного рабочего, и приблизило ее к средней для всего населения, однако случившееся затем отступление сказалось и на рабочих»¹.

В этом утверждении проявляется — с общей точки зрения — *один из важнейших уроков всего русского эксперимента с экспроприацией*, а именно, что *каждый отдельный человек как член экономического сообщества всегда больше теряет в этом эксперименте, чем получает, и это всего лишь кажется, что он выигрывает* в какой-либо отдельной его части *как непосредственный пользователь экспроприации*. Выразим это более конкретно: что выигрывает рабочий, если в результате всеобщего «революционного» перераспределения всей жилой площади его из маленькой квартиры переселяют в — бóльшую по площади — прихожую роскошной квартиры бывшего директора банка или фабриканта, и он, из-за развала экономики и прекращения жилищного строительства, вынужден довольствоваться жизнью в прихожей — этом небольшом углу — на предназначенных ему квадратных метрах?

¹ См. «Пятилетний план хозяйственного строительства СССР», Москва, 1929, т. II, ч. 2, стр. 273, на русском.

Трудности

Значительные инвестиции советского правительства в строительство новых многоквартирных жилых домов не могли сдержать ухудшения жилищных условий по следующим причинам: 1) исключительно высокая стоимость строительства; 2) недостаток строительных материалов; 3) постоянный высокий прирост населения, ни в коей мере не соответствующий темпам строительства, и, наконец, 4) часто отмечаемое в советской печати, а особенно в отчетах Рабоче-крестьянской инспекции по строительству (высшая контрольная инстанция в Советском Союзе), плохое качество используемых материалов и самих работ, в результате чего дома-новостройки для рабочих нередко уже через год оказывались непригодными для проживания. Кстати, в этом разрушении домов-новостроек не последнюю роль играла и недостаточная забота об этой «народной собственности» со стороны ее обитателей.

Величина строительных расходов характеризуется индексом стоимости строительных материалов, который ныне составляет 2,65 (довоенная стоимость принимается за 1,0). По выражению «Экономической жизни», это означает, что «вкладывая в строительство новых жилых домов 300 млн. руб., мы увеличиваем наш жилой фонд лишь на 100 млн»¹. Иными словами, чтобы определить реальную стоимость сумм, вложенных в новые дома, и сравнить их со стоимостью общего фонда строительства, надо сначала разделить соответствующие цифры на три.

Быстро разрушаются и досрочно изнашиваются и «образцовые» рабочие «квартиры»; это происходит по причинам, о которых делегат ленинградских профсоюзов Вайнберг говорил на пленуме ЦК профсоюзов: «У нас строят много двух- и трехкомнатных квартир, между тем как рабочий может жить и в одной комнате. В результате рабочие семьи нередко сдают все комнаты съемщикам, а сами ютятся на кухне или в маленьком

¹ См. статью Козеренко «Очередные задачи жилищного строительства» в «Экономической жизни» от 18 января 1928 г., на русском. Хозяйственное положение в стране с тех пор значительно ухудшилось.

чулане. Это обстоятельство, конечно, никоим образом не способствует сохранности домов. Совсем недавно построенные рабочие квартиры в Ленинграде находятся в беспризорном и разрушенном состоянии»^I.

Если новый «пятилетний план» ставит перед собой замечательную цель в области промышленного производства — за короткое время «не только догнать, но и перегнать» капиталистические страны, не исключая Америки, то в жилищной области коммунистические авторы этого плана ведут себя гораздо скромнее.

Они пишут: «за предстоящие пять лет мы не в состоянии догнать страны Западной Европы в области жилищного строительства и создать столько жилой площади, чтобы на одного человека приходилась хотя бы одна комната... Строительство в таких объемах потребовало бы таких денежных средств, которые мы себе позволить не можем; кроме того, подобная программа провалится из-за недостатка строительных материалов»^{II}. Пятилетний план предусматривает создание такого количества жилой площади, которое дает возможность увеличить существующие в 1927—1928 годах нормы жилой площади с 4,8 кв. м до 6,6 кв. м, что все еще ниже того уровня, который сами коммунисты определяют как санитарный минимум^{III}.

Резюме

Десятилетнее господство коммунистической экономики создало в области жилищного строительства такое положение, *какого доселе не знала ни одна цивилизованная страна*. Но когда уже не оставалось сомнений в крахе этой политики, коммунистическое правительство в последние годы стало обращаться к «собственной помощи» населения. Кстати, население, и особенно промышленные рабочие, больше всех страдающие от ужасных жилищных условий, вовсе не дожидалось этого обращения, а стало «решать» жилищный вопрос независимо от коммунистического государства, которое бросило его на

^I «Квартирный вопрос на пленуме ЦК профсоюзов». См. в газете «Труд» от 1 марта 1928 г., на русском.

^{II} «Пятилетний план...», т. II, ч. 3, стр. 274, на русском.

^{III} Там же, стр. 277.

произвол судьбы. Вблизи промышленных предприятий и городов люди строили небольшие домишки, чаще всего жалкие глинобитные хижины, которые тем не менее давали им скудное прибежище. Многие из этих новых *рабочих поселков*, не предусмотренных ведомственными «планами», даже своими названиями, данными самим населением, подчеркивали, что они возникли сами по себе, без дозволения, да и вообще *вопреки воле ответственных советских ведомств*^I.

В результате в 1924—1927 годах частное малое строительство возвело жилья общей площадью в 7,8 млн. кв. м, в то время как государственное строительство за тот же срок и при затрате пропорционально гораздо больших денежных средств осилило лишь 6,4 млн. кв. м.

В пятилетнем плане также говорится о том, что «участие самого населения с чрезвычайно значительными средствами остается необходимой предпосылкой для преодоления жилищного кризиса»^{II}.

Когда жилищная нужда, вызванная политикой коммунистического правительства, стала приобретать все более ужасные масштабы, ему пришлось обращаться не только к собственному населению, но и к иностранному капиталу. 28 августа 1928 года оно издало декрет, предусматривавший в виде совершенного исключения — с точки зрения действующего советского права — льготы для иностранного частного капитала, вложенного в жилищное строительство. Застройщики получили, кроме всего прочего, право свободно сдавать квартиры в построенных ими домах и требовать за них квартирную плату, которую устанавливали они сами.

С появления этого декрета прошло более двух лет, однако, если судить по советской печати, еще не нашелся ни один иностранный капиталист, который бы прельстился этими льготами и на долгий срок вложил свои деньги в жилищное строительство в Советском Союзе.

^I Так, например, профсоюзный орган «Труд» рассказывает о таком рабочем поселке, «незаконно» возникшем вблизи Екатеринбурга, который в народных устах получил название «Нахаловка», что с трудом переводится на другие языки.

^{II} «Пятилетний план...», стр. 275.

Итак, в результате полного фиаско коммунистического эксперимента в области жилищного строительства население российских городов надолго обречено по-прежнему жить в тяжелейших условиях, недостойных человека.

Под конец надо особо подчеркнуть, что эти условия не только несут с собой тяжелые материальные лишения, но и ведут к тяжелейшим и гораздо более серьезным потерям.

Скученность совершенно чужих друг другу людей, да и целых семей, в небольшом помещении приводит к постепенному изнурению здоровой семьи, духовному огрубению и снижению нравственного уровня у подрастающей российской молодежи¹.

А. М е л к и х

ИНОСТРАННЫЕ КОНЦЕССИИ

Первые попытки

Еще во время Брестской мирной конференции 1918 года коммунистическое правительство разработало и опубликовало «Тезисы о привлечении иностранного капитала в форме реальных ценностей к сотрудничеству с Россией». За ними последовала правительственная радиограмма, в которой объявлялось, что отныне иностранным капиталистам будут предоставляться концессии по их выбору^{II}. Однако важнейшим шагом в области советско-российской концессионной политики явилось опубликование Советом народных комиссаров 23 ноября 1920 года «Постановлений о хозяйственных и правовых условиях концессий». В этих постановлениях «в качестве особо острой и практической проблемы» отмечалась «необхо-

^I См. разделы «Брак и положение женщины» и «Молодежь в советском государстве» во 2-й части книги.

^{II} См.: Вл. Бутковский. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР, издание 1928 г., стр. 23—26. Взято из «Бюллетеня экономического кабинета» проф. Прокоповича, № 62, 1928 г., стр. 16.

димось привлечения технической рабочей силы и материальных средств развитых промышленных стран — и в целях восстановления значения России как одной из главных сырьевых баз мирового хозяйства, и в интересах развития собственных, ослабленных мировой войной производительных сил»^I. Все эти меры касались *исключительно иностранных капиталистов; их пытались приманить* перспективой быстрого восстановления международной экономики с помощью русского сырья и пробудить у них надежду на большие прибыли. Этого, по всей видимости, чисто практического, экономического обоснования концессий, однако, было достаточно, чтобы внести смятение в ряды Коммунистической партии. Многие ее члены — что понятно — задавали себе вопрос: стоило ли тратить столько усилий для «экспроприации экспроприаторов», чтобы теперь заключить мир с иностранными «экспроприаторами» и добиваться сотрудничества с ними? Ленину пришлось успокаивать взволновавшуюся «революционную совесть» своих товарищей. Он постарался объяснить им: «предположение, что предоставление концессий будто бы означает заключение мира с капиталистами», — грубая ошибка. «Концессии, — сказал Ленин, — это не что иное, как *новая форма борьбы, войны двух хозяйственных форм: коммунистической и капиталистической*»^{II}. «Допустимые масштабы участия и условия, при которых концессии будут для нас полезны и безвредны, зависят от соотношения сил и будут определяться в борьбе, тем более что концессии также означают форму борьбы, продолжение классовой борьбы, но ни в коем случае не мир. Борьба будет определять практическую деятельность»^{III}.

Ленин старался убедить, уговорить, разъяснить. Тогда в его намерение входило создать в России *возможность для развития «государственного капитализма», но с помощью не российских, а иностранных предпринимателей.*

Путь к этой цели он старался найти с помощью концессий. В своей брошюре «О продовольственном нало-

^I Свод законов, 1920 г., № 91, гл. 481.

^{II} Ленин. Сочинения, т. XVII, стр. 393—397.

^{III} Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 218.

ге», изданной в апреле 1921 года, незадолго до перехода к НЭПу, Ленин старался доказать, что концессии — это «договор, блок, союз Советской, т. е. пролетарской, власти, с государственным капитализмом, направленный против элемента (патриархального и буржуазного) мелкого собственничества». «Создавая в России государственный капитализм в форме концессий, — писал Ленин, — Советская власть поддерживает крупную промышленность против мелкого предпринимательства, прогресс против отсталости, современное машинное предприятие против старого ручного предприятия, обеспечивает за собой владение изделиями этой крупной промышленности и борется за государственно упорядоченные, хозяйственные отношения против мелкобуржуазной анархии»¹.

НЭП и концессии

В 1921 году во время тяжелейшей разрухи эти мысли Ленина падали на благодарную почву. Они стали столпами программы новой экономической политики (НЭПа), и комментаторы этой политики силились еще более развивать и углублять мысли Ленина и сделать их практически полезными. Так, Бухарин давал такое идеологическое обоснование концессионной политики пролетарского государства: «Крупная промышленность — основа всех экономических интересов коммунистического общества. Крупная промышленность — опора той социальной силы, благодаря которой совершилась коммунистическая революция промышленного пролетариата. Ввиду этого необходимо любой ценой содействовать ее развитию». Потому, чего бы это ни стоило, надо умножать необходимые сырьевые запасы, так как без сырья, с помощью одних только обращений к трудовому энтузиазму, нельзя двигаться вперед. Необходимые продукты нельзя получить от крупной промышленности, находящейся в руках государства, их, сколько бы они ни стоили, надо брать из других, внешних источников. Наряду с крестьянскими хозяйствами, мелкой промышленностью, арендой и внешней торговлей, к этим источникам принадлежат и *концессии*, представляющие

¹ Ленин. Сочинения, т. XVIII, ч. 1, с. 217—218.

собой аренду более высокого порядка, так как концессионер не только оставляет социалистической промышленности определенное количество реальных ценностей, но и приносит часть номинального капитала, как, например, станки. Укрепление и рост этих, непролетарских, капиталистических хозяйственных форм, обусловленное привлечением концессионера, конечно, представляет для коммунизма определенную угрозу в виде конкуренции. Однако, применив верную тактику, можно отвести эту угрозу.

В чем же заключается та тактика, которую рекомендовали коммунистические идеологи?

«На этом фронте пролетарской борьбы, — учат они, — мы имеем ситуацию, очень похожую на положение на военном фронте во время Брестских переговоров. Как когда-то нам нужна была передышка, мир любой ценой для строительства вооруженных сил Красной Армии, так и сегодня для строительства обобществленной крупной промышленности нам непременно нужно увеличивать и пополнять запасы необходимого сырья, пусть это даже произойдет за счет временного укрепления мелкобуржуазных и буржуазных форм хозяйства. И как когда-то в ходе передышки, купленной дорогой ценой, мы завершили нашу стратегическую операцию созданием нашей Красной Армии и переходом («поворотом руля») на прямо противоположный курс, так и здесь мы завершим нашу стратегическую операцию, «повернув руль» в направлении обобществленной промышленности, т. е. «начав с постепенной хозяйственной ликвидации частной крупной промышленности и проведя экономическое подчинение мелкого производителя — государственной крупной промышленности». Этим утверждением — не ясно, намеренно или произвольно — комментатор программы завершает свою аналогию. Все же в этом месте надо указать, что успех Брестских переговоров — по высказываниям того же комментатора — объясняется не только тем, что во время «передышки» удалось создать Красную Армию, но также благодаря тому, что «германский империализм» был разрушен революцией изнутри».

Декрет от 23 ноября 1920 года и его директивы

Советско-российские концессии могли приниматься иностранными капиталистами в расчет лишь как своего рода «бизнес» с возможной надежной прибылью. Декрет от 23 ноября 1920 года и изложенные в нем директивы при раздаче концессий не предоставляют возможности ни торговаться по советско-российским предложениям, ни проверить их чисто деловую объективность. Все же в этих директивах среди прочего содержались заверения советского правительства, которые не только *охраняли концессионеров от любой национализации, конфискации и реквизиции* (п. 4.) их собственности, вложенной в соответствующие предприятия, но и должны были предоставлять им кроме этого гарантии того, что договоры о концессиях *не будут односторонне изменены* никакими распоряжениями и декретами (п. 6). Казалось, что эти обещания и самоограничения советского правительства создают определенную основу для деловых переговоров. Все же «эти гарантии» правительства, по заявлениям советско-российских юристов¹, надо оценивать шире, чем *«определенный метод для привлечения иностранного капитала с целью ускоренного возрождения производительных сил страны»*, а их «реальную ценность» — лишь в той степени, «в какой они выражают готовность советского правительства нести ответственность за материальный ущерб, который может возникнуть у концессионеров в случае односторонних изменений договоров по декретам и указам». Но у капиталистического мира перед глазами стояла ужасающая катастрофа «военного коммунизма», он не придавал никакого значения «стратегическим планам» советского правительства и *менее всего верил в предстоящее изменение курса*. Он никак не возражал против деловых переговоров с правительством. Он был тем более к ним готов, что целый ряд организационных мер, введенных в некоторых народных комиссариатах и торговых представительствах

¹ См. статью А. Карася «Концессии в советском праве» в «Советском праве», № 2 (14), 1925 г., стр. 31. Кроме того, профессора В. Н. Шрёдера «Система промышленного права в СССР», стр. 80, на русском.

отдельных республик СССР, как казалось, выражают «железную волю» советского правительства поставить концессионную политику на «действительно деловую основу» и облегчить соответствующие переговоры. Так постепенно за границу побудили к участию в российских концессиях, и коммунистам не пришлось жаловаться на недостаток заинтересованных в них лиц. И уже результаты первых переговоров ни в коей мере не соответствовали провозглашенным *ugbi et orbi*⁸², казалось бы, широким возможностям. Пусть эта небольшая таблица проиллюстрирует этот факт.

	1922	1923	1924	1925	1926	1927	В с е г о
Число поступивших предложений	338	607	311	253	506	196	2211
Число заключенных договоров	15	45	25	31	28	19	163

Итак, в целом в ходе шестилетней концессионной политики заключено 163 договора, иными словами, «реализовано» лишь 7,5% тех предложений, которые иностранные капиталисты направили советскому правительству. По сообщению председателя Главного комитета по концессиям Ксандрова¹, 1 февраля 1929 года имелось всего 68 действующих договоров о концессии. Общий капитал, инвестированный всеми концессионерами в Россию, составлял на 1 октября 1928 года всего 50 095 тыс. руб., т. е. номинально около 102 млн. марок. К 1 октября 1929 года в СССР действовали лишь 59 концессий. Вложенный в них капитал составлял около 58 млн. рублей или 116 млн. марок. В течение последних лет были еще ликвидированы разные концессионные предприятия, среди них, как мы еще расскажем, самая важная «Lena Goldfields Ltd».

¹ См. «Известия», № 69 от 26 марта 1929 г.: «Активизация концессионной политики СССР. Интервью с председателем Главконцесскома В. Н. Ксандровым».

Занимательно проследить причины незначительного успеха советско-российской концессионной политики. Советские ученые видят их частично в недостаточном усердии претендентов на концессии^I, заинтересованных в легкой спекулятивной прибыли, частично в высоких процентах с капитала, обусловленных стабилизацией марки^{II} и, наконец, в недостаточной активности самих русских организационных органов, чья деятельность ограничивалась главным образом приемом и просмотром концессионных предложений.

Только настоящие причины проще. Прежде всего, истинная цель советско-российской концессионной политики состояла не столько в действительной раздаче концессий, сколько *«в завязывании политических и торговых отношений с капиталистическими странами»*^{III}. Об этом говорит прежде всего тот факт, что применительно к большинству предложенных Советским Союзом объектов концессий речь шла о «совершенно неисследованных областях». Этим объясняется и то, что до того, как претенденты на концессии вообще решались вложить свой капитал, они в большинстве случаев не могли получить даже самых необходимых сведений, которые настоятельно требовались им для расчетов. Если же дело доходило до заключения договора, то предложение соответствующего концессионера «рассматривалось» со стороны российских компетентных ведомств «почти исключительно сквозь призму интересов советско-российских государственных производственных организаций», которые *рьяно охраняли свое монопольное положение* на внутреннем рынке. Стоило иностранным

^I См. статью А. Иоффе «К вопросу иностранных концессий в СССР» в издании Берлинского торгового представительства «Народное хозяйство СССР», № 3, 1927 г., стр. 2—3, на немецком.

^{II} См. статью проф. Е. Варги «Концессионные возможности в Советском Союзе» в уже упомянутом издании Берлинского торгового представительства, № 17, 1926 г., стр. 15.

^{III} См. статью М. Джоэлсона «Пути активизации концессионной работы» в «Экономическом обозрении», № 10, 1928 г., стр. 42—43.

фирмам проявить интерес к тому или иному объекту, как нередко выяснялось, что они не могут подлежать концессионированию, так как какой-либо советский трест возражает против выдачи данной концессии. Вместо желаемого объекта иностранному предпринимателю *«регулярно предлагались объекты, требовавшие вложения колоссальных капиталов, расположенные в самых удаленных частях страны с тяжелейшими условиями работы»*. — *«Кроме того, условия, вытекавшие из планов концессии, были настолько жесткими, что нечего было и ожидать каких-либо прибылей»*.

В связи с разработкой грандиозного «пятилетнего плана» индустриализации экономики советское правительство решило в июле 1928 года принять меры по «активизации» концессионной политики¹. Импульсы в этом направлении появлялись еще ранее, но они не привели к практическим результатам. Поэтому важно исследовать, что же действительно нового принесло претендентам на концессии предложение советского правительства, усердно пропагандируемое во внутренней и внешней печати, и годится ли оно для того, чтобы как-то содействовать заключению договоров.

Согласно обширному «списку для ориентации», вместе с условиями заключения концессий, предложенному общественности в специальной брошюре по поручению правительства Главным комитетом по концессиям, следовало предоставлять концессии почти во всех отраслях советской промышленности. Несколько загадочным кажется название: *«Альтернативный список для ориентации»*. По объяснению лиц, близко стоящих к концессионному хозяйству, этим названием уточнялось, что список «есть лишь перечисление объектов концессий, согласно которому представители иностранного капитала могут принять решение относительно того или иного предприятия. Однако при осуществлении концессий список мог подвергнуться ревизии и дальнейшее привлечение иностранного капитала могло быть объяв-

¹ См. «Экономическую жизнь» № 215 от 15 сентября 1928 г.

лено нежелательным»^I. Вообще-то опубликование «альтернативного» списка для ориентации при спросе со стороны концессионеров никак не могло быть препятствием при раздаче и таких концессионных объектов, которые не были предусмотрены в списке, при условии, что со стороны концессионеров последовало соответствующее предложение и сделка была выгодной для государства^{II}. Советское правительство предполагало проявить особую предупредительность по отношению к таким предложениям концессионеров, которые представляли собой «пионерскую деятельность» в какой-то области; далее также к тем, которые касались освоения некоторых отраслей промышленности, специально предусмотренных планом индустриализации, как, например, переработка цветных металлов, станкостроение и производство токарных станков, автомобилей, искусственного шелка и т. п.

Советское правительство выработало очень широкие планы раздачи концессий по коммунальному строительству. В первую очередь предусматривалась раздача 91 концессии общей стоимостью в 412,6 млн. руб., которые к 1 января 1929 года, по предварительной смете, требовали в целом 14,150 млн. руб. капиталовложений^{III}.

Устами своих именитых представителей советское правительство сообщило, что *оно не будет ничего иметь против значительных прибылей*, при условии, если таковые не будут получены благодаря «использованию особенностей советской конъюнктуры или большого товарного голода»^{IV}. Как сообщил в этой связи, предостерегая претендентов на концессии, член правления Главного

^I См. вышеупомянутую статью М. Джоэлсона, стр. 46; далее статью «Активизация концессионной политики в СССР» в «Известиях» № 259.

^{II} «Экономическая жизнь», № 215, 1928 г.

^{III} См. «Известия» № 234 от 7 октября 1928 г.: «Активизация коммунальной политики СССР».

^{IV} См. статью Ю. Зеглина «План концессий» в «Экономическом обозрении» № 3 за март 1929 г., стр. 87, на русском.

Комитета Аралов^I, «уже известны из практики случаи валютных операций, предпринятые концессионными предприятиями и имеющие чисто уголовный характер». *Снисходительное отношение к прибылям концессионеров* также обещано советским правительством лишь при условии, что таковые будут получены от значительных вложенных капиталов и предприятий с совершенным техническим оснащением и при *необнаружении отступлений от основополагающих директив советской экономической политики*^{II}.

Но соблюдение этих директив было обеспечено рядом условий, которые чаще всего были включены в концессионные договоры и достаточно детально выработаны за несколько лет советско-российской концессионной практики. Предписание Совета народных комиссаров от 24 июля 1928 года не добавило к этим условиям, оправдавшим себя на практике, ничего существенно нового. Подробное обсуждение и точный анализ этих условий вышли бы за рамки данной статьи, и мы ограничимся тем, что приведем, по нашему мнению, их наиболее важную часть^{III}.

Обычные условия договоров о концессиях

Важно и характерно,

1. что, как правило, на концессионера *возлагается обязанность ввезти из-за границы весь капитал, предназначенный для соответствующего предприятия*. Если речь идет о наличных деньгах, то *при посредничестве советских кредитных организаций* они должны быть переведены

^I См. «Известия» № 234, от 7 октября 1928 г.: «Активизация коммунальной политики СССР».

^{II} См. статью Гр. Нестеренко «О привлечении иностранного капитала в сельское хозяйство» в «Экономической жизни» № 227 от 2 октября 1929 г.

^{III} На эти обычные условия концессионных договоров подробно указывается в статье проф. А. Вормса «Общепринятые основы иностранных промышленных концессий в СССР». См. издание Берлинского торгового представительства «Народное хозяйство Союза Советских Социалистических Республик», № 17—18, 1929 г. См. также вышеупомянутую статью Гр. Нестеренко.

и непременно обменены по официальному советскому курсу на русские рубли. Подобная операция в нынешних условиях означает для концессионера потерю большей части его состояния. О компенсации этих потерь по праву перевода чистой прибыли в иностранной валюте за границу, как правило, одобренному для концессионера, вряд ли стоит говорить, тем более что чистую прибыль ему рассчитывает и выплачивает Комиссариат финансов также по официальному курсу и оставляет концессионеру лишь определенную ее часть (15—20%) без сокращений как процент с вложенного и ввезенного из-за границы капитала»¹. Остальную часть прибыли называют «сверхприбылью» и в соответствии с конкретными условиями договора *распределяют между концессионером и советским правительством*, причем доля последнего в прогрессивном увеличении может составлять 65 и более процентов. По мнению профессора Вормса, «тем самым достигается гибкое регулирование прибыли концессионера и побуждение к дешевым ценам сбыта». Возможно, тем самым создается также стимул для затушевывания прибылей и устанавливается премия за определенный технический квинтэссенцизм... Но этот вопрос остается открытым.

Сюда добавляется еще упомянутое профессором Вормсом обстоятельство, что «ввиду точного законодательного нормирования валютного рынка в СССР» право на вывоз чистой прибыли в иностранной валюте... должно быть подробно отрегулировано в договоре о концессии».

Важно и характерно далее,

2. что концессионер, как правило, обязуется *перерабатывать российское сырье*. Использование иностранных сырьевых ресурсов в производстве допускается лишь в крайнем случае и только если данное сырье в Советском Союзе вообще отсутствует; или если внутренние российские цены по сравнению с иностранными слишком высоки; или если концессионер обязуется вместо иностранного сырья, для закупки которого ему оставляют

¹ См. уже приведенную статью проф. Вормса, стр. 74.

валюту по официальному курсу, сам добывать другое сырье, которое ввозится в Россию; или, наконец, если он обязуется экспортировать определенное количество своей продукции за границу и компенсировать таким образом валюту, которая выплачена ему для закупки сырья.

Важно и характерно еще то,

3. что концессионеру вменяется в обязанность постоянно поддерживать свое предприятие, непременно построенное на основе новейших технических достижений, на таком же техническом уровне и *работать по определенной программе производства*. Поэтому в договорах о концессиях закреплены не только «определенные производственные возможности предприятия», «что означает техническое оснащение, гарантирующее производство определенного количества продукции за одну смену», но иногда требуется и «определенная минимальная годовая продукция»¹.

Важно и характерно,

4. что концессионеру, как правило, разрешается нанимать *только русских рабочих и служащих*. Лишь в некоторых исключительных случаях за ним признается право нанять определенное число иностранных рабочих и служащих, однако это исключение действительно лишь для специалистов особо высокой квалификации. Концессионер обязуется придерживаться «законов о труде», причем, кроме того, он обязан заключить договор о заработной плате (коллективный договор) с соответствующим коммунистическим профсоюзом. Чтобы верно оценить значение этого обязательства для концессионера, необходимо ознакомиться со следующим решением VIII съезда коммунистических профсоюзов, состоявшегося в январе 1929 года: «Ввиду того, что рабочие частных и концессионированных предприятий имеют целый ряд преимуществ и привилегий, отсутствующих у рабочих государственных предприятий, а также того обстоятельства, что прибыль концессионированных предприятий носит частнокапиталистический характер,

¹ См. «Труд» № 11 от 13 января 1929 г. Также профессора Вормса в уже процитированной статье, стр. 75.

профсоюзы на концессионированных и частных предприятиях должны добиваться *более высокого уровня зарплаты*, чем на подобных предприятиях государственной промышленности».

Важно и характерно,

5. что хотя за концессионером и признается право *свободной продажи* своих изделий на внутреннем рынке, но с тем *ограничением*, чтобы при использовании этого права он не становился конкурентом государственных предприятий. Чтобы обеспечить монопольное положение последних на российском рынке, в концессионные договоры часто включается статья, которая *гарантирует советскому правительству право продажи товаров данного концессионера по заранее установленным ценам.*

Важно и характерно,

6. что концессионер, как правило, платит такие же налоги и поборы, что и государственные предприятия. При этом вот уже несколько лет, как ввиду чрезвычайно обременительного для концессионера разнообразия и непостоянства налогов постановлено, что надо заплатить «определенную общую сумму», в которую включены все налоги и которую нельзя изменить¹. Но, не считая общих налогов и сборов, концессионер обязуется еще отчислять правительству определенный процент с оборота, достигающий 4—10%, и уже ранее упомянутую долю «сверхприбыли».

Важно и характерно,

7. что *вся собственность концессионного предприятия*, за исключением оборотного капитала и прибыли, *считается собственностью государства.* В результате ее нельзя ни продать, ни переместить, ни заложить, ни каким-либо иным образом передать в чужую собственность. После истечения срока договора все предприятие в силу этого распоряжения или при «злостном» нарушении договора со стороны концессионера *безвозмездно и со всем производством переходит в собственность государства.*

¹ Проф. Вормс в уже процитированной статье, стр. 73.

Это главные условия договоров о концессиях, должны обеспечивать работу концессионера «в рамках советско-российской экономической политики»^I, которые, однако, сравнительно с оптимистичным мнением г-на проф. Вормса, вряд ли пригодны для содействия созданию «жизнеспособных и рентабельных концессионных предприятий»^{II}.

Формы концессий

Обычные для Советского Союза концессионные предприятия можно разделить по их форме на следующие группы:

а) *простая концессия* — за концессионером признается право организации, обустройства и самостоятельной эксплуатации предприятия;

б) *смешанные общества* — концессионер получает право на обустройство и эксплуатацию предприятия совместно с советскими организациями;

в) *концессии на кредит и поставку* — концессионер лишь финансирует или организует предприятие, однако эксплуатация остается в руках советских организаций;

г) так называемая «*техническая помощь*» — концессионер не только как технический советник консультирует при организации предприятия, но и обязуется передавать в его распоряжение все технические изобретения в своей области, находящиеся в его собственности или, возможно, приобретаемые им в будущем. В отдельных случаях он, кроме того, обязуется финансировать и оснащать предприятие.

Договоры о технической помощи

Эта последняя форма, конечно, не является концессией в обычном смысле слова. Однако в духе всей советской системы ее можно назвать концессией постольку, поскольку она позволяла иностранной фирме за определенную компенсацию принимать участие в строительстве коммунистического государства и возлагала на концессионера определенные обязательства. Эта

^I См. уже процитированную статью Гр. Нестеренко в № 227 «Экономической жизни» от 2 октября 1929 г.

^{II} Проф. Вормс в уже приведенной статье, стр. 76.

форма концессии получала в советско-российской практике 1929—1930 года все большее распространение. По данным руководителя Высшего совета <народного хозяйства>^I, доныне было заключено около 70 таких договоров и 30 из них с немецкими фирмами. По этим договорам было в 1929 году уплачено примерно 40 млн. руб. В том тяжелом положении, в котором ныне находится европейская промышленность, кое-кому из ее представителей было несравненно выгодней и привлекательней получить эти миллионы *через продажу СССР производственных секретов*, чем вкладывать собственные средства в советско-российские концессии. Но промышленники, думающие о будущем, уже высказывают опасения, что благодаря этой «технической помощи», особенно в области производства готовых продуктов, русский рынок будет потерян для западноевропейской промышленности и что эта потеря вряд ли будет компенсирована миллионами, полученными за оказанную помощь. С точки зрения руководителей советско-русской экономической политики, это опасение представляет дальнейшее доказательство правильности их новейших изобретений в области концессионной практики.

Результаты концессионного хозяйства

Как нами уже упоминалось, на 1 октября 1929 года в Советской России в целом имелось лишь 59 концессий с общим капиталом в 58 млн. руб^{II}. Нам неизвестно число действительно заключенных на этот момент концессионных договоров и общая сумма всех инвестированных на их основе капиталов. Чтобы установить, что число действительно существующих концессионных предприятий едва достигало одной трети (27,6%) *розданных* до этого времени концессий, нам достаточно того факта, что на конец 1927 года число заключенных договоров составляло

^I См. «Экономическую жизнь» от 29 сентября 1929 г.: «Германия и иностранная техническая помощь в СССР».

^{II} Ср. «Бюллетень экономического кабинета» проф. Прокоповича, № 77, март 1930 г.

163¹. При существующем советско-российском бюрократизме заключение договора о концессии само по себе было чрезвычайно трудным и сложным делом, оно не давало также концессионеру никаких гарантий успешного осуществления.

«Поглядим на работу сельскохозяйственных концессионных предприятий, — пишет советский ученый^{II}, — и мы увидим, что в некоторых случаях их работа сопровождалась небольшими успехами, а в других оборачивалась потерями». Из 39 сельскохозяйственных концессий, розданных к 1 июня 1922 года Главным комитетом по концессиям, значительная часть «в результате ряда обстоятельств» ликвидирована. Сегодня из них осталось всего 14, а именно — 4 чисто сельскохозяйственных концессии, 4 лесных, 1 охотничья и 5 рыболовных. «В первый период — с начала концессионного хозяйства по 1928 год, — сообщает тот же автор, — работа сельскохозяйственных концессионных предприятий была безуспешной, и лишь год назад концессионные предприятия стали оздоравливаться и находятся теперь на пути превращения в рентабельные. Но это никоим образом не решает проблему концессионной раздачи сельскохозяйственных предприятий... Мы можем восстановить наше хозяйство и без иностранного капитала. Проблематичен лишь темп развития. У нас допустимы только такие концессии, которые способны форсировать наше экономическое возрождение». «Удельный вес концессий в нашем народном хозяйстве крайне незначителен, — читаем мы в другой советской газете^{III}. — Концессионные капиталовложения достигают примерно 45 млн. руб. (т. е. около 0,5% наших капиталовложений)», а «концессионная продукция совместно с частной продукцией составила

^I См.: «Бюллетень экономического кабинета» проф. Прокоповича», № 62, октябрь 1928 г., стр. 21—22. Данные в издании В. Бутковского «Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР».

^{II} См. статью Нестеренко «О привлечении иностранного капитала в сельское хозяйство» в «Экономической жизни» от 2 октября 1929 г.

^{III} «Известия», № 289, 6 ноября 1928 г.

всего 4,3% всей продукции в 1924—1925 году, 2,5% в 1926—1927 году и лишь 2,2% в 1927—1928 году...» «По нашим планам в промышленные предприятия должно быть вложено 20 млрд. руб. Даже в том случае, если нам удастся привлечь иностранный капитал в таких размерах, в каких он участвовал в войне, его общая сумма составит не более двух процентов наших капиталовложений». Этими и подобными числами и соображениями советские вожди стараются доказать прежде всего совершенную безопасность «активизирования» собственной концессионной политики, а также оправдаться ввиду обвинений в «разбазаривании советского богатства капиталистам». «При успехе нашей концессионной политики и благодаря ей появится масса, по сравнению с нашими, образцовых предприятий того же уровня, что и современные капиталистические предприятия».

Это высказывание *Ленина* есть результат наблюдения за работой иностранных фирм в довоенной России. Вышеприведенные цифры станут, однако, для тех, кто вспоминает слова *Ленина*, свидетельством разрушенных надежд и неисполненных планов.

Причины безуспешности концессионной политики

Одной из главных причин неудач советские экономисты чаще всего называют *незначительность средств, вложенных в концессионные предприятия*. В определенной мере это соответствует истине. Предпринимательская деятельность в России даже до войны частично требовала совершенно несоразмерных капиталовложений. Таково было положение в отдельных отраслях промышленности, как, например, в горной, по причине нехватки дорог и подъездных путей, недостаточной разработке промышленных объектов и др. В этой области дела обстоят не лучше и сегодня, вернее даже, они значительно ухудшились. Это объясняется также теми высокими требованиями, которые советское правительство предъявляет концессионерам. Следует отметить, что даже наиболее крупные инвестиции выглядят незначительными по сравнению с числом концессионных объектов и предъявляемыми высокими техническими и иными требованиями. Приведем здесь пример концессионного предприятия «Лена Голдфилдс-Лтд.», которое

также пришлось ликвидировать в 1930 году из-за полной беспардонности советских ведомств. По данным председателя Главконцескома Ксандрова^I, в это предприятие было вложено 18 129 000 руб., т. е. более 36% всех вложенных всеми концессионерами капиталов (50 095 000 руб.). Этой концессией охватывалась не только вся промышленная добыча золота ленско-витимской тайги с относящимися к ней судоходством и железной дорогой, но и Сысертские медные рудники, и Ревдинские железные рудники на Урале, а кроме того, железообрабатывающая промышленность и лесное хозяйство на Алтае. И не удивительно, что и это самое богатое концессионное предприятие было вынуждено воспользоваться помощью государственных субсидий и ограничить свою добычу золота лишь самыми богатыми золотыми приисками. Ведь концессионеров вынудили сдавать добытое золото по довоенным ценам в то время, как курс червонца оказался значительно ниже тогдашнего^{II}.

Итак, то, что инвестиции концессионеров по отношению к объему концессионных объектов и поставленным перед ними задачами незначительны, неопровержимо. *Но привлечение больших средств стало бы возможным лишь в том случае, если бы это было выгоднее экономически.* Но на этот счет существуют сомнения. Правота этих сомнений подтверждается рядом примеров из области концессионной политики. Советские ученые прилагают усилия для весьма красноречивых доказательств того факта, что хотя *Гарримановское* концессионное предприятие «Чиатурский марганец» имеет такие условия труда, которые кажутся немецким промышленникам невыносимыми, «рудники Индии и Бразилии при одинаковых технических условиях производства, промывки и транспортировки руды с трудом могут конкурировать с Чиа-

^I См. «Известия» № 69 от 26 марта 1929 г.: «Активизация концессионной политики СССР».

^{II} См. «Социалистическое хозяйство», 1928 г., т. 1, стр. 44—45, статья Л. Солданова «Изменилась ли цена золота в военный и послевоенный период?».

тури»^I. В качестве залога за выполнение взятых на себя договорных обязательств и регулирование разных платежей Гарриман передал на хранение советскому правительству в первый год своей концессионной деятельности весьма значительные суммы (4 200 000 руб.) и, кроме того, вложил в свое предприятие уставный капитал в сумме 2 700 000 руб.^{II} Но уже в сентябре 1928 года Гарриман был вынужден ликвидировать свое предприятие.

Фирма *Крупп*, взявшая в 1923 году по сельскохозяйственному концессионному договору в Сальском округе на Северном Кавказе 31 912 га земли, обязалась вести зерновое хозяйство, оборудованное самой современной техникой и тракторами. Однако стоимость обработки земли тракторами достигала 30 руб. за десятину, в то время как при применении рогатого скота она составляла всего 5 руб.^{III} Конечно же, не будь концессионер связан условиями договора, он охотно прибегнул бы к этой более дешевой тягловой силе. По истечении нескольких убыточных лет, иными словами, после частичной утраты вложенного состояния, в сентябре 1928 года концессионное предприятие было превращено в «Российско-германское сельскохозяйственное товарищество» Маньч-Крупп с участием Госсельсиндиката (Государственный сельскохозяйственный синдикат). Теперь это товарищество занимается разведением овец-мериносов, а под прежним зерновым хозяйством осталось лишь 5450 га земли^{IV}.

Уже эти примеры двух финансово мощных предприятий достаточно ясно доказывают, что выгода от вложения капитала в концессионные предприятия *по меньшей мере сомнительна*; хотя бы потому, что — как мы видели — каждое концессионное предприятие по

^I См. «Народное хозяйство СССР», № 6, 1927 г., стр. 7, статья А. Сванидзе «К вопросу марганцевой концессии Чиатури».

^{II} См. издание В. Бутковского «Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР», стр. 73. «Бюллетень экономического кабинета» проф. Прокоповича, № 62, стр. 24.

^{III} См. тот же бюллетень, стр. 29.

^{IV} См. уже упомянутую статью Нестеренко в «Экономической жизни», № 227, 1928 г.

истечении договора, в большинстве случаев сроком не более 25—35 лет, должно полностью и безвозмездно передаваться советскому правительству. Чтобы покрыть расходы и вернуть вложенное состояние, концессионер должен *иметь прибыль, намного превосходящую среднюю прибыль*. Чем больше вложенный капитал, тем, естественно, выше требуемая прибыль. У всех концессионных предприятий особенно чувствуется недостаток дающего доход капитала. Именно этот недостаток и стал непосредственной причиной ликвидации известного концессионного предприятия «Мологолес», на которое возлагалось столько надежд в начале германо-советских экономических отношений. То уже упомянутое обстоятельство, что все владения концессионных предприятий, — за исключением прибыли и *дающего доход капитала*, — считаются собственностью советского правительства, осложняет не только долгосрочные (ипотеки), но даже краткосрочные кредиты, которые обычно предоставляются лишь иностранными банками. В тех случаях, когда предоставляется хотя бы возможность краткосрочных кредитов, последние обходятся крайне дорого. А кредит, предоставляемый в исключительных случаях самим советским правительством, только ускоряет безвозмездный переход предприятия в его руки.

Однако незначительные инвестиционные возможности концессионеров — лишь одно из многих препятствий на тернистых путях концессионного предпринимательства в Советской России. Главные препятствия возникают в результате почти невозможных правовых и хозяйственных отношений в стране. Об этом следующим образом высказался представитель шведского концессионного предприятия ASEG (Шведское электрическое акционерное общество): «Есть ряд вопросов, отрегулировать которые крайне важно как в интересах концессионера, так и правительства. Желательно поэтому устранение донныне существующего недостатка единообразия в этих вопросах со стороны различных правительственных органов путем создания более целесообразных взаимных отношений, чем те, которые предлагают договоры о концессиях и указы правительства об активизации концессионной

политики»^I. По мнению другого концессионера (польской фирмы «А. Новик» — фетровые изделия), особенно сложно решение проблемы труда, с одной стороны, ввиду противоречия между индивидуалистическими воззрениями иностранного предпринимателя и, с другой — коллективистскими мнениями рабочих, которыми руководят коммунистические профсоюзы.

Несмотря на заверения советского правительства в том, что «концессионные предприятия так же близки ему, как и государственные», в январе 1929 года VII съезд красных профсоюзов принял решение рассматривать концессионные предприятия как *частные предприятия* и не давать им пощады в области заработной платы, определяемой в соответствии с коллективным договором. Невозможные для иностранных концессионеров условия труда в Советской России были особенно ярко и выразительно очерчены в Лондоне на недавно проведенном обсуждении и ликвидации состояния по делу «Лена Голдфилдс Лтд.». Ибо советское правительство отказалось послать на это ликвидационное мероприятие своего представителя и объяснила свой отказ тем, что согласно договору концессионер не имеет права прекращать работу и тем самым фактически разрывать договор до приговора арбитра^{II}. При этом оно само лишило концессионера возможности продолжать работу, арестовав ряд ведущих служащих концессионного предприятия по обвинению в «экономическом шпионаже» и участии в «подрывной организации»^{III}. Когда же в августе 1930 года арбитраж в Лондоне вынес приговор не в пользу Советского правительства, коммунистические газеты объявили весь процесс «судебной комедией», а истца — общество «Лена Голдфилдс», «состоящим из капиталистических пиратов»^{IV}.

^I См. «Известия» № 234, 1928 г.

^{II} См. статью А. Гуревича «Полное банкротство концессии Лена Голдфилдс» в «Известиях», № 151 от 31 июля 1930 г.

^{III} См. «Известия» № 124, 07.05.30 г., № 125, 08.05.30 г., № 126, 09.05.30 г. и № 127, 10.05.30 г.: «Исполнители Лена Голдфилдс».

^{IV} См. «Правда» и «Известия» конца августа 1930 г.

Таковы заметные уже на первый взгляд препятствия на пути концессионного предпринимательства в Советском Союзе, и их устранение, пожалуй, не во власти советского правительства. Да у него вряд ли есть и желание это сделать. Ведь ликвидация этих препятствий была бы для правительства подобной отказу от собственного Я, подобной окончательному отказу от долго лелеемой надежды в один прекрасный день действительно построить последовательный коммунизм во всей экономике.

КОММЕНТАРИИ

В настоящий том входят две части из трех (третья часть и многочисленные отзывы на книгу будут помещены в следующем томе) капитального труда «Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве», изданного в 1931 г. на немецком языке в Берлине и Стеглице и с тех пор не переиздававшегося («Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate». — Eckart—Verlag, Berlin—Steglitz, 1931). В предисловии подчеркивалось, что этот труд, «написанный по аутентичным источникам, подготовлен и издан под редакцией профессора университета доктора Ивана Ильина, прежде работавшего в Москве». И хотя соавторами Ильина являлись еще 11 человек — проф. Н. фон Арсеньев, д-р Л. Аксенов, А. фон Бунге, А. Демидов, д-р В. Гефдинг, М. Критский, проф. Н. Кульман, д-р А. Мелких, Б. Никольский, С. фон Ольденбург и проф. Н. Тимашев, — основная заслуга в его организации и издании всецело принадлежала Ивану Александровичу Ильину. Из 30 разделов-исследований книги 6 принадлежат самому Ильину; им же написаны введение и заключение, что в совокупности составляет почти третью часть всего текста. Да и в кратком напутствии барона В. фон Врангеля, предпосланном этой книге, выделяется главная роль Ильина в ее создании. Кроме того, во всех многочисленных отзывах речь идет фактически о *книге проф. Ивана Ильина*.

Эти обстоятельства заставили нас в рамках издательского проекта Собрания сочинений И. А. Ильина не ограничиваться публикацией написанных только им разделов, а издать целиком весь труд. Тем более что опыт создания подобного коллективного труда — не единственный у русского философа. С 1928 по 1930 г. он был редактором-издателем «журнала волевой идеи» «Русский Колокол» и выпустил 9 номеров. К слову, некоторые авторы «Мира перед пропастью» — С. Ольденбург, А. Бунге, В. Гефдинг, Б. Никольский, Н. Арсеньев, А. Мелких — сотрудничали в «Русском Колоколе». Позже, в 1941 г., в Женеве в издании «Русского трудового христианского движения» вышел в свет сборник статей «Вера, родина, семья», в котором из 22 работ 12 принадлежат Ильину (указанный сборник будет опубликован в следующем томе).

«Мир перед пропастью» — фундаментальное научное, экономико-социологическое и, как говорят сейчас, политологическое исследование того явления, которое принято называть социализмом и коммунизмом, причем не в теоретическом плане, а в его практическом воплощении в конкретной стране — России — с 1917 по 1930 г. «Цель этой книги, — пишет Ильин во «Вступлении», — состоит в том, чтобы открыть читателю область нового вещественного опыта и побудить его к самостоятельным наблюдениям или исследованиям в этой области». И далее: «Этот сборник построен целиком на описании событий. Сведения в нем почерпнуты из двух источников: из подлинных высказываний основателей нынешней России и из непосредственного опыта авторов».

Авторы статей — видные русские ученые, публицисты и общественные деятели. Тот скрупулезный анализ и выводы, которые они приводят, поражают своей глубиной и фундаментальностью. Многое со временем уходит из нашей памяти и забывается, о многом мы просто не знали и не могли знать. Данная книга раскрывает нам то, что было на самом деле, она объективно оценивает чудовищные «задумки» большевиков и их последствия. Мы сейчас хорошо знаем финал этого коммунистического эксперимента, но забываем о том, что многое из его идеологии, методологии и практики очень глубоко и прочно засело в наших душах и руководит нами в настоящее время. Отметим здесь лишь одну, но важнейшую проблему легитимности власти и связанную с ней проблему государственного устройства России.

Хорошо известно, что власть большевиков в России была незаконной и явилась результатом Октябрьского переворота 1917 года. Но мало кто думает о том, что за прошедшие с тех пор годы не образовано механизма и не решена проблема «легитимизации власти», создания «настоящей сильной (эффективной) власти», которая могла бы вести страну и ее народ вперед без потрясений и бедствий, сохраняя свое достоинство в служении гражданам и пользуясь их настоящим, а не поддельным, доверием — свободной лояльностью.

Оказывается (и мы видим это в книге), начиная с 1917 г. представление о власти и государственном устройстве было совершенно другим. На начальном этапе все главные и фундаментальные вопросы в стране решали 5 (!) человек — Политбюро ВКП(б), включая Ленина, Троцкого, Зиновьева,

Каменева и Сталина. Естественно, с течением времени и вследствие внутрипартийной борьбы состав Политбюро менялся, но не менялась суть этого олигархического правления, когда небольшое число людей (не лучших, а худших — по Аристотелю) правит сотнями миллионов граждан, не имеющих никакой возможности что-либо изменить, невзирая на явные промахи и химерические успехи своих правителей. И хотя судьбы правителей и их «успехи» весьма красноречивы, суть представлений о власти и государственном устройстве не изменилась до сих пор. Несмотря на внешние демократические институты, выборы, свободу слова и информации, коренные вопросы государственного бытия решает все то же небольшое количество (5—6 человек) политиков. Гибельность такой практики очевидна и подтверждена историей, что находится в полном соответствии с евангельской мудростью: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф. 15, 13).

Именно гибельность и неорганичность коммунистической власти ярко высвечены в книге «Мир перед пропастью». Она выносит приговор российскому и мировому коммунизму, предостерегает современное и будущие поколения народов разных стран о том, что противобожные идеи губительны и ведут к пропасти — «одной или другой дорогой»...

Перевод с немецкого выполнен О. В. Колтыпиной с издания в переплете (книга была выпущена параллельно в мягкой обложке). Цитаты из советских источников, за малым исключением, даны в обратном переводе с немецкого. Подстрочные ссылки авторов книги обозначены в тексте римскими цифрами, ссылки комментариев составителя — арабскими. Текст книги (отсутствующий в наших национальных библиотеках) был любезно предоставлен Даниилом Цыганковым (Санкт-Петербург), которому мы выражаем нашу благодарность.

¹ *Врангель В. фон* — не установлен. Из статьи барона Вильгельма фон Врангеля «Jahre Wrangelscher Familiengeschichte» (напечатана в издании «Akta Wrangeliana», № 1 за 1928 г.), где дается список адресов живших тогда представителей этого знаменитого рода, явствует, что «Напутствие» мог написать он сам. Тогда он являлся вице-президентом «Немецкой администрации в Эстонии по вопросам культуры».

На немецком его имя пишется Baron Wilhelm von Wrangel. Однако автор «Напутствия» подписался Freiherr W. von Wrangel. Известно, что Freiherr переводится с немецкого тоже как «барон» (*букв.* свободный господин; baron — от древнегерманского bago — свободный), правда, в Германии эти титулы различались.

В приведенном списке есть еще два возможных кандидата: Freiherr Wolf von Wrangel — доктор права, профессор и Freiherr Wilhelm von Wrangel — обер-лейтенант, проживавший в Берлине.

² *ceteris paribus* (*лат.*) — при прочих равных условиях.

³ *Локарнский мир* — договоры, заключенные Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией на Локарнской конференции в 1925 г. о неприкосновенности германско-французской и германско-бельгийской границ и сохранении демилитаризации Рейнской зоны. В 1936 г. нацистская Германия, сумевшая извлечь все выгоды из Локарнских договоров, расторгла их и ремилитаризовала Рейнскую зону.

⁴ *Монотеизм* (от *греч.* monos — один и idea — понятие, представление) — исключительная приверженность одной-единственной идее.

⁵ *Аутизм* (от *греч.* αὐτός — сам) — крайняя форма психологического отчуждения, выражающаяся в уходе индивида от контактов с окружающей действительностью и погружении в мир собственных переживаний.

⁶ Имеется в виду мораль дикарей.

⁷ Речь об освободительной войне племен горной области Риф в Испанском Марокко против испанских колонизаторов, которая продолжалась с 1921 по 1926 г. Армией рифов руководил вождь одного из племен Абд аль Керим.

⁸ Американцы итальянского происхождения Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти — активисты рабочего движения в США. В 1920 г. были арестованы по ложному доносу, в убийстве. После долгого разбирательства в 1927 г. суд приговорил обоих к смертной казни. В связи с этим развернулась беспрецедентная международная кампания в их защиту. Несмотря на это в том же году приговор был приведен в исполнение.

⁹ *Ларин* Юрий (Лурье Михаил Зальманович) (1882—1932) — известный деятель российской социал-демократии, до 1917 г. меньшевик, был членом исполкома Петросовета. В советское время член ВЦИК, сотрудник ВСНХ.

¹⁰ *divide et impera* (*лат.*) — разделяй и властвуй.

¹¹ *locus minoris resistentiae* (лат.) — место наименьшего сопротивления.

¹² *combattant* (фр.) — воин, боец.

¹³ *Бунге* Андрей Иванович (?—1943) — русский эмигрант, сотрудник белградской газеты «Новое время», автор парижской газеты «Возрождение», после разрыва с ней автор издававшегося И. А. Ильиным в Берлине журнала «Русский Колокол».

¹⁴ Высказывание Людовика XV.

¹⁵ *Каменев* (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — известный большевик-революционер. С 1922 г. заместитель Председателя Совнаркома. Репрессирован, судим и приговорен к расстрелу.

¹⁶ *Залкинд* Александр Вениаминович (1866—1931) — врач-терапевт, активный деятель еврейского общественного движения.

¹⁷ *Таратута* Виктор Константинович (1881—1926) — деятель российского революционного движения, участник вооруженного восстания в Москве 1905 г., секретарь Московского комитета РСДРП. С 1919 г. на хозяйственной работе.

¹⁸ *Лежава* Андрей Матвеевич (1870—1937) — советский государственный и партийный деятель, член РСДРП с 1904 г. В 1919—1920 гг. председатель Центросоюза, в 1921—1922 гг. заместитель наркома внешней торговли, в 1922—1924 гг. нарком внутренней торговли. В 1924—1930 гг. заместитель председателя СНК РСФСР, одновременно председатель Госплана РСФСР.

¹⁹ *Красин* Леонид Борисович (1870—1926) — старейший деятель российского социал-демократического движения (с 1890 г.). В 1905—1907 гг. руководитель боевой группы при ЦК партии. В советское время нарком торговли и промышленности РСФСР, член Президиума ВСНХ. Полпред и торгпред сначала в Англии, потом во Франции, затем снова в Англии.

²⁰ *Томский* (Ефремов) Михаил Павлович (1880—1936) — видный большевик, член партии с 1904 г., в советское время председатель ВЦСПС, покончил собой в начальный период репрессий.

²¹ *Тимашев* Николай Сергеевич (1886—1970) — социолог, правовед и историк общественной мысли. В 1921 г. бежал от преследования в Финляндию, затем жил в Германии. В 1923 г. приглашен профессором в Пражский университет, позже стал сотрудником Института русской экономики, которым руководил С. Прокопович. С 1932 г. в США.

²² *Троцкий* (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940) — профессиональный революционер, теоретик левого течения в марксизме — троцкизма, один из организаторов Октябрьского переворота в Петрограде в 1917 г., создатель и председатель Реввоенсовета Красной Армии, народный комиссар по военным и морским делам. В 1927 г. выслан Сталиным в Алма-Ату, а в 1929 г. в Турцию. Убит в Мексике на своей вилле по заданию Сталина испанским интернационалистом Меркадором.

²³ *Крестинский* Николай Николаевич (1883—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1903 г., один из руководителей борьбы за Советскую власть на Урале. С 1918 г. нарком финансов РСФСР, с 1921 г. полпред в Германии, с 1930 г. заместитель наркома иностранных дел СССР. Член ЦК партии в 1917—1921 гг.; в 1919—1921 гг. член Политбюро и секретарь ЦК. В 1918 г. примыкал к «левым коммунистам», в 1920 г. к троцкистам, в 1927—1928 гг. к «новой оппозиции». Репрессирован.

²⁴ *Зиновьев* (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. С 1917 г. председатель Петроградского Совета. В 1919—1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна, в 1921—1926 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). Был репрессирован, судим и приговорен к расстрелу.

²⁵ *Рыков* Алексей Иванович (1881—1938) — советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1898 г., участник революции 1905—1907 гг., член Политбюро в 1919—1930 гг., с 1921 г. зампред Совнаркома, с 1924 по 1930 г. председатель Совнаркома. До 1928 г. выступал в блоке со Сталиным. После принятия Сталиным программы левой оппозиции оказывается «правым». Раскаивается в 1929 г. На следующий год его снимают с поста председателя СНК. В 1938 г. был репрессирован и по приговору суда расстрелян.

²⁶ *Калинин* Михаил Иванович (1875—1946) — советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1898 г., член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», агент «Искры», участник революции 1905—1907 гг., член ЦК партии. С 1919 г. Председатель ВЦИК, с 1938 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

²⁷ *Малотов* (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1906 г. В 1920 г. секретарь ЦК компартии Украины, в 1921—

1930 г. секретарь ЦК ВКП(б). С 1930 по 1941 г. председатель Совнаркома СССР. В 1939—1949 и 1953—1956 гг. нарком и министр иностранных дел.

²⁸ Имеется в виду ленинское «Письмо к съезду», адресованное XII съезду РКП(б). Но обнародовано оно было лишь на XIII съезде в мае 1924 г. См.: Ленин В. И. ПСС. — Т. 45. — С. 346.

²⁹ *Рудзутак* Ян Эрнестович (1887—1938) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1905 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Риге и Октябрьской революции в Москве. С 1920 г. председатель ЦК профсоюза железнодорожных рабочих, в 1920—1921 гг. генеральный секретарь ВЦСПС. В 1924—1930 гг. нарком путей сообщения. Репрессирован и расстрелян.

³⁰ *Мануильский* Дмитрий Захарович (1883—1959) — партийный деятель. Член партии большевиков с 1903 г. В советское время в 1928—1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна.

³¹ *Шверник* Николай Михайлович (1888—1970) — советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1905 г., участник революции 1905—1907 гг. С 1923 г. нарком Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. В 1925—1927 гг. секретарь Ленинградского обкома и ЦК ВКП(б). В 1927—1928 гг. секретарь Уральского обкома ВКП(б). В 1929 г. председатель ЦК профсоюза металлистов. В 1930—1944 гг. первый секретарь ВЦСПС.

³² *Куйбышев* Валериан Владимирович (1888—1935) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1904 г. Участник революции 1905—1907 гг., устанавливал советскую власть в Самаре, в гражданскую войну один из политических руководителей Красной Армии. С 1922 г. секретарь ЦК партии, с 1923 г. председатель ЦКК, с 1926 г. председатель ВСНХ, с 1930 г. председатель Госплана, член Политбюро, ВЦИК, ЦИК СССР.

³³ *Ворошилов* Климент Ефремович (1881—1969) — советский государственный, партийный и военный деятель. С 1925 г. нарком по военным и морским делам, председатель РВС СССР, с 1934 по 1940 г. нарком обороны СССР.

³⁴ *Дзержинский* Феликс Эдмундович (1877—1926) — профессиональный революционер-большевик. Член партии с 1895 г. Один из руководителей революции 1905—1907 гг. в Варшаве. В Октябрьскую революцию член партийного Военно-революционного центра и Петроградского Военно-революционного

комитета. С 1917 г. председатель ВЧК и нарком внутренних дел. Член ЦК с 1917 г., с 1924 г. кандидат в члены Политбюро ЦК. Член ВЦИК и ЦИК.

³⁵ *фиоритура (ит.)* — в музыке сопровождение и украшение основной мелодии дополнительными звуками типа трелей.

³⁶ *Уланов* Николай Александрович (1886—1940) — советский партийный и государственный деятель. В партии с 1907 г. В 1924—1929 гг. — секретарь ЦК, одновременно в 1924—1928 гг. первый секретарь МК и МГК партии. В 1928—1930 гг. нарком труда. Член ЦК в 1923—1930 гг. В конце 30-х был арестован, погиб в заключении.

³⁷ *Ольденбург* Сергей Сергеевич (1888—1940) — русский эмигрант, журналист, историк, сотрудник пражского журнала «Русская мысль», автор парижской газеты «Возрождение». Сын известного русского востоковеда академика С. Ф. Ольденбурга. Написал двухтомную монографию «Царствование императора Николая II».

³⁸ *partibus infidelium (лат.)* — в краях неверных.

³⁹ Имеется в виду Амстердамский интернационал профсоюзов — международное объединение так называемых реформистских профсоюзных организаций, образованное в 1919 г., стоявшее на антикоммунистических позициях и отвергавшее все попытки Профинтерна договориться о единстве действий рабочего движения на условиях коммунистов.

⁴⁰ *ВОКС* — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Общественная организация, созданная в 1925 г. в целях ознакомления общественности СССР с достижениями науки и культуры зарубежных стран и популяризации культуры народов Советского Союза за границей. В 1958 г. упразднена.

⁴¹ Китайско-восточная железная дорога (КВЖД) была построена в Маньчжурии (Сев.-Вост. Китай) Россией в 1897—1903 гг. С 1924 г. находилась в совместном советско-китайском управлении. В 1928 г. в ходе гражданской войны свою власть в Китае утвердило враждебное коммунистам правительство партии гоминьдан во главе с Чан-Кайши. Отношения между двумя странами обострились. Летом 1929 г. китайцы, применив вооруженную силу, захватили КВЖД и вторглись в пределы СССР. Однако осенью того же года советские войска под командованием Блюхера разгромили китайские части и вошли на территорию Маньчжурии. Правительство Чан-Кайши вы-

нуждено было пойти на переговоры. В декабре 1929 г. СССР и Китай подписали протокол о восстановлении прежнего режима КВЖД.

⁴² Имеются в виду известные события января 1923 г., когда войска Франции и Бельгии оккупировали Рурскую область в ответ на отказ Германии выплачивать репарации в соответствии с Версальским договором 1919 г. Это предельно обострило обстановку, и к осени 1923 г. страна находилась на грани революционного взрыва. Началось руководимое коммунистами вооруженное выступление рабочих в Гамбурге, которое с трудом удалось подавить.

⁴³ *Радек* Карл Бернгардович (1885—1939) — видный деятель международного социал-демократического движения, бывший член СДПГ. С 1917 г. в партии большевиков, занимал многие ответственные посты в Советской России. Впоследствии репрессирован.

⁴⁴ А. Стамболийский — основатель и лидер самой массовой в Болгарии партии Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). В 1920 г. БЗНС победил на всеобщих выборах, и Стамболийский возглавил правительство Болгарии.

⁴⁵ В Грузии с февраля 1918 г. у власти находилось меньшевистское правительство, подавлявшее все попытки коммунистов взять власть в свои руки. Однако в феврале 1921 г. коммунистам удалось организовать вооруженные выступления. Для руководства ими был создан особый орган — Ревком, который провозгласил Грузию советской республикой и обратился за помощью к Советскому правительству. В ответ на это части Красной Армии захватили Тифлис и свергли прежнее правительство.

⁴⁶ Гоминьдан — национально-буржуазная партия Китая (в переводе с китайского *гоминьдан* — национальная партия), возникшая в 1912 г. Лидером ее стал известный китайский национальный демократ Сунь-Ятсен, который после 1917 г. стал симпатизировать советским коммунистам и принимать от них любую помощь. В 1924 г. состоялся I съезд гоминьдана, на котором было решено допустить в его руководящие органы представителей компартии Китая. Так коммунисты реализовали идею единого фронта.

⁴⁷ После смерти в 1925 г. Сунь-Ятсена в гоминьдане стало усиливать свои позиции правое, антикоммунистическое крыло. И

в 1927 г., с захватом власти в Восточном и Южном Китае Чан-Кайши, гоминьдан окончательно перешел на антикоммунистические позиции, обрушив на коммунистов репрессии.

⁴⁸ *Чжан-Сюэлян* — глава правительства Северо-Восточного Китая, в 1928 г. признавший власть Чан-Кайши.

⁴⁹ Так называлась Индонезия, являвшаяся колонией Голландии.

⁵⁰ Неясно, о каких событиях идет речь.

⁵¹ «*oderint dum metuant*» (лат.) — «пусть ненавидят, лишь бы боялись». Фраза, принадлежащая римскому императору Калигуле.

⁵² *capitis deminutio maxima* (лат.) — полное ограничение правоспособности.

⁵³ *Этатизм* (от фр. *état* — государство) — здесь: огосударствление различных областей жизни.

⁵⁴ *primum movens* (лат.) — первая движущая сила.

⁵⁵ *solum movens* (лат.) — единственно движущая сила.

⁵⁶ *Ломов* (Оппоков) Георгий Ипполитович (1888—1938) — член партии большевиков с 1903 г. В советское время зампред ВСНХ. Репрессирован.

⁵⁷ *Непотизм* (лат.) — служебное покровительство родственникам и своим людям, кумовство.

⁵⁸ В этом месте идет примечание редакции: «Автор этой научной статьи г-н А. Демидов прожил 10 лет в Советской России и в настоящий момент находится за границей. Он много лет провел на Кавказе и в Средней Азии и владеет целым рядом восточных языков. Он хороший знаток национального вопроса в России и хозяйственного положения в Советском Союзе. В остальном статья г-на Демидова говорит сама за себя.

Редакция»

⁵⁹ Речь здесь идет о казахах. Казаки — это самоназвание народа. Раньше их называли киргизами, киргиз-казаками, киргиз-кайсаками. С современными киргизами не имеют ничего общего.

⁶⁰ Так в книге. Авторство этой статьи не установлено.

⁶¹ *Дефетизм* (от англ. defeat — поражение) — позиция, отстаивающая лозунг поражения своего правительства в войне.

⁶² *Фокс* Чарльз Джеймс (1749—1806) — лидер радикального крыла вигов в Великобритании. Неоднократно входил в правительство. Осуждал войны против североамериканских колоний и революционной Франции.

⁶³ *Тухачевский* Михаил Николаевич (1893—1937) — Маршал Советского Союза, член партии с 1918 г. В гражданскую войну командовал рядом армий, подавил тамбовское восстание крестьян. С 1931 г. заместитель председателя РВС СССР. С 1934 г. заместитель, а с 1936 г. первый заместитель наркома обороны. Репрессирован и расстрелян.

⁶⁴ *Пилсудский* Юзеф (1867—1935) — польский политический и государственный деятель. После провозглашения независимости Польши в 1918 г. и ее официального выхода из состава России был избран правителем («начальником») страны и занимал этот пост до 1922 г. Проводил жесткую антикоммунистическую и антисоветскую политику. Во время польско-советской войны 1920 г. руководил польской армией, нанесшей поражение советским войскам под Варшавой. В 1926 г. совершил переворот, установил в стране военный («санационный») режим и оставался вплоть до своей смерти фактическим диктатором Польши.

⁶⁵ Современная историческая наука датирует гражданскую войну 1918—1922 гг.

⁶⁶ Имеется в виду *Каменев* Сергей Сергеевич (1881—1936) — советский военачальник. Не путать его с Каменевым (Розенфельдом) Львом Борисовичем — советским партийным, политическим и государственным деятелем.

⁶⁷ Имеется в виду конфликт на КВЖД в 1929 г.

⁶⁸ Современная историческая наука считает, что крепостное право в России окончательно оформилось Судебником 1649 г. при царе Алексее Михайловиче.

⁶⁹ *Парцельный, парцеллярный* — раздробленный на мелкие участки (*парцеллы*); *парцеллярное хозяйство* — одна из форм раздробленного мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, ведущегося с помощью примитивных орудий. Парцеллярное хозяйство постепенно вытесняется крупной земельной собственностью и возрождается вновь за счет раздробления средних крестьянских хозяйств. В СССР, где была отменена частная собственность на землю и было создано социалистическое, самое крупное в мире сельское хозяйство, парцеллярное землевладение было ликвидировано. Стоит отметить, что эффективность крупного или мелкого землевладения зависит от *меры* такого укрупнения или измельчения, что подтверждает, например, история укрупнения латифундий в средневековой Англии, когда первоначальный процесс укрупнения

принес желаемые результаты, а дальнейшее укрупнение привело к ухудшению сельского хозяйства; хорошо известна и неэффективность колхозов и совхозов в советском сельском хозяйстве.

⁷⁰ *Апанаж (фр.)* — здесь: дворцовые земли, предназначенные для содержания некоронованных особ царской семьи.

⁷¹ Речь идет о событиях библейской истории. Иосиф (2256 — 2146 до н. э.) — старший из сыновей патриарха Якова и его жены Рахили. Ненавидевшие Иосифа братья продали его в рабство, и он оказался в Египте при дворе фараона. Однажды фараону приснился сон о семи тучных и о семи тощих коровах, о семи полных и семи тощих колосьях, и Иосиф истолковал его в том смысле, что Египет после благополучных лет ожидает бедствие. Фараон, осознав, что устами Иосифа говорит Дух Божий, сделал его своим главным правителем. На протяжении семи лет в стране собирали обильные урожаи, по приказу Иосифа часть складывали в закрома. Затем последовали семь лет жесточайшей засухи, и закрома открыли для нуждающихся. Так благодаря провидческому дару и мудрости Иосифа Египет избежал голода.

⁷² *animus sibi habendi (лат.)* — букв. душа владения (т. е. желание владеть собственностью).

⁷³ *corpus habendum (лат.)* — букв. тело (плоть) владения.

Утвердившийся со времен Рима юридический термин «владение» включает в себя два аспекта: тело владения (*corpus habendum*) и душу владения (*animus habendum*). Тело владения — это то, чем человек фактически владеет, т. е. вещи — участок земли, дом и т. д. Душа владения — это внутреннее волевое побуждение, желание владеть вещью, иметь ее в своей собственности. Подлинное владение происходит только при наличии этих двух аспектов, а не одного из них.

Юридическая наука различает понятия «владение» и «собственность» — без первого не может быть второго. Владение есть факт, а не право. При правильном владении различают «*res habilis*» — «вещь держания», «*titulos*» — «право основания», или на каком основании вещь приобретена и «*fides*» — «честность приобретения» (см. коммент. № 6—10 к т. 7 наст. Собр. соч.).

Таким образом, понятие «владение» имеет широкий и узкий смысл. В широком смысле — это всякое вообще фактическое господство (обладание) над вещью, в узком — только такое фактическое господство (обладание), которое подкреп-

лено особым направлением воли владельца, исходящим из души желанием владеть (*animus dimitti, res sibi habendi*).

В связи со сказанным выше уместно указать также на различие понятий «национализация», «экспроприация», «отчуждение», «реквизиция», «конфискация» (означающих в общем смысле «пресечение владения»), часто встречающихся в ильинских текстах. Национализация — это «революционное обращение государством без выкупа в собственность земель, фабрик, заводов, железных дорог, банков и т. д., принадлежащих законным владельцам». Экспроприация — «принудительное отнятие имущества государственной властью». Отчуждение — «всякая утрата собственности» (например, путем продажи). Реквизиция — «принудительное отчуждение за плату или временное изъятие государством имущества, принадлежащего частным лицам, а также кооперативам и другим общественным организациям» (обычно при этом выдается расписка). Конфискация — «принудительное и безвозмездное отчуждение в пользу государства всего или части имущества, принадлежащего частному лицу, в порядке наказания за преступление».

⁷⁴ *Критский* Михаил Александрович (? — 1969) — русский военный публицист, эмигрант, автор работ «Красная Армия на Южном фронте в 1918—1920 гг.» («Архив Русской Революции», Берлин, 1926, № 18), «Истоки добровольчества и его сущность» («Возрождение», Париж, 1968, № 193—197, 200—204, 206) и совместной с Н. Виноградовым статьи «Взрыв в ОГПУ 6 июля 1928 года. Памяти двух зарубежных добровольцев — Георгия Радкевича и Дмитрия Мономахова» («Возрождение», Париж, 1957, № 71).

⁷⁵ Речь о деревне, населенной меннонитами, — последователями религиозного течения в протестантизме, зародившегося в 30-е годы XVI в. в Нидерландах и со временем распространившегося в Германии, США, Канаде и др. странах. Свое название получили по имени основателя этого течения — нидерландского священника Менно Симонса

⁷⁶ *Гефдинг* (Геффдинг) Владимир Федорович (1887—1959) — русский экономист, публицист, ученик П. Б. Струве по Политехническому институту. В эмиграции — сотрудник периодических печатных изданий Струве. Автор издававшегося И. А. Ильиным в Берлине журнала «Русский Колокол».

⁷⁷ *ultima ratio* (лат.) — последний, решительный довод.

⁷⁸ *Мелких* Александр Михайлович (1881—?) — русский экономист. С 1907 г. ассистент Московского университета, сначала изучал угольную промышленность Донбасса, затем в 1910—1911 гг. индустриализацию Сибири. В 1912—1917 гг. преподавал в ряде высших учебных заведений Москвы. С 1923 г. доцент Русского научного института в Берлине, автор издававшегося И. А. Ильиным в Берлине «Русского Колокола». Ему принадлежит статья в этом журнале «О качестве русского довоенного производства» (№ 5. — 1928. — С. 63—70).

⁷⁹ *Квиелизм* (от *лат.* *quies* — покой) — религиозно-этическое учение, проповедующее мистически-созерцательное отношение к миру, пассивность, спокойствие души, полное подчинение Божественной Воле. Здесь: пассивность, безынициативность.

⁸⁰ *Кун* Бела (1886—1938) — интернационалист-революционер, венгерский и советский партийный деятель. С 1916 г. член РСДРП(б). Участвовал в подавлении лево-эсеровского мятежа 1918 г., в 1920 г. руководил расстрелами белых офицеров в Крыму. Сам репрессирован и расстрелян в годы чистки.

⁸¹ *cura posterior* (*лат.*) — забота будущего, дело будущего.

⁸² *urbi et orbi* (*лат.*) — букв. «городу и миру»; ко всеобщему сведению.

СОДЕРЖАНИЕ

В. фон Врангель. НАПУТСТВИЕ.....	7
И. А. Ильин. ВСТУПЛЕНИЕ.....	8

Часть I. ОСНОВЫ

И. А. Ильин. ЦЕЛИ И НАДЕЖДЫ.....	15
И. А. Ильин. МЕТОДЫ РАБОТЫ.....	39
А. фон Бунге. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ.....	62
Н. Тимашев. ОРГАНИЗАЦИЯ ДИКТАТУРЫ.....	77
С. фон Ольденбург. ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.....	97
И. А. Ильин. СИСТЕМА ТЕРРОРА.....	114
И. А. Ильин. КОММУНИЗМ КАК ГОСПОДСТВО ЧИНОВНИКОВ.....	138
А. П. Демидов. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	167
XXX. ВОЕННОЕ ДЕЛО В СССР.....	192

Часть II. ХОЗЯЙСТВО

И. А. Ильин. СУДЬБА РУССКИХ КРЕСТЬЯН.....	213
М. Критский ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КЛАССА КРЕСТЬЯН.....	256
А. фон Бунге. НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ В РОССИИ.....	313
В. Гефдинг. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ, ВАЛЮТА И КРЕДИТ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	327
А. Мелких. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	344
В. Гефдинг. ПОДЪЕМ И КОНЕЦ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ.....	377
В. Гефдинг. МОНОПОЛИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	393
В. Гефдинг. ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН И УСЛОВИЯ ЕГО ВЫПОЛНЕНИЯ.....	418
И. А. Ильин. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ.....	434
В. Гефдинг. ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	468
А. Мелких. ИНОСТРАННЫЕ КОНЦЕССИИ.....	485

КОММЕНТАРИИ.....	507
------------------	-----

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

Собрание сочинений

**Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и
культура в коммунистическом государстве
Часть I и II**

**Редактор В. Н. Шмельков
Художественный редактор Е. В. Поляков
Технический редактор И. И. Павлова
Корректор Н. Д. Бучарова
Компьютерный набор и верстка О. В. Лисица**

**Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 010058 от 23. X. 1996 г.**

Подписано в печать с оригинала-макета 06.06.2001.

Формат 84×108/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Бумага типографская. На вкл. – офсетн. Усл. печ. л. 27,83 (в т. ч. вкл. 0,11).

Уч.-изд. л. 28,01 (в т. ч. вкл. 0,03). Тираж 3000 экз.

С – 15. Изд. инд. НА – 80. Заказ № 1880.

**Набор и верстка выполнены в издательстве «Русская книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38**

**Отпечатано в Государственном
издательско-полиграфическом предприятии «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122**